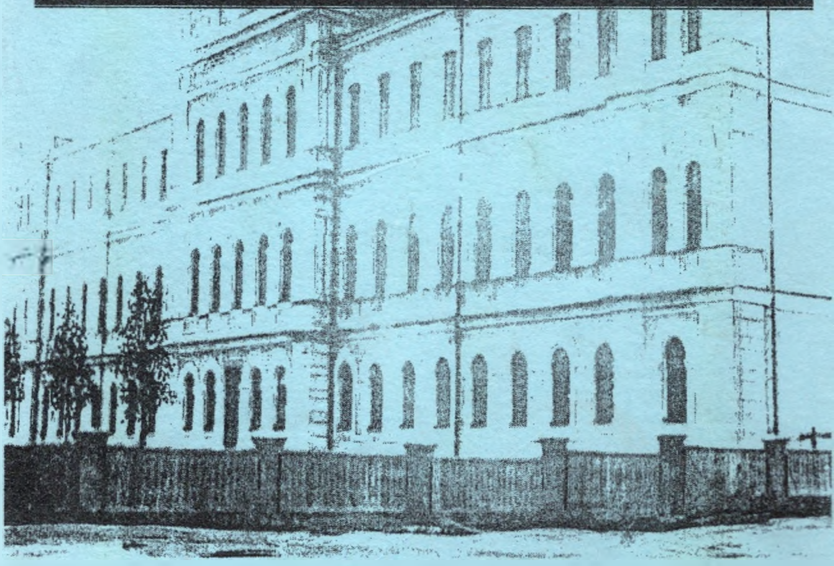
Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
100 лет
ВГУ 1910 - 2010

АДУКАЦЫЯ НА ВІЦЕБШЧЫНЕ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ



Віцебск 2010

А Д У К А Ц Ы Я
НА ВІЦЕБШЧЫНЕ:
ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі

Віцебск, 30–31 сакавіка 2010 г.

2010

УДК 371(476)(063)+378.1(476)(063)
ББК 74.04 (4Беи-4Вит)я431+74.584(4Беи-4Вит)я431
А32

Рэдакцыйная калегія:
В.У. Акуневіч (*адказны рэдактар*)
Г.П. Арлова, А.У. Русецкі, І.У. Мандрык,
А.М. Дулаў, М.М. Пархімовіч, Р.У. Цімафееў,
Г.М. Якаўлева, А.А. Гаравая, Дз.В. Юрчак

Р э ц э н з е н т:
дырэктар Віцебскага філіяла УА ФПБ "МІПСА", доктар гістарычных навук,
прафесар *В.А. Космач*

Матэрыялы канферэнцыі друкуюцца ў аўтарскай рэдакцыі

У зборніку змешчаны навуковыя артыкулы, прысвечаныя пытанням развіцця адукацыі на Віцебшчыне ад сярэднявечча да сучаснасці.

Зборнік можа быць карысны навукоўцам, выкладчыкам, студэнтам і ўсім, хто цікавіцца гісторыяй адукацыі.

УДК 371(476)(063)+378.1(476)(063)
ББК 74.04(4Беи-4Вит)я431+74.584(4Беи-4Вит)я431

© УА "ВДУ імя П.М. Машэрава", 2010

З М Е С Т

Солодков А.П., Акуневич В.В. Витебский государственный университет: вехи истории ………………………………………………………….. 5
Щурок И.А. Состояние, проблемы и тенденции развития системы образования Витебщины на рубеже XX–XXI вв. ……………………………… 15
Марчик Т.П. Иезуитские коллегиумы на Витебщине …………………….. 20
Яршоў І.А. Куцеінскі "Буквар" Спірыдона Собаля …………………….... 23
Орлова А.П., Зинькова Н.К. Гимназическое образование в Витебске (XIX – начало XX ст.) ……………………………………………………… 26
Сімакова І.М. Вучэбныя калекцыі Віцебскай гімназіі ………………….... 30
Шухлеў К.В. Полацкія навучальныя ўстановы ў пачатку XIX ст. Перадумовы адкрыцця ў Полацку вышэйшых навучальных устаноў ……......... 33
Игнатовец Л.М. Образование белорусского учебного округа: предпосылки и проекты ……………………………………………………………….. 40
Косарева С.Г. Развитие системы образования в Витебске во второй половине XIX – начале XX века ………………………………………………… 45
Ершова О.И. Тенденции развития начального народного образования в Витебской губернии в 1860-х гг. ………………………………………… 49
Таранович К.Ю. Условия труда народных учителей Беларуси во второй половине XIX века ………………………………………………………... 55
Помалейко О.Л. Гендерный анализ педагогического состава школ Витебской губернии в начале XX в. …………………………………………….. 60
Салаўёва Н.В. Якуб Колас і Віцебшчына: "першы беларускі вучыцель першай беларускай школы" ……………………………………………….... 65
Зыбина А.С. У истоков высшего педагогического образования на Витебщине: Клавдий Иванович Тихомиров ………………………………… 69
Акуневич О.И. Витебский учительский институт в годы Первой мировой войны …………………………………………………………………… 74
Ершова Л.В. Оршанская учительская семинария в 1911–1917 годах …. 77
Горидовец В.В. История Витебской духовной семинарии ……………… 79
Давидовская О.Н. История Полоцкого женского училища духовного ведомства в фотографиях и документах ВОКМ …………………………….. 86
Моторова Л.А. Развитие Витебского педагогического института (1918–1924 гг.) 90
Дианова Т.Б. Из истории ветеринарного образования на Витебщине …. 94
Трубчык А.Г. Становішча настаўніцтва савецкіх працоўных школ на тэрыторыі Беларусі ў 1919–1920 гг. ……………………………………….. 98
Яковлева Г.Н. Советская школа 1920-х гг.: традиции и новации ……… 103
Лисов А.Г., Трусова Е.Г. Об инициативе создания Витебской народной консерватории ……………………………………………………………. 108
Марчик Т.П. Формирование аппарата народного образования на территории Витебской губернии в первые годы Советской власти ……………… 112
Баталко Т.И., Акулинский П.В. Становление белорусской национальной школы в 20-е годы XX века ……………………………………………… 115
Дзядзінкін А.Л. Нацыянальная палітыка Савецкай улады ў галіне адукацыі ў 1917–1939 гг. (на прыкладзе Віцебшчыны) …………………… 119
Сухоцкая С.Ю. Образование на Витебщине в 1920-х годах: национальный аспект ……………………………………………………………………… 124
Шишанов В.А. Материалы Государственного архива Витебской области о школе в усадьбе «Здравнево» ……………………………………… 128
Пархімовіч М.М. Віцебскі рабочы факультэт: на пачатку шляху ……… 132

Плытник Е.Г. Профессиональная подготовка сотрудников Витебской губернской милиции в 1920-е гг. ... 137
Карпекін К.Р. Антыхедэрныя кампаніі 1920-х гг. як элемент працэсу станаўлення сістэмы савецкай адукацыі (паводле матэрыялаў Віцебшчыны) .. 140
Герасімчык В.У. Жаночая семінарыя імя М. Дароўскай у Слоніме (1919–1936 гг.) ... 144
Бахір Ю.М., Цімафееў Р.У. Дзісненская гімназія (1921–1939 гг.) і яе часопіс "Наш голас" ... 147
Сендзер С.А. Беларускамоўныя падручнікі ў палітыцы польскіх уладаў (1919–1939 гг.) ... 150
Бездзель В.Я. Змест і формы навучання дзяцей у партызанскіх атрадах (1941–1944 гг.) ... 155
Марцынкевіч І.А. Арганізацыя працаўладкавання і працоўнага навучання інвалідаў і ўдзельнікаў вайны (1942–1945 гг.) ... 159
Новак Г.Г. Педагоги Витебска – Герои Советского Союза ... 162
Дулаў А.М., Юрчак Дз.В. Асобы ў часе: загадчыкі кафедры гісторыі СССР ВДПІ імя С.М. Кірава ў 1944–1955 гг. ... 166
Гаравая А.А. Станаўленне і развіццё сістэмы вышэйшай філалагічнай адукацыі ў БССР (1944–1961 гг.) ... 171
Качан Г.А. Высшее педагогическое образование на Витебщине (1944–1961 гг.) 176
Юргевіч Н.К. Аднаўленне і развіццё адукацыі на Віцебшчыне ў другой палове 1940-х – пачатку 1950-х гг. ... 181
Касатая Т.У. Камуністычная ідэалогія і рэлігійнае выхаванне ў другой палове 1940-х – 1960-я гг. (на прыкладзе дзейнасці евангельскіх хрысціянбаптыстаў у Віцебскай вобласці) ... 186
Мандрык І.У. Стварэнне недзяржаўных ВНУ ў 90-х гг. ХХ ст.: станоўчыя рысы і праблемы ... 189
Русецкий А.В. 15 лет по университетскому пути: поиск, находки, проблемы 195
Карнялюк К.С. Феномен "школа І.Я. Рэпіна" і мастацкая адукацыя Віцебшчыны ... 199
Дорофеева И.А. Музей истории учреждения образования «Витебский государственный технологический университет» ... 204
Шавлинская О. Н., Любченко О.А. Библиотеки Витебска в системе непрерывного образования ... 208
Михайлова О.П., Сотниченко С.А., Шматков И.И. К вопросу об использовании ресурсов Интернета в работе преподавателя вуза ... 212
Кунтыш М.Ф. О «внедрении» в учебный процесс школы и вуза современных направлений научных исследований ... 215
Загорулько Р.В., Королев М.Г. Курсы по выбору духовно-нравственной направленности как путь формирования ценностного отношения школьников к христианским традициям ... 220
Лукина Л.В., Лукин О.А. Традиции и становление высшего профессионального образования ... 225
Русецкий Ю.А. Дополнительное профессиональное образование в учебно-инновационной политике УО «ВГУ им. П.М. Машерова» ... 229
Півавар М.В. Педагог, краязнаўца, грамадзянін Вітольд Ермалёнак ... 232
Соловьянов А.П. Профессионально-техническое образование на Витебщине (1991–2005 гг.) ... 238
Подлипский А.М. Замечательный педагог К.И. Тихомиров ... 243
Подлипский А.М. К вопросу об открытии в Витебске университета ... 248
Звесткі пра аўтараў ... 252

Солодков А.П., Акуневич В.В.

ВИТЕБСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: ВЕХИ ИСТОРИИ

В 2010 г. исполняется 100 лет со дня основания Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. Свое начало он берет с образования первого на территории Беларуси учительского института. В процессе дальнейшего развития и многочисленных преобразований институт вырос в Витебский государственный университет имени П.М. Машерова.

Общественность Витебска и губернии неоднократно предпринимала попытки к открытию высшего учебного заведения университетского типа, так как после закрытия в 1832 г. Виленского университета молодежь белорусских губерний вынуждена была продолжать образование в таких университетских городах как Киев, Москва, С.-Петербург, после чего она зачастую не возвращалась на Родину. В своих попытках создания университета г. Витебск не был одинок. Из городов Северо-Западного края, кроме Вильно, наиболее активными претендентами выступали Минск и Могилев. Однако Министерство народного просвещения отказывало белорусским городам в ходатайствах, ссылаясь на отсутствие средств. Представители витебской интеллигенции, органов городского самоуправления, финансовых кругов и общественных организаций проявили в этой борьбе наибольшую настойчивость и упорство. Результатом их усилий стало открытие учительского института [1].

Витебский учительский институт. 13 мая 1910 г. Министр народного просвещения издал приказ № 14202 об открытии с 1 июля 1910 учительского института в г. Витебске «с городским при нём училищем» по подготовке учителей для высших начальных училищ.

21 ноября 1910 г. состоялось торжественное открытие, первого в Беларуси, Витебского учительского института [2]. В процессе дальнейшего развития и многочисленных преобразований институт вырос в Витебский государственный университет им. П.М. Машерова. Его открытие стало результатом активной деятельности на протяжении второй половины XIX – начала XX в. общественности Витебской губернии и Беларуси по созданию университета.

Первым директором института являлся К.И. Тихомиров (1910–1921), выпускник исторического отделения Санкт-Петербургской духовной Академии, прогрессивный педагог, историк-краевед, известный общественный деятель, внесший значительный вклад в развитие педагогического образования в Беларуси.

15 октября 1910 г. Витебский учительский институт начал свою работу в двухэтажном здании бывших казарм Ленкоранско-Нашебургского полка по Гоголевской улице (сейчас – ул. Ленина). В нем, в течение трех лет, обучались православные юноши всех сословий, окончившие учительскую семинарию и имевшие стаж не менее двух лет. Обучение проходило в хорошо оборудованных аудиториях, по учебному плану и программам, утвержденным Министерством народного просвещения. Занятия проводились по самым передовым для того времени методикам, а теоретические знания закреплялись на практике в городском училище, которое работало при институте. Большую помощь будущим учителям оказывали фундаментальная и ученическая библиотеки, которые насчитывали к 1913 г. до 3 тыс. книг. Женщины в институт не принимались, однако согласно правилам, утвержденным Министром народного просвещения в 1913 г., закончив 7 классов гимназии или епархиального училища, они могли быть допущены к сдаче экзаменов при институте на звание учительницы высшего начального училища.

В 1913 г. состоялся первый выпуск воспитанников, которые стали учителями высших начальных училищ в городах и местечках Витебской губернии. Всего же, за 1913 – 1918 гг. институт произвел 6 выпусков 200 педагогов, многие из которых, как и их учителя, были призваны в действующую армию и оказались на фронтах Первой мировой и гражданской войн.

Витебский педагогический институт. Новая страница истории института открылась после Октябрьской революции 1917 г. В мае 1918 г. в Москве состоялось совещание представителей учительских институтов. Совещание констатировало, что подготовка учителей в стране находится в крайне неудовлетворительном состоянии, и приняло решение: “Реформировать учительские институты в высшие учебные заведения в целях подготовки инструкторов и учителей II и III ступени соответствующих школ” [3]. На основании этого решения учительские институты преобразовывались в педагогические.

27 ноября 1918 г. в официальном письме Народного Комиссариата просвещения РСФСР № 1340 сообщалось: “Отдел подготовки учителей настоящим сообщает, что Витебский учительский институт реформируется с 1 октября 1918 г. в высшее заведение, с наименованием “Витебский педагогический институт” [4].

19 ноября 1918 г. Наркомпрос утвердил "Устав педагогического института и опытной при нем школы". Устав определял пединституты как вузы с четырехлетним сроком обучения, разрешал в педсовет института включать представителей студенческой общественности. Директор института избирался. Первым директором института был избран бывший ранее директором учительского института К.И. Тихомиров.

Согласно уставу в течение трех лет предусматривалось “теоретическое и практическое” изучение специальных педагогических и научных дисциплин, а четвертый год преимущественно предназначался для проведения педагогической практики в школах. Обучение студентов проходило на семи отдельных специальных циклах: физико-математическом, математико-физическом, биологическом, физико-химическом, географическом, литературно-художественном и социально-историческом. В 1918 г. было принято 210 человек, из них 40% женщин. Все студенты освобождались от платы за обучение. Стипендии устанавливались Советом института по согласованию с ГубОНО и распределялись комиссией, составленной из преподавателей и студентов. Преподавателями реорганизованного института стали педагоги бывшего учительского института и вновь присланные наркомом народного образования, а также значительное количество приглашенных из московских и петроградских вузов проводить преподавание по совместительству. К на началу первого учебного года в качестве вуза преподавательский состав насчитывал уже 22 человека, вместо 10 преподавателей в бывшем учительском институте. Таким образом, Витебский педагогический институт стал первым высшим учебным заведением послеоктябрьского периода и первым высшим педагогическим учреждением Беларуси.

В начале своей деятельности институт часто реформировался: шли поиски новых форм, путей, методов подготовки квалифицированных педагогов.

В октябре 1919 г. Витебский педагогический институт, как все пединституты РСФСР, был преобразован в институт народного образования – ИНО. В ИНО срок обучения оставался прежним – четырехлетним. Были внесены значительные изменения в учебный план, суть которых сводилась к повышению уровня знаний циклов общественных и педагогических наук, к расширению общего культурного уровня студентов.

В мае 1921 г. Витебский институт народного образования подвергся новой реформе. Он был переименован в Витебский практический институт народного образования и переведен на новый устав – устав “ПИНО”. По этому уставу изменялась система руководства институтом, срок обучения сокращался на один год, вводилась система факультетов, руководимых деканами. На должность ректора был назначен председатель Совета института П.И. Ильинский (филолог), а на должность проректора – Н.И. Макаревский (математик-астроном). Совет института сохранился, но утратил “законодательную” власть и выполнял функции коллегиального совещательного органа; бывший президиум совета, как его исполнительный орган, прекратил свое существование. В этом же году институту было передано лучшее здание в центре города – бывшая гимназия по Пушкинской улице.

Весной 1923 г. Витебский практический институт народного образования был снова реорганизован и получил название Высшего педагогического института с четырёхлетним сроком обучения. Он имел три отделения – биолого-географическое, физико-математическое и социально-историческое.

Витебский педагогический институт, за первые шесть лет своего существования в ранге высшего учебного заведения, несмотря на частые реорганизации, сформировался как крупное высокопрофессиональное учреждение, готовившее кадры учителей высшей квалификации для школ, техникумов. Институт имел свою библиотеку, насчитывающую 30 тыс. экземпляров книг, свою собственную электростанцию, слесарную, токарную мастерские, три кузницы, переплетно-картонажную мастерскую и литографию. В мастерских студенты проводили практические занятия, разнообразные эксперименты, кроме того, создавали продукцию, реализуя которую, приносили институту ежемесячно до 2 тыс. руб. дохода.

Институт был хорошо по тому времени укомплектован квалифицированными кадрами педагогов: здесь работали 12 человек, имевших звание профессора, 13 – с ученой степенью магистра или доктора университетов России, 7 человек помимо высшего научного образования имели еще специальное педагогическое. Курс «Белорусоведение» в 1919 – 1924 гг. читал известный историк-краевед, профессор А.П. Сапунов, преподавательской деятельностью в 1920 – 1923 гг. занимался русский литературовед с мировым именем М.М. Бахтин.

В марте 1924 г. в результате «укрупнения» БССР Витебская губерния была включена в состав Белорусской Советской Республики, что привело к новым реорганизациям пединститута.

19 апреля 1924 г. Наркомпроса БССР в целях экономии средств принял постановление о консервации на некоторое время института и переводе с нового учебного года преподавателей и студентов в Белгосуниверситет.

Введение в СССР в 1930 г. всеобщего начального образования потребовало значительного увеличения кадров учителей. С осени 1924 г. на учебной и материальной базе бывшего пединститута по Пушкинской улице начал работать педагогический техникум с приданной ему базовой школой, а на углу улиц Володарского и Ветреной работал педагогический рабочий факультет.

В 1930 г. НКП БССР принял постановление об организации на старой материальной вузовской базе Витебского индустриально-педагогического института с двухлетним сроком обучения, в задачу которого входила практическая подготовка преподавателей для индустриальной городской средней школы. Работали два факультета: физико-тэхнический и химико-технологический. В 1932 г. срок обучения был

удлинен до трех лет, а с 1933 г. институт перестал называться “индустриальным”, перешел на Устав государственного педагогического института с четырехлетним обучением, имея в своем составе три факультета: физико-математический, естественный и исторический.

В 1935 г. при пединституте открылся учительский институт (работал до 1953 г.) для подготовки учителей 5 – 7-классов средней школы, сначала в составе одного отделения - исторического, которое в 1937 г. было реорганизовано в историко-филологическое, и было создано еще два отделения – физико-математическое и естественно-географическое. Оба института (педагогический и учительский) находились под руководством одного директора, в обоих работали одни и те же преподаватели, размещался институт в двух смежных зданиях: пединститут – по улице Пушкинской, а учительский – рядом с ним, по набережной реки Витьба.

Уже к началу 1930-31 учебного года была восстановлена, частично расширена и укреплена учебно-материальная база возобновившего работу института. В целом к началу занятий был укомплектован штат педагогов института, который увеличивался с каждым годом в связи с ростом количества студентов.

21 декабря 1934 г. Постановлением Президиума ЦИК БССР институту было присвоено звание имени Сергея Мироновича Кирова.

За 11 лет (с 1930 по 1941 гг.) Витебский пединститут дал школе 1362 педагога с высшим образование: математиков, биологов, химиков, историков, географов. Кроме того, институт занимался подготовкой учителей для старших классов средней и неполной средней школы на различных (трёх-шестимесячных, одногодичных) курсах. С 1934 по 1940 год через курсовую систему было подготовлено более 1200 учителей.

В институте сложился квалифицированный состав преподавателей, способный обеспечить высокий уровень преподавания и вести научно-исследовательскую работу. Так, например, здесь работали такие видные учёные, как профессор Никонов Леонид Николаевич – заслуженный деятель науки БССР, белорусский ботаник (в 1934-41гг. – заведующий кафедрой), доктор биологических наук, заслуженный деятель науки БССР Курбатов Игорь Михайлович (в 1939-41гг. возглавлял кафедру органической и биологической химии). В довоенный период преподавателями института были подготовлены и изданы три сборника научных работ и 20 методических сборников “В помощь учителю”.

Великая Отечественная война, временная оккупация территории Беларуси приостановили работу института. В первые дни войны студенты и преподаватели ускоренно заканчивали учебную работу, получали соответствующие документы и отправлялись на фронт, ополчение, строительство оборонительных сооружений. В главном корпусе института развернулся военно-полевой госпиталь, начальником кото-

рого был назначен директор института А.И. Коляда. За 2 дня до оккупации города Витебский пединститут с небольшим количеством самого ценного оборудования, учебных пособий, с несколькими десятками студентов и научных работников был эвакуирован в Челябинскую область. Возобновить работу института в тылу из-за отсутствия учебно-материальной базы и средств не удалось. Некоторые преподаватели, такие как профессор Л.И. Никонов, доценты А.Е. Турецкий, М.В.Фридман, О.Д.Акимова были привлечены к педагогический деятельности в возобновившем работу на станции Сходня под Москвой Белгосуниверситете им. В.И. Ленина.

Большинство преподавателей и студентов сражались с фашистами в Красной Армии, партизанских отрядах и подполье. Известна судьба более 200 из них, сражавшихся с фашизмом. Три выпускника института – П.М. Машеров, К.А. Абазовский, М.А. Высогорец за мужество и героизм, проявленные в борьбе с фашизмом, были удостоены звания Героя Советского Союза.

После освобождения Витебска от немецко-фашистских захватчиков институт возобновил свою работу 2 октября 1944 г. в составе тех факультетов, которые были до войны. Помещения учебного корпуса и общежития были сожжены и разрушены бомбардировками, вся мебель, оборудование и библиотека уничтожены.

В январе 1945 г. в институте вместе с заочниками занималось 422 студента. Педагогическую работу вели 24 научных работника, из них 3 имели кандидатскую степень, 2 – ученое звание доцента без степени, 4 старших преподавателя и 12 учителей школ, принятых на работу в институт. Занятия проводились в восстанавливаемом здании студенческого общежития. В аудиториях не хватало мебели, не было электрического света и даже обычных керосиновых ламп. Учебные помещения и комнаты слабо отапливались. В течение всего учебного года и студенты, и преподаватели вынуждены были, кроме учебной работы, заниматься всеми видами хозяйственных работ, чтобы создать элементарные условия для учебных занятий.

В 1949 г. был восстановлен второй корпус студенческого общежития, а к концу 1950 г. – учебный корпус. Были открыты учебные кабинеты и лаборатории, которые из года в год пополнялись учебным оборудованием, приборами, мебелью, библиотека систематически пополнялась книгами. В 1949 г. при институте был создан учебно-опытный участок для проведения практической и опытнической работы по ботанике, физиологии растений, зоологии.

В 1951-58 гг. продолжалось дальнейшее улучшение учебно-производственной базы. Институту был передан ботанический сад, вскоре преобразованный им в агробиологическую станцию (1954 г.); в Великих Летцах создана база для проведения полевой практики; книж-

ный фонд библиотеки увеличился почти в 2 раза по сравнению с 1950 г. и достиг 48 тыс. томов. Научно-исследовательская работа приобретала более широкий характер, включая все большее количество научных работников. По результатам научно-исследовательской работы институтом издавались с 1936 г. сборники “Учёных записок”. Активизировалась научно-исследовательская работа студентов. При кафедрах имелись научно-исследовательские кружки, каждый научный работник имел группу студентов, которыми он руководил в их научно-исследовательской работе. Результаты этой работы подводились ежегодно на студенческих конференциях, где студенты выступали с докладами по своим темам. Лучшие работы посылались на Республиканский конкурс.

В середине 1950-х гг. в системе Министерства просвещения СССР и БССР начались многочисленные реорганизации.

В 1953 г. прекратил свою деятельность Витебский учительский институт с двухлетним сроком обучения, который функционировал в качестве временной меры для ускоренной подготовки учителей неполной средней школы.

Приказом Министерства просвещения БССР от 27 июня 1955 г., в соответствии с реорганизацией, основанной на “специализации” регионов республики, исторический факультет был переведен в Могилёвский педагогический институт.

В 1957 г. при институте открыт новый факультет по подготовке учителей для начальной школы.

В 1959 г. на базе ранее существовавшего в Витебске художественно-графического училища (здание по ул. Чехова) был создан художественно-графический факультет. В том же году Витебскому пединституту были переданы два курса физико-математического факультета закрывшегося Полоцкого педагогического института.

В связи с введением в сельских школах сельскохозяйственного обучения в 1960 г. при институте был создан агробиологический факультет. Здесь осуществлялась подготовка учителей для сельских школ по естествознанию и основам сельскохозяйственного производства. В 1966 г. агробиологический факультет был ликвидирован, а обучение студентов стало проводиться по учебному плану биолого-химического факультета.

Продолжала расширяться материальная база: оснащение кафедр учебным оборудованием, приборами лабораторий и мастерских станками. В 1962 г. была построена астрономическая вышка, установлен телескоп и организован планетарий. В 1963 г. было окончено строительство нового общежития на 664 места. Библиотека насчитывала до 200 тыс. книг и журналов.

Количественно контингент студентов увеличился вдвое, ощущалась острая нехватка аудиторий. Поэтому с 1962-63 учебного года

институт перешел на две смены. На факультете общественных профессий, университете повышения квалификации педагогов, занятия в кружках проходили в третью смену. С 8 утра до 12 часов ночи помещение института было заполнено студентами и преподавателями. Потребность в помещениях для учебных целей удовлетворялась путём максимального уплотнения лабораторий и кабинетов, даже занимали часть комнат студенческого общежития. В подобных условиях вопрос о расширении учебных площадей стал одним из определяющих [5].

В 1969 г. началось строительство нового учебного здания по Московскому проспекту, которое было сдано в эксплуатацию в 1974 г.

Не менее трудной была задача укомплектования института научно-педагогическими кадрами. Часть их на работу в институт направляло Министерство высшего образования БССР, другая часть состояла из собственных выпускников, окончивших аспирантуру и защитивших диссертации (В.М. Макаревский, А.Ф. Орещенко, Н.Е. Большаков, В.А. Радкевич, Т.М. Роменко и др.). Если в 1959 г. было 17 кандидатов наук, то в 1972 г. – 61. В 1950 – 1970 –я гг. в институте сложились научные школы и направления, которые возглавляли известные в стране ученые: В.А. Радкевич, доктор биологических наук, профессор; И.Д. Чернышенко, доктор педагогических наук, профессор, В.Н. Виноградов, доктор педагогических наук, профессор.

В 1969 году институт был награжден Почетным Знаменем ЦК КПБ, Президиума Верховного Совета БССР.

В 1974 г. было закончено строительство нового учебного корпуса по Московскому проспекту, куда переселился институт. Возле главного учебного корпуса было построено общежитие для студентов на 700 мест. К своему 60-летию (1978 г.) пединститут располагал 3 учебными корпусами, общежитиями на 2 тыс. мест, 50 аудиториями, 30 кабинетами, 27 лабораториями, 23 мастерскими по рисунку и живописи, библиотекой с 3 большими читальными залами с книжным фондом в 330 тыс. томов, актовым залом на 650 мест, кинозалом, стадионом и т.д.

После переезда в 1974 г. в новое здание на Московском проспекте в институте был создан филологический факультет, из которого в 1992 г. выделился как самостоятельный факультет белорусской филологии и истории, преобразованный в 2001 г. в два факультета: белорусской филологии и культуры, а также исторический. Начало работу подготовительное отделение (ныне факультет довузовской подготовки).

В 1978 г. в институте на базе Витебского техникума физической культуры открыт факультет физической культуры и спорта, в 1988 г. был создан факультет педагогики и методики начального обучения, а в 1991 г. – факультет дошкольного образовании (с 1997 г. факультет социальной педагогики и практической психологии).

С 1998 г. начал работать юридический факультет.

В 1995 г. в Витебском государственном институте обучалось почти 6 тыс. студентов. На 30 кафедрах работало 414 преподавателей (243 из них имели научные степени и звания; 10 являлись членами Союза художников, 2 – Союза писателей).

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова. 5 августа 1995 г. в соответствии с постановлением Коллегии Министерства образования и науки от №11 и на основе приказа министра образования и науки Республики Беларусь от 22 августа 1995 г. №330, Витебский государственный педагогический институт им. С.М. Кирова с 1 сентября 1995 г. был преобразован в Витебский государственный университет. Указом Президента республики Беларусь от 21 января 1998 г. № 45 университету присвоено имя П.М. Машерова. В октябре 1998 г. за особенные достижения в социально-культурном развитии ВГУ им. П.М. Машерова был присужден Почетный Государственный Флаг Республики Беларусь. С ноября 1997 г. ректором университета работал доктор исторических наук, профессор А.В. Русецкий.

С 1995 г. Витебский госуниверситет включился в процесс интеграции высшего и среднего специального образования. В 2004, 2005 гг. структурными подразделениями университет стали Оршанский и Полоцкий колледжи, разрабатываются интегрированные учебные планы, что позволяет объединить усилия профессорско-преподавательского состава университета и творческую деятельность педагогических коллективов колледжей в развитии непрерывного образования.

В апреле 2009 г. ректором Витебского госуниверситета назначен доктор медицинских наук, профессор А.П. Солодков

В начале XXI века Витебский государственный университет сформировался как одно из крупнейших учебных и научных учреждений республики, где обучается 10,5 тыс. студентов. Подготовка студентов осуществляется по 24 специальностям дневной формы обучения и 15 – заочной на 11 факультетах. Значительную работу проводят Институт повышения квалификации и переподготовки кадров, факультет довузовской подготовки. На постоянной основе в университете работают 545 штатных преподавателей, в том числе с учеными степенями и званиями 237 человек (43,5%), 25 из которых имеют ученую степень доктора наук.

В университете с 1991 г. работает аспирантура, которая ведет подготовку по 18 специальностям (обучается 77 человек). С 1996 г. в университете открыта магистратура, где обучается обучается 72 человека по 20 специальностям на дневном отделении и 81 по 19 специальностям на заочном обучении.

С 2000 г. в университете работает институт переподготовки кадров и повышения квалификации в составе двух факультетов. Переподготовка осуществляется по 9 специальностям. За это время прошли

подготовку 1393 слушателя.

Новым направлением в работе университета, с целью повышения качества учебного процесса и выполнения научных исследований прикладного характера, стало создание учебно-научно-практических комплексов. В 2009 г. в университете созданы 7 учебно-научно-практических комплекса. Для расширения и координации форм взаимодействия университета, гимназии, школы по повышению качества образовательного и воспитательного процесса в общеобразовательных учреждениях, а также укрепления здоровья школьников и молодежи были созданы четыре учебно-научно-консультационных центра университета совместно со школами и дошкольными учреждениями.

Развиваются международные связи Витебского университета. университет имеет двадцать девять подписанных договоров о сотрудничестве с зарубежными учебными и научными заведениями, сотрудничает с университетами трех стран ближнего зарубежья (Россия, Украина, Молдова) и пяти стран дальнего зарубежья (Латвия, Польша, Канада, КНР, ФРГ). 2009-2010 учебном году на обучение принято 68 иностранных граждан, на данный момент в университете обучается 167 граждан Азербайджана, Казахстана, КНР, Латвии, Нигерии, России, Украины, Таджикистана, Туркменистана, Эстонии (в 2008–2009 уч.г. обучалось 109). В сентябре 2009 года университет подписал договор о сотрудничестве с Хух-Хотоским профессиональным институтом КНР о подготовке китайских специалистов по системе 3+3. Планируется создание на базе института Белорусско-Китайского университета.

На факультете довузовской подготовки ежегодно обучается более тысячи человек, многие из которых успешно поступают в вузы и ссузы.

Расширяется издательская деятельность университета. За 2009 год вышло в свет 226 научных и учебных изданий, общим объемом 1800,0 условных печатных листа, тиражом – 23500 экземпляров. Из них: монографий – 10, учебно-методических комплексов, курсов лекций, учебно-методических пособий, методических рекомендаций, указаний, практикумов – 199, сборников научных трудов и материалов конференций – 17.

С 1996 г. выходит научный журнал “Веснік Віцебскага дзяржаўнага універсітэта”. А в 2003 г. началось издание “Ученых записок Витебского государственного университета”. В университете издается газета «Мы і час», общим тиражом 1200 экз. Газета внесена в подписной каталог изданий Республики Беларусь.

Учебная и научная деятельность университета во многом обеспечивается работой Научной библиотеки университета, фонды которой составляют более 600 тыс. экз. книг 136 тыс. названий. Ежегодно она обслуживает более 12 тыс. человек.

В университете работает 11 членов Белорусского Союза художников, (Гугнин Н.А., Карпан А.Ф., Левкович М.В., Лисица И.И., Нестеренко

В.Е., Осипов В.И. Сотников С.Н., Цыбульский М.Л., Чмиль А.А., Ковалев А.Ф., Костогрыз О.Д.) 4 члена Союза дизайнеров РБ (Сотников С.Н., Герасимов А.А., Герасимова Н.А., Горбунов И.В.) и 1 член Молодежной секции Белорусского Союза художников (Горолевич Д.А.), которые ведут активную творческую и выставочную деятельность.

Сегодня Витебский государственный университет им. П.М. Машерова видит себя в числе вузов инновационного типа, ведущих университетов классического образца, обладающего кадровым потенциалом высшей квалификации, признанными научными школами, высоким имиджем, развитой материально-технической базой и осуществляющей научную и учебно-воспитательную деятельность на основе современных требований, стандартов и технологий, подготовку компетентных, мобильных и конкурентоспособных специалистов и научных работников.

1. Солодков, А.П. Первые шаги к открытию университета в Витебске / А.П. Солодков, В.В. Акуневич, А.Л. Дединкин, А.Н. Дулов // Веснік ВДУ. – 2009 – № 3. – С. 3 – 10.
2. Цветков, П.И. Витебский государственный педагогический институт им. С.М. Кирова в период с 1910 по 1941 г. / П.И. Цветков // Записки по истории Витебского государственного педагогического и учительского института имени С.М. Кирова (1910 – 1954). Машинопись. – Л. 1 – 66.
3. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО). Ф. 204. Д. 10. Ф. 204. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.
4. Там же. Д. 33. Л. 30.
5. История Витебского государственного педагогического института: 1918 – 1973 год. – Витебск, 1996. – 232 с.

Щурок И.А.

СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВИТЕБЩИНЫ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.

Во все времена уровень развития школы определял направление эволюции общества, возможность его прогрессивного обновления. Система образования Витебской области имеет древнюю историю и богатые традиции. Работа по ее совершенствованию продолжалась непрерывно [6, с. 2].

В отличие от многих стран постсоветского пространства Беларусь не отказалась от наработанного предыдущими поколениями опыта. Сложные и неоднозначные процессы и изменения, которые произошли в политической и духовной жизни Беларуси на рубеже XX–XXI веков, предопределили и основные направления этой работы, отразились на деятельности одного из важнейших социальных институтов – школы.

Определяющей в становлении интеллектуального, творческого и духовно-нравственного потенциала нации является система общего среднего образования. Как известно, в решении проблемы обучения и воспитания одаренных детей в этой системе мы достаточно длительное время шли по пути внешней дифференциации и профилизации учебных заведений, создания специальных учреждений для способных и высокомотивированных учащихся или специальных («лицейских», «гимназических», «профильных» и др.) классов. И сегодня данное направление продолжает развиваться. В текущем учебном году в области работают 27 гимназий, 1 лицей, в которых сохранено профильное обучение на повышенном и углубленном уровнях по физико-математическому, химико-биологическому, гуманитарному и социокультурным направлениям.

Однако принятие Декрета № 15 Президента Республики Беларусь «Об отдельных вопросах общего среднего образования» от 17 июля 2008 года обращает наше внимание на необходимость повышения качества образования в обычных массовых школах, создание гибкой системы внутренней дифференциации, позволяющей школьникам успешно овладевать обязательным компонентом, а «углубленное» или «повышенное» образование получать на факультативах, причем не только в своей школе.

В условиях стремительного перехода системы общего среднего образования на 11-летний срок обучения по единым типовым учебным планам, организаторам образования, педагогам удалось, воспользовавшись открывающимися возможностями дополнительного образования, сохранить наработанный ранее опыт по созданию условий для обучения и развития одаренных детей.

Система **дошкольного образования** Витебской области за последнее десятилетие также претерпела существенные изменения. Приоритетными задачами деятельности дошкольных учреждений стали: сохранение и укрепление здоровья детей; формирование основ здорового образа жизни; использование эффективных здоровьесберегающих технологий; создание условий для повышения качества дошкольного образования.

Современный этап развития системы дошкольного образования характеризуется комплексом мер по оптимизации сети. В 1996 году в области было открыто 2 дошкольных центра развития ребенка. Сегодня их уже 8 (один из них – в сельской местности). Возросло количество санаторных дошкольных учреждений с 3-х в 1996 году до 5-ти в 2009 году.

Характерной чертой нового тысячелетия является организация инновационной деятельности в дошкольных учреждениях области. В основу инновационных процессов положено два направления: доведе-

ние до педагогов-практиков достижений современной науки и изучение педагогического опыта специалистов учреждений образования.

Эффективным источником прогрессивного движения педагогической практики, работы учреждения в режиме развития является проектная деятельность как одна из современных образовательных технологий, способствующих повышению качества дошкольного образования.

В дошкольных учреждениях области работают 1606 кружков, которые посещают 20508 детей; 862 кружка работают на платной основе.

В настоящее время в школах Витебской области работает 3324 учителя **начальных классов**. Из них имеют высшую квалификационную категорию 1148 человек; 1540 человек – 1 квалификационную категорию; 379 человек – 2 квалификационную категорию и 257 учителей начальных классов пока не аттестованы, являясь молодыми специалистами.

Вопросы, связанные с выявлением и развитием **одаренных детей**, различными возможностями их поддержки (социальной, педагогической, психологической) находятся в числе приоритетов деятельности управления образования Витебского облисполкома, городских и районных отделов образования, ГУО «Витебский областной институт развития образования», большинства учреждений образования области на всех его уровнях и подсистемах.

Одной из ключевых организационно-управленческих задач является развитие и рационализация сети учреждений образования, отвечающей разнообразным образовательным потребностям детей, молодежи, запросам родителей и социума, обеспечение материально-технических условий для безопасного и эффективного образовательного процесса, создания для каждого ребенка полноценной среды жизнедеятельности и развития.

На протяжении семи последних лет область лидирует в республике по количеству победителей республиканских предметных олимпиад. В 2009 году на заключительном этапе Республиканской олимпиады учащиеся учреждений образования области получили 101 диплом, из них 14 дипломов I степени, 27 – II-й, 60 – III степени.

Учащиеся области достойно представляют Республику Беларусь на международных олимпиадах. За 3 последних года они завоевали 11 серебряных и бронзовых медалей.

По итогам участия в различных конкурсах и соревнованиях наши воспитанники завоевали 7 призовых мест в командном зачете и более 20 – в личном зачете на мероприятиях международного, а более 10 командных наград и около 20 индивидуальных – республиканского уровней, в том числе – дипломы Международных конкурсов детского рисунка в городе Торунь (Польша), призы туристского слета учащих-

ся Союзного государства, детского физкультурно-оздоровительного фестиваля Беларуси и России.

В учреждениях образования Витебской области 55 самодеятельных творческих коллективов носят почетное звание «образцовый» и 18 – «народный».

На базе Государственного учреждения образования «Витебский областной институт развития образования» совместно с учреждением образования «Витебский государственный университет имени П.М.Машерова» созданы областные творческие группы преподавателей и учителей, которые разрабатывают отдельные направления, связанные с индивидуальной подготовкой школьников к олимпиадам и творческим конкурсам. Ежегодные успешные выступления учащихся на республиканских, международных конкурсах, конференциях, олимпиадах позволяют говорить о сформировавшемся передовом педагогическом опыте, результативных авторских системах в работе с одаренными детьми.

Накануне 65-летия Великой Победы особо хочется сказать о том, что вопросы **гражданско-патриотического воспитания** в учреждениях образования находятся в центре внимания любого педагога.

С 2003 года в Витебском областном объединении по организации внешкольной работы работает научно-краеведческое общество учащейся молодежи.

Операции «Забота», «Милосердие», «Живые голоса участников войны» стали не разовыми акциями, а постоянной целенаправленной работой.

Всего в Витебской области в учебных заведениях действуют 183 музея, их сеть не только сохраняется, но и расширяется. Мы гордимся тем, что 22 педагога области были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Среди них – Петр Миронович Машеров, Татьяна Савельевна Мариненко [5, с.6-7].

Витебская область, или, как часто ее называют, северный регион страны, имеет солидный социально-экономический потенциал. Это 345 предприятий металлообработки, энергетики, легкой промышленности и бытового обслуживания населения, обеспечивающие 17,5% объема промышленного производства Республики Беларусь. Всего в социально-экономическом комплексе региона задействовано около 500 000 работников [7, с.82].

Система профессионально-технического образования области выполняет на современном этапе не только образовательную функцию по подготовке кадров для экономического комплекса региона, особое место в ее работе отводится вопросам социальной защиты молодежи. Для многих из них учебные заведения стали и семьей, и домом. На протяжении ряда лет мы не имеем роста преступности и пра-

вонарушений, есть положительная тенденция их снижения. Профтехобразование области по развитию творческих способностей учащихся занимает одно из ведущих мест в системе профессионально-технического образования республики, о чем свидетельствуют дипломы и награды, полученные на республиканских конкурсах профтехмастерства, смотрах, фестивалях, олимпиадах.

Нужно отметить, что есть факторы, ускоряющие и замедляющие развитие школы, катализаторы и ограничители роста. На рубеже XX-XXI веков на первое место выдвигается экономический фактор. Его негативное влияние в сказалось и продолжает сказываться на уровне материально-технического, финансового, учебно-методического обеспечения школ.

Финансирование областной системы образования в 2009 году было устойчивым, что позволило освоить только на ремонтных работах 51 млрд. рублей.

На сегодняшний день главными задачами развития системы образования Витебщины остаются повышение качества образования, продолжение внедрения в деятельность учреждений образования доработанной нормативной базы, дальнейшая оптимизация медико-психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса, обеспечение учреждений образования современными средствами обучения и учебным оборудованием.

Система образования является одним из важнейших гарантов социальной стабильности, основой экономического развития, источником роста интеллектуального, культурного и духовно-нравственного потенциала нации. В рамках таких подходов Министерством образования с участием заинтересованных принята и реализовывается «Программа развития общего среднего образования в Республике Беларусь на 2007-2016 годы», а также – ряд программ, обеспечивающих динамичное развитие всех уровней образования (дошкольного, общего среднего, специального, профессионально-технического и других) [1, 2, 3, 4].

Цель национальной системы образования – формирование свободной, творческой, нравственно, интеллектуально и физически развитой личности. Эта цель может быть достигнута только последовательным и непрерывным совершенствованием всех учебно-воспитательных структур: от детского сада и школы до университета и центров организации досуга молодежи.

1. Информационно-аналитические материалы о развитии системы образования в Республике Беларусь. – Минск: Учреждение «ГИАЦ Министерства образования РБ», 2006. – 58 с.

2. Непрерывное воспитание детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь: Концепция; Программа на 2006 – 2010 годы. – Минск: НИО, 2007. – 64 с.

3. Областная программа в сфере образования по выполнению заданий, определенных Государственной программой возрождения и развития села на 2005 – 2010 годы. – Витебск: Управление образования облисполкома, 2005. – 16 с.

4. Программа развития общего среднего образования в республике Беларусь на 2007 – 2016 гг. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2007. – № 136; 5/25326.

5. Щурок, И.А. Гражданско-патриотическое воспитание в учреждениях образования Витебской области / И.А. Щурок // Праблемы выхавання. – 2004. – № 5. – С. 5 – 10.

6. Щурок, И.А. Витебщина – «колыбель» просвещения Беларуси / И.А. Щурок // Пачатковая школа. – 2008. – № 12. – С. 2 – 4.

7. Щурок, И.А. Система ПТО – стратегический ресурс развития региона / И.А. Щурок // Народная асвета. – 2009. – № 2. – С. 82 – 84.

Марчик Т.П.

ИЕЗУИТСКИЕ КОЛЛЕГИУМЫ НА ВИТЕБЩИНЕ

В числе первых иезуитов, прибывших в Полоцк 10 июня 1580 года находился и Станислав Ленчицкий, который с образованием Полоцкой школы в **1581 г**. преподавал математику. Однако работать ему пришлось не долго 4 января 1581 г. С. Ленчицкий скончался.

Другими учителями, которые работали в коллегиуме, были Станислав Кнапский, Якуб Хазий, Симон Гос (Гурский) и Станислав Косиньский.

В числе первых учеников школы, а их было 5, находился сын полоцкого воеводы Николая Монвида Дорогостайского. А в 1617-1618 учебном году оно уже составило 81. Причем наиболее многочисленным был класс инфимы. В котором находилось 35 мальчиков, грамматике обучалось 15, синтаксису – 11, поэзии – 20 учащихся. В 1591-1592 учебного года работает класс грамматики. Через год стали преподавать синтаксис, а с 1595-1596 учебного года – поэзию. Открытие средней школы в г.Полоцке состоялось в **1605 г.** с введением курса риторики.

Следующая иезуитская школа возникла в Орше в **1610** г. Лев Сапега, канцлер Великого княжества Литовского, создал материальные условия для пребывания в городе представителей католической церкви, а, следовательно, и для распространения ее учения еще в 1590 г. для этих целей в Оршу был направлен светский ксендз Якуб Лаурենти, ранее работавший в Виленской коллегии. Ксендз, пользуясь посещением Сигизмундом III в 1609 г. Орши, просил его о препровождении в Оршу иезуитов, на что польский король сразу же ответил согласием. Одним из оснований для принятия этого решения польским королем явилось сообщение Лауренти об отсутствии во всем Витебском воеводстве, в состав которого входила Орша и ее окрестности, учебных заведений для молодежи. И в 1610 г члены ордена ие-

зуитов обосновались в городе Орша, имевший к тому моменту 8 тысяч жителей. На основание школы потребовалось довольно продолжительный срок. В каталогах не отражено ее открытие даже в 1616 г. – времени образования Оршанской коллегии. Ее создание относится только к **1617-1618** учебному году. Чтение курса по грамматике здесь начал не магистр, а ксендз Мартин Бролинский, ставший первым учителем Оршанской иезуитской школы. В год основания она собрала 20 учеников. Однако в дальнейшем численность желающих учиться у членов ордена росла. Этому способствовало издание королевского привилегия в 1612 г, предоставившим иезуитам монополию на образование в Орше и прилегающих к ней территориях. Доказательством этого являются следующие факты. В 1623-1624 учебном году (каталог за 1622-1623 учебный год не издавался) в школе имелось четыре класса: инфимы, грамматики, синтаксиса и поэзии. Курс риторики стал преподаваться в Оршанской школе с 1636-1637 учебный год. Открытие средней школы позволило иезуитам в сравнительно короткий срок предоставить местной светской молодежи возможность получить высшее образование. Это состоялось только в 1645-1646 учебном году.

Последней в указанный период возникла школа в Витебске ее работа началась в **1648-1649** учебном году. Первыми педагогами Витебской иезуитской школы явились Александр Билиньский и Матвей Змудский, один обучал инфиме, а другой - грамматике.

С образованием Литовской провинции ордена иезуитов встала проблема подготовки собственных педагогических кадров, ибо постановление второй генеральной конгрегации обязывало их создавать учебные заведения, готовившие профессоров для средних и высших школ.

Первой в республике Беларусь выпала честь подготовки учителей по риторике Полоцкой коллегии. Эту сложнейшую работу начал Андрей Брухман в **1609-1610** учебном году. Вслед за ним чтение этого курса осуществляет на протяжении двух лет Петр Книгер. Их труд продолжил один из выдающихся педагогов ордена начала XVII в. Николай Бенедикт, обладавший огромными познаниями в различных науках.

Особенно большой вклад в подготовку учителей риторики внес знаменитый поэт, теоретик литературы и ораторского искусства, философ и талантливейший педагог Матей Казимир Сарбевский (1595-1640). Его творчество оказало большое влияние на европейскую культуру. Выдающимся его учеником являлся Николай Кмитиц (1601-1632).

Полоцкие иезуиты осуществляли подготовку учителей риторики до 1631-32 учебного года. Группа будущих преподавателей во главе со своим наставником Сигизмундом Лауксманом, который в течение последнего учебного года читал курс риторики в Полоцке, перебралась в Несвиж, где подготовка молодых специалистов продолжалась до 1636-37 учебного года.

В иезуитских школах нашего региона трудился различный контингент учителей. Среди них были высококвалифицированные педагоги, внесшие весомый вклад в подготовку кадров для учебных заведений, как средних, так и высших, одаренные писатели, а также профессоры, количество которых достигло довольно внушительной цифры по сравнению с первыми десятилетиями деятельности ордена иезуитов на Витебской земле. Присутствие их положительно сказывалось на результатах учебного процесса в школах. Молодым, только вступившим на педагогическую стезю, иезуитам было у кого учиться и с кого брать пример в этом труднейшем человеческом ремесле. Они имели возможность не только получить у этих преподавателей консультацию по интересующему их вопросу, но и конкретную практическую помощь в проведении занятий с учащимися. Более того, «Устав» обязывал наиболее опытных профессоров отводить работе с магистрами три часа времени еженедельно. Это в свою очередь способствовало росту профессионального мастерства последних и, следовательно, более плодотворному обучению учащихся.

Новым явлением в учебных заведениях ордена, расположенных в регион, было введение в программу иностранных языков. В Оршанской школе это осуществилось в 1751-1752 учебном году.

В Полоцкой школе, одной из самых крупных в Беларуси, он был введен значительно позднее, чем в других учебных заведениях. Это событие впервые состоялось в 1757-1758 учебном году, когда в педагогическом штате коллегии появилась должность профессора математики и французского языка. Ее исполнял Ян Гробель. Интересен следующий факт. Первоначально руководство провинции привлекало к обучению молодежи иностранным языкам иезуитов немецкого и французского происхождения. Этот факт положительно сказывался на учебном процессе: на занятиях учащиеся слышали правильную иностранную речь, лишенную каких-либо искажений. Впоследствии иностранные языки преподавались членами Литовской провинции.

Другим новым явлением, имевшим место в большинстве учебных заведений иезуитов в регионе, было введение в их программу изучения истории и географии. В 1749-1750 учебном году история была введена в Полоцкой школе, а в 1751-1752 учебном году в Витебской школе.

Преподавали ее не магистры, а ксендзы-профессоры. География преподносилась ученикам как часть истории. Лишь в Витебской школе она указана в каталоге как отдельный предмет. Белорус Франтишек Папроцкий (1723-1805), вступивший в орден «Общество Иисуса» в Полоцке в 1740 г и ставший профессором в 1758 г. его перу принадлежит ряд историко-географических трудов, некоторые из них переиздавались несколько раз: «Польские домашние сведения и Великого

княжества Литовского», где основная ее часть была посвящена истории Великого княжества Литовского. Последние страницы учебника были отведены вопросам географии и истории. Он автор и учебника по географии, который нашел широкое применение даже после закрытия орденских школ в школах Адукационной комиссии.

1. Блинова,Т.Б. Иезуиты в Беларуси / Т.Б. Блинова. – Гродно, 2002.

Яршоў І.А.

КУЦЕІНСКІ "БУКВАР" СПІРЫДОНА СОБАЛЯ

Вялікае значэнне ў гісторыі асветніцтва і адукацыі беларускага народа ў XVI–XVII ст. мела друкаванне кірылічных вучэбных кніг для першапачатковага навучання грамаце. Гэта было выклікана сацыяльна-палітычным становішчам, якое склалася на Беларусі. Пасля Люблінскай уніі 1569 г. у Вялікім княстве Літоўскім (далей – ВКЛ) узмацнілася феадальна-каталіцкая рэакцыя. У адказ на яе праваслаўнае гарадское насельніцтва пачало ствараць праваслаўныя брацтвы, якія вялі барацьбу супраць наступства каталіцкай царквы і асімілятарскай палітыкі Польшчы. У пачатку XVII ст. у выніку Берасцейскай уніі 1596 г. праваслаўная царква апынулася ў цяжкім становішчы, паколькі большасць праваслаўных епіскапаў на чале з мітрапалітам Міхаілам Рагозам перайшлі ва ўніяцтва. Звужалася кола носьбітаў царкоўнаславянскай мовы і праваслаўныя брацтвы сталі ствараць брацкія школы і друкарні для выпраўлення сітуацыі. У друкарнях друкаваліся не толькі кнігі царкоўнага ўжытку, але і вучэбныя – граматыкі, слоўнікі, буквары славянскай мовы. З 1590 па 1653 гг. на Беларусі было надрукавана 16 азбук і буквароў на кірыліцы [2, с. 354]. Сярод іх аўтараў пачэснае месца займае кнігадрукар і асветнік Спірыдон Собаль – аўтар Куцеінскага "Буквара".

Дакладных звестак аб даце нараджэння С. Собаля не захавалася, але вядома, што ён быў сынам магілёскага купца Б. Собаля, актыўнага ўдзельніка магілёўскага праваслаўнага брацтва, аднаго з кіраўнікоў паўстання магілеўчан супраць уніяцкага архіепіскапа І. Кунцэвіча. Выхаванне ў праваслаўнай сям'і, навучанне ў магілёўскай брацкай школе безумоўна сталі галоўнай прычынай далейшага выбару ім жыццёвага шляху, які быў звязаны з кнігадрукаваннем, праваслаўнай асветніцкай і педагагічнай дзейнасцю. У выніку ўскладнення сацыяльна-палітычнага становішча на ўсходніх землях Беларусі пасля Магілёўскага 1618 г. і Віцебскага 1623 г. паўстанняў супраць уніяцкага архіепіскапа І. Кунцэвіча, развіццё

кірылічнага кнігадрукавання было тут немагчыма. Хутчэй за ўсё, таму С. Собаль і пераязджае ў Кіеў, які пасля прызначэння ў 1922 г. Кіеўскім праваслаўным мітрапалітам Іова Барэцкага стаў цэнтрам праваслаўя ў Рэчы Паспалітай. У Кіеве С. Собаль вывычаў друкарскую справу. Першыя кнігі былі ім выдадзены ў Кіеўскай друкарні ў 1638-1630 гг. і прызначаліся для царкоўных патрэб.

У 1630 г. С.Собаль атрымаў запрашэнне ад І.Труцэвіча – ігумена праваслаўнага Куцеінскага мужчынскага Богаяўленскага манастыра, які быў пабудаваны пад Оршай на сродкі праваслаўнага феадала Б. Статкевіча, узначаліць манастырскую друкарню. Куцеінскі манастыр стаў у першай палове XVII ст. цэнтрам праваслаўя на ўсходзе Беларусі. Ва ўмовах палітыкі акаталічвання і паланізацыі яго дзейнасць была накіравана на ўмацаванне праваслаўя, развіццё праваслаўнай адукацыі, выхаванне беларускага насельніцтва ў духу нацыянальнай самасвядомасці. Запрашэнне ў Куцейна С. Собаля не было выпадковым. Ігумен Куцеінскага манастыра І. Труцэвіч і многія манахі былі членамі магілёўскага праваслаўнага брацтва, таму ведалі і бацьку С. Собаля, і яго самаго як актыўных удзельнікаў гэтага брацтва, прыхільнікаў праваслаўнай асветніцкай дзейнасці. С. Собаль прыняў прапанову і ў 1630 г. пераехаў у Куцейна, дзе разам з ігуменам І. Труцэвічам стварыў на сродкі Б. Статкевіча друкарню і наладзіў друкарскую справу. Захаваўся пералік друкарскага абсталявання, якое ён прывёз з Кіева: 2 шрыфты, 13 дошак-заставак, 3 дошкі-канцоўкі, некалькі дзесяткаў буйных і малых ініцыялаў, 2 рамкі для тытульных лістоў [3, с.135]; астатнія прыстасаванні зрабілі манахі і мясцовыя жыхары.

У 1631–1632 гг. С. Собаль надрукаваў у Куцейна кірыліцай кнігі рэлігійнага характару "Брашна духоўнае", "Малітвы паўсядзённыя" і "Часаслоў", якія выкарыстоўваліся і для навучальных патрэб, але мала адпавядалі апошнім. Вось чаму С. Собаль падрыхтаваў неабходныя матэрыялы і выдаў у Куцеінскай друкарні ў 1631 г. вучэбную кнігу для першапачатковага навучання грамаце. На яе тытульным лісце было надрукавана: "Буквар", а ніжэй літарамі меншага памеру: "сиречь начало учения детям начинающим чтению извыкати". Некаторыя даследчыкі ў свой час прызнавалі першынство С. Собаля ва ўвядзенні назвы "буквар" для кнігі, якая прызначалася для першапачатковага навучання грамаце, таму што раней такія кнігі называлі "азбукай" [4, с.135]. Але трэба адзначыць, што першае выданне пад назвай "буквар" выйшла ў 1618 г. з друкарні Святадухаўскага манастыра ў Еўі, што пад Вільняй. Хутчэй за ўсё, як лічыў даследчык М. Батвіннік, назва "буквар" паходзіць ад літараў старaславянскага алфавіту "буки" і "веди" ці ад слова "буква" [1, с. 61]. Тым не менш, менавіта пасля выдання ў 1631 г. Куцеінскага "Буквара" гэта назва вучэбных кніг стала найбольш распаўсюджанай і

захоўваецца ў якасці назвы падручніка для пачатковай школы да нашага часу.

Куцеінскі "Буквар" С. Собаля фактычна з'яўляўся падручнікам для навучання першапачатковай грамаце (чытанню і пісьму), і ўзорам для яго паслужыў еўінскі "Буквар" 1618 г. Састаўлены "Буквар" С. Собалем паводле літараскладальнага метаду. У структуру кнігі ўключаны алфавітны рад (у прамым і адваротным пачатку), склады (двух- і трохлітарныя), элементы граматыкі, дыдактычны матэрыял. Кніга мела 40 лістоў (80 старонак), і яе можна ўмоўна падзяліць на дзве часткі [1, с.69-70]. У першай змяшчаліся першапачатковыя звесткі аб грамаце, асноўныя граматычныя паняцці. У другую частку С. Собаль уключыў біблейскія тэксты маральнага зместу, якія адначасова былі і сродкам навучання чытанню, і сродкам выхавання хрысціянскай маралі. Такім чынам, "Буквар" рашаў і задачу навучання і выхавання дзяцей у праваслаўным накірунку. М. Батвіннік адзначаў, што Куцеінскі "Буквар" адрозніваецца ад папярэдніх і пазнейшых выданняў такіх вучэбных кніг кампазіцыйнай зладжанасцю, невялікім аб'ёмам, зручнасцю карыстання, мэтанакіраванасцю, паслядоўнасцю ўвядзення вучняў у свет ведаў і выпрацоўкай у іх пэўных жыццёвых пазіцый. Перавыданне "Буквара" С. Собалем у 1636 г. у Магілёўскай друкарні сведчыць аб тым, што ён надаваў асаблівае значэнне выданню вучэбных кніг для пашырэння пісьменнасці народа.

Даследчыкам не ўдалося дакладна высветліць, дзе жыў і працаваў С. Собаль у 1633-1634 гг. Па адной версіі ён застаўся ў Куцейна і перавыдаў тут свае кіеўскіе выданні, толькі не з куцеінскімі, а кіеўскімі выхаднымі дадзенымі. Па другой версіі ў 1632 г.друкар пераехаў пад Магілёў і выдаваў гэтыя кнігі ў Буйніцкай друкарні Б. Статкевіча. Дакладна вядома, што ў гэтай друкарні ў 1635 г. ім быў выдадзены "Псалтыр". Вяртанне С. Собаля ў Магілёў можна растлумачыць тым, што Куцеінская друкарня пад кіраўніцтвам І. Труцэвіча, дзе С. Собаль у 1630-1632 гг. наладзіў друкарскую справу, магла працаваць самастойна (дзейнасць яе пад кіраўніцтвам І. Труцэвіча працягвалася да 1654 г.), а магілёўскаму праваслаўнаму брацтву быў патрэбны вопытны друкар. У 1633 г. кароль Рэчы Паспалітай Уладзіслаў IV выдаў магілёўскаму праваслаўнаму брацтву прывілей на права адкрыцця друкарні і выдання навучальных і іншых кніг на "рускай" (старабеларускай), грэчаскай, лацінскай і польскай мовах. Брацтва гэта права перадало С. Собалю. У 1636–1638 гг. С. Собаль працуе ў брацкай друкарні Магілёва і выдае некалькі кніг, у тым ліку і "Буквар" 1636 г. Гэты "Буквар" меў адрозненні ад куцеінскага: была скарочана значная частка граматычнага матэрыялу, павялічаны аб'ём тэкстаў з "Бібліі", спрошчана паліграфічнае афармленне.

Пра апошнія гады жыцця С. Собаля дакладных звестак захавалася вельмі мала. У канцы 30-х гадоў XVIIст. паміж магілёўскім епіскапам Сільвестрам Косавым і магілёўскім праваслаўным брацтвам не было поўнай згоды, а ўніяты чынілі ўсё большыя перашкоды дзейнасці брацтва. У 1637 і 1639 гг. С. Собаль звяртаўся да маскоўскага цара Аляксея Міхайлавіча з прапановай распачаць друкарскую справу ў Маскве, але атрымаў адмоўны адказ, таму што ў Маскве на яго глядзелі як на патэнцыяльнага ерэтыка. Далейшы лёс С. Собаля невядомы. Ёсць думка, што ён пастрыгся ў манахі і памёр ад хваробы ў 1645 г. [3, с. 144].

Друкар С.Собаль усяго выдаў 19 найменняў кніг. Але галоўным дасягненнем яго друкарскай і асветніцкай дзейнасці лічыцца "Буквар". Гэта кніга карысталася вялікім попытам, таму пасля Куцейны перавыдавалася ў Магілёўскай друкарні ў 1636 і 1649 гг., Куцеінскай друкарні ў 1653 г. [4, с. 252]. "Буквар" С. Собаля меў вялікае значэнне для распаўсюджвання асветы і адукацыі на Беларусі, Украіне, Расіі. Гэта вучэбная кніга ва ўмовах палітыкі насаджэння каталіцызму і паланізацыі дала магчымасць беларусам захаваць сваю мову, духоўную культуру. А імя С. Собаля – асветніка і кнігадрукара, патрыёта сваёй Радзімы назаўсёды засталося ў памяці нашчадкаў, гісторыі адукацыі нашай краіны.

1. Ботвинник, М. Откуда есть пошел букварь / М. Ботвинник. – Минск: Вышэйшая школа, 1983. – 198 с.
2. Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: У 2 т. – Т. 1: Абаленскі – Кадэнцыя / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал.рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2005. – 688 с.
3. Зернова, А.С. Белорусский печатник Спиридон Соболь / А.С. Зернова // Книга: исследования и материалы: сб. X. – М., 1965. – С. 126 – 144.
4. Симмонс, Дж.С.Г. О некоторых старопечатных кириллических книгах в Дублине / Дж.С.Г. Симмонс // Книга: исследования и материалы: Сб. VIII. – М., 1963. – С. 245–253.

Орлова А.П., Зинькова Н.К.

ГИМНАЗИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВИТЕБСКЕ (XIX – начало XX ст.)

Закономерный интерес к историческому прошлому вызывает возрождение и функционирование гимназий в г. Витебске. Исторический опыт позволяет восстанавливать преемственность культуры в образовании.

В Витебске гимназическое образование стало формироваться в начале XIX века, и было представлено двумя известными учебными заведениями: Александровской мужской гимназией (1808 г.) и жен-

ской Мариинской гимназией (1866 г.). Они внесли существенный вклад в культурно-образовательную среду города и губернии.

Витебская мужская гимназия (1808-1918 гг.), пережила несколько этапов реформирования, внесших как прогрессивные (автономность, бессословность), так и регрессивные (усиление сословного принципа образования, утверждение классицизма, ужесточение контроля за деятельностью преподавателей и учащихся) начинания. За 110 лет своего существования гимназия выпустила около 32 тысяч юношей. Впоследствии ряд выпускников гимназии стали известны как в Беларуси, так и в России: государственный деятель России, сенатор Кублицкий-Пиоттух, декабрист И.И. Горбачевский, организатор библиотечного дела в России В.И. Собольщиков, философ Н.О. Лосский, ученый-медик С.И. Чирьев и др.

Гимназия являла собой среднее учебное заведение, готовившее своих воспитанников к продолжению образования в университете или к государственной службе, что обуславливало ее престиж. Финансирование осуществлялось за счет незначительных поступлений Министерства народного просвещения, но, в основном, за счет частных пожертвований. Плата за обучение вводится лишь с 40-х годов, хотя в российских гимназиях она взималась с 1817 года. От платы освобождались десять-двадцать процентов учащихся, но на практике их количество было значительно больше.

Социальный состав гимназистов, в основном представлен выходцами из дворянского сословия (в середине 40-х годов они составляли почти 90%). На рубеже XIX-XX веков, количество учащихся из городского и сельского населения составляло 30-35%.

Следует отметить тесную связь Александровской гимназии с университетами - Виленским, Санкт-Петербургским. Инспектирование гимназии осуществлялось визитаторами, – известными профессорами и академиками университетов. Такое сотрудничество не только освобождало гимназию от излишнего бюрократического администрирования, но и играло важную роль в совершенствовании учебно-воспитательного процесса: университеты брали на себя заботу об обеспечении гимназии книгами, наглядными пособиями, приборами, оказывали большую методическую помощь.

Несмотря на перегрузку учебного плана Витебской Александровской гимназии, он обладал определенной логикой, был структурирован в соответствии с канонами классического образования. Основные предметы - Закон Божий, древние языки, русский язык и словесность, математика, физика, география, всеобщая история, космография, чистописание, помимо этого включались немецкий, французский, логика, черчение, рисование. Учебный план изменялся в соответствии с проводимыми образовательными реформами и запросами

общества. Так, для желающих поступить на государственную службу, впоследствии было введено законоведение, ввиду нехватки межевых чиновников – землемерные курсы.

Характерная черта учебного плана – наличие факультативов и деление предметов на главные и второстепенные. Неуспеваемость по второстепенному предмету не являлась препятствием для перевода учащихся в следующий класс. Однако многие педагогов считали такую практику вредной, поскольку побуждали учащихся относиться с меньшим усердием к некоторым предметам.

Постепенно в учебном процессе гимназии наметился переход от словесно-догматического преподавания к методам, способствующим развитию познавательных интересов учащихся. Практиковались лекции, беседы, работа с учебником, наглядные пособия, экскурсии познавательного характера, написание рефератов. С отстающими занимался учитель или гимназист-старшеклассник, получавшие за это вознаграждение «из гимназических сумм».

В гимназии практиковались так называемые репетиции (повторение учебного материала параллельно с проверкой знаний учащихся), на которых присутствовали родители, родственники, почетные граждане города. Они заменяли обычные переводные экзамены.

Процесс образования в гимназии был неразрывно связан с воспитанием. Школьный устав XIX – начала XX веков давал предписание: «воспитание и преподавание суть две нераздельные задачи». Воспитывало все: и четкий распорядок работы школы и воспитательный потенциал обучения, и ориентация гимназистов на высокие идеалы и жизненные ценности, и личный пример педагогов.

Воспитательная работа предполагала такие формы, как литературные беседы, чтения, читательские беседы, любительские спектакли, музыкально-литературные вечера, участие в создании школьного музея. Поощрялось стихосложение, была издана в городской типографии книга «Избранные стихотворения учеников Витебской мужской гимназии 1885-1899 гг.». В годы I мировой войны гимназисты привлекались к оказанию материальной помощи нуждающимся, создавали трудовые дружины.

В гимназии трудились высокообразованные (почти 80% преподавателей имели университетские дипломы), профессионально компетентные, преданные своему делу педагоги: доктора философии В.Ю. Красовский и М.Ф. Свинецкий, ученые-этнографы П.В. Шейн, Н.Я. Никифоровский, историк-краевед и археограф А.П. Сапунов и многие другие. Педагоги гимназии помимо преподавательской деятельности занимались сбором краеведческого материала, составлением ежегодных исторических записок школы и увлекали этой деятельностью своих учащихся.

Нельзя не отметить, что и педагогический совет гимназии и учителя обладали определенными академическими свободами: самостоятельностью решать финансовые вопросы, утверждать авторские учебные программы, вводить курсы, не предусмотренные Министерством. Бывали случаи, когда педагогический совет отказывался выполнять распоряжения попечителя учебного округа. Учитель имел право выбора учебника (например, в 1 классе по географии пользовались шестью различными учебниками), высказывать свои замечания по поводу учебных книг. Это способствовало развитию творчества учителей и благотворно влияло на содержание учебно-воспитательного процесса.

Педагоги проводили научно-исследовательскую работу, печатали статьи, писали книги, защищали диссертации. Им разрешалось давать частные платные уроки ученикам своего класса в свободное от занятий время, читать публичные лекции, вести платные и бесплатные курсы для детей и взрослых, совмещать преподавание в нескольких учебных заведениях. Руководство учебного округа старалось создать благоприятные условия для работы педагогов гимназии, были расширены их права и привилегии, улучшено материальное вознаграждение (годовой размер жалования преподавателя гимназии составлял от 2,3 до 4 тысяч рублей; для сравнения размер жалования вице-губернатора доходил до 4,5 тысяч рублей). Все это способствовало тому, что выпускники университетов охотно шли на преподавательскую работу.

Особого внимания заслуживают взаимодействие гимназии с городским сообществом. Почетные граждане Витебска являлись соучастниками жизни гимназии, их приглашали на экзамены, торжественные акты, литературно-музыкальные вечера.

Витебская мужская гимназия внесла существенный вклад в решение такой важной для того времени проблемы как подготовка педагогических кадров. Она готовила кадры педагогов для собственных нужд, направляя выпускников на учебу в Московский и Санкт-Петербургский университеты. При гимназии в 1834-1839 гг. работала первая на территории Беларуси учительская семинария по подготовке учителей приходских школ. Была введена практика экзаменов для желающих занять должность домашнего учителя или учителя уездного или начального училищ.

Большой вклад в развитие образования г. Витебска в XIX – начале XX ст. у внесла Мариинская женская гимназия (1866 г.), принадлежавшая ведомству императрицы Марии. Это было платное среднее учебное заведение, в которое принимались девушки всех сословий и вероисповеданий по результатам вступительных экзаменов.

Учебный план женской гимназии был насыщенным и включал достаточно широкий круг общеобразовательных предметов: Закон

Божий, русский язык, немецкий, французский, география, история, естествознание, чистописание, рисование, пение, рукоделие, танцы, педагогика, а также различные факультативы и курсы по выбору.

Отличительной особенностью учебного процесса в Мариинской гимназии был большой объем приобретаемых учащимися практических сведений и житейских рекомендаций. Преподавание педагогики в гимназии в старших классах и в восьмом дополнительном педагогическом классе обеспечивало право выпускницам гимназии работать в качестве домашних учителей.

Учебно-воспитательный процесс в Мариинской гимназии был направлен на реализацию главной цели – формирование у девушек качеств, необходимых хранительнице семейного благополучия и наставнице детей. Девушек, обучающихся или окончивших гимназию, можно было сразу распознать по осанке, безупречной походке, женственности.

Высокий уровень обучения и воспитания, профессионализм преподавательского корпуса, гуманное отношение к учащимся, наличие академических свобод и тесная связь гимназий с жизнью городского сообщества делали эти гимназии элитными и престижными учебно-воспитательными учреждениями XIX – начала XX ст. Историко-педагогическое осмысление их деятельности важно в целях творческого использования прогрессивных идей и опыта в современных условиях развития гимназического образования.

Сімакова І.М.

ВУЧЭБНЫЯ КАЛЕКЦЫІ ВІЦЕБСКАЙ ГІМНАЗІІ

Распаўсюджанай з’явай у развіцці музейнай справы на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII ст. становіцца ўзнікненне музейных калекцый пры навучальных установах. Звычайна яны ўяўлялі сабой вучэбныя кабінеты з нагляднымі сродкамі навучання. Некаторыя з іх, дзякуючы намаганням адданых сваёй справе выкладчыкаў, пераўтварыліся ў паўнавартасныя калекцыі з яскрава акрэсленымі сацыяльнымі музейнымі функцыямі. Так з’явіліся каштоўныя зборы пры Гродзенскай медыцынскай акадэміі, Полацкім калегіуме, Літоўскай галоўнай школе. Іх вывучэнню надаецца значная ўвага ў работах А.А. Гужалоўскага [1].

Гэты значны ў развіцці музейнай справы працэс ахапіў таксама і сярэднія навучальныя ўстановы, аднак спецыяльных даследванняў у дадзенай галіне не праводзілася. Мэтай работы з’яўляецца аналіз станаўлення вучэбных калекцый Віцебскай гімназіі як збору музейнага характару. Пра існаванне тут вучэбных кабінетаў згадвае А.П. Сапуноў.

Звесткі аб стане калекцый мы знаходзім у апублікаваных ім актах рэвізій гімназіі. У справаздачах установы ўтрымліваюцца вопісы маёмасці са сціплым пералікам прадметаў, якія ўваходзілі ў склад збору.

Пасля ўваходжання Віцебска ў склад Расійскай імперыі ў 1772 г. тут працягвалі дзейнічаць езуіцкі калегіум, прыкляштарныя і касцёльныя школы, аднак большасць з іх не ўжывала ў адукацыйным працэсе наглядных дапаможнікаў, таму не засталося звестак пра існаванне пры іх вучэбных музейных калекцый. Па ініцыятыве Кацярыны II на Віцебшчыне і Магілёўшчыне пачалі з'яўляцца народныя вучылішчы, якія павінны былі не толькі арганізоўваць працэс навучання, але і апісваць стан развіцця навук у губерні, ствараць бібліятэкі, вучэбныя кабінеты са зборамі прыродазнаўчых прадметаў, апаратаў для фізічных вопытаў і іншых дапаможнікаў, неабходных для забеспячэння нагляднасці пры вывучэнні тых ці іншых дысцыплін [4, с. 2].

29 студзеня 1786 г. было адкрыта Віцебскае галоўнае народнае вучылішча. З гэтага часу пачынаецца працэс уладкавання яго бібліятэкі і вучэбных кабінетаў. Але магчымасці дырэктара і выкладчыкаў былі абмежаваны недахопам сродкаў і памерамі памяшкання. Вучылішча размяшчалася ў невялікай кватэры, дзе не хапала месца для размяшчэння нават самага неабходнага абсталявання. Таму ў 1803 г. кіраўніцтва вучылішча звярнулася да мясцовай адміністрацыі з просьбай аб паляпшэнні стану ўстановы. У наступным годзе быў распрацаваны яе новы статут, і толькі ў 1808 г. Віцебскае народнае вучылішча было рэарганізавана ў гімназію.

Вядома, што да гэтага часу бібліятэка гімназіі ўжо налічвала 342 выданні, аднак сярод іх можна было убачыць у асноўным мастацкую літаратуру, некалькі навуковых сачыненняў па гісторыі, матэматыцы і фізіцы. Больш шырока былі прадстаўлены перыядычныя выданні. Першым загадчыкам бібліятэкі стаў выкладчык польска-лацінскай літаратуры П.М. Кошка. Сярод наглядных дапаможнікаў у 1808 г. узгадваюцца толькі два глобусы і два макеты нябеснай сферы, некалькі геаметрычных і фізічных прыбораў, дванаццаць геаграфічных карт, сорак шэсць архітэктурных чарцяжоў, малюнкі, мікраскоп, аптычныя прыборы і некаторыя іншыя [4, ст. 18]. Аднак ужо ў 1809 г. рэвізорам Крусінскім вучэбныя кабінеты гімназіі былі названы музеем.

Пры рэвізіях неаднаразова падкрэсліваўся востры недахоп апаратаў для прыродазнаўчых вопытаў і метэаралагічных назіранняў. Дзякуючы намаганням дырэктара гімназіі К.А. Канароўскага-Саховіча вучэбныя калекцыі і бібліятэка паступова папаўняліся, і з цягам часу гэтае становішча было выпраўлена: у 1811 г. фізічны кабінет узбагаціўся пнеўматычным абсталяваннем, газавымі і метэаралагічнымі апаратамі. Праз год для яго былі набыты электрычная машына і некалькі апаратаў для фізічных эксперыментаў. Планы па папаўненні кабінета распрацоўваў

яго тагачасны загадчык выкладчык фізікі Ф.К. Тамашэўскі. Ён жа сачыў за захаваннем і выкарыстаннем дапаможнікаў.

У 1813 г. пачынае фарміравацца калекцыя мінералагічнага кабінета гімназіі. У яе аснову быў пакладзены збор ад'юнкта Віленскага універсітэта Рамана Сымановіча, перададзены навучальнай установе пасля яго смерці братам нябожчыка Якавам Сымановічам. Калекцыя складалася з 1466 мінералаў, сабраных на тэрыторыі Віцебшчыны. Пазней яна папаўнялася эпізадычна за кошт прыватных ахвяраванняў [4, с. LXX]. Усе прадметы мінералагічнага кабінета былі размешчаны ў чатырох спецыяльных замкнёных шафах з драўлянымі крышкамі і ўтрымліваліся ў належным стане з 1823 г. выкладчыкам хіміі Ф.Д. Бароўскім.

З 1879 г. кабінеты размяшчаліся ў новым будынку гімназіі на трэцім паверсе ў светлым і прасторным пакоі. Вялікая ўвага надавалася і ўладкаванню бібліятэкі. Яе каштоўнасць была адзначана Віцебскім губернатарам князем Далгарукавым, які наведаў гімназію ў лютым 1885 г. Згодна справаздачы за 1895 г. фундаментальная бібліятэка ўстановы была значна пашырана і ўяўляла сабой грунтоўны збор з 6 895 найменняў навуковай і вучэбнай латаратуры ў 15 637 тамах. Для забеспячэння адукацыйных патрабаванняў навучэнцаў дадаткова былі скамплектаваны яшчэ дзве спецыяльныя бібліятэкі. Адна з іх прызначалася для вучняў гімназічных, другая – падрыхтоўчых класаў. Тут для выхаванцаў гімназіі было прадстаўлена 770 выданняў у 1363 тамах. У параўнанні з 1886 г. вучэбны фонд быў павялічаны амаль у два разы, што з'яўляецца заслугай выкладчыка французскай мовы А.І. Глебава, які загадваў бібліятэкай у канцы XIX ст. [2, с. 5].

Калекцыя фізічнага кабінета ў 1895 г. налічвала 279 апаратаў і прыбораў для эксперыментальных заняткаў; прыродазнаўчы кабінет складаўся з калекцый заалагічнай (41 прадмет) і менералагічнай (986 прадметаў). Калекцыі нумізматыкі і фалерыстыкі ўяўлялі сабой самы каштоўны збор гімназіі, дзе было прадстаўлена 317 манет і медалёў. Акрамя таго, не былі ўключаны ні ў адзін з вышэйзгаданых кабінетаў 889 экзэмпляраў вучэбных дапаможнікаў: атласы, глобусы, геаграфічныя і гістарычныя карты, мадэлі для малявання, нотныя сшыткі і музычныя інструменты [3, с. 9].

Аднак паступова фізічны і прыродазнаўчы кабінеты перасталі папаўняцца і прыйшлі ў заняпад, у асноўным па прычыне несумленнага выкарыстання навучэнцамі прадметаў збораў і скасавання выкладання прыродазнаўчых дысцыплін у гімназіі. Па сведчанням Б. Брэжгі ў належным стане захоўваліся толькі калекцыя нумізматыкі і фалерыстыкі, у склад якой ў 1896 г. уваходзіла ўжо 427 польскіх, расійскіх і заходнееўрапейскіх манет і медалёў. Пасля закрыцця гімназіі ў 1918 г. збор быў згублены [5, с. 24].

Існаванне падобных вучэбных кабінетаў было абумоўлена ў першую чаргу неабходнасцю забеспячэння нагляднасці адукацыйнага працэсу, гэта значыць прычынамі утылітарнага характару. Калекцыі, якія збіраліся пры навучальных установах, у тым ліку Віцебскай гімназіі, не з'яўляліся музеямі ў сучасным сэнсе слова. Іх фарміраванне было падначалена бягучым патрэбам выкладчыкаў і навучэнцаў, імкненнем да аптымізацыі ўспрымання інфармацыі. У функцыянаванні вучэбных кабінетаў не прасочваюцца навукова-даследчы і навукова-фондавы накірункі музейнай дзейнасці. Для недасканала сістэматызаванага размяшчэння прадметаў па шафах і вітрынах не былі яшчэ ўласцівы навукова абгрунтаваныя метады і прынцыпы пабудовы экспазіцый. Аднак, нягледзячы на гэта, можна дакладна сцвярджаць, што вучэбныя калекцыі выконвалі адукацыйна-асветную музейную функцыю, спрыялі засваенню ведаў, пашырэнню навуковага кругагляду вучняў, абуджэнню цікавасці да вучэбных дысцыплін. Таму, безумоўна, зборы дадзенага тыпу нельга выключаць з прадметнага поля гісторыі музейнай справы.

1. Гужалоўскі, А.А. Нараджэнне беларускага музея / А.А. Гужалоўскі. – Мінск: НАРБ, 2001. – 124 с.
2. Отчет о состоянии Витебской гимназии за 1886-1887 учебный год / Сост. секретарь педсовета А. Булаков. – Витебск: Типография Г.А. Малкина, 1888. – 49 с.
3. Отчет о состоянии Витебской гимназии за 1894-1895 учебный год / Сост. секретарь педсовета В.К. Соколов. – Витебск: Губернская типография, 1896. – 109 с.
4. Историческая записка 75-летия Витебской гимназии, 1808-1883 / сост. А. Сапунов. – Витебск: Типография губ. правл., 1884.
5. Brеżgo, B. Muzea witebskie / B. Brеżgo // Magazyn Polski. – 2007. – № 1. – С. 24 – 30.

Шухлеў К.В.

ПОЛАЦКІЯ НАВУЧАЛЬНЫЯ ЎСТАНОВЫ Ў ПАЧАТКУ XIX ст. ПЕРАДУМОВЫ АДКРЫЦЦЯ Ў ПОЛАЦКУ ВЫШЭЙШЫХ НАВУЧАЛЬНЫХ УСТАНОЎ

Паводле Статута 1804 г., які складзены ў адпаведнасці з французскай асветніцкай філасофіяй XVIII ст., школьная сістэма будавалася на прынцыпе адзінства і пераемнасці: кожная школьная ступень была звязана з папярэдняй і наступнай, пераход у школу ажыццяўляўся без экзамена, на падставе дакумента аб заканчэнні папярэдняй школы. Навучанне аб'яўлялася бясплатным. Сістэма адукацыі ўключала ў сябе прыходскія вучылішчы з гадавым тэрмінам навучання, двухгадовыя пачатковыя вучылішчы, чатырохгадовыя гімназіі і ўніверсітэты [4, с. 290].

Такім чынам, у ходзе рэформы на Беларусі павялічылася сетка светскіх агульнаадукацыйных школ і колькасць навучэнцаў у іх, скарацілася колькасць манастырскіх вучылішчаў. Трывалае месца ў навучальных планах занялі прыродазнаўчыя дысцыпліны. Былі адкрыты прагрэсіўныя для свайго часу ланкастэрскія школы, у канцы 1830-х у краі дзейнічала 13 такіх школ, для небагатых вучняў [3, с. 201]. Акрамя таго, паступова заваёўвала прызначэнне жаночая адукацыя. Гімназіі Віленскай навучальнай акругі мелі 6 класаў, павятовыя вучылішчы – 3 класы. Выкладанне вялося на польскай мове, а руская мова падавалася як адна з вучэбных дысцыпін.

Рэформа сістэмы адукацыі не ўхіліла ў школах заходніх губерняў каталіцкага ўплыву. Значная частка навучальных устаноў Беларусі падпарадкоўвалася ордэну езуітаў. Гэта была ўступка ўрада ўплывовым колам спаланізаванага дваранства. У езуіцкіх вучылішчах налічвалася каля тысячы чалавек. Існавалі таксама гімназіі духоўныў ордэнаў, ці “гімназіяльныя вучылішчы”. Гэтыя навучальныя ўстановы карысталіся папулярнасцю і садзейнічалі распаўсюджванню каталіцызму [4, с. 290].

Віленская навучальная акруга, створаная ў 1803 г., пачала сваю дзейнасць з рэвізіі стану асветы на землях, якія ўвайшлі ў яе падпарадкаванне. Полацкія запісы Сявергіна асабліва дакладныя і падрабязныя – Полацк быў першым беларускім горадам на яго шляху. Рэвізор убачыў тут тыповую для ўсходніх беларускіх зямель таго часу карціну, адзначыў існаванне ў горадзе ў 1803 г. двух вучылішч: традыцыйнага духоўнага - езуіцкага і новага свецкага - рускага народнага. Ён даў вельмі падрабязнае іх апісанне. Цікавыя, напрыклад, яго звесткі пра побыт выхаванцаў езуіцкага вучылішча, іх “рэжым дня”, лячэнне, харчаванне.

Полацкае езуіцкае вучылішча мела багатыя традыцыі, а па колькасці вучняў (321) было самай буйной навучальнай установай на ўсходзе Беларусі. У сямі яго класах і шасці факультатывах чатырнаццаць настаўнікаў (прафесараў) выкладалі латынь, польскую мову, геаграфію, свяшчэнную і ўсеагульную гісторыю, арыфметыку, геаметрыю і пачаткі алгебры (малодшыя класы), паэзію, рыторыку, метафізіку, фізіку, хімію, астраномію і багаслоўе (старэйшыя класы), рускую, нямецкую, французскую мовы, архітэктуру. Быў і пачынальны клас, дзе 51 вучань ва ўзросце ад 8 да 20 гадоў вывучалі ”складамі польскую і лацінскую грамату”. Вяршынь навук дасягаў не кожны: 1 клас наведвала 116 вучняў, апошні, 7 кл. – толькі 3. Падручнікі выдаваліся ў полацкай езуіцкай друкарні. Вучні мелі доступ да багатай кляштарнай бібліятэкі, хімічнай лабараторыі, ”натуральнага кабінета”.

Полацкае рускае народнае вучылішча было заснавана ў 1789 г. як галоўнае. Але ў 1803 г. з прычыны страты горадам губернскага статусу было ўжо малым, гэта значыць мела толькі 2 класы і 2

настаўнікаў. Яно магло даць больш сціплую адукацыю, але адчыняла дзверы і для дзяцей самых бедных мяшчан, і для дзяўчынак: рускія народныя школы, ствараемыя па ўзору аўстрыйскіх, актыўна выкарыстоўвалі новыя педагагічныя прынцыпы і падыходы. У 1803 г. у полацкім малым народным вучылішчы было 50 вучняў, якія вывучалі рускую граматыку, геаграфію і гісторыю Расіі, ўсеагульную гісторыю, арыфметыку і геаметрыю, асновы хрысціянскага веравучэння. Сявергін прапанаваў увесці ў курс гэтага вучылішча, суцэльнага рускага па мове і духу, вывучэнне польскай і нямецкай моў, неабходных для мясцовых жыхароў. Прыкмеціў ён і тое, што гарадская дума вылучала на ўтрыманне вучылішча недастатковыя сродкі, і ад гэтага пакутавалі і настаўнікі, і вучні: заняткі праходзілі ў цесных і халодных пакоях Богаяўленскага манастыра, не хапала падручнікаў. Матэрыялы рэвізіі Сявергіна, здзейсненнай добрасумленна і старанна, зафіксавалі становішча ў галіне народнай адукацыі ўсходнебеларускага рэгіёна, ў тым ліку і Полацка, напярэдадні маштабнай рэформы асветы, якая распачалася ў Расійскай імперыі ў пачатку XIX ст.

Праблема вышэйшай адукацыі Беларусі ў XIX ст. з-за палітыкі расійскага ўрада набыла не толькі асветніцкую, але і палітычную, і нацыянальную афарбоўку. Нявырашанасць гэтай праблемы шмат у чым паўплывала на развіццё падзей у краі. Беларуская моладзі было абумоўлена ў праве атрымоўваць вышэйшую адукацыю на радзіме. А дазвол вучыцца ва ўніверсітэтах і інстытутах іншых рэгіёнаў Расійскай імперыі абмяжоўваў як колькасць студэнтаў з Беларусі, так і магчымасць больш-менш здольным выхаванцам вярнуцца на працу ў Заходні край. Менавіта таму цяпер многія ўраджэнцы Беларусі з'яўляюцца вядомымі расійскімі ці польскімі мастакамі, кампазітарамі, вучонымі. Зразумела, добра, што гэтыя людзі змаглі рэалізаваць свае здольнасці, але менавіта па той жа прычыне працэс фарміравання нацыянальнай беларускай інтэлігенцыі і нацыянальнай свядомасці ішоў даволі марудна.

Пра гэта сведчыць першая спроба рэфармаваць сістэму вышэйшай адукацыі ў заходніх губернях, адразу ж пасля Айчыннай вайны 1812 г. Частка выкладчыкаў і студэнтаў Віленскага ўніверсітэта, а таксама толькі што заснаванай Полацкай езуіцкай акадэміі, падтрымалі Напалеона і яго планы наконт аднаўлення Княства Літоўскага. З-за гэтага, пасля вызвалення краю ад французаў у расійскім урадзе з'явіліся прыхільнікі жорсткіх рэпрэсіўных мераў. Так, міністр народнай асветы прапанаваў перанесці ўніверсітэт у Полацк, зачыніўшы такім чынам там езуіцкую акадэмію, а ў Вільні пакінуць толькі медычны факультэт, які стаў бы фактычна асобнай ВНУ. У былых жа будынках універсітэта ў Вільні павінна было пасяліцца вайсковае вучылішча. Намер, аднак, не ажыццявіўся з-за рашучых супрацьдзеянняў папячы-

целя Віленскай навучальнай акругі Адама Чартарыйскага, які тады яшчэ не страціў свайго ўплыву на Аляксандра I і змог пераканаць яго ў памылковасці праекта міністра народнай асветы [5, с. 34].

Такім чынам, у краі захавалася старая сістэма адукацыі, пры якой асноўным цэнтрам культуры з'яўляліся Вільня і Полацк. Адносіны між імі былі даволі напружаныя, бо Полацкая акадэмія не падпарадкоўвалася Віленскаму ўніверсітэту і, па сутнасці, ўтварала асобную навучальную акругу, што змяншала сферу ўплыву ўніверсітэта. А таму адразу ж пасля ліквідацыі акдэміі ў 1820 г. была прадпрынята спроба арганізаваць у Полацку юрыдычны ліцэй са статутам Дзямідаўскага і з курсам навучання ў 3 гады. Такая ВНУ была б прыдаткам да Віленскага універсітэта – яго юрыдычным факультэтам. Але прапанова, прадстаўленная ў сакавіку 1820 г., не знайшла належнай падтрымкі нават на мясцовым узроўні [10, с.150]. Частка шляхты на чале з мітрапалітам Станіславам Богушам Сестранцэвічам дабілася дазволу Аляксандра I на перадачу былых езуіцкіх вучылішчаў іншым манаскім ордэнам, пасля чаго памяшканні былой акадэміі ў Полацку былі перададзены піярам з мэтай адкрыцця імі там Вышэйшага вучылішча. Так была заснавана самая малавядомая цяпер беларуская навучальная ўстанова. Доўгі час пра яе нічога не пісалася, да і сёння даследчыкі не вельмі часта звяртаюць на яе ўвагу. Напрыклад, У.Арлоў падае звесткі аб полацкай "піярскай вучэльні" як аб калегіўме, гэта значыць – як аб сярэдняй навучальнай установе [1, с. 369 – 370]. Аднак у дакументах 20г. XIXст. назва калегіўм не сустракаецца.

Доказам таго, што ў Полацку існавала менавіта Вышэйшае піярскае вучылішча, можа служыць справаздача візітара, прафесара Пецярбургскага вучылішча В.Сянкоўскага, які ў 1826 г. дзеля рэвізіі наведаў полацкае вучылішча. Ён адзначыў, што гэтая навучальная ўстанова мела аддзяленні: падрыхтоўчы клас з назвай прыхадскога вучылішча, 4 ніжэйшыя класы, дзе даваўся курс гімназіі другога разрада, і 3 класы, якія В.Сянкоўскі называе "курсами высших наук". Тут, па словах візітара, "курс гимназических наук не только заканчивался, но и далеко заходил за их пределы". Зыходзячы з гэтага, В. Сянкоўскі робіць вывад, што "Полоцкое Высшее училище, относительно числа и объема наук [...] много походило на наши лицеи ". І далей візітар піша ў сваёй справаздачы аб гэтай навучальнай установе ўжо толькі як аб вышэйшай [9, с. 74].

Навучанне ў піярскім вучылішчы вялося на польскай мове і фінансавалася дзяржавай. Кожны год піяры атрымоўвалі 28 тысяч рублёў. Платным было і знаходжанне ў канвікце, выхаванцы ўносілі за сваё ўтрыманне па 500 - 600 рублёў. Вучылішча падтрымлівала сувязі з Віленскім універсітэтам. Так, у 1822 г. лекцыі па сусветнай гісторыі тут чытаў вядомы гісторык І. Лялевель.

Але аб дзейнасці вучылішча нельга гаварыць толькі ўстаноўча. Піяры, гаспадары навучальнай установы, былі, па словах В. Сянкоўскага, ”некогда самыми просвещенными между польскими орденами, но […] пришли [...] в совершенный упадок” [9, с. 74 – 75]. Узровень падрыхтоўкі навучэнцаў быў вельмі нізкім. Ды і выкладчыцкі корпус пасля рэпрэсій 1823-1825гг. не далічыўся найбольш адукаваных прадстаўнікоў. Аднак прычынай ліквідацыі піярскага вучылішча стала не яго адсталасць, а “прапольская” накіраванасць. Яно, разам з Віленскім універсітэтам і Крамянецкім ліцэем, было, на думку расійскіх улад, ”культурным центром польскай цывілізацыі” ў краі. Менавіта таму, ў 1830 г. было вырашана заснаваць на месцы вучылішча Кадэцкі корпус, які быў арганізаваны ”для проведения на Западном крае идеи русского просвещения, русского патриотизма и русского дела”.

Тут трэба падкрэсліць, што стварэнне Кадэцкага корпуса было не адзіным варыянтам рэарганізацыі піярскага вучылішча. Яшчэ ў 1828 г. будучы мітрапаліт Іосіф Сямашка ўзняў пытане аб адкрыцці ў Полацку Духоўнай Грэцка-ўніяцкай акадэміі. Гэтая ідэя знайшла падтрымку ва ўрадзе, які такім шляхам імкнуўся пазбавіць уніяцкую моладзь уплыву каталіцкіх выкладчыкаў Галоўнай семінарыі ў Вільні – адзіным месцы, дзе ўніяты маглі атрымоўваць вышэйшую духоўную адукацыю, але толькі разам з католікамі. Такім чынам, прапанаваўшы арганізаваць асобную ўніяцкую акадэмію з лаяльнымі расійскімі выкладчыкамі, І. Сямашка прадугледзеў магчымасць зрабіць гэтую ВНУ ў будучым фарпостам барацьбы з каталіцызмам на ўсім захадзе імперыі. 22 красавіка 1828 г. у Сенат быў перададзены ўказ Мікалая І дзе, між іншым, патрабавалася знайсці сродкі на “...основание Полоцкой Духовной Академии” [8, с. 142].

І хаця нідзе не гаварылася, што ствараецца яна будзе коштам піярскага вучылішча, дзяржаўная дапамога акадэміі ў памеры 28 тысяч рублёў у год сведчыла пра спыненне фінансавання Вышэйшага вучылішча. Акадэмія атрымала б і былую езуіцкую бібліятэку, друкарню і музей, што, дарэчы можа выратавала б іх ад раскрадання ў 1830 г. Праблема з выхаванцамі акдэміі таксама вырашылася хутка. Ужо 26 мая 1828 г. было забаронена пасылаць юнакоў з уніяцкіх епархій у Віленскую Галоўную семінарыю, дзе нават скасавалі пасаду ўніяцкага духоўніка. Адкрыццё акадэміі, аднак, было адкладзена спачатку на год, каб падрыхтаваць для яе памяшканні і знайсці выкладчыка, потым, па той жа прычыне - на два. А калі пачалося паўстанне 1830-1831 гг., наогул было не да акадэміі. Тым болей, што ўрад ужо адобрыў арганізацыю ў Полацку Кадэцкага корпуса. Як піша гісторык Г.Кіпрыяновіч, ”проект открытия Полоцкой академии […] не был осуществлен по своей непрактичности” [6, с. 66]. А сабраныя сродкі накіравалі на набыццё царкоўных кніг. Аднак, нягледзячы на тое, што

акадэмія ў Полацку не была заснавана, пастановы ўрада наконт уніяцкай моладзі засталіся ў сіле. З гэтага часу яна магла атрымоўваць вышэйшую адукацыю толькі ва універсітэтах Масквы і Пецярбурга, а таксама ў Пецярбургскай праваслаўнай акадэміі. Так што галоўная мэта ўсёй задумы - "выратаваць" уніятаў ад небяспечнага ўплыву каталіцкіх выкладчыкаў Галоўнай семінарыі ажыццявілася.

Так ці інакш, у другой палове 30 – 40 гг. XIX ст. ў краі не рабіліся ніякія захады, каб стварыць тут універсітэт, духоўную акадэмію ці ліцэй. Стваралася ўраджанне, што патрэбы мясцовай моладзі ў вышэйшай адукацыі сапраўды забяспечваюцца Горы - Горацкім інстытутам і расійскімі ўніверсітэтамі.

Але памылковасць такога меркавання добра відаць на прыкладзе падзей 50 - х гадоў. Пасля паражэння ў Крымскай вайне і прыходу да ўлады Аляксандра II у Беларусі ўзмацніліся патрабаванні адчыніць мясцовы ўніверсітэт. Вельмі актыўна выступала за гэта шляхта Віцебскай губерні. 17 лютага 1856г. яна звярнулася да віцебскага грамадзянскага губернатара з прапановай "об открытии университета в Полоцке [...] или другом удобном месте Витебской губернии". Адказ міністра ўнутраных спраў Ланскога быў атрыманы ўжо 25 сакавіка 1856 г. У ім выказвалася здзіўленне просьбай мясцовай шляхты : "Витебское дворянство не имело даже основания [...] к образованию молодых людей [...] имеет все средства, т.к. там существует 2 гимназии и Кадетский корпус [...] в следствии чего Государь повелел оставить прошение без последствий" [7, спр. 17].

Аднак няўдача не расчаравала прыхільнікаў стварэння Полацкага ўніверсітэта. Праз 2 гады, ў верасні 1858 г., была прадпрынята чарговая спроба, на гэты раз у Мінску, дзе сабралася шляхта Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губерняў для сустрэчы Аляксандра II. Прадстаўнікі Віцебска выступілі са спецыяльным хадатайствам, дзе гаварылася і аб арганізацыі польскага ўніверсітэта ў Полацку. Рэакцыя цара была адмоўнай: ён заявіў, што ў гэтым добра відаць імкненне "к сохранению мнимой польской народности", імкненне, якое "не имеет за собой никакого, даже исторического основания. Известно, что край этот никогда не был самостоятельным и никогда не считался за вновь приобретенный, он был только отобран от Польши, как исконная собственность России" [2, с. 170]. Такая заява Аляксандра II засведчыла ўсю бессэнсоўнасць спроб мясцовага насельніцтва дабіцца арганізацыі ВНУ.

Але патрэба ў іх была відавочнай, асабліва калі пасля падаўлення паўстання 1863 г. зачынілі Горы-Горацкі інстытут. Зразумеў гэта ў час сваёй інспекцыйнай паездкі па Беларусі ў верасні 1872 г. і міністр народнай асветы граф Д. Талстой. У Полацку ён прысутнічаў пры адкрыцці настаўніцкай семінарыі і ўбачыў магчы-

масць заснаваць тут універсітэт, што стала асноўнай тэмай яго справаздачы Аляксандру II. У ёй Д. Талстой параўноўваў Полацк з захопленым немцамі Страсбургам, дзе апошнія адразу адчынілі нямецкі ўніверсітэт. Акрамя гэтага міністр пісаў аб тым, што “отсутствие ВУЗа неблагоприятно сказывается как на Северо-Западном крае, так в особенности на местном училищном ведомстве”. Ён адзначыў, што беларуская моладзь накіроўваецца ва ўніверсітэты Расіі, дзе і так мала месца. Як раз таму Д. Талстой і прапанаваў заснаваць універсітэт у Полацку ў будынку былой езуіцкай акадэміі. А каб гэтая ідэя не была вельмі страшнай для казны, міністр палічыў магчымым спачатку адчыніць толькі 2 гуманітарныя факультэты з першым курсам.

Праект аддалі ў Камісію па разгляду справаздачы Міністэрства народнай асветы, якая нечакана выступіла з рэзкай крытыкай прапановы Д. Талстога. Яна звярнула ўвагу на тыя абставіны, што ў існуючых універсітэтах не хапае 135 выкладчыкаў, а ў Наварасійскім універсітэце патрэбны медыцынскі факультэт, таму “едва ли своевременно учреждать новый университет” [11, с. 9 – 18]. Такім чынам, спроба заснаваць полацкую ВНУ засталася толька на паперы.

Правал праекта Д. Талстога засведчыў усю бесперспектыўнасць барацьбы за арганізацыю ВНУ ў Беларусі. З таго часу расійскі ўрад наогул рабіў выгляд, што пытанне аб заснаванні вышэйшай школы яго не датычыцца. І вось вынік гэтага: на пачатку ХХ ст. ва ўсіх універсітэтах Расіі існавалі групы ўраджэнцаў Беларусі. Згадаю Эпімаха-Шыпілу ў Пецярбургу, Любаўскага, Нікольскага, Турцэвіча ў Маскве, Доўнар-Запольскага ў Кіеве, Карскага і Леантовіча ў Варшаве, Лапо і Ігнатоўскага ў Дэрпце. Яны і ім падобныя працягвалі дзейнасць Віленскага ўніверсітэта ў справе навуковага даследвання Беларусі, яе славутага мінулага.

1. Арлоў, У. Таямніцы полацкай гісторыі / У. Арлоў. – Мн.: Беларусь, 1994. – 478 с.

2. Блинова, Т.Б. Иезуиты в Белоруссии / Т.Б. Блинова. – Мн.: Беларусь, 1990. – 186 с.

3. Великович, Л.М. Чёрная гвардия Ватикана / Л.М. Великович. – М.: Школа-Пресс, 1985. – 215 с.

4. Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Ч 1. Ад старажытных часоў – па люты 1917 г.: вучэб. дапам. / пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. – Мн.: Універсітэцкае, 1998. – 416 с.

5. Из истории Виленского университета // Журнал министерства Народного Просвещения. – 1917. – № 5. – С. 34.

6. Киприянович, Г.А. Жизнь Иосифа Семашки митрополита литовского и виленского / Г.А. Киприянович. – Вильна, 1897. – 187 с.

7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 221, воп. 2, спр. 17.

8. Никотин, И.А. Столетний период русского законодательства в воссоеденённых от Польшы губерниях / И.А. Никотин. – Вильна, 1886. Т.1. – 240 с.
9. Новосёлов, А. Ревизия профессором Сенковским Белорусских училищ 1826 г. // Журнал министерства Народного Просвещения. – 1872. – № 5. – С. 22 – 75.
10. Рождественский, С.В. Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения / С.В. Рождественский. – СПб., 1902. – 190 с.
11. Силиванчик, П.П. Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по осуществлению культурной революции в республике (1919 – 1937 гг.) / П.П. Силиванчик. – Мн.: Издательство БГУ, 1961. – 233 с.

Игнатовец Л.М.

ОБРАЗОВАНИЕ БЕЛОРУССКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРОЕКТЫ

В середине 20-тых годов XIX ст. произошла трансформация системы управления учебными заведениями Витебской и Могилевской губерний Российской империи.

В 1804 г. учебные заведения этих губерний были включены в состав Виленского учебного округа, находившегося последующие двадцать лет под попечительством князя А. Чарторыйского. Учебный процесс в них был практически полностью полонизирован, так как все усилия А. Чарторыйского были направлены к осуществлению польской патриотической мечты. Плоды этой деятельности, которая приводилась в жизнь с активной поддержкой римско-католического духовенства, правительство не могло не заметить еще в 1812 г. Деятельность же тайных обществ в начале 20-тых годов еще более усилила в правительстве мнение о ненормальном состоянии учебного дела в округе и вынудило его (правительство) принимать деятельные меры «к устранению зла, пустившего слишком глубокие корни» [Цит. по: 2, № 4, с. 161].

Инициатором преобразований выступил белорусский генерал-губернатор Н.Н. Хованский, который в 1824 г. представил императору Александру записку о состоянии учебного дела в белорусских губерниях [1, с. 194 – 197]. По мнению Н.Н. Хованского, в гимназиях не было «надлежащего устройства, от коего обучающиеся в оных могли бы со временем быть полезны государству». В школах, учрежденных при кляшторах разных монашеских католических орденов, юношество обучается «по методам старинных авторов, науки преподаются на польском и латинском языках; словесность заключается в обучении польскому, латинскому, некоторым иностранным языкам, а русский остается в совершенном небрежении». Система преподавания в этих училищах «состоит в том, чтобы в учащихся поселить дух полонизма, в чем они и достигли своей цели… От этой системы воспитания про-

истекает еще и то главнейшее зло, что природные белорусы не только пожилых лет, но и молодые, не смотря на давность присоединения края, питают какое-то равнодушие и неприязнь к коренным русским и ко всему русскому» [1, с. 194 – 196].

С тем, чтобы устранить негативные последствия сложившейся системы обучения и извлекать из деятельности учебных заведений определенную пользу для государства, Хованский предлагал осуществить определенные «перемены»:

– существовавшую систему преподавания наук «обратить к русской», для чего необходимо отделить белорусские учебные заведения от Виленского учебного округа и подчинить их Московскому или Санкт-Петербургскому университету;

– «постановить непременным правилом, дабы все предметы преподавать на русском языке»;

– подчинить губернским гимназиям все училища, в которых юношество «образуется для светской жизни»;

– для преподавания закона Божия назначить трех законоучителей господствующих в Белоруссии конфессий: православной, римско-католической и греко-католической (униатской);

– «поставить правилом, чтобы учащиеся не вступали в гражданскую службу, не окончив гимназического курса и без свидетельства о хороших успехах в русской словесности»;

– учителей, в особенности директоров гимназий, назначать из «коренных русских, совершенно знающих те предметы, которые они обязываются преподавать юношеству, и отличного поведения, дабы достоинствами своими могли приобрести доверенность разнородного общества сего края» [1, с. 196 – 197].

Записка генерал-губернатора Н.Н. Хованского, по Высочайшему повелению, была передана на рассмотрение и заключение Главного правления училищ Министерства народного просвещения, которое выразило мнение о невозможности во всем объеме и сразу осуществить предложенные меры. В первую очередь это относилось к предложению вести преподавание всех предметов на русском языке. Поэтому правление из предложенных князем Н.Н. Хованским мер признало удобным только:

1) присоединить Витебскую и Могилевскую губернии к Санкт-Петербургскому учебному округу;

2) в учебных заведениях, содержащихся за счет казны, ввести основательное изучение русского языка и преподавание тех предметов, что и в учебных заведениях русских губерний;

3) определить в учебные заведения, содержащиеся римско-католическим духовенством, знающих и способных учителей из русских для основательного обучения русскому языку, учитывая средства, какими располагает к этому конкретное учебное заведение [2, № 4, с. 164].

Таким образом, меры, предложенные Главным правлением училищ в вопросе изучения и использования русского языка в учебных заведениях белорусских губерний были не столь радикальными, как у Н.Н. Хованского, что, скорее всего, предупредило возможное недовольство значительной части местного населения по поводу ущемления польского языка.

Все эти меры министр народного просвещения А.С. Шишков представил на Высочайшее рассмотрение и через Комитет министров получил ответ, что император «Высочайше соизволил на приведение в исполнение означенного заключения Главного правления училищ по прочим предложениям г. Белорусского генерал-губернатора» [Цит. по: 2, № 4, с. 165]. В постановлении по Министерству народного просвещения от 31 октября 1824 г. было повелено отнести Витебскую и Могилевскую губернии к Санкт-Петербургскому учебному округу [3, с. 1788].

Таким образом, училищный комитет, основанный при Санкт-Петербургском университете для заведывания средними и низшими училищами округа, принял в свое ведение учебные заведения белорусских губерний и был обязан привести в исполнение указанные относительно их меры. Для ознакомления с положением, в котором находились эти учебные заведения, училищный комитет направил с ревизией в белорусские губернии одного из своих членов – профессора О.И. Сенковского, который 2 апреля 1826 г. представил комитету «Обозрение дел белорусских училищ». К этому документу он приложил в виде заключения свои замечания о степени применимости новых мер к белорусским учебным заведениям и об устранении выявленных недостатков [2, № 4, с. 166].

Визитатор обнаружил в белорусских губерниях шесть видов учебных заведений:

1) «губернские гимназии, образованные по примеру русских», находящиеся на государственном обеспечении, языком преподавания которых был польский;

2) «гимназии по образцу русско-литовских», содержащиеся римско-католическим духовенством, с польским языком преподавания;

3) «уездные училища по примеру литовских», содержащиеся римско-католическим духовенством, с польским языком преподавания;

4) уездные училища, находящиеся на государственном обеспечении, в которых часть предметов преподавалась на польском, часть на русском языках;

5) народные училища, содержащиеся за счет казны, с русским языком преподавания;

6) приходские училища: светские, содержащиеся на средства городских дум, и духовные, действующие при церквях. Преподавание в них велось на польском языке, изучение русского языка ограничивалось «знанием церковной азбуки» для детей православного и униатского вероисповеданий [2, № 4, с. 186 – 187].

О.И. Сенковский отметил, что в 1826 г. Витебская губерния в составе Санкт-Петербургского учебного округа занимала второе место после Петербургской по числу учебных заведений. Здесь действовало 29 учебных заведений всех выше перечисленных типов, в которых обучалось 1300 учеников. Могилевская же губерния в этом отношении стояла значительно ниже: при одинаковом числе уездов (12) и при численном преобладании населения почти на 25% (672 тыс. – в Витебской, 892 тыс. – в Могилевской) в ней действовало только 16 учебных заведений и обучалось 830 человек [2, № 4, с. 187 – 190].

О.И. Сенковский посетил большую часть учебных заведений и почти во всех обнаружил довольно низкий уровень знаний учащихся. Исключением был лишь Вольный пансион для благородных детей в Витебске, находившийся на содержании госпожи Яновской.

Неудовлетворительное состояние государственных учебных заведений визитатор связывал с низким уровнем квалификации учителей и с существовавшей в Виленском учебном округе практикой ссылать в Витебскую и Могилевскую губернии учителей из других губерний в наказание за их дурное поведение.

Монашеские римско-католические ордена, по мнению ревизора, содержали училища «не для того, чтобы распространять просвещение, содействуя видам и духу правительства, но с тем единственно намерением, чтобы направлять оное к своей цели, владеть умами верных посредством воспитываемого им юношества, усиливать свое влияние над всеми обстоятельствами жизни частных людей …» [цит. по: 2, № 5, с. 103]. Успехи учащихся в них, по мнению О.И. Сенковского, были также крайне низкими. Но он откровенно признается, что ни в его власти, ни во власти университетского начальства исправить существенные недостатки этих учебных заведений и искоренить господствующий в них антиправительственный дух.

Что касается степени применимости в белорусских губерниях предложенных генерал-губернатором Н.Н. Хованским мер, то О.И. Сенковский заметил, что введение основательного изучения русского языка в учебных заведениях встречало довольно значительные затруднения. Директора училищ уведомляли, «что по неимению коренных русских учителей, во многих училищах даже русскому языку обучали поляки, часто весьма неосновательно знающие оный» [цит. по: 2, № 4, с. 169]. Обучение польскому языку, по мнению О.И. Сенковского, должно было быть сохранено во всех государственных

учебных заведениях, потому что это был язык законодательства и католического вероисповедания, и исключение его могло бы спровоцировать перевод учащихся в учебные заведения, содержащиеся римско-католическим духовенством.

Подробно изучив состояние просвещения в белорусских губерниях, О.И. Сенковский пришел к мысли о необходимости коренного преобразования учебных заведений этих губерний на новых принципах. Вместе с тем он считал невозможным применить к белорусским учебным заведениям ту систему организации учебного процесса, которая существовала в российских губерниях, объясняя это отличием Белоруссии от «прочих российских губерний как вероисповеданием жителей, так и нравами их и образом жизни». Другая причина, по его мнению, заключалась в значительном расхождении процентного соотношения состава населения Белоруссии и России. В Белоруссии большой процент населения приходился на шляхту и среднее сословие, в то время как в России доля дворянства в общем составе населения была незначительна, а вся система просвещения строилась исходя из сословного состава населения. Все это служило основанием для особенного устройства белорусских учебных заведений, и О.И. Сенковский предложил свой проект преобразований [Цит. по: 2, № 5, с. 110].

Первым и необходимым шагом для расположения юношества к русскому правительству должно было быть упразднение всех училищ, содержащихся и управляемых польским духовенством, а вместо них учреждение училищ светских. Белорусские учебные заведения необходимо было устроить «по образцу новых учебных заведений Виленского округа» с учетом потребностей жителей этих губерний и равномерно распределить их по губерниям. Учитывая многочисленность дворянства и отдаленность губерний от университетов, О.И. Сенковский считал необходимым учредить лицей, назвав его Белорусский, который до известной степени заменил бы университет. Предлагалось учредить три гимназии, которые находились бы в Витебске, Могилеве и Креславле. В каждой губернии предлагалось открыть по семь уездных 4-классных училищ, а также возложить обязанность на духовенство учреждать 2-классные приходские училища там, где они раньше существовали [2, № 5, с. 112-116].

Таким образом, по проекту О.И. Сенковского в белорусских губерниях возникала стройная система учебных заведений, но отличная от принятой в губерниях Санкт-Петербургского учебного округа.

Замечания О.И. Сенковского и его предложения не остались без внимания правительства. Последствием этого явилось издание указа 17 января 1829 г., согласно которому Витебская и Могилевская губернии изымались из ведения Санкт-Петербургского учебного округа и

для управлениями ими назначался особый попечитель, подчиненный непосредственно министру народного просвещения [4, с. 271 – 273].

1. Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. 1803 – 1864. – СПб., 1867.
2. Новоселов, А. Ревизия профессором Сенковским Белорусских училищ в 1826 году / А. Новоселов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1872. – № 4, № 5.
3. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Т.1. – 1802 – 1825. – СПб., 1875.
4. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Т.2. – 1825 – 1839. – Изд. 2-е. – СПб., 1875.

Косарева С.Г.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ВИТЕБСКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

После вхождения белорусских земель в состав Российской империи в качестве магистрального направления в утверждении норм и правил российской жизни было избрано образование. Развитие капиталистической экономики во второй половине XIX века также выдвинуло на передний план вопросы распространения грамотности, расширения общего и профессионального образования. Новые и, зачастую, противоречивые явления в области народного просвещения ощущались, прежде всего, в городах. Витебск не был исключением.

Еще в первой половине XIX века происходит формирование 3-х ступенчатой образовательной структуры: приходские и уездные училища, гимназии. Особо значимыми для развития образовательной системы явились 1860-1870-е годы: появляются многочисленные распоряжения, регламентирующие создание и деятельность учреждений образования. Так, «Положения о начальных народных училищах» определяли условия и особенности формирования массовой народной школы в России. В Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской губерниях, входивших в состав Виленского учебного округа, развитие народного образования осуществлялось на основе особых «Временных правил». Высочайше утверждается положение об открытии в губернских городах при уездных училищах или гимназиях дополнительных классов землемерия и таксации. В 1865 году издается указ о преобразовании учебных заведений Виленского учебного округа (трехклассные уездные училища становились двухклассными), а в 1872 году было издано «Положение о городских училищах», согласно которому уездные училища подлежали преобразованию в городские [8, с.503].

В 1860-1870-е годы в Витебске, как и в других белорусских городах, в результате появления новых и реорганизации старых учебных заведений наблюдалось огромное разнообразие начальных и средних учреждений образования. В городе действуют мужская Александровская гимназия, несколько женских учебных заведений (трехклассная гимназия и четырехклассные пансионы), частные одноклассные школы (более десяти заведений), одно духовное, два приходских училища, уездное двухклассное и три казенных еврейских училища, а также две еврейские школы для бедноты [9, с.175]. В 1880-1890-е годы в городе открывается городское четырехклассное начальное училище с ремесленным классом, еврейские начальные училища и церковноприходские школы. В программу городских училищ входило обучение чтению и письму, изучение Закона Божьего, арифметики, а также отечественная (российская) история, естествознание, география и церковнославянское чтение. Недостаток данных учебных заведений заключался в том, что их выпускники не могли продолжить свое образование в средних учебных заведениях [3, с.5].

В 1871 году в городе была основана фельдшерская школа. Она являлась в некоторой степени общеобразовательной, так как здесь преподавались русский и латинский языки, арифметика, а также специальные дисциплины – уход за больными, кровопускание и т.п.

В 1860–1880-е годы большая часть образовательных учреждений переходит к духовному ведомству. В 1864 году в Витебске открывается епархиальное женское училище. В 1887 году учреждается Витебское Свято-Владимирское епархиальное братство. Оно организовывалось с целью распространения и утверждения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. Это братство взяло на себя руководство церковными школами, обеспечивающими начальное образование [1, с.12].

Форма управления системой учебных заведений в Беларуси отличалась от управления учреждениями образования в великорусских губерниях. Так, в 1864 году принимается постановление о назначении при Управлении Виленским учебным округом особого помощника попечителя и при нем секретаря для заведывания учебными заведениями в Витебской и Могилевской губерниях. Вводился многоуровневый правительственный контроль над всеми сторонами жизни школы.

Существовали ограничения для населения неправославного вероисповедания при поступлении в учебные заведения (кроме низшей начальной школы). Лица неправославного вероисповедания не допускались к учительской работе. Продолжалась борьба с обучением на родном языке, о чем свидетельствуют «Временные правила о взысканиях за тайное обучение в северо- и юго-западных губерниях» от 1892 года.

Таким образом, с 1860-х годов резко усилилась идеологическая обработка белорусского населения через учреждения образования с целью искоренения всех этнических особенностей. Правительство России делало ставку на школу с русским языком обучения, прозрачную с точки зрения контроля над ходом и характером образовательно-воспитательного процесса. Именно русская правительственная школа должна была укрепить учащихся в православной вере, воспитать уважение и преданность правящей династии.

Значительное количество учреждений образования в Витебске во второй половине XIX века способствовало более широкому распространению образованности среди жителей города. Если в 1865 году из 27868 жителей Витебска русскую грамоту знали 5723 человека, польскую – 1948, еврейскую – 3663 человека, то общее количество учащихся в 1883 году выросло на 24 %. Однако и количество жителей за это время увеличилось почти в 2 раза. В 1881 году в городе насчитывалось более 48 тысяч жителей, а в 1897 году – уже 66 тысяч. При такой демографической ситуации учебных заведений все равно не хватало [6, с.170].

К началу XX века в Беларуси продолжала функционировать громоздкая структура школ. Разнотипность учебных заведений, изолированных друг от друга, исключала возможность создания единой системы общего образования, однако в период 1905-1914 годов наметились определенные сдвиги в развитии образовательной системы.

В 1904 году количество жителей в Витебске возросло до 81 тысячи, но одновременно и увеличилось количество средних учебных заведений. Были открыты женская Алексеевская гимназия, частные женские гимназии А.А.Варвариной и К.М.Черновой, частная мужская гимназия И.Р.Неруша, еврейские прогимназии Д.С.Давыдовой и Р.Л.Хавкиной и др. Такие гимназии подчинялись распоряжениям местного учебного округа и придерживались государственных программ обучения. Содержались частные гимназии в основном за счет платы за обучение, однако им выделялись и небольшие правительственные субсидии.

Значительно увеличилось количество низших учебных заведений. Однако возможность получить начальное образование в Витебске имело только около двух тысяч детей. Более трех тысяч человек оставались за порогом начальной школы. Отсутствие денежных средств не позволяло открывать новые начальные училища. Спрос на получение начального образования удовлетворялся путем открытия дополнительных отделений при уже существовавших приходских училищах [4, с.478].

С начала XX века предпринимаются меры по расширению сети низших профессиональных учебных заведений. Туда принимались де-

ти и подростки, окончившие начальные училища. Кроме обучения профессиям в них изучались и общеобразовательные предметы. При городских училищах открывались профессиональные курсы и классы (бухгалтерские, почтово-телеграфные и др.). В 1911 г. открывается Витебское реальное училище, также действует низшее мужское железнодорожное училище и 6-месячные курсы при трамвайном депо. Вопросы о развитии профессионального образования обсуждались на заседаниях Витебского губернского земства. Так, в 1913 году было решено ликвидировать городские повивальные школы и открыть дополнительные школы акушерок [2, с.25].

Особо остро встала проблема подготовки педагогических кадров. Начинает развиваться система ускоренной подготовки учителей путем создания педагогических курсов и классов. В июле 1910 г. начинает действовать Витебский учительский институт – первое учебное заведение подобного типа в Беларуси. Здесь преподавались педагогика, психология, природоведение и др. В 1911 году в городе начинает работать Витебский филиал Московского археологического института, где велась подготовка археологов и архивистов.

Особый интерес вызывает тот факт, что в начале XX века в Витебске появляется много учебных заведений, где могли обучаться девушки. В некоторые училища был разрешен прием девочек, а с преобразованием в 1912 году городских училищ в высшие начальные училища возможности получить образование для них расширились. Профессиональное образование чаще всего получали женщины мещанского происхождения. На звание народной учительницы экзаменовались в основном девушки православного вероисповедания. Однако абсолютное большинство среди получающих профессиональное образование женщин составляли еврейки: их удельный вес в медицинских, коммерческих, ремесленных учебных заведениях Витебска, по сравнению с женщинами других национальностей, был значительно выше [5, с.39].

В Витебске издавались многочисленные работы учебного характера. Из них следует отметить труды А.Бадендика по немецкому языку, М.Дымниша и С.Семенова по математике, А.Иверсена, М.Ракитского и Г.Хабаса по русской грамматике. В 1913-1914 годах изданы две книги В.Попова – «Живая природа» и «Записки химика», в которых в доступной форме рассказывалось о естествознании [7, с.17].

Таким образом, система образовательных учреждений в Витебске перед началом Первой мировой войны была довольно разнообразной и была представлена: учительским институтом и филиалом Московского археологического института, мужскими и женскими гимназиями и прогимназиями (как правительственными, так и частными), мужской духовной семинарией и епархиальным женским училищем, женскими и мужскими начальными училищами, городскими четырехклассными

училищами, реальным училищем и различными профессиональными курсами и ремесленными заведениями и даже детскими садами. Особое место отводилось еврейским учреждениям образования.

Несмотря на многочисленность и разнообразность городских общеобразовательных и профессиональных учреждений образования, проблема распространения образованности по-прежнему оставалась острой. Недостаточное финансирование, постоянный правительственный контроль над содержанием и ходом учебно-воспитательного процесса, политика русификации в некоторой степени тормозили дальнейшее распространение грамотности и профессиональной образованности среди городского населения.

1. Восович, С.М. Деятельность Витебского Свято-Владимирского епархиального братства в сфере народного образования в 1887 г. – начале XX века / С.М.Восович // Веснік ВДУ імя П.М.Машэрава. – 2007. – № 2. – С. 12 – 17.

2. Краткий очерк трехлетней деятельности Витебского губернского земства 1-го созыва. – Витебск: Губернская типография, 1915. – 87 с.

3. Моторова, Н.С. Витебские городские училища (1897 – 1914 гг.) / Н.С. Моторова // Веснік ВДУ імя П.М.Машэрава. – 2008. – № 3. – С. 3-7.

4. Народное образование в Виленском Учебном округе. Приложение к Циркуляру по Виленскому Учебному округу. Восьмой год издания. – Вильна: Электро-типография «Русский почин», 1908. – № 11.

5. Новік, Н. Жаночая прафесійная адукацыя на Беларусі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / Н. Новік // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 5. – С. 34 – 39.

6. Памяць: Віцебск: Гіст.-дакум. хроніка горада Віцебка: У 2-х кн. Кн. 2 / Рэд. кал.: Г.П.Пашкоў, А.У.Русецкі [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2003. – 680 с.

7. Подлипский, А.М. Книга в Витебске: (Книгоиздательская деятельность, библиотеки и книголюбы Витебска): Дооктябрьский период / А.М. Подлипский. – Витебск: Обл. укрупн. тип., 1999. – 64 с.

8. Сапунов, А.П. Витебская старина. Т. 1 / А.П. Сапунов. – Витебск: Типография губернского правления, 1883. – 654 с.

9. Сементовский, А. Витебск. Статистический очерк / А. Сементовский // Памятная книжка Витебской губернии на 1865 г. / Под ред. А. Сементовского – СПб.: Типография К.Вульфа, 1865. – С. 93 – 275.

Ершова О.И.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАЧАЛЬНОГО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1860-Х ГГ.

Эпоха правления Александра II ознаменовалась рядом реформ, одной из которых стала реформа системы образования. В результате в Российской империи появилась так называемая массовая школа. В условиях массового начального образования посещать школу (или

училище, это название чаще употреблялось в XIX в. – Е.О.) получили возможность многие дети школьного возраста. Чем объяснялось небольшое количество учеников в России в дореформенный период? Среди ряда причин следует выделить незначительное число начальных учебных заведений. Не составляла исключения и Витебская губерния. Так, в 1855 г. на ее территории действовали два пятиклассных и четыре трехклассных дворянских училища, 18 приходских училищ, одна школа для начального обучения бедных девиц – всего 25 начальных учебных заведений. [1, с. 135] Еще одной особенностью организации начального образования в Российской империи являлось отсутствие единоначалия в сфере управления. Учебные заведения открывало не только Министерство народного просвещения, но и Министерство государственных имуществ. Например, половина приходских училищ Витебской губернии находилась в ведении данного министерства. Открывал на Витебщине начальные учебные заведения и Св. Синод.

Подготовка крестьянской реформы тянула за собой преобразования в других сферах общественной жизни. Возглавило процесс реформирования системы образования Министерство народного просвещения. Уже в ходе разработки и обсуждения проекта преобразований системы начального образования появилось мнение о том, что он не подходит для так называемых белорусских губерний. На рубеже 1850-1860-х гг. Витебская губерния, как и Могилевская, входили в состав Санкт-Петербургского учебного округа. Виленская, Гродненская и Минская губернии вместе с Ковенской образовывали Виленский учебный округ. С 1859 г. от населения белорусских губерний стали поступать прошения с просьбой обучать детей польской грамоте [10, л. 7-8]. Правительство посчитало, что данную активность спровоцировали местные помещики. 23 марта 1863 г. император утвердил «Временные правила для народных школ в губерниях Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской» [7, № 39411]. Именным указом 7 октября 1864 г. Витебская и Могилевская губернии были включены в состав Виленского учебного округа [8, № 41331]. С этого момента развитие сферы начального образования в Витебской губернии оказалось тесно связано с остальными белорусскими губерниями. До конца XIX в. оно определялось «Временными правилами», установившими жесткий правительственный контроль за школой.

Непосредственно в губернии контроль осуществляла дирекция народных училищ. В 1864 г. заработала дирекция народных училищ Витебской и Могилевской губерний. В 1866 г., после отделения дирекции народных училищ Могилевской губернии, Витебская дирекция стала самостоятельной [9, № 43723]. Она состояла из директора, инспекторов и канцелярских служителей. В обязанности инспектора входила ревизия начальных учебных заведений. На одного инспекто-

ра, согласно «Временным правилам», должно было приходиться не более 50 училищ. На практике данная норма нарушалась. В Витебской губернии на одного инспектора во второй половине 1860-х гг. возлагалась ревизия 79 училищ, что было вызвано ростом количества начальных учебных заведений.

С момента своего учреждения дирекции руководили народными училищами, открываемыми в городах и селах согласно «Временным правилам». В зависимости от источников финансирования эти училища делились на три вида: штатные, сверхштатные и общественные. Штатные содержались за счет средств Государственного казначейства, сверхштатные – за счет пособия из казны и денег, выделявшихся крестьянами. В 1864 г. в Витебской губернии работало 62 штатных и 61 сверхштатное училище.

На Витебщине изначально пособие штатному училищу составляло не менее 175 руб. в год. Сверхштатные училища получали от государства ежегодно от 20 до 100 руб. [5, с. 4-5]. В 1866 г. учебная администрация пришла к выводу о непроизводительности расходов на сверхштатные училища, учебно-воспитательное и хозяйственное состояние которых не улучшалось. Было принято решение лишить эти училища пособий, а освободившуюся сумму пустить на открытие новых штатных [3, л. 7 – 8 об.]. В результате к 1869 г. количество штатных училищ в Витебской губернии выросло в полтора раза (123), а сверхштатных уменьшилось до 23 [1, с. 144]. Увеличение числа штатных училищ за относительно короткий срок стало возможным также благодаря тому, что государственное пособие потеряло фиксированный характер: с 1866 г. часть жалования учителю штатного училища начали выплачивать крестьяне [4]. Сэкономленные таким образом ассигнования из Государственного казначейства стало возможным пустить на открытие и обеспечение новых штатных училищ.

Исходя из особенностей национально-конфессионального состава населения Витебской и Могилевской губерний, тяготения определенной его части к русской культуре, правительство сочло допустимым расходовать на местные народные училища суммы меньшие в сравнении с остальными белорусскими губерниями, где размер государственного пособия штатному училищу составлял 200 руб. В абсолютном выражении сумма, выделявшаяся с 1864 г. из казны для народных училищ Витебской губернии, составляла 14113 руб. 75 коп. и в абсолютном и относительном выражении была меньше, чем суммы, предназначавшиеся для Виленской, Гродненской и Минской губерний [1, с. 152]. Для того, чтобы открыть на эти деньги как можно больше училищ, Витебская дирекция уже с 1864 г. прибегала к выплате пособий и сверхштатным училищам, а с 1866 г. отказалась от фиксированного характера пособия штатным училищам, сумма которого стала

уменьшаться. Вследствие разочарования в сверхштатных училищах Витебская дирекция стала обеспечивать их только бесплатными учебными пособиями, тогда как в остальных белорусских губерниях училища данного вида получали и небольшую денежную поддержку. После лишения ряда сверхштатных училищ государственного пособия крестьяне отказались их содержать, поэтому число данных учебных заведений в губернии к 1869 г. значительно снизилось. Такого снижения, однако, не произошло в Могилевской губернии, в которой проживало больше православного населения, более терпимо относящегося к правительственным училищам. Общественных училищ, полностью находившихся на содержании крестьян, в подчинении Витебской дирекции в 1860-х гг. не было вообще.

К 1865 г. в ведение дирекции народных училищ Витебской губернии перешли приходские училища – всего 12. На их содержание государство выделяло 2256 руб. в год, что составляло 41,9% от всего объема финансирования. От местных городских обществ поступало 58,1% средств. Во второй половине 1860-х гг. бюджет приходского училища в Витебской губернии колебался в пределах 448-478 руб. [1, с. 160, 163] Если сравнить эту сумму с максимальным размером пособия штатному училищу, то обнаружится разница в 2,6 раза. Она являлась результатом того, что, в дополнение к государственному пособию, крестьяне несли в отношении сельского училища расходы и в натуральном выражении. Они должны были обеспечить отопление и освещение школьного здания, нанять прислугу и сторожа, проводить ежегодный ремонт. Кроме этого, большие затраты были связаны с обеспечением сельского училища помещением.

При 11 приходских училищах Витебской губернии работали женские смены – для обучения девочек. Учебный процесс проходил в помещении приходских училищ, только в послеобеденное время. Женские смены финансировались полностью за счет государства, получая в год 250 руб. Государство вынуждено было взять на себя данные расходы, потому что население городов Витебской губернии достаточно равнодушно относилось к развитию женского образования, не спеша выделять на это деньги.

С 1867 г. дирекция управляла школами в селах бывших государственных крестьян, ранее подчинявшихся Министерству государственных имуществ. К 1869 г. в губернии функционировало 30 штатных училищ бывших государственных крестьян. В итоге Витебская дирекция к началу 1870-х гг. руководила начальными учебными заведениями практически всех типов (кроме уездных училищ). Их насчитывалось 212, в том числе 11 двухклассных уездных училищ и две городские женские школы [1, с. 144].

Организацией учебно-воспитательной работы в народных училищах белорусских губерний, их хозяйственным обустройством ведали училищные советы. Кроме директора народных училищ и инспекторов, в училищный совет (существовавший в каждой губернии Виленского учебного округа) входили представители от духовного ведомства и Министерства внутренних дел. В первые годы училищный совет Витебской губернии рассматривал вопросы об открытии, закрытии, перемещении и преобразовании училищ. В округе было признано оптимальным устраивать одно училище на волость. Не следует забывать о том, что школа в Северо-Западном крае выполняла и политические функции. В русле политических установок из центра витебский училищный совет стремился с помощью школы убедить учащихся и родителей в том, что они принадлежат к русской национальности, привить уважение и любовь к императорскому дому, утвердить в вере православных, способствовать переходу в православие католиков. С этой целью училищный совет постановил открывать училища в первую очередь в наиболее окатоличенных уездах. [4]

Во второй половине 1860-х гг. большую помощь дирекции народных училищ Витебской губернии оказывали приходские священники. Они убеждали крестьян в пользе грамотности и необходимости жертвовать деньги на школы, указывали инспекторам удобные пункты для их открытия [11]. Священнослужители преподавали в училищах либо руководили молодыми учителями. Часть начальных училищ располагались в домах, принадлежащих священникам либо церковному причту. В 1864 г. больше всего таких помещений среди штатных училищ было в Витебской и Могилевской губерниях – 54,2% от общего числа [1, с. 147]. К 1869 г. в Витебской губернии церковные помещения для школ полностью исчезли. Уменьшалось и количество священников среди школьных учителей. В 1865 г. училищный совет Витебской и Могилевской губерний вынужден был отказаться от назначения священнослужителей на преподавательские должности, так как многочисленные обязанности по приходу не позволяли уделять школам много времени [6, с.45]. Основные усилия рядового духовенства сосредоточились на обучении учащихся Закону Божьему.

Таким образом, результатом образовательной политики российского правительства в Витебской губернии в середине и второй половине 1860-х гг. было создание системы правительственных начальных учебных заведений, подчинявшихся Министерству народного просвещения. На начальные училища в сельской и городской местности возлагалась задача распространения русской грамотности и воспитания законопослушных граждан. Большинство училищ получало финансирование (полностью или частично) из государственного бюджета.

К 1870 г. Виленский учебный округ по соотношению количества начальных училищ к численности населения занял третье место – после Дерптского и Варшавского [2, с. 51]. Тем не менее, достижения правительства в сфере народного образования белорусских губерний в 1860-е гг. являлись недостаточными с учетом увеличивавшейся потребности населения в грамоте.

Для оценки деятельности Министерства народного просвещения в Витебской губернии можно прибегнуть к рассмотрению трех показателей: общего количества начальных училищ, отношения их количества к площади губернии в кв. верстах, отношения количества учебных заведений к численности населения. Если сравнить показатели по пяти белорусским губерниям, то наименьшее число начальных учебных заведений работало именно в Витебской – 194 (данные 1866 г.). Самые низкие показатели давала губерния и по количеству населения на одну школу – 4301 человек. По числу кв. верст, приходящихся на одно училище, «обогнала» Витебскую губернию (203 кв. версты) только Минская (266 кв. верст) [1, с. 220]. В результате Витебская губерния отставала даже от официальных норм, разработанных специальной комиссией при Министерстве народного просвещения, и к началу 1870-х гг. оказалась самым проблемным регионом на Беларуси.

1. Ершова, О.И. Политика российского правительства в области начального образования во второй половине XIX в. (на материалах белорусских губерний Виленского учебного округа): дис. … канд. ист. наук: 07.00.03 / О.И. Ершова; Бел. гос. ун-т. – Мн., 2005. – 224 с.
2. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1870 год // Журнал Министерства народного просвещения. – 1872. – Ч. 160. – № 3. – С. 1-97.
3. НИАБ в г. Минске. Ф. 2507. Оп. 1. Д. 878.
4. Общие замечания к отчету о состоянии народных училищ Виленского учебного округа за 1864 год // Циркуляр по управлению Виленским учебным округом. – 1866. – Приложение.
5. Отчет Витебского училищного совета по управлению училищами, состоящими в его ведении, за 1866 гражданский год. – Витебск, 1867. – 83 с.
6. Отчет по управлению народными училищами в губерниях Витебской и Могилевской за 1865 гражданский год. – Вильна: Тип. А.Г.Сыркина, б.г. – 54 с.
7. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ): в 55 т. – СПб., 1830-1884. – Т. 38.
8. ПСЗ: в 55 т. – СПб., 1830-1884. – Т. 39.
9. ПСЗ: в 55 т. – СПб., 1830-1884. – Т. 41.
10. РГИА в Санкт-Петербурге. Ф. 733. Оп. 62. Д. 1482.
11. Серно-Соловьевич. Состояние народных училищ в Витебской губернии с 1865 по 1 января 1868 г. / Серно-Соловьевич // Журнал Министерства народного просвещения. – 1868. – Ч. 137. – № 3. – С. 335 – 347

Таранович К.Ю

УСЛОВИЯ ТРУДА НАРОДНЫХ УЧИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Развитие системы начального образования на белорусских землях во второй половине XIX века способствовало распространению грамотности среди широких слоёв населения. В связи с «Положением о начальных народных училищах» 1864 г. увеличилась сеть учебных заведений, обеспечивающих получение навыков чтения и письма детьми малоимущих семей. Преподавание учебных дисциплин в начальных школах осуществляли народные учителя.

Отношение к деятелям начального образования в Западных губерниях со стороны российского правительства имело определённые особенности. Так, идеал народного учителя представлялся российскому школьному управлению в образе толерантного, скромного, неприметного работника на ниве образования, который хорошо понимал важность учительского дела и самоотверженно служил церкви и царскому трону [10, с.78-79]. Основную задачу работников начального образования правительство Российской империи видело в проведении государственного курса по русификации края. Так, в 1864 г. назначалось 50% прибавки к жалованию всем лицам русского происхождения, служащим в Виленском учебном округе, что позволило «произвести коренную реформу в педагогическом составе начальных учебных заведений: все учителя поляки были уволены, а на их места вызваны из внутренних губерний благонадёжные лица православного исповедания» [9, с. 578]. При назначении на учительские должности отдавалось предпочтение лицам духовного звания. Принимались самые разнообразные меры по укреплению учительского состава округа русификаторами. Так, в 1867 г. учителя, которые по своим знаниям, усердию к службе и совершенной благонадёжности, с точки зрения начальства, заслуживали поощрения и были женаты на православных, наделялись землёй в количестве от 20 до 50 десятин. Особенно в выгодном положении оказались священники и дьяконы, взявшие на себя обязанности учителя по совместительству. Они не только получали жалование от казны как церковнослужители, доходы по приходу и земельным наделам, но и жалование по учительской должности [4, с. 160].

Тем не менее, в этот период продолжала остро ощущаться нехватка учительских кадров начального образования на белорусских землях. Так, в Могилёвской губернии вследствие ежегодного открытия новых начальных школ и частых случаев ухода с учительской службы, во всей губернии возникает к осени каждого года до 400 учительских вакансий [6, с. 31-32]. Минская, Гродненская, Виленская и

Ковенская губернии, входившие в Виленский учебный округ, также нуждались в учителях для народных школ [1, с. 581].

Нежелание народных учителей подолгу задерживаться на своей службе объяснялось крайне неблагоприятными условиями труда, в которых зачастую находились работники начального образования. Как правило, ответственность за содержание народных начальных школ ложилась на сельские общества. Крестьяне за деньги волости строили дома для народных училищ или отводили для них имеющиеся помещения, но обязательно возле православных храмов, а также за свой счёт обеспечивали отопление и свет в училищах, выплачивали жалование учителям. К примеру, в Городоцком павете Витебской губернии в 1881 г. на училище, которое содержалось на волостные суммы, было затрачено 203 руб. 9 коп. Некоторые начальные школы для крестьян постепенно переходили под патронат дирекции народных училищ, которая частично брала на себя расходы по обеспечению школ. В Минской губернии в 1876г. на содержание начальных училищ, подведомственных дирекции, было выделено из государственного казначейства 47,5 тыс. руб., а от сельских обществ – 27 тыс.руб.

В 60-е гг. XIX в. крестьяне часто старались избежать значительных выплат мирских сборов за счёт уменьшения жалований учителям и расходов на обеспечение школ. В следующее десятилетие эта тенденция продолжилась. Большинство народных училищ строились среди грязных и гнилых улиц, возле кладбищ и болот, под одной крышей с волостным управлением. Обычно дома, отпускаемые под школы, были сырыми и грязными, здесь вместо 30 человек занимались по 50-60, а в некоторых школах даже до 140 учеников. Иногда в помещении было трудно дышать, лист бумаги в течение 2-3 часов так отсыревал, что на нем становилось невозможно писать, часто не хватало столов и скамеек. Деньги на ремонт помещений крестьяне выделяли очень неохотно. В частности, в одной из деревень Гродненской губернии в здании народного училища углы прогнили настолько, что взрослый человек мог спокойно выйти через них [11, с. 84-88].

Отдельными, хотя и не всегда пригодными помещениями, в Виленском учебном округе к 1903 году пользовались 995 народных училища, 130 училищ помещались при волостных правлениях, 279 в наёмных домах, и значительная часть общественных училищ – в крестьянских избах [8, с. 14-19]. Некоторые школьные помещения были так холодны, что при сильных морозах зимой учение на долгое время прекращалось. Из учительских дневников видно, насколько сложно приходилось в зимнее время: «с наступлением морозов, несмотря на ожесточённую топку моей комнаты, я должен был ложиться спать, часто не снимая брюк, сюртука и сапог, укрываясь поверх ваточным пальто», «заглянем в комнату учителя: и в небо дыра, и в землю дыра,

а в среднем 6-7 градусов тепла, зимой в валенках и пальто не усидеть в комнате по вечерам» [5, с. 228].

В финансовом отношении народный учитель Беларуси находился в полной зависимости от крестьянских обществ. Казначейство в лучшем случае выплачивало менее половины жалования учителю. Так, учитель Тереховского народного училища (Могилёвская губерния) получал в год из казны 50 руб., из мирских волостных сумм 105 руб. и из сумм училищного фонда на наём прислуги 36 руб., на письменные принадлежности 24 руб. 50 коп. Учительница Головенецкой школы Гомельской волости получала жалованья 150 руб. в год от сельского общества, а казначейство ей ничего не оплачивало [4, с. 161]. В народных училищах Витебской губернии к 1898 г. содержание учителя в большинстве училищ составляло 150 руб., в меньшинстве восходило до 200 руб., и лишь в немногих случаях – до 300 руб. [7, с. 1-5]. На такое скромное годовое жалование народный учитель не мог как следует обеспечить себя даже пищей и одеждой. Так, из записок сельского учителя: «систематическое изнурение себя голодом, хотя и есть явление ещё далеко не крайнее, но, тем не менее, я уверен, что десятки подобных мне субъектов переносят равное со мной голодное испытание. Надетое на мне и составляло весь мой гардероб, так что, уходя из комнаты в ваточном пальто, я уносил на себе весь свой гардероб обыденный и с тем вместе праздничный. Притом, как нарочно, вся моя одежда, а также обувь требовали замены другою и уже в крайнем случае серьёзной починки. На это я не имел ровно никаких средств, а помогал горю лично, на месте. Бедный учитель иногда бессилен покрыть своим умом широкие дыры своей одежды» [5, с. 230].

В связи с ростом цен в начале XX в. материальное положение учителей стало невыносимым. Училищное начальство признало необходимым увеличить постоянное жалование учителям начальных школ до 300 руб. в год и обратилось с рекомендациями к сельским обществам. Последние во многих случаях соглашались на увеличение жалования, но были случаи и отказов.

Своё скудное жалование учитель получал, как правило, с опозданием на 2-3 месяца. За получением жалования учитель вынужден был по нескольку раз безрезультатно ездить в волостное правление или в уездный город, находившийся от школы на расстоянии в несколько десятков километров [4, с. 162].

К материальным лишениям в начальных училищах добавлялась и психологически напряжённая атмосфера, в которой работали народные учителя. Их права существенно ограничивались, а любая деятельность находилась под строгим контролем. Так, «Инструкция народным учителям Виленского учебного округа» предписывала работникам начального образования определённые правила взаимоотношений

с крестьянами, законоучителями, представителями дирекций народных училищ: «§ 49: к родителям учащихся и вообще к крестьянам учитель должен относиться ласково и дружелюбно, не избегая их, но сближаясь с ними настолько, на сколько этого будет требовать польза училища и звание учителя, как руководителя подрастающего поколения и члена общества. Сверх получаемого содержания, никакого другого вознаграждения за обучение детей от родителей и опекунов учитель получать не должен. § 50: учитель не должен ни прямо, ни косвенно вмешиваться в дела, к обязанностям его не относящиеся, например, в дела волостного правления. Ему воспрещается писать просьбы и жалобы от лица крестьян, какого бы они содержания ни были. § 51: к местному приходскому священнику и вообще к священнослужителям учителя должны относиться во всем уважении, как к духовным пастырям. § 62: учителю, помимо дирекций, воспрещается ходить с просьбами к высшему начальству». Регламентировалось даже свободное время учителей: «§ 59: в свободное от занятий время, особенно вакационное, учитель должен стремиться самостоятельно дополнять, укреплять и расширять своё образование, научное и педагогическое. Желательно, чтобы учителя в продолжение летних вакаций занимались собиранием сведений топографических и географических, а также изучали сельскохозяйственный быт крестьян, и затем собранный материал предоставляли в дирекцию» [3, с. 10-12].

Народные учителя находились под надзором приходских священников, которых попечитель округа просил немедленно сообщать ему в случае, если по своим нравственным качествам учителя оказались недостойными занимаемых ими должностей. Учитель не имел права отлучаться из школы без согласия местного законоучителя. В архиве сохранилось дело с жалобами на учителей Могилёвской губернии. В большинстве случаев жалобы эти являлись ложными обвинениями, подлогами, придирками и т.п. [4, с. 163]. Такое положение лишало учителей всякого рода творческой инициативы: «почти постоянное одиночество, скудный материал для мысли, невозможность добыть книги для чтения – всё это с течением времени заставляет мельчать молодую учительскую мысль, сродняться со средой, которая почти исключительно знает работу желудка и мускулов» [5, с. 231]. Свои переживания учителя часто фиксировали в дневниках: «Все – чужие, учитель – один, не к кому обратиться, не с кем поделиться теми слезами, которые уже успели накопиться на душе. Ты приехал в глухую деревню, к темному крестьянству. Хочешь поделиться своими знаниями, прочесть изредка попавшую в твои руки газету. Ведь это так бывает приятно делать. Но находятся люди, в лице закоренелых помещиков да сослуживцев-батюшек, которые сейчас же записывают тебя в число крамольников в дирекцию, в полицию сыплются донос за

доносом. Как всё это обидно, как тяжело переживать!» [2, с. 31-35].

До конца XIX века в Виленском учебном округе с учителей брались письменные клятвенные обещания верно служить и во всём повиноваться начальству. Учебное управление округа строго следило за тем, чтобы эти обещания своевременно представлялись и исполнялись [4, с. 165].

С целью улучшения материальных условий, в которых трудились народные учителя, в этот период начинают действовать «Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам народных училищ». Причина, вызвавшая потребность учредить подобные общества - крайне тяжелое положение народных учителей как во время их службы, так и особенно во время болезни и старости, когда силы слабеют и когда человек лишается возможности продолжать то дело, которому посвятил всю жизнь, а с тем вместе и нередко лишается насущного куска хлеба. Деятельность данных обществ предусматривала выдачу дополнительных пособий нуждающимся учителям и социальную помощь их семьям в случае необходимости. Однако таким правом могли пользоваться только те народные учителя, которые являлись членами «Общества взаимного вспомоществования» не менее 2 лет и своевременно вносили в кассу этого объединения ежегодно не менее 3 руб. Вместе с этим, денежные пособия выдавались только лицам, крайне нуждающимся, и единовременно в размере до 50 руб. одному лицу [12, с. 1-14].

Не смотря на попытки организовать помощь работникам начального образования по улучшению материального состояния и условий труда, положение народного учителя в Беларуси во второй половине XIX века оставалось сложным, что вызывало среди наставников частую смену и заставляло лучшие учительские силы преждевременно оставлять народные училища для поиска более обеспеченных должностей. После продолжительного и упорного труда, на который положены были все лучшие силы молодости, ожидала учителя, таким образом, тяжёлая жизнь в старости: здоровье их ухудшалось, всякий другой труд становился непосильным [7, с. 10-13]. Именно поэтому народные учителя так неуверенно и с опаской смотрели в будущее. И в самом деле, что ждало их? Участь безотрадная, жизнь бедная и трудовая, а старость необеспеченная.

1. Выпіска семенарыстаў з Расіі для замяшчэння пасад настаўнікаў у народных школах Беларусі (1864) // Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі. Т.2: (1772 – 1903 гг.) – 1940. – 938 с.

2. Из жизни сельского учителя // Голос учителя: Изд. группы учителей и учительниц Витебской губернии. – Сборник 1. – 1908. – 83 с.

3. Инструкция народным учителям Виленского учебного округа. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1871 г.

4. Кириллов, М.К. Начальная школа Белоруссии во второй половине XIX и в начале XX в. (1860 – 1907) / М.К. Кириллов // Из истории школы Белоруссии и Литвы / ответственный редактор В.З. Смирнов. – Москва: Просвещение, 1964. – 322 с.

5. Никифоровский, Я.Н. Четыре листка из памятной книжки сельского учителя / Я.Н. Никифоровский // Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост. Э.К. Дорошевич, М.С. Мятельский, П.С.Солнцев.– М.: Педагогика, 1986. – 468 с.

6. Об учащих в начальных училищах губернии // Журнал совещания инспекторов народных училищ Могилёвской губернии по вопросам начального образования в этой губернии от 28 ноября – 3 декабря 1913 года. – Могилёв: Губ. тип., 1914 г.

7. Открытие общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам народных училищ Витебской губернии. – Витебск: Губ.тип., 1898.

8. Попов, В.А. Речь, произнесённая г. попечителем Виленского учебного округа В.А. Поповым 24 января 1903 года на торжественном заседении Попечительского совета по случаю столетия учебного округа. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1903. – 42 с.

9. Русіфікацыя школ і становішча школьнай справы ў Беларусі // Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі. Т.2: (1772 – 1903 гг.) – 1940. – 938 с.

10. Снапкоўская, С.В. Настаўніцтва і кадравая палітыка ўрада / С.В.Снапкоўская // Гісторыя адукацыі і педагагічнай думкі Беларусі (60-я гг. XIX – пач. XX ст.): вучэб. дапаможнік для студэнтаў вышэйш. навуч. установ. – Мінск: НІА, 2001. – 160 с.

11. Талмачова, С.А. Культурна-выхаваўчая дзейнасць сялянскага самакіравання / С.А. Талмачова // Гісторыя Беларусі перыяду капіталізма: дапаможнік у 5 ч. Ч.2 Актуальныя праблемы аграрнай гісторыі / склад. А.П.Жытко і інш.; пад агул. рэд. А.П. Жытко. – Мінск: БДПУ, 2007. – 230 с.

12. Устав общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Могилёвской губернии. – Могилёв на Днепре: Тип. Я.Н.Подземского, 1900.

Помалейко О.Л.

ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОСТАВА ШКОЛ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Гендерная проблематика в нашей стране является востребованной специалистами в разных областях уже более 15 лет. В современной белорусской историографии в этом направлении накоплен значительный ряд исследований историков, психологов, социологов, педагогов и культурологов. В нижеприведенном материале представлен гендерный анализ педагогического состава общеобразовательных предметов в различных категориях школ Витебской губернии начала XX в. С целью максимального раскрытия темы и большей наглядности предложен ряд таблиц.

1. Численность педагогов

В начале XX в., вследствие государственной заинтересованности в распространении среди женщин педагогической профессии, отмечается быстрый рост численности учительниц и преподавательниц в различных учебных заведениях Российской империи. К примеру, в начальных школах Виленского учебного округа процент женщин-учительниц вырос по сравнению с 1894 к 1911 г. на 12,9% [1]. Наибольший рост был отмечен в Гродненской губернии – 19,4%, минимальный в Минской – 1,6%. В Витебской губернии количество учительниц за 17 лет выросло на 15,4%.

Из таблицы № 1 видно, что в 1912 г. в школах Витебской губернии работало как минимум 1593 учителей обоего пола. Учительниц было на 12,4% больше, чем их коллег мужчин. В министерских школах преобладали учителя, а в земских и церковноприходских – учительницы [2, с. 61–62].

Таблица №1 Число преподавателей общеобразовательных предметов в школах различных типов Витебской губернии в 1912 г.

Типы школ	Число преподавателей общеобразовательных предметов			В процентах	
	учителей	учительниц	всех	учителей	учительниц
Начальные М.Н.П.	263	199	462	56,9	43,1
Начальные Земские	287	456	743	38,6	61.4
Церковно-приходские	145	231	376	38,6	61,4
Частные	1	11	12	8,3	91,7
Итого	696	897	1593	43,8	56,2

Практически поровну учителей и учительниц было в Лепельском уезде. В большинстве уездов процент учительниц колебался от 53,9% до 71,0%, достигая наибольших размеров в Витебском – 71,0% (127 учительниц), Невельском и Дриссенском уездах (по 66,4%). Наименьший процент женщины составляли в Себежском уезде – 37,7% против 62,3% учителей [2, с. 62].

2. Образовательный уровень педагогов

На 1 января 1911 г. в школах Витебской губернии по образовательному цензу учителя и учительницы распределялись следующим образом: учителей со средним светским образованием было 0,7%, со средним духовным – 5,0%, со средним специально-педагогическим – 30,6%, с низшим и домашним – 63,7%. Учительницы составляли соответственно 26,3%, 50,0%, 0,6% и 23,1%. Следует констатировать крайне низкий процент учительниц со средним специально-педагогическим образованием, не только в школах рассматриваемой

губернии, но и по всему округу, что подтверждается данными таблицы № 2.

Таблица № 2 Образовательный уровень педагогов Виленского учебного округа (по данным на 1911 г.)

Губернии	% педагогов с образованием							
	средним светским		средним духовным		средним специально-педагогическим		низшим и домашним	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Витебская	0,7	26,3	5,0	50,0	30,6	0,6	63,7	23,1
Гродненская	0,3	33,4	0,8	22,0	35,4	5,0	63,5	39,6
Минская	0,3	17,3	1,1	37,9	24,6	0,5	74,0	44,3
Могилевская	1,0	32,2	2,8	28,7	19,2	0,4	77,0	38,7
Всего	0,6	27,3	2,4	34,6	27,4	1,6	69,6	36,4

Данные по Витебской губернии за 1911 и 1912 гг. позволяют также констатировать в целом недостаточный образовательный ценз значительного числа учащих обоего пола. В 1912 г. из 1593 человек только 816 окончили средние или специально педагогические учебные заведения (51,2% общего числа). Отметим, что учительниц, окончивших средние учебные заведения, было больше, чем их коллег мужчин. В процентном соотношении учительниц со средним специальным – 4,1% и общим – 62,3%; учителей 20,2% и 12,6% соответственно. Таким образом, образовательный уровень учительниц в Витебской губернии в общей массе был выше образовательного уровня учителей: учительницы со средним образованием составляли 2/3 от общего числа, а учителя – 1/3, что подтверждается данными таблиц № 3.1 и 3.2.

Таблица № 3.1 Образовательный уровень учителей в Витебской губернии по данным на 1912 г.

Категории школ	Учителя				
	окончившие средние учебные заведения		окончившие низшие учебные заведения	имеющие свидетельство на звание учителя	итого
	специальные	общие			
Министерские	86	30	86	62	264
Земские	51	20	98	110	279
церковно-приходские	2	37	66	40	145
Частные	-	-	-	1	1
Итого	139	87	250	213	689

Таблица № 3.2 Образовательный уровень учительниц в Витебской губернии по данным на 1912 г.

Категории школ	Учительницы				
	окончившие средние учебные заведения		окончившие низшие учебные заведения	имеющие свидетельство на звание учительницы	итого
	специальные	общие			
министерские	10	125	32	31	198
земские	20	293	82	69	464
церковно-приходские	6	136	59	30	231
частные	1	9	-	1	11
Итого	37	563	173	131	904

Наиболее подготовленным к своим обязанностям мужской и женский персонал чаще встречался в министерских и земских школах.

3. *Педагогический стаж и учебная нагрузка*

В 1911 г. по Виленскому учебному округу (данные по 4825 учителям и 2843 учительницам) 66,5% учительниц и 54,1% учителей имели стаж менее 5 лет. Женщины же, проработавшие на педагогическом поприще 20 и более лет составляли – 4,8 %. Процент работающих их коллег мужчин в соответствующие временные рамки составлял – 6,1%.

Более подробные данные по Витебской губернии представим в виде таблицы № 4.

Таблица № 4 Распределение учащих по общей продолжительности их службы (по данным на 1912 г.)

Общая продолжительность службы обучающих	Министерские школы		Земские		Церковно-приходские		Частные	
	учителя	учительницы	учителя	учительницы	учителя	учительницы	учителя	учительницы
	В абсолютных числах							
1 год	35	25	64	111	15	20	-	-
2	30	16	32	72	16	34	1	3
3	25	20	33	69	16	25	-	-
4	20	18	26	48	14	29	-	-
5 лет	24	24	19	44	16	18	-	1
6-10 лет	55	39	71	62	35	42	-	2
11-15 лет	30	25	21	26	14	33	-	-
16-20 лет	22	12	7	12	6	14	-	1
21-30	14	7	3	5	4	15	-	2
Свыше 30лет	11	6	-	1	2	1	-	1
Итого	266	192	276	450	138	231	1	10

В 1912 г. из общего количества (1564 человек) 40% всех учителей и 45% учительниц вступили на 1912 г. на педагогическое поприще не более трех лет назад. Продолжительность службы учителей и учительниц в Витебской губернии мало различается: в период от 4-х до 10 лет учителей больше, чем учительниц на 4,1%; от 11 до 15 лет – почти одинаковый процент тех и других (9,5% и 9,6%), от 20 до 30 лет – учительниц на 0,2% больше, а после 30 лет на 0,9% больше учителей. От 20 и до 30 лет педагогический стаж имели – 21 учитель и 19 учительниц; свыше 30 лет – 13 и 9 соответственно. В целом же средняя продолжительность службы в Витебской губернии для учителей – 6,7 и учительниц – 6,1 лет.

По отдельным типам школ общая продолжительность службы учащих была такова:

типы школ	Средняя продолжительность службы	
	учителей	учительниц
министерские школы	8,0 лет	7,6 лет
земские	5,1	4,5
церковно-приходские	6,8	7,4

Отметим, что в «более молодых» земских школах, которых с 1903 по 1912 гг. в губернии было открыто 683 или 75,3% от общей численности, работали молодые преподаватели (первогодники) [2, с. 7, 68].

Свыше половины всех учителей и учительниц давали в неделю около 30 уроков, т.е. по 5 уроков в день. Так, в Витебском уезде 44-летние Фащевская А.В и Осиновская Е.В., имевшие на 1912 г. 26 летний педагогический стаж каждая, давали в неделю 29 и 30 уроков соответственно. В Полоцком уезде работало 6 учительниц со стажем от 20 лет и выше. Например, 52-летняя Красовицкая М.И., прослужила на педагогическом поприще 36 лет (36 уроков в неделю). 60-летняя Пороменская О.А. имела стаж 40 лет (давала 21 урок в неделю).

4. Социальное происхождение и семейное положение

Социальное происхождение учительниц Виленского округа с 1880 по 1911 гг. значительно изменилось. Произошло сокращение лиц из дворян с 23,8 до 15,2%; духовного звания соответственно с 68,5 до 31,5%. Увеличилось количество учительниц из крестьянского сословия с 1,2 до 23,7%, мещанского – с 3,7 до 16,4%; других сословий – с 2,8 до 13,2%. В 1911 г. в округе большинство учительниц (1019) были из духовного сословия и 765 из крестьян.

Имеющиеся сведения о распределении числа педагогов в Витебской губернии по их сословному происхождению раскрывают общую картину (без градации по полу). В целом, преобладали педагоги из крестьян (39,2%), духовного сословия (20%) и мещан (18,2%). Под-

считать точный процент принадлежности учительниц к тому или иному сословию не представляется возможным, т.к. фамилии и инициалы представлены без расшифровки. В Витебском уезде как минимум 31 учительница принадлежала к крестьянскому сословию (17%), к мещанскому – 23 (12%). В Полоцком – 22 из крестьян (22%) и 21 из мещан (21%).

Отметим, что семейных среди учительниц было очень мало. В Виленском учебном округе по данным на 1911 г. замужних учительниц – 1,3% [1, с. 13]. В Витебской губернии холостые учителя и незамужние учительницы составляли 74,1%. В Витебском уезде – 80%, в Полоцком – 81% учительниц в соответствии с семейным положением были девицы.

Таким образом, в начале XX в. педагогический состав школ Витебской губернии был неоднородным по половозрастному составу, образовательному и социальному уровням. Наблюдалась тенденция увеличения числа женщин-педагогов. Основные черты, как для учителей, так и для учительниц: широкая представленность выходцев из крестьянского и мещанского сословий, высокий процент холостых и незамужних, недостаточный уровень педагогического образования и незначительный педагогический стаж работы.

1. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. Вып.VIII. Виленский учебный округ.– Спб: тип. т-ва «Екатерингофское Печатное Дело»,1914. – 134 с.

2. Начальное народное образование в Витебской губернии в 1912 году. – Витебск: Тип. П.А. Подземского, 1915. – 97 с.

Салаўёва Н.В.

ЯКУБ КОЛАС І ВІЦЕБШЧЫНА: “ПЕРШЫ БЕЛАРУСКІ ВУЧЫЦЕЛЬ ПЕРШАЙ БЕЛАРУСКАЙ ШКОЛЫ”

Вялікі пясняр Беларусі Якуб Колас вядомы не толькі сваёй літаратурнай творчасцю. Абсягі яго дзейнасці надзвычай шырокія: паэт і празаік, драматург і перакладчык, крытык і публіцыст, педагог, настаўнік літаратурнай моладзі, а таксама і буйны вучоны. Але да гэтага быў доўгі шлях, адзін з этапаў якога наўпрост звязаны з куточкам Віцебскай зямлі.

Пачыналася ўсё яшчэ ў далёкім 1902 г., калі малады выпускнік Нясвіжскай настаўніцкай семінарыі Канстанцін Міхайлавіч Міцкевіч быў накіраваны для работы ў сельскую мясцовасць на Палессі. Пачатак XX ст. быў часам грамадзянскага і палітычнага сталення асобы Якуба Коласа, часам рэвалюцыйнага пад’ёму. У гэты час ён наладзіў

цесныя сувязі з настаўнікамі-аднадумцамі і стаў адным з ініцыятараў нелегальнага настаўніцкага з’езда (1906), мэтаю якога было далучэнне беларускіх настаўнікаў да Усерасійскага саюза настаўнікаў. З’езд быў выкрыты паліцыяй, а яго ўдзельнікі загадам Савета Мінскай дырэкцыі народных вучылішч звольнены з пасад і ўзяты пад следства.

Вясной 1907 г. паэт едзе ў Вільню з надзеяй уладкавацца ў рэдакцыю “Нашай нівы”. Нешматлікая рэдакцыя мела пільную патрэбу ў памочніках, аднак беларуская газета існавала на мізэрныя сродкі і не магла плаціць сваім супрацоўнікам. Якуб Колас, выконваючы абавязкі сакратара рэдакцыі, экспедытара і пастаяннага яе аўтара, атрымліваў талоны на танныя абеды і па 5 капеек штодзень на ўсялякія іншыя расходы [5, с. 31]. Сам Колас пра той час узгадваў наступным чынам: “Працаваў у “Нашай ніве”, толькі доўга затрымлівацца не давалі. Я там пісаў сваё, правіў допісы, перакладаў тое-сёе.

У самой рэдакцыі жыў, там і газету пакаваў, і падлогу падмятаў. Усё добра было б, хоць на тых заработках духі падводзіла, але паліцыя выганяла з горада. Потым дастаў дазвол на пражыванне і быў пры рэдакцыі, пакуль не прыйшло пісьмо ад памешчыка Гардзялкоўскага” [2, с.174].

Ліберальны памешчык Канстанцін Антонавіч Гардзялкоўскі быў падпісчыкам “Нашай нівы” і, маючы намер адкрыць беларускую школу ў адным са сваіх маёнткаў пад Талачынам, звярнуўся ў рэдакцыю газеты з просьбаю параіць яму вопытнага настаўніка. Ліст заканчваўся прыпіскаю: “Настаўнік мне патрэбен, які добра ведае беларускую мову. Плата 25 рублёў у месяц, плюс кватэра і сталаванне” [1, с. 276].

Журналіст, выдавец і актыўны грамадскі дзеяч А. М. Уласаў, што рэдагаваў у той час «Нашу Ніву», параіў на гэтае месца Якуба Коласа, пасля называючы яго «першым беларускім вучыцелем першай беларускай школы».

Ідэю аб адкрыцці беларускай школы выказаў маці Канстанціна Гардзялкоўскага, Тэрэзе, вядомы беларускі гісторык, археолаг і этнограф Іван Луцкевіч. Тэрэза Гардзялкоўская захаплялася літаратурай, займалася перакладамі на беларускую мову твораў Э. Ажэшкі і М. Канапніцкай, выдавецкай справай. Яна хутка згадзілася з прапановай, але даручыла гэту справу сыну, бо сама жыла ў Францыі і толькі на лета прыязджала ў свой маёнтак Слаўнае. К.А. Гардзялкоўскі падзяляў погляды маці і, як і бацька – удзельнік паўстання 1863-1864 гг. – знаходзіўся ў апазіцыі да царскага ўраду.

Першапачаткова школу меркавалася адкрыць у маёнтку Гардзялкоўскіх Папоўка, але малады настаўнік, даведаўшыся, што большасць вучняў будуць хадзіць на заняткі з суседніх вёсак Сані і Плоскае, прапанаваў размясціць школу ў вёсцы Сані (той парой гэта была Абчугская воласць, Сенненскі павет, Магілёўская губерня). Пад

школу ў Санях выбралі палову новай хаты селяніна Ларыёна Жураўлёва. Дзяцей набралі толькі ў чацвёрты клас (выпускны па праграме царкоўнапрыходскай школы) – усяго каля 20 вучняў.

Трэба адзначыць, што за школьнае памяшканне, абсталяванне, настаўніцкую працу плаціў пан. Падручнікі, сшыткі былі клопатам Коласа. Перад пачаткам заняткаў Канстанцін Міхайлавіч паехаў у Абчугу і купіў грыфельныя дошкі, сшыткі і ручкі на ўсіх вучняў. Значна горш было з падручнікамі. Прыйшлося пасласць пераводам грошы ў Вільню, каб рэдакцыя паклапацілася прыслаць "Беларускі лемантар", "Першае чытанне для дзяцей беларусаў" і іншыя беларускія кнігі.

Якуб Колас з захапленнем працаваў у школе, сам складаў задачкі на матэрыяле беларускага народнага побыту. Заняткі вёў, як і было дамоўлена з Гардзялкоўскім, на роднай мове.

Жывое слова настаўніка расчыняла перад вучнямі дзверы ў навакольны свет, вяло іх у глыбокае мінулае і далёкія краіны. Падчас заняткаў Якуб Колас шырока выкарыстоўваў рукапіс сваёй кнігі "Другое чытанне для дзяцей беларусаў", вывяраў на практыцы, як даходзяць да разумення вучняў яго апавяданні і пейзажныя замалёўкі.

Ідэяй стварыць падручнік для вучняў беларускай школы Канстанцін Міцкевіч захапіўся яшчэ ў 1906 г. І хоць такой школы яшчэ не было, але паэт верыў, што неўзабаве мары і намаганні лепшых сыноў народа здзейсняцца. Якуб Колас піша апавяданні і вершы для дзяцей, і ўжо да канца зімы 1906-1907 гг. падручнік пад назвай "Другое чытанне для дзяцей беларусаў" быў складзены (ён пабачыў свет у 1909 г. у выдавецтве "Загляне сонца і ў наша аконца" ў Пецярбургу) [5, с. 31].

Пры складанні падручніка аўтар кіраваўся думкай славутага рускага педагога К.Д. Ушынскага аб тым, што родная мова з'яўляецца самым верным і надзейным сродкам выхавання ў дзяцей любові да свайго народа і радзімы [5, с. 31]. Напісанне "Другога чытання..." прыпадае на такі час, калі ў беларускай літаратуры не было яшчэ ў неабходнай колькасці твораў для дзяцей, што прымусіла Коласа рабіць паэтычныя апрацоўкі народных казак, пісаць кароткія апавяданні і вершы для дзяцей. Творы, якія славуты пісьменнік рыхтаваў для кнігі, раскрывалі вучням хараство роднай прыроды, выклікалі ў іх цікаўнасць і дапытлівасць, знаёмілі з працай чалавека і прывівалі да яе любоў і павагу, давалі пэўныя звесткі па прыродазнаўству, садзейнічалі развіццю ў дзяцей інтэлектуальных здольнасцей і выхоўвалі ўзвышаныя грамадзянскія і чалавечыя пачуцці.

Выкарыстоўваючы напрацоўкі "Другога чытання..." на сваіх занятках у в. Сані, Якуб Колас з задавальненнем прыходзіў да думкі, што кніга ўдалася, ды шкадаваў, што яна толькі ў адным экземпляры. Таму дамашнія заданні настаўнік задаваў па "Нашай ніве", а таксама па кнізе "Гутаркі аб небе і зямлі". Гэтая папулярная брашура выйшла

ў Пецярбургу, і К.М. Міцкевіч выпісаў адтуль для свае школы дзесяць экземпляраў [1, с. 278]

Заняткі ў школе праходзілі па адвольнай праграме, складзенай Канстанцінам Міхайлавічам. У ёй не было Закону Божага і старасла-вянскай мовы. Вучыцца да новага настаўніка прасіліся і дзеці з прых-одскай школы, з-за чаго яе кіраўнік – бацюшка – сердаваў як на пана, арганізатара няправільнай школкі, так і на настаўніка. Даходзілі чуткі, што бацюшка ўсяляк высмейвае настаўніка-мужыка і яго мужыцкую школу, дзе заняткі ідуць “па простаму” [1, с. 279].

Вучні ж захапляліся і чалавечымі, і педагагічнымі якасцямі ма-ладога настаўніка. Былы вучань Коласа Фёдар Ларыёнавіч Жураўлёў узгадваў, што класік беларускай літаратуры ў маладосці “хлопец быў дужа стройны, добры і вучыў нас без ніякіх пакаранняў.

... Настаўнік прывозіў нам беларускія кнігі і газету “Наша ніва”. Мы развучвалі вершы, чыталі па-беларуску. Гэта былі заняткі, якія за-помніліся мне на ўсё жыццё. Мы адносіліся да іх з выключнай ахвотай, стараліся вучыцца, бо проста сорамна было быць дрэннымі вучнямі ў такога добрага настаўніка, якім з’яўляўся Канстанцін Міхайлавіч” [6, с. 8].

Па ўспамінах Дзям’яна Якубоўскага, Якуб Колас быў тым настаўнікам, які ўмеў разбудзіць душу, зацікавіць прыродай: “Памя-таю, як ён гаварыў нам, што прыйдзе час, калі ўсе дзеці будуць вучыцца ў добрых, вялікіх школах, што ў іх будзе многа цікавых кніг і ніхто не будзе хадзіць у лапцях. […] Канстанцін Міхайлавіч імкнуўся прывіць нам любоў да роднай мовы, размаўляў з намі толькі па-беларуску”.

У красавіку Канстанцін Міхайлавіч прыняў у 18-ці сваіх вучняў экзамен за пачатковы курс, які праходзіў у валасным цэнтру ў Абчугу і вымушаны быў вярнуцца да сваіх родных на Стаўбцоўшчыну, куды ўлады павінны былі прыслаць копію абвінаваўчага акта па справе ар-ганізацыі нелегальнага з’езда настаўнікаў. Нягледзячы на тое, што Якуб Колас вызначанага тэрміну ў школе не дабыў, Гардзялкоўскі, па ўспамінах паэта, “разлічыўся цалкам, заплаціў [...] залатымі пяцёркамі” [2, с. 174].

15 верасня 1908 г. мінскі суд прызначыў настаўніку Міцкевічу тры гады зняволення. Аднак Гардзялкоўскія не забываліся пра Кан-станціна Міцкевіча. Пані Тэрэза за свой кошт у 1912 г. выдала ў Віль-ні зборнік Якуба Коласа “Апавяданні” пад яго тагачасным псеўданімам – Тарас Гушча.

Такім чынам, настаўніцкая праца Якуба Коласа на Віцебшчыне працягвалася чатыры няпоўныя месяцы – з 8 студзеня да канца кра-савіка 1908 г. і мела гістарычнае значэнне для развіцця беларускай культуры, адукацыі, станаўлення нацыі ўвогуле. Менавіта тут, на

зямлі сённяшняга Талачынскага раёна, больш як стагоддзе таму быў запачаткаваны навучальны працэс на роднай мове тады яшчэ мала вядомым настаўнікам і літаратарам Якубам Коласам, які з цягам часу стаў народным паэтам Беларусі.

1. Александровіч, С. На шырокі прастор: Аповесць пра Якуба Коласа / С.Александровіч. – Мн., 1979. – 352 с.
2. Лужанін, М. Колас расказвае пра сябе / М. Лужанін. – Мн., 1964. – 324 с.
3. Маўр, Я. Старонка мінулага / Я. Маўр // Жыццё для народа: зборнік матэрыялаў аб жыцці і дзейнасці Якуба Коласа. – Мн., 1962. – С. 62 – 69
4. Мушынскі, М.І. Якуб Колас: Летапіс жыцця і творчасці / М.І. Мушынскі. – Мн., 1982. – 543 с.
5. Пшыркоў, Ю.С. Летапісец свайго народа: Жыццё і творчы шлях Якуба Коласа / Ю.С. Пшыркоў. – Мн., 1982. – 367 с.
6. Шпакоўская, Г. "Першы беларускі вучыцель першай беларускай школы" / Г. Шпакоўская // Народнае слова. – 2007. – 1 лістапада. – С. 8.
7. Якуб Колас: Да 100-годдзя з дня нараджэння: біябібліягр. паказ. – Мн., 1983. – 424 с.

Зыбина А.С.

У ИСТОКОВ ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ВИТЕБЩИНЕ: КЛАВДИЙ ИВАНОВИЧ ТИХОМИРОВ

В ноябре 2010 г. Витебский государственный университет отпразднует свой столетний юбилей. История нашего учебного заведения берет свое начало от созданного в г. Витебске в 1910 г. первого на территории Беларуси учительского института. У истоков данного учебного заведения стоял Клавдий Иванович Тихомиров, педагог, имевший в свое время достаточно широкую известность, как практической деятельностью, так и своими трудами в области педагогики и психологии.

Как нам представляется, жизненный путь и творческое наследие К.И.Тихомирова изучены недостаточно. Имеются краткие биографические статьи в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», справочнике «Даследчыкі полацка-віцебскай даўніны» и историко-документальной хронике «Память» г. Витебска [11; 6; 10]. При этом есть расхождения в датах рождения и смерти педагога, приведенные в данных изданиях. Наиболее основательно исследовал жизнь и деятельность Клавдия Ивановича ведущий витебский краевед А.М. Подлипский [4; 5; 7]. Педагогическое наследие К.И. Тихомирова интересовало исследователей истории педагогики. В 1986 г. одна из его работ была опубликована в «Антологии педагогической мысли Белорусской ССР» [8]. Эта

публикация снабжена небольшим предисловием, в котором дана характеристика педагогических воззрений Клавдия Ивановича. Обращался к наследию ученого доцент ПГУ В.Н. Лухверчик, в контексте исследования взглядов педагогов и деятелей культуры Беларуси второй половины XIX – начала XX в. на проблему подготовки учителей начальных школ [3]. Одним из малоизученных аспектов биографии Клавдия Ивановича является работа в должности директора Витебского учительского института. В работах, посвященных истории ВГУ, о нем крайне мало сведений. Так деятельность Витебского учительского института рассмотрел П.И. Цветков, не уделив, однако, внимания роли К.И. Тихомирова в его развитии [9].

Цель нашей работы: проследить жизненный путь К.И. Тихомирова, осветив его роль в создании и деятельности Витебского учительского института. Основным источником послужили воспоминания одного из преподавателей института Н.И. Зорина [2]. Также были использованы указанные выше исследования.

По сведениям А.М. Подлипского, родился К.И. Тихомиров 27 октября (9 ноября) 1864 г. в селе Славихино Старорусского уезда Новгородской губернии в семье священника. Получил образование в Петербургской духовной академии. С 1985 г. исполнял обязанности инспектора народных училищ Могилевской губернии. В январе 1903 г. был назначен директором Свислочской учительской семинарии. С 1905 по 1910 гг. К.И. Тихомиров возглавлял Полоцкую учительскую семинарию и, одновременно, женскую гимназию [7, с. 36 – 37].

Весной 1910 г. началась подготовка к открытию в Витебске учительского института. В марте К.И. Тихомиров был вызван в управление Виленского учебного округа, где попечитель предложил ему заняться подготовительной работой по открытию учебного заведения. Клавдий Иванович успешно справился с поставленными задачами: им было арендовано помещение под институт, организован ремонт, подобраны преподаватели. В частности, К.И. Тихомиров пригласил на работу в Витебск своих коллег из Полоцкой учительской семинарии: учителя графических искусств Д.И. Рохлина, преподавателя русского и церковнославянского языков Н.И. Зорина и учителя пения П.И. Смирнова [1, с. 137; 2, с. 14]. В августе 1910 г. статский советник Клавдий Иванович Тихомиров, освобожденный от должности директора Полоцкой учительской семинарии, был официально назначен директором Витебского учительского института.

Благодаря усилиям К.И. Тихомирова в сентябре была успешно проведена первая вступительная кампания. В итоге вступительных испытаний в институт было зачислено 35 человек из более чем ста абитуриентов. Занятия начались в октябре. 21 ноября состоялась торжественная церемония открытия учебного заведения, на которой при-

сутствовали многочисленные гости, в том числе губернатор, архиерей, представители Виленского учебного округа.

Институт вместе с опытным высшим начальным училищем при нем разместился в здании по улице Гоголевской. Во многом благодаря деятельности директора на протяжении первых двух – трех лет работы здесь были оборудованы учебные аудитории, организованы физико-математический, историко-географический и естественно-химический кабинеты. Постоянно пополнялся библиотечный фонд, который к 1913 г. насчитывал до 3 тысяч книг [9, с. 9 – 10].

Учебный процесс в Витебском учительском институте был организован по учебному плану и программам, утвержденным Министерством народного просвещения. В то же время, педсовет имел определенную самостоятельность в организации учебного процесса. Так преподавание педагогики, исходя из ее важности для учителя, было введено уже в 1 классе. Этот предмет вел сам Клавдий Иванович.

Подготовка специалистов проводилась на высоком уровне. Использовались различные формы и методы обучения и контроля знаний. Познавательная активность воспитанников стимулировалась ежегодным перераспределением стипендий в зависимости от показанных на экзаменах результатов. Будущие учителя проходили практику в опытном высшем начальном училище. Уроки давались в присутствии директора института, преподавателя-руководителя и того учителя городского училища, который преподавал данный предмет. Затем проводилось их обсуждение.

Учителя, окончившие Витебский учительский институт, были хорошо подготовленными педагогами и обладали систематизированными знаниями [9, с. 13 – 14]. Значительная заслуга в этом принадлежала К.И.Тихомирову.

Коллеги высоко ценили профессионализм и личные качества директора. Как писал в начале 1970-х гг. Н.И. Зорин А.М. Подлипскому, «Клавдий Иванович был первоклассным педагогом. Он хорошо владел и древними языками (греческим и латинским), и новыми (немецким и французским). К.И. Тихомиров был автором и переводчиком ряда статей по вопросам психологии и методики. Выделялся своими душевными качествами. Исключительно выдержанный и корректный человек, он никогда не разговаривал с кем-либо грубо, свысока. Вот таким – добрым и трудолюбивым – он запомнился студентам и коллегам по работе» [цит. по: 7, с. 38].

Уже с начала XX в. в печати стали появляться методические пособия и статьи Клавдия Ивановича: «Обучение грамоте» (1901), «Важнейшие выводы изучения памяти» (1905), «Слоговой метод обучение грамоте в новой обработке» (1911), «Психологические основы обучения» (1912) [11].

К.И. Тихомиров высказал некоторые идеи в области совершенствования методики начал обучения, рекомендовал использовать в педагогических учебных заведениях только передовые методы и методики, критиковал использование в начальной школе буквослагательного метода обучения грамоте. Клавдий Иванович считал, что в основу обучения чтению и письму должен быть положен аналитико-синтетический метод, который строится на осознанном различении в слове отдельных звуков, что может достигаться с помощью особых упражнений. К.И. Тихомиров придерживался идеи одновременного обучения чтению и письму [3,с.55]. Важным условием успешного обучения Клавдий Иванович считал интерес к учению и развитие внимания у учащихся, стремился осуществить всестороннее развитие воспитанников (использовал в педагогической практике внеклассное чтение, экскурсии и т.д.).

Будучи директором Витебского учительского института, К.И. Тихомиров принимал активное участие в общественной жизни города. Он был членом правления общества взаимопомощи народных учителей, включился в работу Витебской ученой архивной комиссии. Не имея своего помещения, с 1910 г. комиссия была размещена в здании Витебского учительского института. Там же размещались архив, библиотека, музей ВУАК. С 1912 г. Клавдий Иванович являлся ее председателем [7, с. 36]. При его активном участии в Витебске в 1911 г. был открыт филиал Московского археологического института, который также был размещен в здании учительского института. В 1912 г. в Витебске при участии Клавдия Ивановича был возведен памятник в честь героев войны 1812 года. В 1916 г. под редакцией К.И. Тихомирова вышел третий выпуск сборника ВУАК «Полоцко-Витебская старина» [4; 7, с. 38].

После преобразования учительского института в Витебский государственный педагогический институт Клавдия Ивановича отстранили от руководства. Он выехал в Гомель, где занимал должность заведующего губернским отделом народного образования и заведущего школьным подотделом народного образования Западных железных дорог [7, с. 38]. В 1919 г., вернувшись из Гомеля, К.И. Тихомиров приступил к работе в должности преподавателя Витебского педагогического института, а после, в 1920 – 1924 гг., возглавлял Высший сельскохозяйственный техникум [7, с. 39]. К сожалению, сведения о деятельности Клавдия Ивановича с 1924 по 1929 гг. не выявлены. Умер он в 1929 году. На надгробной доске была сделана лаконичная надпись: «Учитель Клавдий Иванович Тихомиров» [7, с. 39].

Таким образом, роль К.И. Тихомирова в создании и деятельности Витебского учительского института велика. Клавдий Иванович внес значительный вклад в подготовку учителей, а его психолого-

педагогические работы не утратили своей актуальности.

К большому сожалению, сегодня, на наш взгляд, память о К.И. Тихомирове не увековечена. Могила Клавдия Ивановича до наших дней не сохранилась, так как кладбище, располагавшееся в начале Московского проспекта, исчезло с карты города в послевоенный период. Далеко не каждый студент знает о первом директоре нашего учебного заведения. У входа в главный корпус стоит бюст с подписью: «К.И. Тихомиров», однако при его изготовлении была допущена серьезная ошибка: он сделан с фотографии преподавателя Н.И. Зорина. Как нам представляется, справедливость в этом вопросе должна быть восстановлена.

1. Дулаў, А.М. Пісьмовыя крыніцы па гісторыі Віцебскага настаўніцкага інстытута ў фондах музея гісторыі УА "ВДУ імя П.М. Машэрава" / А.М. Дулаў, Н.В. Салаўёва // 90 гадоў Віцебскаму абласному краязнаўчаму музею: матэрыялы навук. канф., Віцебск, 30 – 31 кастр. 2008 г. / рэдкал.: Г.У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск, 2009. – С. 132 – 138.

2. Зорин, Н.И. Организация и торжественное открытие Витебского учительского института / Н.И. Зорин // Веснік ВДУ імя П.М. Машэрава. – 2000. – № 3. – С. 13 – 17.

3. Лухверчик, В.Н. Проблемы подготовки учителей начальных школ в трудах ученых, педагогов, деятелей культуры Беларуси второй половины XIX – начале XX века / В.Н. Лухверчик // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Е. Педагогические науки. – 2004. – № 5. – С. 52 – 56.

4. Падліпскі, А. Настаўнік Ціхаміраў / А. Падліпскі // Віцебскі рабочы. – 1975. – 27 жніўня. – С. 3.

5. Падліпскі, А. Яны былі першыя / А. Падліпскі // Літаратура і мастацтва. – 1969. – 15 жніўня. – С. 4.

6. Півавар, М.В. Даследчыкі Полацка-Віцебскай даўніны XVI ст. – 1944 г. / М.В. Півавар. – Віцебск: Віцеб. абл. друк., 2006. – С. 131.

7. Подлипский, А.М. Три председателя комиссии / А.М.Подлипский // 90 гадоў Віцебскай вучонай архіўнай камісіі: Матэрыялы навук. канф., Віцебск, 24 лістапада 1999 г. / склад. В.У. Скалабан и др.– Мінск, 2002. – С. 36 – 39.

8. Тихомиров, К.И. Психологические основы обучения (в сокращении) / К.И. Тихомиров // Антология педагогической мысли Белорусской ССР. – Москва, 1986. – С. 266 – 271.

9. Цветков, П.И. Витебский государственный педагогический институт им. С.М. Кирова в период с 1910 по 1941 г. / П.И. Цветков. Машинопись. – 66 л.

10. Ціхаміраў Клаўдзій Іванавіч // Памяць: Віцебск. У 2-х кн. Кн. 1 – Мінск, 2002. – С. 221.

11. Ціхаміраў Клаўдзій Іванавіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 6. Кн. 2 – Мінск: БелЭн, 2003. – С. 105.

Акуневич О.И.

ВИТЕБСКИЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война, одно из самых трагичных и масштабных событий XX столетия, отразилась не только в военных действиях, но сказалась на всех сферах человеческой жизни. Не остались в стороне и учебные заведения. Начиная с июля 1914 года из Министерства народного просвещения, от попечителя Виленского учебного округа один за другим поступают циркуляры о необходимости участия учебных заведений в мероприятиях военного времени: отведении зданий и помещений учебных заведений под лазареты и госпитали, под военные учреждения; о введении досрочных выпускных экзаменов для учащихся-добровольцев; о сокращении объема выпускных экзаменов в условиях военного времени; о прекращении приема в учебные заведения подданных Германии, Австрии, Венгрии; о всестороннем содействии различным благотворительным обществам и сборе пожертвований [1].

В августе 1914 года Министерство народного просвещения издало циркуляр, требующий принять все меры, чтобы занятия в учебных заведениях, несмотря на военную ситуацию, начались своевременно [2]. Если помещения были заняты войсками, начальники учебных заведений обязывались изыскивать и приспосабливать для учебных нужд любые другие помещения, проводить занятия в две и три смены. Еще один циркуляр попечителя Виленского учебного округа требовал от начальников учебных заведений обязательно ознакомить всех учащихся с речью Николая II, призывающей довести войну до победного конца [3]. 31 июля 1914 года попечитель Виленского учебного округа обратился к начальникам учебных заведений и директорам народных училищ с призывом: «В минуту тяжких испытаний … покорнейше прошу обсудить в какой форме окажется возможным притти на помощь нашим доблестным воинам: путем ли денежных пожертвований или материальною поддержкою семей и сирот, освобождением ли детей военных от оплаты за обучение или выдачею им пособий. Организовать посильное участие учащихся в помощи фронту» [4]. Для детей павших Георгиевских кавалеров Министерство народного просвещения ввело особые «Георгиевские стипендии» [5]. Попечитель Виленского учебного округа просил учебные заведения всячески содействовать сбору пожертвований не только среди преподавателей, но и среди учащихся, как путем денежных складчин, так и за счет устройства платных спектаклей, лекций, концертов, изготовления и распродажи изделий рукоделия. Среди архивных документов имеется листовка 1915 года, отпечатанная в Витебской губернской

типографии с призывом собирать пожертвования в пользу сирот [6].

Из Витебского учительского института, по данным на 1916 год, в действующую армию был призван 21 человек. С 1915 года помещения Учительского института были реквизированы под размещение Штаба Двинского военного округа. С этого времени учебные занятия проводились в помещении Витебского 3-го высшего начального училища с 12 часов дня до 9 часов вечера в две смены: с 12 до 16 часов занимались: один класс учительского института, два класса Городского при нем училища, слушательницы педагогических курсов; с 17 часов – два класса учительского института, два класса Городского училища. С 8 до 12 часов дня в этом помещении проходили занятия самого 3-го высшего начального училища [7].

Только с конца 1914 по начало 1915 года учащиеся Витебского учительского института собрали пожертвования на теплую одежду для 100-го Островского полка в сумме 800 рублей, 3 пуда полотна и шерстяных оберток [8]. 6 сентября 1914 года директор института сообщал попечителю Виленского учебного округа, что казенные стипендиаты института изъявили желание перечислять в пользу семей запасных воинов и в Красный Крест 2% от своих стипендий ежемесячно [9]. На подарки фронтовикам к Рождеству Христову 1916 года пожертвования собрали преподаватели института. В первых рядах жертвователей был директор института К.И. Тихомиров [10]. Пожертвования собирались ежемесячно о чем свидетельствует целый ряд сохранившихся квитанций. Пожертвования направлялись в пользу Всероссийского общества Красного Креста, в пользу семей нижних чинов действующей армии, на теплую одежду армии, Скобелевскому комитету на лечение воинов, Романовскому комитету для детей-сирот, на Георгиевские стипендии, на Сиротский фонд, в пользу славян (сербов и черногорцев). Так, на 1915 год Учительским институтом, преподавателями и учащимися было пожертвовано 784 рубля 57 копеек [11]. На 1917 год пожертвования составили 2472 рубля 96 копеек [12].

Учащиеся института принимали активное участие в благотворительных концертах в пользу раненых воинов, устраиваемых местным обществом любителей пения и музыки, проводили вокальные утренники для больных воинов Нижегородского госпиталя. Силами учащихся в госпиталях города Витебска устраивались чтения книг и газет, демонстрация «туманных картин». 22 учащихся института обучали грамоте выздоравливающих воинов; 5 воспитанников участвовали в устройстве спектаклей и концертов в пользу семей воинов в селах Витебской губернии; 2-е – в летние каникулы работали во Всероссийском Земском союзе помощи раненым; 20 человек участвовали в сельскохозяйственной переписи по поручению Земства Витебской губернии; 35 учащихся работали в сельскохозяйственных трудовых дружи-

нах, оказывая помощь семьям призванных на войну: в уборке хлебов, на сенокосах, несколько человек занимались с детьми сельчан ушедших на фронт. Учащиеся также дежурили в госпиталях, лазаретах, принимали участие в охране железных дорог, работах по строительству военных укреплений. С разрешения витебского губернатора Учительский институт периодически проводил кружечные сборы в пользу раненых и увечных воинов на вокзале и площадях города, организовал благотворительную лотерею в помещении Алексеевской женской гимназии в пользу раненых воинов Нижегородского госпиталя [13].

Все эти мероприятия осуществлялись под непосредственным руководством преподавателей института и по их искренней инициативе. Так например, преподавателем института В.И. Поповым было послано в действующую армию 4 посылки с разными вещами для воинов на сумму 120 рублей, также он пожертвовал 60 экземпляров книг стоимостью до 20 рублей для слабосильной команды города Витебска. Преподаватели института, математики Вл.И. Медяков, арифметики и геометрии И.И. Бирилко, в декабре 1915 года к рождественским праздникам лично доставили подарки, всего 135 ящиков весом 447 пудов 15 фунтов, воинам на позиции Северо-Западного фронта и раздали их в окопах [14].

Такая активная благотворительная деятельность преподавателей и учащихся Витебского учительского института 16 апреля 1916 была отмечена словами благодарности императора Николая II: «Глубоко тронут истинно христианским порывом нашей учащейся молодежи» [15]. 19 июля 1916 года институт получил благодарность Романовского комитета [16].

Витебский учительский институт на протяжении всей своей истории являлся важным центром воспитания и поддержания традиций высокой культуры, патриотизма, инициативы во всех благих начинаниях. И в годы Первой мировой войны, находясь в сложнейших условиях деятельности в прифронтовом городе Витебске, его преподаватели и учащиеся принимали активное участие во всех мероприятиях военного времени.

1. Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). Ф.1104. Оп.1. Д. 9, 18; Ф. 2416. Оп.1. Д.9. Лл.1, 20; Ф. 2645. Оп.1. Д.115. Л.4.
2. НИАБ. Ф.2416. Оп.1. Д.9. Л.20.
3. НИАБ. Ф.2416. Оп.1. Д.18. Л.20.
4. НИАБ. Ф.2645. Оп.1. Д.115. Л.1.
5. НИАБ. Ф.2416. Оп.1. Д.18. Л.27.
6. НИАБ. Ф.2645. Оп.1. Д.115. Л.3.
7. НИАБ. Ф.2416. Оп.1. Д.20. Лл.107об., 104.
8. НИАБ. Ф.2645. Оп.1. Д.115. Л.32.
9. НИАБ. Ф.2645. Оп.1. Д.115. Л.10.

10. НИАБ. Ф.2645. Оп.1. Д.115. Л.94.
11. НИАБ. Ф.2645. Оп.1. Д.115. Л.32.
12. НИАБ. Ф.2645. Оп.1. Д.115. Лл.33 – 94.
13. НИАБ. Ф.2645. Оп.1. Д.115. Лл.32, 90 – 94, 59.
14. НИАБ. Ф.2645. Оп.1. Д.132. Лл.9 –10об.; Ф. 2645. Оп.1. Д.115. Лл.32, 34.
15. НИАБ. Ф.2416. Оп.1. Д.18. Л.11.
16. НИАБ. Ф.2645. Оп.1. Д.115. Л.105.

Ершова Л.В.

ОРШАНСКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ СЕМИНАРИЯ В 1911–1917 ГОДАХ

В начале XX в. на территории Беларуси значительными темпами росла численность начальных школ. С 1905 по 1914 год количество народных училищ выросло с 1314 до 4784, а число учащихся в них соответственно с 106196 до 304745 человек [3, с. 14]. В связи с этим остро встал вопрос подготовки учительских кадров и в 1909-1916 гг. в Виленском учебном округе (далее – ВУО), в состав которого входили школы и педагогические учебные заведения белорусских губерний, было создано пять учительских семинарий: в Рогачеве (мужская), Орше, Борисове, Гомеле, Бобруйске (женские). Оршанская женская учительская семинария была открыта 1 июля 1911 г. на основании решения министра народного просвещения Российской империи от 29 мая 1911 г. Она стала первой женской учительской семинарией на Беларуси. Открытие учительских семинарий для женщин было вызвано увеличением числа девочек, обучавшихся в народных начальных училищах.

Первый педагогический состав Оршанской учительской семинарии включал директора, законоучителя, 6 преподавателей и врача. Директором семинарии был назначен М.А.Серков – выпускник историко-филологического факультета Московского университета 1877 г., преподавал в семинарии педагогику. Законоучителем, на которого возлагались обязанности преподавания закона Божьего и христианское воспитание учащихся в духе православия, стал священник Г.Ф.Свидерский, окончивший Витебскую духовную семинарию. В преподавательский состав входили: преподаватель математики Г.В.Малаха, русского и церковнославянского языка Н.А.Крестьянова, истории и географии М.В. Васильева, естествознания и физики Т.В.Львова, графических искусств (черчения, чистописания и рисования) П.Е.Лазарев. пения И.И.Марчук. Преподаватели имели хорошую профессиональную подготовку: Г.В.Марчук закончил Московский университет, Н.А.Крестьянова – Мариинское высшее женское училище, М.В.Васильева – Сибирские высшие женские курсы, Т.В.Львова –

Московские высшие женские курсы; П.Е.Лазарев – Строгановское Центральное художественно-промышленное училище.

Основным руководящим документом для деятельности семинарии являлось Положение об учительских семинариях 1870 г., которое пересматривалось в 1886 и 1902 г. Перед Оршанской женской учительской семинарией была поставлена задача подготовки учителей для народных начальных училищ. Принимались в семинарию в основном выходцы из крестьянского сословия. В отчете о деятельности учительских семинарий попечителя ВУО за 1916 г. приводится анализ состава учащихся Оршанской семинарии, из которого следует, что из 114 воспитанниц 97 происходили из крестьян, 14 – из мещан и по 1 человеку – из дворян, казаков, духовного сословия [2, л. 69]. Вступительные экзамены в семинарию сдавались в объеме 2-классных сельских училищ, а так как их было мало, то приглашались лица, которые закончили народные училища и подготовительный класс семинарии. Плата за обучение в семинарии не взималась.

Срок обучения в семинарии составлял 4 года: 1 год в подготовительном классе и 3 года в основном. Учебный план включал следующие учебные дисциплины: закон Божий и церковнославянское чтение, русский и церковнославянский язык, педагогика, арифметика, геометрия, история, география, природное и сельское хозяйство, физика, чистописание, рисование, музыка, гимнастика и физические упражнения, ручной труд (дамские рукоделия), практические занятия. В процессе преподавания светских дисциплин воспитанницам давались элементарные знания, необходимые для преподавания в начальной школе. Например, в курсе педагогики изучались вопросы умственного развития учеников, роль наглядного обучения, моральное воспитание, дидактика, содержание начального обучения, основные нормативные документы по начальной школе и др. [1, с. 68]. Практические занятия учащиеся Оршанской семинарии проводили в действовавшем при семинарии образцовом начальном училище. В 1916 г. они дали 120 практических уроков по русскому и церковно-славянскому языку, истории, арифметике, естествознанию, чистописанию; 53,3% из них на отметку «хорошо» [2, л. 77].

Руководил деятельностью семинарии педагогический совет, в ведение которого входили вопросы учебно-воспитательного и хозяйственно-административного характера. Заседания совета проводились 2-4 раза в месяц. Много внимания педагоги уделяли воспитательной работе, материальной поддержке учащихся семинарии. Учебное заведение не имело своего общежития и воспитанницы жили на частных квартирах, поэтому наставники постоянно посещали квартиры, наблюдали за условиями их жизни. Большинство воспитанниц испытывали материальные затруднения, поэтому педагоги добивались выделения для нуждающихся пособий, удешевления питания, подыскивали

для них занятия с детьми за плату. Пособия носили случайный характер. Так, в 1916 г. сами воспитанницы собрали 130 руб. и по решению татьянинского комитета выделили 70 рублей нуждающимся в качестве пособия [2, л. 79].

Оршанская учительская семинария не располагала собственным учебным зданием и для занятий арендовала двухэтажный каменный дом. Имелась библиотека, насчитывавшая 3853 экземпляра книг, 195 приборов и 547 учебных пособий [2, л. 65]. Финансирование семинарии осуществлялось из государственной казны и средств губернского земства. В 1913/1914 учебном году оно составило соответственно 31,8 тыс.руб. и 2,6 тыс.руб. [4, л. 188]. Для удовлетворения полных потребностей семинарии этого было недостаточно.

За период деятельности с 1911 по 1917 год в Оршанской учительской семинарии было осуществлено три выпуска – всего 70 учителей [2, л. 69-71]. В июле 1917 г. семинария была реорганизована в среднее педагогическое учебное заведение для обоих полов, в 1919 г. – в трехгодичные педагогические курсы, на базе которых в 1921 г. был открыт Оршанский педагогический техникум. В 1937 г. техникум был переименован в педагогическое училище, а в 1994 г. училище реорганизовано в педагогический колледж. За период с 1921 по 2009 гг. в учебном заведении было подготовлено около 12 тысяч учителей. Таким образом, деятельность Оршанской учительской семинарии положила начало развитию в Орше среднего специального педагогического образования.

1. Лухверчык, В.М. Сярэднія педагагічныя навучальныя установы дарэвалюцыйнай Беларусі / В.М. Лухверчык // Народная асвета. – 2002. – № 1. – С. 67–71.

2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 2416. – Оп. 1. – Д. 20.

3. Снапкоўская, С.В. Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стст. / С.В. Снапкоўская. – Мінск: НІА, 1998. – 192 с.

4. Сянькевіч, Г.Р. Аршанская жаночая настаўніцкая семінарыя / Г.Р. Сянькевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т.1. – Мінск, 1993. – С.188.

Горидовец В.В.

ИСТОРИЯ ВИТЕБСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

У истоков создания Витебской Духовной семинарии стоял митрополит Греко-униатских церквей, архиепископ Полоцкий Ираклий Одровонж-Лисовский. Он родился в семье небогатого помещика Лепельского уезда Витебской губернии и был крещен в римско-католическом исповедании. Но с детства он проявил любовь к славянскому богослужению и в воскресные и праздничные дни посещал ба-

зилианскую монастырскую церковь. После принятия монашества по чину базилианского ордена Ираклий завершил свое образование в высшем училище этого ордена при Полоцком Софийском кафедральном соборе [3, с. 214].

Будучи архимандритом Онуфриевского монастыря Мстиславского уезда Могилевской губернии, а затем и архиепископом Полоцким – Ираклий проявил себя последовательным приверженцем Греко-славянского богослужения и обряда. В 1785 году, в начале своего архипастырского служения, он обратился к Папе Римскому с просьбой восстановить унию в ее первоначальной чистоте и отменить все нововведения, вошедшие в богослужение через базилиан после 1595 года, и по его поручению даже составил славянский Служебник. Не дождавшись в своих начинаниях помощи из Рима, архиепископ Ираклий решил обратиться за поддержкой к русскому правительству, преследуя цель ослабления влияния ордена базилиан в Полоцкой епархии. Орден был весьма влиятельным: его членами были помещики, ему принадлежали громадные имения, из числа его членов назначались высшие духовные лица, а помимо этого орден ведал образованием юношества. Чтобы вывести Греко-униатскую молодежь из-под влияния базилиан, архиепископ Ираклий стал ходатайствовать об учреждении в Полоцке Духовной семинарии [3, с. 215].

В базилианском ордене его деятельность, естественно, не приветствовалась и в 1795 году противостояние достигло апогея, когда архиепископ Ираклий, поручив епархию своему единомышленнику - архипресвитеру Полоцкой кафедры Иоанну Красовскому, удалился в Иерусалим искать духовной помощи. Он вернулся через год, имея облик православного священнослужителя: с бородой, длинными волосами, покрытыми белой скуфьей, в одежде, похожей на рясу православного духовенства, только с узкими рукавами. В таком виде он пребывал до своей смерти, последовавшей в 30 августа 1809 года [3, с. 215].

Первоначально инициативы Ираклия были безрезультатными, но в 1804 году представители брачного Греко-униатского духовенства, симпатизировавшего его начинаниям, получили равное представительство в римско-католической коллегии с представителями католических епархий, что привело к ослаблению власти базилиан в Греко-униатской церкви. В итоге 16 декабря 1806 года было получено разрешение на открытие Белорусской Греко-униатской духовной семинарии [3, с. 214] при Полоцкой униатской кафедре, а занятия в ней начались уже в феврале 1807 года [3, с. 217].

К началу занятий уездными протопресвитерами было доставлено 15 юношей, в числе которых был и Василий Лужинский – будущий архиепископ Полоцкий и Витебский, впоследствии к ним присоединилось еще 6 юношей из архиерейского хора [3, с. 217 – 218].

Семинария должна была располагаться при полоцком кафедральном Софийском соборе, но поскольку соборные здания были заняты военным госпиталем, то пришлось разместить ее в архиерейском имении Струнь, в 6 верстах от Полоцка. Впоследствии семинария неоднократно переезжала: в 1808 году - в здания при полоцком Софийском соборе; в 1812 году французами был разорен не только Софийский собор, но и имение Струнь, поэтому архиепископ Иоанн Красовский перенес семинарию в имение Судиловичи Лепельского уезда; в 1820 году семинария была переведена в Полоцк, а в 1856 году – в Витебск [3, с.218]. В 1840 году она была переименована в «Полоцкую духовную семинарию», а в 1871 году – в «Витебскую духовную семинарию» [3, с. 214].

Как правило, семинария располагалась в неприспособленных для образовательного процесса ветхих старых зданиях, только в 1830-1833 гг. при архиепископе Иакове Мартусевиче было построено новое двухэтажное здание, которое, впрочем, оказалось неподходящим для занятий [3, с. 219].

В 1852 году ректор семинарии архимандрит Поликарп (Пясецкий) констатировал аварийное состояние семинарского здания и ходатайствовал перед архиепископом Василием (Лужинским) о перемещении семинарии в Витебск, в здание бывшего базилианского монастыря, которое на тот момент было занято губернскими присутственными местами. Выгода от перемещения в ветхое монастырское здание была незначительной, но в 1876 году помещение семинарии увеличилось за счет присоединения корпуса, в котором раньше была мужская гимназия. С 1867 года начался большой ремонт главного корпуса семинарии, но многие недостатки устранены не были: очень небольшое помещение для семинарской больницы в главном корпусе, отсутствие изолятора для заразных больных, неудобные спальные помещения и учебные комнаты [3, с. 219 – 220].

С 1806 года семинария финансировалась за счет имений и денежных сумм, изъятых у базилиан государственной казной. В связи с закрытием высшего пиарского училища, указом императора Николая I от 22 апреля 1828 года средства, собираемые с бывших иезуитских имений, были переданы семинарии для учреждения при ней высших классов под названием Духовной Академии [3, с. 222].

Имения сначала находились под управлением Полоцкого архиепископа, с 1835 года они перешли в ведение семинарского правления, а в 1842-1843 гг. они были отчуждены в казну и семинария была переведена на полное казенное содержание [3, с. 223].

Во главе семинарии стоял ректор, он же был и председателем правления семинарии, в состав которого входили ректор, инспектор и эконом. С 1867 года состав правления по педагогическим делам входили: ректор, инспектор, один профессор и члены из духовенства. С 1870

года все преподаватели семинарии вместе с тремя членами от духовенства составляли педагогическое собрание, а распорядительное собрание состояло из ректора, инспектора, преподавателя и двух членов от духовенства. С 1892 года состав правления опять изменился: в него входили ректор, инспектор, два преподавателя, секретарь и два члена от духовенства. К 1907 году в состав педагогического собрания входили все преподаватели и два члена от духовенства, а распорядительное собрание состояло из ректора, инспектора, преподавателя по назначению местного епископа, секретаря, члена от духовенства и эконома [3, с. 224].

Преподавательский штат при открытии семинарии был невелик – всего один преподаватель богословия. Постепенно число преподавателей увеличивалось и в воспоминаниях архиепископа Василия (Лужинского) упоминаются три учителя: Венедикт Родзевич, Иеремия и Кондратий Мальчевские. Более точные сведения о преподавательской корпорации собирались только с 1824 года, известно, что с этого времени число преподавателей было в пределах 8-13 человек [3, с. 223]. Из их числа только четыре преподавателя с ученой степенью не ниже магистра богословия получали звание профессора. До 1839 года большая часть преподавателей были выходцами из Высшей Виленской Греко-униатской семинарии. С 1829 года на преподавание русской гражданской истории и русской словесности стали назначать выпускников православных Духовных Академий. Как правило, каждый преподаватель преподавал несколько предметов в семинарии и духовном училище при ней, что вызывало перегрузку. В таких случаях в помощь преподавателю назначались лучшие ученики из высшего отделения семинарии со званием лекторов. Они были обязаны точно исполнять свои ученические обязанности, а в свободное время заниматься с учениками низших отделений по назначенным предметам. Из числа преподавателей замещались должности помощника ректора, второго инспектора, вице-инспектора и помощника инспектора. На должности домашних надзирателей и помощника эконома приглашали вольнонаемных лиц. С 1867 преподаватели выбирались правлением семинарии после трех пробных лекций [3, с. 224], это требование сохранялось при переходе преподавателя с одного предмета на другой. На время болезни преподавателя его учебная нагрузка распределялась на всех преподавателей и был случай, когда преподавателю физики и математики, кандидату естественных наук, было поручено преподавание Священного Писания [3, с. 225].

Материальное содержание преподавателей было достаточно скудным. До 1835 года все преподаватели получали денежного содержания меньше, чем это полагалось по штату. Из государственного казначейства оплачивался труд только преподавателей русской гражданской истории и русской словесности [4, с. 245]. До 1834 года все

преподаватели пользовались готовыми квартирами и столом от архиепископа, дополнительно выдавалось 25 аршин холста на белье [4, с. 245]. Позже эта льгота была упразднена и стали выплачивать денежную компенсацию на квартирные и столовые расходы. Материальные трудности заставляли преподавателей искать возможность дополнительного заработка, что зачастую мешало исполнению прямых обязанностей. Преподаватели в сане священника становились настоятелями сельских приходов, куда ездили для исправления обязанностей в каникулярное время. Другие преподаватели искали дополнительный приработок на государственной службе в Полоцком дворянском училище (Ильдефонс Говорский), Витебском центральном архиве для древних актовых книг (Ксенофонт Говорский). Даже при наличии дополнительных доходов семьи преподавателей жили бедно, а в случае потери кормильца оказывались за чертой бедности, как это было в 1833 году с семьей профессора Хруцкого, которого по причине отсутствия средств хоронили за казенный счет, а ведь он в дополнение к профессорскому окладу получал дополнительный доход от настоятельства в Спасо-Друйской церкви [4, с. 246].

Большинство учащихся было на фундушевом (епископском) содержании. В семинарском здании проживали фундушевые учащиеся, а своекоштные – на квартирах в городе. На казенное содержание учеников принимали при наличии удостоверения о бедности. Положение своекоштных учеников было хуже, помимо учебы зачастую приходилось работать, например, прислугой в Софийском соборе, получая за это казенное жалование [4, с. 246, 248].

После открытия семинарии преподавание в ней осуществлялось на польском языке, не изучались ни греческий, ни церковно-славянский языки. Богословским предметам уделялось недостаточное внимание, делался упор на изучение естественных наук, математики и латинского языка. Четкий учебный план отсутствовал: в старшем классе наряду с богословием могли преподавать метафизику, физику, химию, высшую математику. Предметы преподавались по учебникам и конспектам лекций из Высшей Виленской Греко-униатской семинарии [4, с. 248]. Курс обучения был шестилетний, для окончательного завершения образования выпускники поступали в Полоцкую иезуитскую академию. Образование, получаемое в семинарии, в целом соответствовало уровню подготовки в базилианских и латинских школах Белоруссии.

18 сентября 1828 года указом Греко-униатской коллегии в семинарии был введен устав, положенный для Греко-российских духовных семинарий, что повлекло изменение плана преподавания предметов. В частности, из него были исключены такие предметы, как минералогия, химия, астрономическая география [4, с. 248]. Особое внимание было уделено изучению русского языка, на котором теперь надо было препо-

давать всеобщую и русскую историю, при этом по прежнему использовался и польский язык. Этим распоряжением было положено начало подготовке к воссоединению униатов с православными. При изучении канонического права акцент делался на Правилах Греческой Церкви, что, впрочем, не препятствовало изучению Правил Греко-униатской церкви. В учебный план теперь входили следующие предметы: христианская религия, польская религия, пастырское богословие, писание, догматическое богословие, каноническое право, церковная история, математика, всеобщая история, российская история, география, русский язык и его словесность, логика, естественная история, красноречие, немецкий, французский, латинский, еврейский и греческий языки. С 1840 года добавились история русской церкви и литургика [4, с. 249].

В 1830 году в семинарии было 5 отделений (курсов), а в духовном училище при ней – 4. По предписанию Святейшего Синода в 1853 году для лучших воспитанников было открыто миссионерское отделение, на котором преподавали ректор архимандрит Фотий, его помощник иеромонах Иоасаф и профессор Ксенофонт Говорский. Здесь не изучались латинский, греческий и еврейский языки, но добавлялись следующие предметы: история и статистика русского раскола, практические наставления миссионерам, обозрение сочинений, написанных как раскольниками, так и против них. Эти предметы преподавались два раза в неделю, одновременно с основным учебным курсом [4, с. 249]. С 1869 года миссионерские предметы преподавались всем учащимся [4, с. 250].

В 1867 году произошло преобразование семинарии, был издан новый устав, преподаватели стали шире использовать учебники, вместо конспектов лекций собственной разработки. В 1872 году устав был вновь изменен. Если раньше экзамены проводились два раза в год – в декабре и июле, то теперь один раз в год – в июле. Новые языки преподавались своими преподавателями. Лучшим воспитанникам после экзаменов выдавались похвальные листы и книги [4, с. 250].

При семинарии были физический и минералогический кабинеты, библиотеки, читальный зал, с 1861 года - воскресная школа, впоследствии преобразованная в образцовую. Фундаментальная библиотека формировалась постепенно, в ее состав вошли книги следующих библиотек: Жидичинской, Радомышльской, Полоцкого Софийского собора, архиепископа Иоанна Красовского, иезуитской Ужвалдской, Лядунского духовного училища, Поддубийского базилианского монастыря, Мархировской Покровской церкви [4, с. 250]. Много книг было приобретено из суммы, ежегодно выделяемой на содержание семинарии. Большинство книг было богословского содержания и на латинском языке, было очень мало книг на русском языке и почти не было книг на греческом. Представляют интерес статистические сведения о количестве книг в библиотеке в отдельно взятые годы: в 1829 году –

1803 экз., в 1869 году – 6000 экз., в 1870 году – 5000 экз., в 1888 году – 7000 экз. [4, с. 251]. Большая часть книг бывшей иезуитской библиотеки была передана Киевской Духовной Академии [4, с. 251].

С 1862 года действовала и ученическая библиотека, достаточно бедная по количеству книг. Первоначально она размещалась в спальне учащихся, затем был открыт ученический читальный зал. Книги для нее приобретались на пожертвования духовенства – по 50 копеек с прихода, а с 1904 года – по 100 рублей ежегодно [4, с. 251].

Воспитание нравственного поведения учащихся возлагалось на инспектора. Он следил за поведением учеников через своего помощника, назначаемого в полоцкий период существования семинарии из числа преподавателей, классных надзирателей и старших учеников. После перевода в Витебск должности помощника инспектора и надзирателя не совмещались с другими занятиями [4, с. 251]. Основными методами воздействия были увещание, убеждение и возбуждение стыда. Случаи исключения учащихся почти не встречались. Из наказаний практиковались следующие: внушение, предупреждение, внесение в книгу поведения, порицание в присутствии всей семинарии, а в начале полоцкого периода – лишение отпуска, карцер, ограничение питания до хлеба и воды, понижение в разрядном списке. В семинарии сложилась традиция безукоризненного поведения учащихся, иногда в течение целого года не было нарушений дисциплины [4, с. 252].

После окончания семинарии большая часть выпускников поступала на епархиальную службу, а лучшие выпускники продолжали учебу в высших учебных заведениях [4, с. 252].

После принятия Декрета об отделении Церкви от государства 20 января 1918 года, духовное образование в Полоцко-Витебской епархии было поставлено в тяжелейшие условия.

25 января 1918 года в Витебске, в архиерейском доме состоялось собрание родителей воспитанников Витебской Духовной семинарии под председательством ректора семинарии протоиерея Сергия Артоболевского (впоследствии скончался в 1920 году). На повестке дня стоял вопрос о невозможности проведения занятий после Рождественских каникул 1918 года по причине недополучения средств из государственной казны на содержание семинарии с ноября 1917 года [5, с.15].

Было принято решение приступить к занятиям с 15 февраля 1918 года, но ввести взнос за обучение для всех учащихся, кроме сирот [5, с.15].

2 мая 1918 года в Витебской Духовной семинарии состоялся последний выпуск. Вечером этого дня все выпускники собрались в Витебском кафедральном Николаевском соборе на благодарственный молебен, который отслужил ректор протоиерей Сергий Артоболевский [5, с.16].

11 мая 1918 года, в день памяти святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, на который приходился храмовый праздник Витебской Духовной семинарии – торжественное богослужение состоялось в Успенском соборе Витебска, поскольку здание Духовной семинарии было занято польскими легионерами, которые впоследствии разграбили не только семинарию, но даже и домовой храм свв. Кирилла и Мефодия при ней [5, с. 16]. С 1918 года Витебская Духовная семинария прекратила свое существование, в здании семинарии размещался Витебский краеведческий музей, а с 1920-х годов и по настоящее время – станкоинструментальный техникум.

Из числа выпускников семинарии четверо получили епископский сан – Василий Лужинский, Антоний Зубко, Филарет Малишевский [4, с.252], Павел Гальковский. Ректор семинарии профессор Ксенофонт Говорский был в числе основоположников исследования истории Полоцкого края [4, с. 253].

В 2007 году двое воспитанников Витебской Духовной семинарии были прославлены в лике святых Белорусской Православной Церкви: в чине священномученика протоиерей Николай Околович – выпускник 1883 года [2, с.3] и в чине исповедника веры Владимир Еленевский – выпускник 1896 года [1, с. 3].

1. Житие святого исповедника Христова Владимира / сост. иер. В. Горидовец. – Витебск: издательский отдел Витебской епархии, 2007. – 15 с.

2. Житие святого священномученика Николая, пресвитера Витебского / сост. иер. В. Горидовец. – Витебск: издательский отдел Витебской епархии, 2007. – 15 с.

3. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1907. – № 7.

4. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1907 – № 8-9.

5. Церковно-общественное слово. Орган духовенства и мирян Полоцкой епархии. – 1918 – № 3.

Давидовская О.Н.

ИСТОРИЯ ПОЛОЦКОГО ЖЕНСКОГО УЧИЛИЩА ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА В ФОТОГРАФИЯХ И ДОКУМЕНТАХ ВОКМ

История образования на территории Беларуси связана с деятельностью различных монашеских орденов, представители которых имели свои храмы и монастыри во многих городах. В Витебске первое училище при монастыре основали кальвинисты во 2-ой половине 16 века. На протяжении 17 – нач. 19 вв. учебные заведения существовали при монастырях иезуитов (школа с 1641 г., семинария для детей обед-

невшей шляхты с 1756 г.), пиаров (школа с 1740 г.), тринитариев (училище с 1807 г.), базилиан (женское училище с 1803 г.). Деятельность этих учебных заведений была приостановлена в 1810-30-х гг.

В XIX в. в системе образования Витебска произошли существенные изменения, связанные с постепенной ликвидацией примонастырских учебных заведений и заменой их светскими государственными общеобразовательными. Наряду с получившими широкое распространение уездными и приходскими училищами и гимназиями, определившими трехступенчатую структуру общеобразовательной русской школы, существовала определенная часть учебных заведений, принадлежавших духовному ведомству [4, с. 169]. В их числе – Полоцкое епархиальное женское училище.

В фондах Витебского областного краеведческого музея хранится фотодокументальный материал по истории этого учебного заведения: фотографии преподавателей, воспитанниц и одной из начальниц училища [7], аттестаты о его окончании, датированные 1906 и 1918 гг. [2], а также открытки и фотографии с изображением комплекса зданий женского епархиального училища на Духовской горе [5; 6]. Эти предметы поступали в фонд музея в разное время от жителей Витебска, Санкт-Петербурга и других городов. В числе особо ценных музейных предметов коллекции фотографий, отражающих историю развития образования в Витебске, 14 снимков с изображением преподавательниц и воспитанниц училища, аттестат об окончании училища за 1906 г. и аттестат помощницы классных воспитательниц Т.В. Высоцкой [7; 2]. Эти предметы в 2002 г. передала в дар музею жительница г. Санкт-Петербурга Е.Е. Ивацик, отец которой состоял в родстве с одной из воспитанниц женского епархиального училища.

Первые женские духовные училища появились благодаря императрице Марии Федоровне и находились под ее покровительством. В епархиях губерний Северо-Западного края они открывались на основании «высочайше утвержденного» «Устава училища девиц духовного звания» от 18 ноября 1863 г. и предназначались для воспитания дочерей православного духовенства [3, с. 471]. В Витебске Полоцкое женское епархиальное училище было открыто 2 апреля 1864 г. После долгой переписки и поисков подходящего помещения, училище разместилось в небольшом частном доме Г. Гриневского, расположенном на Духовской набережной (совр. ул. Гоголя). В училище принимались девочки 10-12 лет. Они проходили 6-летний курс обучения в 3-х отделениях (нижнем, среднем и высшем), по 2 года в каждом. На момент открытия в училище было 40 учениц в двух классах (старшем и младшем), 6 преподавателей. Воспитанницы изучали Закон Божий, церковное пение, церковно-славянский и русский языки, теорию словесности с историей русской литературы, гражданско-русскую и всеоб-

щую историю, арифметику, геометрию, физику, географию. Многие воспитанницы по желанию и за отдельную плату обучались музыке. Кроме того, велось обучение рисованию, чистописанию, домашнему хозяйству, школьной гимнастике. Большое внимание в училище уделялось вязанию, вышиванию и другим мелким рукоделиям. Почти все столовое, спальное белье, одежды священников, платья к выпускному акту изготавливали сами ученицы. В 1890-х гг. к вышеперечисленным дисциплинам добавились естествознание, гигиена детского возраста, домашний уход за больными и первая помощь в несчастных случаях, практическое занятие в школе. Выпускницы училища получали право на звание домашних учительниц тех предметов, в которых они показали хорошие успехи. Лучших воспитанниц оставляли в училище в качестве помощниц воспитательниц. После 20 лет службы в частных домах или казенных учебных заведениях в качестве домашних наставниц или учительниц воспитанницы пользовались правом на пенсию [1, с. 4; 2].

Одной из воспитанниц, окончивших училище с отличием, была Татьяна Васильевна Высоцкая, дочь псаломщика Полоцкой епархии. Окончив в 1906 году полный курс обучения в Полоцком женском училище духовного ведомства, она получила аттестат на звание домашней учительницы [2]. С 1907 г. на протяжении шести лет работала помощницей классных воспитательниц этого учебного заведения. Приказом обер-прокурора Св. Синода «уволена от должности, согласно прошению, по семейным обстоятельствам с 1 сентября 1913 года…; в удостоверение чего и выдан ей, Татьяне Высоцкой, сей аттестат». Аттестат подписан начальницей училища в 1914 году. В музейной коллекции хранятся снимки с изображением Т.В. Высоцкой и ее воспитанниц, выполненные в ателье фотографов Я. Блюмина, В. Островского и других. На оборотной стороне одного из снимков помещена дарственная надпись: «На долгую и добрую память дорогой Татьяне Васильевне от ее ребят шальных. Не поминайте лихом. 1913 г.» [7]. Фотографии с изображением преподавательниц и воспитанниц училища, выполненные в ателье витебских фотографов, интересны не только как материал для изучения истории образования в Витебске. Запечатленные на снимках интерьеры фотостудий витебских мастеров светописи, сами фотографии, оформленные на паспарту и бланках открытого письма, дают возможность изучать историю развития фотографии в Витебске.

Руководили духовными училищами начальницы. Они же являлись председателями правления, куда входили благочинный, смотрители, врач и почетный блюститель. Начальница училища заведовала благоустройством училища и воспитательной частью, вела ежемесячный учет денежных средств и предоставляла годовые отчеты непосредственно на имя императора. Ей в помощь назначались наставницы-воспитательницы [3, с. 471].

В первые годы существования училища многое для него сделала первая начальница баронесса Мария Александровна Боде. Она вела переписку о постройке здания, решала финансовые вопросы. Заметный след в истории училища оставила М.В. Самочернова, занимавшая пост настоятельницы с 1889 по 1911 гг. Уроженка Нижегородской губернии, она получила образование в Санкт-Петербургском училище ордена Св. Екатерины. С высочайшего соизволения Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, в 1889 г. центральным управлением духовного ведомства была назначена настоятельницей. Не одно поколение воспитанниц училища с доброй памятью вспоминали свою заботливую начальницу. М.В. Самочернова обладала поэтическим талантом: ею были написаны многие пьесы, стихотворения, басни для училища. В первый год ее пребывания на посту настоятельницы при училище была открыта церковно-приходская школа, которая размещалась в собственном здании и содержалась на средства Синода и Витебского епархиального Свято-Владимирова братства. За свою деятельность М.В. Самочернова была награждена лично портретом от Государыни с ее подписью, в 1900 г. медалью за усердие для ношения на груди на Аннинской ленте, а также Мариинским знаком отличия беспорочной службы за 15 и 20 лет [1, с. 4].

На фотографиях из фондов ВОКМ, датированных началом XX века, М.В. Самочернова запечатлена в фотоателье витебского фотографа Я. Блюмина, а также в одном из помещений учебного корпуса училища [7]. В то время комплекс женского епархиального училища размещался в специально построенных зданиях на высоком берегу Замкового ручья, на Духовской горе. Необходимость возведения для училища отдельного комплекса зданий возникла в конце XIX века и объяснялась тем, что помещений бывшего Свято-Духовского монастыря, в которых с 1872 г. размещалось училище, оказалось мало для увеличившегося количества преподавателей и воспитанниц (в 1898 г. в учебном заведении насчитывалось 18 учителей и 95 учениц) [3, с. 472]. Проект нового здания был разработан и осуществлен в 1901 году инженерами А. Павловским и П. Виноградовым, открытие училища состоялось в 1902 г.

Главный корпус училища представлял собой значительное по размерам 3-этажное строение, в архитектуре которого присутствовали черты модерна, неорусского стиля и неоклассицизма. Внутренняя планировка здания галерейная, с широким светлым коридором, большими и маленькими учебными и вспомогательными помещениями. В центральной части размещалась парадная лестница, парадный вестибюль, первый и второй этажи занимали классы, третий – спальные комнаты, цокольный этаж был отдан под столовую и кухню [8, с. 21-22]. Здание было связано закрытой галереей с церковью Св. Духа, со времени открытия училища являвшейся домовой церковью этого

учебного заведения (известна с XIV века, каменное здание с 1792 г., взорвана в 1962 г.).

Полоцкое женское епархиальное училище действовало до 1917 г. В 1915 г. рассматривался вопрос об эвакуации учебного заведения в г. Ярославль, однако 15 мая 1917 г. было решено вывезти его в Ростов для размещения в Сергиевской 2-классной школе.

В годы Первой мировой войны в здании училища размещался земский госпиталь для раненых солдат, а также Витебский уездный земский комитет помощи больным и раненым воинам. В годы немецко-фашистской оккупации здание было повреждено, после Великой Отечественной войны реконструировано. С 1950-х гг. и до настоящего времени в здании Полоцкого женского духовного училища размещается Витебский облисполком.

1. Абрамова, И.А. Из истории Полоцкого женского училища духовного ведомства в г. Витебске: научная справка / И.А. Абрамова // ВОКМ, Н/А 1084.
2. Аттестаты об окончании Полоцкого женского духовного училища Высоцкой Т.В. (1906, 1918 гг.); аттестат помощницы классных воспитательниц Полоцкого женского духовного училища Высоцкой Т.В. (1914 г.) // ВОКМ, КП 23906/24; Н/В 4213; КП 23906/25.
3. Витебская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1802-1917) / сост. Т.Е. Леонтьева, Д.Л. Яцкевич; редкол.: А.К. Голубович (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БелНИИДАД, 2009. – 524 с.
4. Памяць: Гіст.–дакум. хроніка Віцебска: у 2-х кн. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2002 – 2003. – Кн. 1-я. – 648 с. – С. 166 – 170.
5. Фотографии и открытки: Полоцкое женское духовное училище (начало 20 в.) // ВОКМ, КП 13909/8,12,42; КП 16360/5; КП 16424; КП 22428/5,82; КП 23712/177; Н/В 7954/16; Н/В 9783/56; Н/В 10370/1.
6. Фото: здание бывшего Полоцкого женского духовного училища (1945, 1952 гг.) // ВОКМ, КП 8163, КП 22429/4.
7. Фотографии: воспитанницы и преподавательницы Полоцкого женского духовного училища (начало 20 в.) // ВОКМ, КП 23906/3-16.
8. Якімовіч, Ю.А. Помнікі мураванага грамадзянскага дойлідства Віцебска XIX – пач. XX ст. / Ю.А. Якімовіч.– Мн.: Полымя, 1990. – 48 с.

Моторова Л.А.

РАЗВИТИЕ ВИТЕБСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА (1918–1924 гг.)

После Октябрьской революции 1917 года, в первые годы Советской власти, Витебск становится ведущим центром по подготовке специалистов различного профиля на всей территории современной Беларуси. В нем функционируют 4 типа различных научных и учебных заведений. Это – Витебское отделение Московского Археологи-

ческого института; художественно-практический институт; консерватория и учительский институт. Самым крупным из них и по контингенту студентов, и по численности преподавательского состава, безусловно, был Витебский учительский институт.

История существования Витебского учительского института начинается в 1910 году. До 1918 года он являлся средним специальным учебным заведением, готовившим по трехлетнему циклу обучения учителей для высших начальных училищ. В мае 1918 года, в Москве состоялся съезд делегатов-слушателей учительских институтов РСФСР, на котором было принято решение «реформировать учительские институты в высшие учебные заведения в целях подготовки инструкторов и учителей II и III ступеней существующих школ» [1]. В соответствии с решением съезда Витебский учительский институт, поскольку он находился в Витебской губернии РСФСР, преобразуется в высшее учебное заведение - педагогический институт. Это произошло 1 октября 1918 года. В официальном письме народного комиссара просвещения РСФСР № 1340 от 27 ноября 1918 года говорилось: «Отдел подготовки учителей настоящим сообщает, что Витебский учительский институт реформируется с 1 октября 1918 года в высшее заведение с наименованием «Витебский педагогический институт». Сообщая об этом, отдел подготовки учителей предлагает Витебскому пединституту «впредь руководствоваться уставом пединститутов и открытых при них школах» [2]. В ноябре 1918 года Наркомпрос утверждает Устав Витебского педагогического института и опытной школы при нем. Срок обучения в институте был определен в 4 года [3].

В первом, 1918/1919 учебном году занятия в Витебском пединституте организовывались и проводились по предметной, а не по курсовой системе. Это означало, что на всех годах обучения обязательно преподавались общие для всех категорий студентов предметы, а специальные предметы читались по циклам в зависимости от избранной специальности. При этом в циклы могли включаться и общие предметы. Организационно Витебский педагогический институт состоял из трех циклов: словесно-исторического (105 чел.), естественно-географического (95 чел.), физико-математического (87 чел.) [4].

Руководил институтом Совет, в состав которого входили все сотрудники института, представитель Совета опытной школы, представители студентов в количестве не менее 25% от общей численности всего студенческого контингента института, представитель губкома РКП/б/ и представитель губернского отдела народного образования. Исполнительным органом Совета института являлся его президиум в составе 5 человек, который выбирался Советом сроком на один год.

В 1919 году все педагогические институты были преобразованы в институты народного образования. Витебский, теперь уже, институт

народного образования обязан был готовить, главным образом, учителей для школ. Его организационная структура состояла из двух элементов: II и III отделов. II отдел обязан был готовить учителей для школ 1 ступени (начальная школа), III отдел - для школ 2 ступени. III отдел делился на 4 факультета: социально - исторический; физико-химический; физико-математический; естественно-географический. Таким образом, циклы были преобразованы в факультеты, и, кроме того, в структуре института фактически было открыто отделение начальных классов.

Подобные подходы к организации деятельности вузов педагогического профиля были обусловлены требованиями официальной государственной политики во всей образовательной сфере. В утвержденном в октябре 1918 года ВЦИК РСФСР «Положении о единой трудовой школе» и опубликованной Наркомпросом РСФСР «Декларации о единой трудовой школе» была определена модель советской системы школьного образования и сформулированы основные принципы её функционирования. Структурно, вместо многочисленных типов дореволюционных школ, обслуживавших детей различных сословий и классов, вводилась единая трудовая школа с разделением на две ступени: первая - для детей от 8 до 13 лет (пятилетний курс) и вторая - от 13 до 17 лет (четырехлетний курс).

В 1921/1922 учебном году Витебский институт народного образования подвергается новому реформированию – он преобразуется в Практический институт народного образования. Согласно положению о практических институтах срок обучения в них устанавливался в 3 года [5]. Главной же задачей практических институтов народного образования провозглашалась подготовка узких специалистов - учителей без глубоких академических знаний, поскольку принцип академизма в сфере образования объявлялся вредным буржуазным пережитком. Содержанием же учебно-воспитательного процесса объявлялись только сама жизнь и практика, обучение только посредством труда и через труд. В очередной раз изменяется и структура института. Открывается специальное отделение техникумов, где готовили учителей для 2-ой ступени трудовой школы и отделение техникумов для подготовки учителей по общеобразовательным предметам. Согласно реформе, в структуре ВПИНО остались 4 факультета: социально-исторический, физико-математический, физико-химический, биолого-географический. Во главе института становятся ректор (П.И. Ильинский) и проректор по научно-учебной работе (М.И. Макаревский). Совет института лишается права законодательной инициативы в решении вопросов внутренней жизни института и превращается в чисто совещательный орган. Президиум Совета института как исполнительный орган ликвидируется. В организационной же структуре института

официально оформляется статус факультетов, которые должны были возглавлять деканы.

В ходе этих преобразований статус ВПИНО как вуза значительно урезается, поскольку ни сроки обучение в нем, ни учебные планы, ни программы, а тем более, их внутреннее содержание не соответствовали тем нормам, которые существовали для высшего образования. К тому же, наряду с практическими институтами в РСФСР существовали и высшие педагогические институты.

Новое изменение статуса Витебского института народного образования опять было связано с процессом постоянного реформирования системы школьного образования, проходившем в те годы. В 1920/1921, 1921/1922 учебных годах Наркомпросом РСФСР вводятся в действие на всей территории РСФСР типовые учебные планы единой трудовой школы I и II ступеней.

Весной 1923 года ВПИНО вновь подвергается реформированию, согласно решению Главпрофобра о ликвидации практических институтов всех видов, как отдельного типа учебных заведений, и преобразованию одних, пригодных для этого в вузы, а остальных - в техникумы. Витебский губернский отдел народного образования, обсудив предполагаемую ликвидацию ВПИНО, неоднократно обращался с предложением в Главпрофобр РСФСР о его сохранении и повышении его статуса до вуза. Весной 1923 года Витебская область официально была передана из состава РСФСР в состав БССР. И теперь уже дальнейшая судьба ВПИНО, его факультетов зависела не только от решений, принятых в Москве, но и от позиции властей в Минске.

В мае 1924 года Главпрофобр РСФСР принимает постановление о преобразовании ВПИНО в высшее педагогическое учебное заведение с сохранением его факультетской структуры: социально-исторического, физико-математического, биолого-химического. В этот период времени в институте насчитывалось 430 студентов. По социальному составу 54% из состава студенческого контингента были выходцами из крестьянских семей; 12% - из семей учителей; 12% - из семей рабочих; 16% - из семей служащих. По национальному признаку 52% студентов были белорусами, 30% - евреями; 8% - великорусами, поляками, латышами [6].

Но, несмотря на такое изменение статуса ВПИНО и его преобразование в вуз, Наркомпрос БССР своим решением от 19.04.1924 года прекращает занятия в Витебском высшем педагогическом институте после завершения весенней экзаменационной сессии и принимает решение о переводе со следующего учебного года всех его студентов и преподавателей на педагогический факультет Белорусского государственного университета. Основной причиной закрытия Витебского пединститута объявлялась нехватка бюджетных средств и, соответст-

венно, объективная невозможность иметь широкую сеть высших педагогических учебных заведений на территории БССР. 28.04.1924 г. по решению Совнаркома СССР все вузы, находившиеся на территории укрупненной БССР, перешли из ведомственного подчинения Наркомпроса РСФСР в ведение Наркомпроса БССР, который уже принял решение о ликвидации педвуза в Витебске и его преобразовании его в педагогический техникум [7]. Так закончился первый этап существования старейшего высшего педагогического учебного заведения в Беларуси.

1. Государственный архив Витебской области, ф. 204, оп. 1, д. 10, л. 6.
2. Там же, ф. 204, оп. 1, д. 33, л. 30.
3. Там же, ф. 204, оп. 1, д. 37, л. 1.
4. Там же, ф.204, оп. 1, д.41, л. 8.
5. Там же, ф. 204, оп. 1, д. 70, л. 36.
6. Там же, ф.204, оп. 1, д.180, л. 32.
7. Там же, ф.204, оп. 1, д.195, л. 102.

Дианова Т.Б.

ИЗ ИСТОРИИ ВЕТЕРИНАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ВИТЕБЩИНЕ

В начале XIX века для Беларуси ветеринарных специалистов готовили в Виленском университете и некоторых российских учебных заведениях, хотя и в очень ограниченном количестве. Несмотря на широкое распространение заразных болезней среди домашних животных, низкий уровень развития животноводства, ветеринарная служба Беларуси и через сто лет продолжала оставаться малочисленной. Если в 1907 году в Витебской губернии имелось 16 штатных ветеринарных врачей, а также 30 ветеринарных фельдшеров, то в 1914 году соответственно 29 и 59. На одного ветврача в 1911 году в среднем приходилось от 2 до 8 тысяч квадратных верст ветеринарного участка, до 150 тысяч голов домашнего скота [1, с. 65].

В 1912 году впервые в Беларуси в Витебской губернии были открыты пятимесячные курсы для ветеринарных фельдшеров. Во время Первой мировой войны общая заболеваемость животных, по сравнению с довоенным периодом, резко возросла. От царской России Беларуси досталось тяжелое наследие в животноводстве и требовалось серьезное вмешательство государства. В 1920 году в нашей республике приступили к организации государственной ветеринарной службы. Необходимо было решить вопрос о подготовке ветеринарных специалистов, в которых ощущался острый дефицит. На Всебелорусском

съезде ветеринарных врачей 27 июня 1924 года было внесено предложение об организации в Витебске ветеринарного института. ЦК КПБ одобрил это предложение, и 6 августа 1924 года на заседании Совнаркома БССР обсуждались вопросы организации института. 4 ноября 1924 года было принято постановление Президиума ЦИК БССР об открытии Витебского ветеринарного института. Торжественное открытие вуза состоялось 8 ноября 1924 года. Занятия в институте начались 24 ноября 1924 года с 11 преподавателями и 100 студентами.

Одновременно с открытием ветинститута в Витебске были организованы ветеринарно-бактериологический музей им. Н.С. Садовского, ветеринарно-анатомический, орнитологический и энтомологический музей, ботанический сад.

С 1924 года, буквально сразу же после открытия Витебского ветеринарного института, начали издаваться журналы, первые практические руководства, справочники, монографии практически по всем актуальным проблемам животноводства и ветеринарии. В этом заслуга выдающихся ученых и педагогов-академиков С.Н. Вышелесского (эпизоотология), Х.С. Горегляда (ветсанэкспертиза), профессоров В.Ю. Вольферца, И.В. Прозорова, Е.Ф. Алонова, А.Н. Макаревского, И.А. Щербовича и др.

Первым ректором Витебского ветеринарного института был назначен Алонов Евгений Филиппович (1875–1928 гг.), работавший до этого назначения заведующим Витебским губернским ветеринарным отделом и начальником Ветеринарного управления Наркомзема Белорусской ССР. Алонов Е.Ф. был руководителем Витебского общества по борьбе с туберкулезом, председателем общества ветврачей Витебской губернии, являлся редактором ежемесячных журналов «Ветеринарная хроника Витебской губернии» (1912–1915 гг.), «Белорусская ветеринария». Он также автор книги «Витебская губерния в ветеринарно-санитарном отношении», вышедшей в 1912 году. Его организаторский талант в значительной степени способствовал успешной работе института. В 1924 году Е.Ф. Алонову были присвоены звания профессора и Героя Труда.

В 1933 году после объединения Витебского ветеринарного института и Белорусского государственного института свиноводства (г. Могилев) в Витебском ветинституте создается второй факультет – зоотехнический. В этом же году Витебский ветеринарный институт был переименован в Витебский ветеринарно-зоотехнический институт. Институт быстро развивался. В 1934 году постановлением Наркомата земледелия БССР институту в качестве учебно-опытного хозяйства был передан совхоз «Подберезье». Это сыграло существенную роль в комплектовании клиник пациентурой и повышении качества выпускаемых ветеринарных врачей.

Институт быстро развивался, укреплялась и его материально-техническая база. К 1940 году были введены в строй новые учебные корпуса – хирургический, терапевтический, инфекционных болезней, оборудованы хирургическая, терапевтическая, акушерская, инвазионная клиники, рентгенкабинет, созданы учебные музеи – зоологический, анатомический, патологоанатомический, гельминтологический и др.

В предвоенном учебном году на ветеринарном факультете насчитывалось 478 студентов и 70 преподавателей. Накануне Великой Отечественной войны ветеринарный институт был хорошо известен в Советском Союзе своими традициями и научными школами. До 1941 года институт подготовил для республики более 1500 ветеринарных врачей и зоотехников [2, с. 96].

В связи с начавшейся Великой Отечественной войной 5 июля 1941 года институт был эвакуирован на восток Советского Союза. Многие преподаватели и студенты ушли защищать Родину, некоторые преподаватели продолжили работу в сельскохозяйственных институтах и техникумах располагавшихся в советском тылу. Огромные потери понес институт за годы оккупации. Были разграблены и уничтожены все клиники, лаборатории, музеи, библиотека, учебное хозяйство. После освобождения территории Беларуси начались работы по восстановлению материально-технической базы ветеринарного института, возобновлению учебного процесса и научных исследований.

С 1946 по 1958 год число ветеринарных врачей республики увеличилось с 1337 до 2360 человек. В 1960 году в институте открывается аспирантура, начал работать совет по защите диссертаций. С 1966 года начинает работать факультет повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров колхозов и совхозов. В 1960-1970-е годы ветеринарный институт превращается в крупный учебно-научный центр республики, широко известный далеко за ее пределами. В 1971 году совету института было предоставлено право принимать к защите докторские диссертации.

За успехи, достигнутые в подготовке специалистов сельского хозяйства, Указом Президиума Верховного Совета СССР Витебский ветеринарный институт имени Октябрьской революции в 1974 году награжден орденом «Знак Почета».

К началу 1990-х годов на многих кафедрах сформировались научные школы и направления, широко известные и сегодня в ближнем и дальнем зарубежье. Ученые изучают методы одновременной иммунизации животных против нескольких инфекций, вирусные респираторные болезни молодняка, сальмонеллез, лептоспироз. Занимаются исследованием фауны паразитов животных, изучением их биологии, методов диагностики и разработкой средств защиты животных. Результатами этих исследований ученых явились успешная ликвидация или снижение

распространения многих инвазионных болезней животных и разработка эффективных средств терапии и профилактики паразитов. Широко известна витебская ветеринарная терапевтическая школа.

В 1994 году Витебский ветеринарный институт был реорганизован в Витебскую государственную академию ветеринарной медицины. Середина 1990-х годов стало сложным временем перестройки в условиях становления независимого государства. С 1996 года в академии открываются специализации по племенному делу на зооинженерном факультете, на ветеринарном факультете по ветеринарно-санитарной экспертизе и по токсикологии, в 1997 году – по ветеринарной бактериологии.

С 1998 года ректором академии становится доктор ветеринарных наук, профессор Ятусевич А.И. Его имя известно не только в нашей стране, но и далеко за рубежом. Под его руководством в академии произошли существенные перемены. Был введен в действие новый учебно-лабораторный корпус, что дало возможность создать самые современные возможности для работы 11 специальных кафедр. Были реконструированы учебные корпуса и общежития. С конца 90-х годов кафедры и лаборатории активно оснащались современными научным и учебным оборудованием, приборами, инструментарием, аппаратурой, видеотехникой, химреактивами. Оборудовано 24 компьютерных класса, а также организована кафедра компьютерного обучения.

Удельный вес преподавателей, имеющих ученую степень по специальным ветеринарным и сельскохозяйственным дисциплинам составляет 74,2 процента. За последние 10 лет в академии защищено 109 кандидатских и докторских диссертаций.

Структура вуза включает пять факультетов, 28 кафедр, 6 клиник, виварий, научно-исследовательский институт прикладной ветеринарной медицины и биотехнологии, 24 научно-исследовательские лаборатории на кафедрах, лабораторию информационных технологий в ветеринарной медицине, ряд подразделений управления, вспомогательные службы. Расширяется сотрудничество с научно-практическими центрами аграрного профиля и научно-исследовательскими институтами НАН Беларуси.

За период с 2002 года значительными тиражами издано более 140 книг, в том числе 56 учебников и учебных пособий с грифом Министерства образования Республики Беларусь. Это позволило практически полностью обеспечить учебной литературой все специальные дисциплины, преподаваемые в академии.

С 2002 года в состав академии включен Лужеснянский аграрный колледж, где готовят ветфельдшеров, зоотехников и агрономов, что способствует повышению уровня среднего специального образования. В 2003 году открыт филиал академии на базе УО «Речицкий государ-

ственный аграрный колледж», а в 2006 году – филиал на базе УО «Пинский государственный аграрно-технологический колледж».

Учебно-воспитательный процесс в академии сориентирован на использование новейших образовательных технологий, активных и проблемных его форм. Это заметно и позитивно отразилось на квалификационных характеристиках выпускаемых врачей ветеринарной медицины и зооинженеров, которые способны работать в системе агропромышленного комплекса в современных условиях.

1. Ятусевич, А.И. История ветеринарной медицины Беларуси: справочное пособие / А.И. Ятусевич, И.С. Безбородкин. – Витебск, 2004. – С. 65.
2. Там же – Витебск, 2004. – С. 96.

Трубчык А.Г.

СТАНОВІШЧА НАСТАЎНІЦТВА САВЕЦКІХ ПРАЦОЎНЫХ ШКОЛ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў 1919–1920 гг.

Пасля абвяшчэння БССР урад рэспублікі з студзеня 1919 г. ўтварыў Народны камісарыят асветы. З гэтага часу “Положение о единой трудовой школе РСФСР” пачало распаўсюджвацца на тэрыторыю краіны. Згодна з ім, усім школам, якія перайшлі ў распараджэнне Народнага камісарыята асветы, за выключэннем вышэйшых навучальных устаноў, надавалася назва “Единая трудовая школа”. Школы падзяляліся на 2 ступені: І–для дзяцей ад 8-мі да 13-ці гадоў (5-гадовы курс навучання) і ІІ–ад 13-ці да 17-ці гадоў (4-гадовы курс). Навучанне ў школах абедзвюх ступеняў было бясплатным і абавязковым для ўсіх дзяцей адпаведнага ўзросту, агульным для хлопчыкаў і дзяўчынак. Асновай школьнага жыцця павінна была стаць праца, цесна звязаная з навучаннем, фізічным і эстэтычным выхаваннем. [1, арк. 1–4].

Карэнным чынам змянялася становішча настаўніцтва. Перш за ўсё, адмянялася размежаванне выкладчыкаў па катэгорыям, замест паўрочнай аплаты працы ўводзіліся тарыфныя стаўкі, вызначаліся 5–гадовыя надбаўкі за стаж (але не больш за чатыры надбаўкі). Сумяшчэнне педагагічную дзейнасць з працай на іншых пасадах станавілася вельмі складана. Заробак на ўсіх іншых месцах не павінен быў перавышаць 50 % ад асноўнага аклада. Акрамя таго, дазвол ад аддзела народнай адукацыі на сумяшчэнне пасад атрымаць было амаль не магчыма. Усе школьныя працаўнікі (настаўнікі, школьныя ўрачы, інструктары фізічнай працы) павінны былі штогод перавыбірацца згодна з дэкрэтам аб выбарнасці педагагічных і адміністрацыйна-педагагічных пасад (ад 27 лютага 1918 г.). Праця-

гласць працы настаўніка вызначалася шасцю гадзінамі ў дзень, з якіх чатыры неабходна было адводзіць на вучэбныя заняткі, а астатнія–на бягучыя школьныя справы (удзел у паседжаннях школьнага савета, дзяжурства, праверка сшыткаў і г. д.) [2, арк. 9].

Практычнае ажыццяўленне “Палажэнняў аб адзінай працоўнай школе” на большай частцы белорускіх тэрыторый было спынена ў сувязі з пачаткам польска-савецкай вайны. У ваенны перыяд працоўныя школы працягвалі дзейнічаць на тэрыторыі Віцебскай і Гомельскай губерній, якія ўваходзілі ў склад РСФСР. У Народным камісарыяце асветы разумелі, што пры ажыцяўленні пастаўленых перад сістэмай школьнай адукацыі задач непазбежна ўзнікнуць цяжкасці: “…для самого главного государственного дела–быта народного просвещения… нам понадобятся сразу многие миллиарды [рублей], и мы уверены, что получим их от центральной советской власти. Но даже если у нас не будет недостатка не только в денежных, но и в реальных средствах, нас несомненно будет огромный недостаток в учителях, разница между тем, какого учителя мы имеем и тем, какого должны иметь режет глаза. Если поставленная перед собою ясно обозначенная цель должна толкать нас браться за работу со всех концов обширного и сложного дела, то ясно, что концом, за который нужно ухватиться, прежде всего, является переподготовка учителей”[3, арк. 64.]. Пад паняццем “перападрыхтоўка” меркавалася не толькі паляпшэнне адукацыйнага ўзроўня настаўнікаў, але, перш за ўсё іх перавыхаванне як актыўных праваднікоў савецкай палітыкі. Вырашыць гэтую праблему павінны былі педагагічныя курсы, якія за кароткі перыяд (ад 2 тыдняў да 2-3 месяцаў) рыхтавалі “сапраўднага савецкага настаўніка”. Так, у маі-чэрвені толькі ў Мінскай губерні былі арганізаваны кароткатэрміновыя курсы ў Мінску, Барысаве, Мазыры, Мар’інай Горцы і Бабруйску. Галоўнай мэтай курсаў вызначалася неабходнасць азнаёміць слухачоў з новымі метадамі выкладання прадметаў ў працоўных школах I ступені. У сувязі з гэтым, вялікая ўвага павінна была адводзіцца тэарэтычнаму і практычнаму знаёмству настаўнікаў з агародніцтвам, землеробствамым і жывёлагадоўляй і г. д. На тэарэтычныя заняткі па сельскай гаспадарцы адводзілася 50 вучэбных гадзін (для параўнання, на методыку выкладаня гісторыі–6 гадзін, матэматыкі і роднай мовы–па 12), а на практыку ў майстэрнях і на вопытным полі–180 гадзін на кожную групу. Кожныя такія курсы рыхтавалі па 200 настаўнікаў для савецкіх працоўных школ [4, с. 23–24]. Не гледзячы на тое, што сярод настаўніцтва вылучалася пэўная колькасць энтузіястаў, якія гатовы былі стаць актыўнымі функцыянерамі новай савецкай школы, значная частка школьных работнікаў насцярожана аднеслася і не адразу прыняла рэфармаванне прынцыпаў адукацыі. У № 360 газеты “Звезда” за 1919 г. ў артыкуле

“Наше учительство” адзначалася, што настаўніцтва, па сваім ідэалагічным поглядам, падзяляецца на дзве часткі–“новае і старое”. Менавіта апошняе з’яўляецца, на погляд аўтара, асноўнай перашкодай рэфармавання школы. “Старое настаўніцтва” з недаверам ставіцца да мерапрыемстваў савецкай ўлады, не жадае працаваць творча і “па-прагрэсіўнаму” [5]. Акрамя ідэалагічных прычын, адносіны настаўніцтва да дзяржаўнай адукацыйнай палітыкі фарміраваліся пад уплывам цяжкага матэрыяльнага становішча. У артыкуле “Пара слов о школьной реформе”, надрукаванага ў лютым 1919 г. ў “Звезде”, ананімны аўтар спрабаваў акрэсліць пазіцыю настаўніцтва: “Если Отдел Народного образования желает успеха школьной реформе и вообще продуктивности школьных занятий, он должен обращать внимание на то, что следует обеспечить учителей и учеников горячими завтраками, а потом уже проводить новые принципы обучения” [6].

У маі 1919 г. у педагагічным часопісе «Школа и культура Советской Белоруссии» (орган Камісарыята народнай асветы, выдаваўся з красавіка да чэрвеня 1919 г. і ў студзені–лютым 1921 г. ў Мінску на на рускай, беларускай і яўрэйскай (1919) мовах) быў надрукаваны артыкул “Сельский учитель в Минской губернии”. Невядомы аўтар (падпісана *К.*), на падставе дадзеных, атрыманых у выніку анкетнага апытання, якое было праведзена Мінскім губернскім аддзелам народнай адукацыі, характарызуе матэрыяльнае становішча настаўнікаў і ўмовы, ў якіх прыходзілася працаваць, а таксама настроі настаўніцтва ў адносінах да сваёй працы. Прывядзём вытрымку, ў якой з дапамогай колькасных дадзеных, паўстае агульная карціна ўмоў жыцця і працы савецкіх школьных працаўнікоў. “72% классных помещений холодны и тесны, 63% сырых, 34% совершенно на имеют вентиляции (даже форточек). Не лучшие условия жизни сопровождают учителя в собственной квартире. 52% сельских учителей живут в наёмных помещениях, не удовлетворяющих требованиям самой примитивной гигиены. В комнатах холодно, тесно и сыро, отсутствует освещение (42% для освещения пользуются лучиной, 15%–совершенно не имеют освещения). Злополучный недостаток средств обуславливает и плохое питание учащих: 63% принимают горячую пищу только 1 раз в день, 37% отказывают себе в самых необходимых продуктах питания, 32%–в одежде. Теперь становятся понятными ухудшение здоровья 40% учителей, из которых 38% до учительства подобных жалоб не имели. Кроме того, учителям приходится отказывать себе в самообразовании и нуждах духовного характера: 67% пользуются собственными книгами или из сельской библиотеки, а 19% вовсе лишены книг, 68% не получают газет и журналов, треть из них по причине того, что в данной местности нет почты, 30% получают почту раз в месяц, 68% учителей не имеют времени для посещения театров и кинематографов и других

развлечений” [7, с. 62–70]. Па дадзеным адзначаных анкет, 80% апытаных настаўнікаў не адчувалі духоўнага задавальнення ад сваёй працы. Тлумачылі яны гэта, па-першае, адсутнасцю неабходных матэрыяльных сродкаў (некаторыя настаўнікі нават схіляліся да думак аб самагубстве), а, па-другое, неразуменнем таго, як на практыцы ажыцявіць пераход да адзінай працоўнай школы: “Впереди трудная и сложная работа в новой трудовой школе, а ты не знаешь, что должна представлять из себя эта школа, Положение о школе, заметку о ней Луначарского, 2-3 брошюры кое-как добыл и прочёл, но с этим далеко не уйдёшь и новой школы не создашь. Дайте нам в достаточном количестве теоретическую литературу о новой школе, снабжайте книгами и периодическими изданиями по педагогике и вообще серьезными книгами” [7, с. 74]. Па меркаванню аўтара артыкула, такое цяжкае становішча, ў якім знаходзіліся настаўнікі–часовая з’ява, якая не павінна быць апраўданнем зніжэння якасці працы школ. Ён называе незадаволеных настаўнікаў “плачущими нытиками, которые ставят духовное в полную зависимость от материального” і праводзіць прыклад “сапраўдных савецкіх работнікаў”, якія адзначалі ў анкетах свае адносіны да працы ў школе наступным чынам: “Учительская деятельность удовлетворяет всем потребностям моей души; я чувствую себя хорошо среди своих маленьких пролетариев и живу их жизнью, чувствуя их радости. Для меня нет профессии, которая удовлетворяла бы меня с такой полностью, как работа в школе”[7, с. 75]. Аднак, падобныя меркаванні, нават калі дапусціць, што яны былі шчырымі, неабходна разглядаць як выключэнне з распаўсюджаных сярод тагачасных настаўнікаў настрояў. Менавіта крайняя беднасць прывяла да масавага адтоку прафесійных педагагічных кадраў у іншыя працоўных сферах. Не гледзячы на катастрафічны недахоп настаўнікаў, савецкае кіраўніцтва працягвала адчыняць новыя школы і павялічваць колькасць класаў (камплектаў). Асабліва ў цяжкім становішчы апынуліся павятовыя аддзелы народнай адукацыі. У асобных сельскіх школах на аднаго настаўніка ў 1919/20 навучальным годзе прыходзілася да 60-ці вучняў. Адным з прыкладаў можна прывесці вытрымку з справаздачы аб працы школьнага пададдзела Чэрыкаўскага павятовага аддзела народнай адукацыі за 1919 г.: “О школьных работниках. Вся работа школьного подотдела в течении 1919 года велась в направлении практического осуществления принципов о единой трудовой школе. Подотдел сразу же столкнулся с абсолютной неподготовленностью шкрабов в отношении ведения новой школы. О замене старых работников новыми не приходилось и думать, так как сразу же обнаружился громаднейший недостаток учителей вследствие открытия целого ряда новых школ и новых комплектов. Пришлось оставить всех старых школьных работников и постепенно пополнять их ряды новыми эле-

ментами. Призывы шкрабов в ряды Красной Армии лишили уезд почти всех наиболее ценных и энергичных работников (мобилизировано в уезде более 90 человек). Многие школы временно пришлось закрыть, в некоторых местах школьные работники занимались поочерёдно с 2 комплектами (утром и после обеда). В таком положении пришлось назначать заместителями шкрабов лиц без достаточного образования и без педагогической практики”[8, арк. 226–229].

З канца 1920 г. ў вырашэнні кадравай праблемы больш выразна пачалі выкарыстоўвацца адміністрацыйныя метады. Мясцовыя аддзелы народнай асветы павінны былі раўнамерна размяркоўваць педагогаў па даручаным школам. Большая частка настаўнікаў адмаўлялася ехаць на пастаяннае месца працы ў глухія вёскі, на што губернскія органы ўлады рэагавалі па аднолькавай схеме: спачатку настаўніка папярэджвалі, затым штрафавалі, а потым на некалькі месяцаў пазбаўлялі зарплаты. У асобных выпадках настаўнікі дастаўляліся на вызначанае месца працы пры дапамозе міліцыі [9, арк. 3, 5, 12].

Такім чынам, у перыяд польска-савецкай вайны (1919–1920 гг.) арганізацыя і дзейнасць працоўных школ на тэрыторыі Беларусі была замаруджана. Насуперак перакананням савецкага кіраўніцтва, большая частка настаўніцтва не падтрымала школьную рэформу. Матэрыяльная незабяспечанасць, разчараванне і, як вынік, адток настаўніцтва ў іншыя працоўныя сферы прывёў да катастрафічнага недахопу педагагічных кадраў ў краіне. На змену прафесійным і вопытным настаўнікам прыйшлі самавучкі і асобы, праслухаўшыя кароткатэрміновыя курсы. Зніжэнне агульнага адукацыйнага ўзроўня школьных працаўнікоў адмоўна адбіўся на якасці вучэбнага працэса ў савецкіх навучальных установах. Так, у выніку інструктарскага абследавання 275-ці школ Рэчыцкага павета ў пачатку 1921 г. адзначалася, што “ из всего количества учителей только 12% пригодны к работе в школе, 40% учителей могут быть полезны, если пропустить через повторные курсы. Остальным же в силу их полной непригодности опасно доверять детей надо гнать из школы. В большинстве школ обучаются только чтению, письму и счёту” [10, арк. 81].

1. Трудовая школа. Положение об Единой Трудовой Школе РСФСР. – Смоленск: типогр. Нар. Обр. Зап. ком.,1918. – 16 с.

2. Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці (ДАМВ). Фонд 526. Воп. 1. Спр. 2. Декрет и положение Совнаркома о бюджете и оплате труда школьных работников; инструкции и циркуляры Наркомпросса ССР о порядке составления смет по народному образованию (ноябрь 1918 – март 1919 гг.).

3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Фонд 42. Воп. 1. Спр. 1. Декреты и постановления СНК и Наркомпроса РСФСР о единой трудовой школе, программы секционных заседаний и тезисы к докладам на I Всеросийском съезде работников просвещения (1919 г.).

4. Школа и культура Советской Белоруссии. – 1919. – № 2-3. – С. 23 – 24.
5. Рин, И. Наше учительство / И. Рин // Звезда. – 1919. – № 360. – С. 1.
6. Пара слов о школьной реформе // Звезда. – 1919. – № 373. – С. 4.
7. Сельский учитель в Минской губернии // Школа и культура Советской Белоруссии. – 1919. – № 3-4. – С. 65 – 75.
8. Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці (ДАГВ). Ф 60. Воп. 1. Спр. 37. Протоколы заседаний коллегий уездных отделов народного образования и отчёты о деятельности губернских и уездных отделов (1920 г.).
9. ДАГВ. Ф.–60.–Воп.–1.–Справа 36. Приказы по Мглинскому уоно (декабрь 1920 г.).
10. ДАГВ. Ф.–60.–Воп.–1.–Справа 84. Циркуляры и распоряжения Гомельского губоно (1920-1921 гг.).

Яковлева Г.Н.

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА 1920-Х ГГ.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

На смену народным школам, гимназиям, реальным училищам, лицеям, отражавшим многообразие социально-культурного уклада старой России, должна была прийти единая школа, которая по замыслам советской власти, призвана была стать мощным фактором формирования свободной, демократически ориентированной личности нового человека.

В документах первых лет советской власти, посвящённых изложению основных принципов о Единой трудовой школе, учитывались и декларировались многие прогрессивные идеи, исповедуемые передовыми педагогами не только России, но и европейских стран.

Гуманное отношение к ребёнку, создание соответствующих условий для его всестороннего развития, совместное обучение детей обоего пола, демократизация всей системы народного образования – всё это соответствовало потребностям времени.

После споров и поисков 1918—1922 гг. Наркомпрос РСФСР опубликовал в 1922 г. новое постановление, делавшее основным типом общеобразовательной школы девятилетку, состоявшую из двух ступеней: школа I ступени с пятилетним сроком обучения и школа II ступени с четырёхлетним сроком обучения. В БССР 9-летняя трудовая школа была заменена 7-летней с двумя ступенями в 4 и 3 года обучения.

Однако черты нового и передового в советской школе вынужденно сосуществовали с ее активной политизацией, идеологизацией, внедрением классовых подходов и т.д. А.В. Луначарский ещё в 1918 г. в своей статье "О социальном воспитании", обосновал идею о том, что ребёнок воспитывается в интересах социалистического общества, именно этой целью должны определяться формы, содержание и методы работы советской школы [1, с. 429].

На VIII съезде РКП(б) подчёркивалось, что учителя должны рассматривать себя как агентов не только общего, но и коммунистического просвещения и должны быть подчинены контролю не только своих непосредственных центров, но и местных партийных организаций. Под прямым воздействием западных теорий и практики возник гигиенический этос воспитания детей (строгое соблюдение чистоты наряду с эмоциональной сдержанностью, а также скрупулезное наблюдение за физическим и умственным состоянием ребенка). Как на Западе, так и в Советской России складывается новый идеал ребенка – энергичного, эмоционально независимого, инициативного. Культивируются такие качества как физическое здоровье, опрятность, решительность, трудолюбие. В школу вводились массовая ритмическая гимнастика, спортивные занятия под наблюдением врача, игра. Сохранению здоровья должна была способствовать и гигиеническая обстановка школы, отвечающая медицинским стандартам. Как отмечает К. Келли: «Приезжающие в СССР журналисты, педагоги и медики, как ни тревожила их практиковавшаяся там, но их мнению, «индоктринация» детей, в целом горячо одобряли усилия советского государства по преобразованию традиционной системы их воспитания. Критике подвергался не характер гигиенического идеала, а его неполное осуществление на практике» [2, с. 399 – 400]. Одежда пионеров 1920-х гг. удивительным образом по форме и стилю совпадала с «рациональной одеждой» в британской детской культуре этого же времени. Советские девочки, также как и их британские сверстницы, отвергали бантики, брошечки, рюши, воланы, пытались избавиться от слезливости, сентиментальности и игры в куклы.

Наблюдавшаяся тенденция к усилению «мальчишеских» черт в одежде и манерах советских девочек, проникавшая в детскую культуру под влиянием школы и пионерского движения, закреплялась достаточно сложно. Многие девочки и их родители противились происходившей унификации. Раздельное обучение мальчиков и девочек в дореволюционной России, строгие гендерные стереотипы поведения и внешнего вида в предшествующий период сдерживали быстрое насаждение новых бытовых практик и манер поведения. Так, в 1925 г. руководителей Витебского окружного отдела народного образования беспокоила сохраняющаяся в школах города «отделяемость мальчиков и девочек». В «Плане проведения Международного дня работниц в школах семилетки» предлагалось провести с 4 по 7 марта 1925 г. конкурс на лучший класс данной школы, «…больше всего изживший отделяемость мальчиков от девочек»; в устных газетах в юмористическом духе отметить отдельных учащихся или отдельные классы, придерживающиеся отделяемости и прочих «буржуазно-мещанских взглядов на женщину». Особая комиссия в составе представителей

Учкома, форпоста и школьного Совета должна была выявить лучший класс на основе следующих критериев: «Лучшим классом считается тот, в котором меньше всего мальчиков и девочек, отделяющихся друг от друга, в котором больше всего девочек втянуто в общественную работу, в котором меньше всего девочек, сохранивших привычки «барышень» [3, л. 20].

В реальности наблюдались серьезные трудности и с внедрением правил гигиены и культа физической культуры и мужественности. Только самые прогрессивные родители, знакомые с трудами педагогов, рационально выстраивали систему воспитания своих детей, отказывались от использования физических наказаний и так называемого «сюсюканья». Попытки же школы вести борьбу за привитие правил гигиены, здорового образа жизни часто сталкивались с жестокими реалиями жизни детей из заводских районов и вековых традиций быта крестьянских семей.

Протоколы заседаний школьных Советов Витебского округа за 1927 г. полны констатаций о том, что дети не просвещены в плане санитарии и гигиены, не снимают шапок в классах, курят, матерятся [4, л. 309]. Зав. 10-ой школы-семилетки вынужден был признать, что ученик 3-его класса П. «ведет себя возмутительно, рассылает записки с нецензурными словами, дерется. Мысли безнравственные, понятия развращенные, обижает каждого, уничтожает чужое – типичный пример дефективного ребенка» [Там же, л. 33, 37].

Формирование нового советского быта шло параллельно с усвоением новой идеологии. В сознание и поведение подрастающего поколения «впечатывались» новые жизненные приоритеты и ценности, нормы поведения в школе, семье, на улице. Бытовые комиссии предприятий, в том числе и г. Витебска, женотделы разных уровней рекомендовали родителям называть своих детей новыми советскими именами: Владлен, Нинел, Октябрина и т.д. Бытовые традиции, связанные с религиозными праздниками и обрядами, заменялись советскими праздниками-заместителями (революционные крестины, октябрины и т.д.). Школа играла важную роль в вытеснении религиозного сознания и привитии новых поведенческих норм. В 1924 г. Окружной отдел народного образования рекомендовал провести антипасхальную кампанию [5, л. 1 об.] по всем школам Витебского округа. Велась массовая разъяснительная работа среди еврейских школьников, не посещавших уроков по еврейским праздникам, постепенно вытеснялись хедеры. Уделялось большое внимание созданию советских школ для еврейских детей, учителей для которых готовил Еврейский педтехникум.

На школе, важнейшем общественном институте, всегда остро отражаются социально-политические трансформации. Новый политиче-

ский курс, известный как “великий перелом”, повлёк за собой серьёзные изменения в советской школе. С весны-лета 1928 г. в партийно-государственных инстанциях разного уровня начинается активная критика недостаточно наступательной позиции школы в деле борьбы с религией. На одном из совещаний в Отделе агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП(б) отмечалось: «Антирелигиозная работа в школе недостаточно активна. До последнего времени действовали устаревшие и ошибочные в ряде моментов методические указания о “безрелигиозном воспитании в школе I ступени» [Цит по: 6, с. 88]. Зав. одного из отделов Наркомпроса РСФСР Эпштейн критиковал термин “безрелигиозное воспитание” за “пацифизм” и “нейтрализм”, предлагал разработать систему мер, направленную на реализацию антирелигиозного воспитания в школе.

24 января 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило резолюцию “О мерах по усилению антирелигиозной работы”, в которой в числе других мер Наркомпросу предписывалось “взять более решительный курс по преодолению элементов нейтрализма школы к религии, выражающегося в т.н. безрелигиозном воспитании ”[6, с. 94].

Решение Политбюро сразу отразилось на школе, где были пересмотрены программы, резко усилилась антирелигиозная пропаганда, стали создаваться кружки безбожников, активизировались в деле обличения религии пионеры. Радикализация борьбы с религией в школе и обществе резко увеличила количество конфликтов в семье, особенно в сельской местности.

В 1920-е гг. бытовое и идеологическое переплеталось достаточно часто. Пролетарский интернационализм, проповедуемый в советском обществе, в том числе и школе, предполагал уважение традиций и желание помочь не только народам Китая, детям Германии, рабочим Польши, но и уважительные и терпимые отношения в своей, советской среде. Однако в Витебске, где значительную часть населения составляли евреи, наблюдался бытовой антисемитизм, особенно распространенный в Марковщине. Заведующий седьмой школы-семилетки неоднократно докладывал в отдел народного образования о многочисленных нападениях учеников школы водников на детей из третьего еврейского класса его школы [4, л. 334]. Подростки этого района умудрялись оскорблять и терроризировать даже работниц фабрики. Комиссия, изучавшая ситуацию в 7-ой школе, признала, что во всех классах семилетки проводилось интернациональное воспитание, но уровень жизни в Марковщине, антисемитские настроения родителей оказывали отрицательное влияние на детей [4, л. 362].

Ситуация в школе, влияние ее на поведение детей, формирование нового советского быта во многом зависело и от самих педагогов. Определенная часть из них несомненно была увлечена строительством новой жизни, пафосом созидания нового коллективистского чело-

века. Изучала то новое, что появилось в педагогической науке в СССР, и экспериментировала сама, раскрепощая инициативу детей. Но значительная часть учителей, особенно старой, дореволюционной закалки и воспитания, не воспринимала новшеств советской школы, не превращалась в педагогов-общественников и формально относилась к выполнению новых требований и установок. В одном из документов 1924 г. утверждалось, что учителя дружат с попами, «божатся» XIII съездом, неискренни и не хотят заниматься общественной работой [7, л. 10 об.]. А латышские большевики, проверявшие работу Поташнинской латышской школы, были поражены тем фактом, что один из учителей не видел разницы между «Детской болезнью левизны в коммунизме» и венерической болезнью в коммунизме [8, л. 388].

Суммируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Во-первых, пропитываясь новой идеологией, советская школа рассматриваемого периода способствовала внедрению в сознание, жизнь и быт подрастающего поколения новых политических, нравственно-бытовых, поведенческих норм и ценностей. Однако идеальная модель воспитуемого нового советского человека сталкивалась с реалиями жизни, корректировавшими идеал.

Во-вторых, некоторые черты новой школы совпадали с исканиями прогрессивных педагогов и публицистов начала XX в. Движение начала века за «свободное воспитание», практика нового ухода за детьми получила официальную поддержку государства. А «мальчишеский» стиль поведения, одежды и отношений стал более предпочтительным, как для мальчиков, так и для девочек и распространенным среди детей во всех детских учреждениях.

В 1920-е гг. приветствовалась инициатива, самостоятельность в поведении детей, огромную роль в жизни и быту играл коллективизм, важную роль играла школьное самоуправление.

В-третьих, агрессивное навязывание новых идейно-политических и моральных ценностей, стремление разрушить многие черты старого быта, пронизанного религиозностью и патриархальностью, вызывала скрытое или явное сопротивление, как части учителей, так и учеников и их родителей. Многие черты в морально-бытовом поведении населения, в том числе и детей, оставались традиционными.

1. История педагогики и образования от зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX век: учебн. пособие для учебн. заведений /Под общ. редакцией И.Пискунова. – М., 2007. – 496 с.

2. Келли, К. «Хочу быть трактористкой!» (Гендер и детство в довоенной советской России) / К. Келли // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. – Москва.: «РОССПЭН», 2003. – С. 385 – 410.

3. Государственный архив Витебской области. Ф. 170. Оп. 1. Д. 110.

4. Там же, Д. 164.

5. Там же, Д. 332.
6. Шевченко, В.А. «Необходимо ударить кого следует, чтобы делу не мешали»: введение антирелигиозного воспитания в советской школе в 1928-1929 гг. / В.А. Шевченко // Российская история. – 2009. – № 1. – С. 86 – 95.
7. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 15.
8. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 434.

Лисов А.Г., Трусова Е.Г.

ОБ ИНИЦИАТИВЕ СОЗДАНИЯ ВИТЕБСКОЙ НАРОДНОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

Организация народной консерватории в художественной жизни Витебска первых послереволюционных лет явилась одним из наиболее значительных событий. Есть основание ставить его в один ряд с такими событиями, как созданием художественного училища (детища М.З. Шагала), группы художников УНОВИС под руководством К.С. Малевича. Во всяком случае, по значимости для культурной ситуации города, весомости имен музыкантов-педагогов, которые собрались в стенах учебного заведения, консерватория едва ли уступает художественному училищу. К тому же работы по организации консерватории начались, по крайней мере, на полгода раньше, чем была предпринята инициатива Шагала в деле образования художественного училища.

Создание Витебской консерватории связывают с деятельностью музыканта, дирижера и педагога Николая Андреевича Малько, возглавившего ее, много сделавшего для ее укрепления, сплотившего коллектив и не только в педагогическом процессе, но и в насыщенной и разнообразной концертной деятельности. Как пишет биограф известного музыканта, «*в Витебске блистательнейшим образом развернулись его выдающиеся организаторские и педагогические способности… С поразительной энергией* ***Малько добивается в Витебске****, в этом небольшом, тихом провинциальном городке,* ***открытия «Народной консерватории»*** *и одновременно буквально «из ничего», из чрезвычайно пестрого по профессиональному уровню и, в общем, малого количества музыкантов, формирует оркестр*» [1]. В приведенной цитате отмечена роль Николая Андреевича как организатора консерватории и симфонического оркестра, который в бытность дирижера в Витебске оказался наиболее творчески активным и жизнестойким коллективом.

Не умаляя организаторской роли Н.А. Малько для музыкальной жизни города, нам хотелось исправить одну часто повторяющуюся ошибку, что дало бы возможность по достоинству оценить ту творческую среду, в которой он работал. Малько не был инициатором создания консерватории в Витебске. Можно еще раз вернуться к приведен-

ной цитате и сказать: среда местных музыкантов действительно была профессионально пестрой и неоднородной по составу, но фактом является то, что именно эти музыканты, большинство которых было представлено простыми ресторанными исполнителями, еврейскими «клейзмер», явились инициаторами создания в Витебске музыкального учебного заведения высшего уровня. Малько был приглашен ими и с энтузиазмом включился в работу по созданию консерватории. Этот факт неоспоримо доказывается архивными документами, перепиской, публикациями местной прессы [2].

После событий февральской революции 1917 года, на волне растущего профсоюзного движения, в Витебске было создано отделение Всероссийского профессионального союза оркестрантов, объединившее силы местных музыкантов. Значительная их часть работала в театрах Витебска. Возглавил местное отделение Союза администратор губернского театра Борис Моисеевич Суходрев. Именно в среде оркестрантов в начале 1918 года возникла идея создания Витебской консерватории. Был проведен благотворительный концерт, сбор от которого составил основу финансового фонда по организации консерватории. Для ведения дел, связанных с ее созданием, была избрана организационная коллегия из пяти членов, председателем которой стал Б.М. Суходрев [3]. Коллегия выработала проект Устава народной консерватории и обратилась с письмом к комиссару просвещения А.В. Луначарскому с просьбой разрешить ее создание.

В начале июня 1918 года в Петроград делегировались Б.М. Суходрев, А.Л. Бессмертный и М.В. Анцев для личных переговоров в Наркомпросе. Решение об организации Витебской народной консерватории было принято 22 июня 1918 г., тогда же заведующим музыкальным отделом комиссариата была направлена инструкция (№ 190), согласно которой подготовительные административно-хозяйственные работы по созданию консерватории поручались отделению Союза оркестрантов [4], одновременно даны указания местным властям по оказанию содействия учреждению.

Представители коллегии по организации консерватории вступили в контакты с Н.А. Малько с предложением возглавить ее. Остается невыясненным, кто порекомендовал Николая Андреевича на эту должность. Возможно, рекомендации носили неофициальный характер, а возможно в музыкальном отделе Наркомпроса сделали это, зная сложное положение музыканта на тот момент.

Николай Андреевич Малько (1883—1961), выпускник Петербургской консерватории по классу Н.Н. Черепнина, сделал себе карьеру на музыкальном поприще в предреволюционные годы. Он проявил себя как выдающийся дирижер, работая в Мариинском театре (с 1909 г.), участвуя в столичных концертных антрепризах, сотрудничая

с самыми известными композиторами и исполнителями того времени. Музыкант зарекомендовал себя как талантливый педагог. В период февральской революции 1917 года Малько возглавил труппу Мариинского театра, стал главным дирижером бывшего придворного оркестра, переименованного в Государственный оркестр.

После октябрьского переворота, когда к власти пришли большевики, музыканты и актеры привилегированного придворного театра не спешили признавать новую власть. В консервативной среде театра произошел раскол: большинство пошло по пути саботажа мероприятий Наркомпроса, меньшая часть коллектива, к которой принадлежал, к примеру, В.Э. Мейерхольд, предложило большевикам сотрудничество. В числе тех, кто принял новую власть, был и Н.А. Малько. В силу сложившихся обстоятельств он оказался во враждебном окружении, при выборах дирижера труппы был забалотирован и вынужден был весной 1918 г. уйти из театра. Он жил в пригороде, выступая с Государственным оркестром в Петербурге (концерты возобновились с апреля 1918 г.) и в Павловске. В условиях военной разрухи и надвигавшегося в столицах с приходом зимы голода Малько воспринял приглашение возглавить Витебскую консерваторию как весьма лестное. Многие представители интеллигенции стремились в провинцию в поисках более выгодных материальных условий существования. Николай Андреевич взял на себя подбор педагогов для консерватории, полагая, что можно воспользоваться сложившейся ситуацией в деле создания сильного коллектива педагогов-музыкантов для провинциального учебного заведения.

Сохранились письма Н.А. Малько из Павловска в Витебск, Борису Моисеевичу Суходреву, возглавившему организацию консерватории на месте. Они относятся к июлю—началу сентября 1918 г., времени больших надежд и активной подготовки. Вероятно, письма составляют лишь часть несохранившейся переписки [5]. В них изложена концепция Н.А. Малько по подбору педагогических кадров для консерватории. Он считал необходимым делать ставку на талантливых преподавателей, а не просто музыкантов-исполнителей. В свою очередь, рассчитывал на Б.М. Суходрева и его способности решить на месте хозяйственные вопросы, связанные с поиском помещений для учебного заведения, приглашаемых педагогов.

Борис Моисеевич Суходрев (1870 года рождения, уроженец Витебска) принадлежал к большой еврейской семье, многие члены которой были музыкантами. Он получил лишь домашнее образование, но это не помешало ему зарекомендовать себя талантливым музыкантом и способным организатором. В дореволюционное время он был управляющим губернского театра, а после революции выдвинулся в отделении Союза оркестрантов, профессиональном союзе работников искусств, вел большую творческую и педагогическую работу. В 1921

году Суходрев был избран «пожизненно почетным членом Большого Совета» (руководящего органа) Витебской консерватории в ознаменование заслуг по ее созданию [6].

Витебская народная консерватория была одним из первых учебных заведений подобного типа на территории Советской России. Однако вопрос о том, может ли это учебное заведение быть отнесено к высшим, «высшего типа» остается дискуссионным. О народных консерваториях, которые возникали в период первой русской революции 1905-1907 гг. пишут как о культурно-просветительных организациях, целью которых было распространение «среди широких слоев населения музыкальных знаний» [7]. Как и народные университеты, народные консерватории не делали ограничений для поступающих ни по возрасту, ни по уровню первоначальной подготовки. В них учились и взрослые, и дети. Среди учащихся были и те, кто не имел никакой музыкальной подготовки, и самоучки, и лица с домашним образованием. На стадии становления музыкального образования в советское время, когда декларировалась общедоступность и бесплатность всех видов образования, важнейшей целью его представлялась культурно-просветительная. Народные консерватории по своему характеру должны были отличаться от созданных в XIX веке Петербургской и Московской консерваторий.

Тем не менее, уровень педагогов Витебской народной консерватории был высок. Профессорско-преподавательский состав был укомплектован выпускниками столичных Петербургской и Московской консерваторий, европейских высших учебных заведений. Среди них были В.А. Бакалейников, Н.А. Дубасов, К.К. Григорович, Э.С. Бай, С.Е. Ромм и др.

Большинство преподавателей консерватории первого состава числятся на своих должностях с 1 сентября 1918 г., однако ввиду того, что решение материальных вопросов задерживалось, фактически многие приступили к работе в октябре и даже в ноябре. Примером в этом плане может служить сам Малько, который состоял в должности председателя Художественного Совета (директора) народной консерватории с 15 августа, но даже 7 сентября слал письмо Суходреву из Павловска и до 12 числа выезжать не собирался. Отборочные испытания для поступающих в учебное заведение проводились в октябре, а занятия начались 15 ноября 1918 г.

В сентябре 1918 года уполномоченным на правах эмиссара музыкального отдела Наркомпроса был назначен А.О. Цшохер, он же занял пост заведующего музыкальной секцией (подотделом) Витебского губисполкома. Одновременно, он преподавал в Витебской консерватории курс истории музыки. По свидетельству других архивных документов, будучи высокого мнения о деловых качествах Цшохера, Н.А. Малько на стадии организации консерватории и музыкального отдела в Витебске лоббировал его кандидатуру, что не гарантировало

их в дальнейшем от конфликтов (8).

Инициатива создания Витебской народной консерватории принадлежала представителям местной творческой интеллигенции, но без квалифицированных столичных музыкантов-педагогов она не могла бы состояться. Организаторы учебного заведения видели в нем источник общего, широкого музыкального просвещения масс. Именно поэтому педагоги и учащиеся были включены в самые разнообразные формы культурно-массовой работы: концерты, театральные постановки, митинги-концерты, лекции-концерты. Структура консерватории в период 1918-1923 гг. неоднократно менялась, и перемены эти отразили эволюцию в понимании задач музыкального образования первых лет советской власти.

1. Малько, Н.А. Воспоминания. Статьи. Письма / Н.А. Малько. – Л.: «Музыка», 1972. – С. 21—22.

2. Лисов, А.Г. Два письма по поводу организации Витебской народной консерватории / А.Г. Лисов, Е.Г. Трусова // Весці Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі. 2006. – № 9. – С.121-126.

3. Государственный архив Витебской области, ф.1050, оп.1, д.10, лл.1—3 об.

4. Там же, д.9, л.7.

5. Государственный архив Витебской области, ф.1050, оп.1, д.8а, лл.3—4; 22, 22об.

6. Там же, д.29, л.5.

7. Музыкальный энциклопедический словарь / гл. ред. Г.В. Келдыш. – М.: БСЭ, 1998. – С. 371-372.

8. См. об А.О. Цшохере: Лисов, А. Уполномоченный по музыкальным делам (незавершенный биографический очерк об А.О. Цшохере) / А. Лисов, Е. Трусова // Малевич. Классический авангард. Витебск. Сб. статей. Вып. 6 / Под ред. Т.В.Котович. – Витебск, 2003. – С. 85—118.

Марчик Т. П.

ФОРМИРОВАНИЕ АППАРАТА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

С первых дней установления советской власти в Витебской губернии происходит формирование аппарата управления губернией. 24 декабря 1917 года проводится заседание губернского отдела народного образования, где решаются вопросы о сборе сведения относительно народных училищ. Собрать таковые сведения поручается т. Гобу и т.Дризулю. За получением директив от Комиссара по народному просвещению Луночарского в г. Петрограда делегируется тов. Юнин. Заседание закрывается в 2 часа дня.

Следующее заседание посвящено распределению функций от-

делов в структуре аппарата управления:

I отдел должен ведать низшими школами,

II отдел должен ведать высшими Начальными училищами и средними учебными заведениями,

III отдел ведает высшими учебными заведениями и внешкольным образованием,

IY отдел должен ведать профессиональным или техническим образованием.

Председателем секции избирается товарищ Гоба. И на данном заседании секции идет утверждение заведующих отделов. Заведующего первым отделом, в ведении которого переходит нисшие школы назначается **Осиповец,** 2 отделом, в ведении которого переходят средние учебные заведения временно избирается **Коллейка,** в состав которой входят т.т. **Гребенник, Шигалин и Школьников**, что же касается высшего образования и технических отделов – вопрос остался открытым. Заседание закрывается в 9 часов вечера.

В январе 1918 г по Губисполкому издается приказ за № 1, где пунктом **г)** было прописано, что в ведение школьной секции переходит дирекция народных училищ и все учебные заведения губернии. Местом пребывания Секции назначается канцелярия дирекции училищ.

И только 25 января 1918 года заслушивается проект т. Шигалиной об организации Секции Народного просвещения, которая принимается для сведения и руководства. Принимается постановление об упразднении инспекторов, директоров народных училищ, а равно Губернской дирекции и инспекции с их канцеляриями, всё делопроизводство передается культурно – просветительной секции Губернского Совета.

Коллегии, выделенной для организации Отдела средней школы, поручается назначить Комисаров для наблюдения и проведения декретов Совета Народных Комисаров в жизнь.

31 марта 1918 года рассматривается смета на содержание губернского и уездных советов по Народному образованию и по содержанию существующих учебных заведений губернии предложено принять в размере 16.400.100 руб., по содержанию предполагаемых к открытию в 1918 году учебном в размере 8.511.000 и по внешкольному образованию в сумме 2. 654.850 руб.

Из доклада Свиржевского на заседании Витебского Губернского Отдела Народного Просвещения видно, что учебный (это 1917-1918) год и главным образом в последние месяцы – январь, февраль, март, апрель 1918 г. положение школьного образования в уезде было плохо налажено, т.к. практически отсутствовали средства из центра, и не было денег в уездном Совете. Были образованы при каждой школе родительской комитеты, при помощи которых еле–еле дотянули учение до пасхи. За этот тяжелый период, конечно, ничего не сделано в

смысле улучшения школьных помещений и обеспечения необходимыми учебными пособиями и инвентарем. Уездный Отдел смотрел на это, как на исключительное временное явление, и для улучшения дела образования разработан ряд мероприятий.

II). О школьной сети и о плане, осуществления всеобщего обучения.

2) Открытие новых начальных училищ

3) Смена на содержание существующих училищ

Советом по Народному образованию принята **резолюция**:

1. Немедленно организовать центральную библиотеку и музей при ней.

2. Открыть в каждой волости библиотеку – читальню в особом помещении и особым библиотекарем;

3.Учредить должность учителя для передвижной школы для взрослых каждой волости

4. Просить уездный Совет изыскать средства на приглашение лекторов, на передвижной театр, приобретение 9 кинематографов и 30 лент с тем, а также 10 волшебных фонарей, согласно сметы губ. уезда

5. Просит уездный совет оказать материальную поддержку при организации экскурсий для учащихся в эту же весну.

6. Просит уездный совет предоставить помещение для центральной библиотеки – музея, а в уезде пустующие помещения для народных домов и библиотек – музеев.

7. Просит уездный совет отпустить средства на организацию текущим летом курсов для учащихся по внешкольному образованию.

В это же время разрабатывается временное положение об организации советов Народного образования в Витебской губернии и 21 мая 1918 года ставится вопрос о создании губернского отдела народного образования. Во главе отдела стоит назначенный Губисполкомом заведующий – председатель, на котором лежит общее руководство и направление деятельности отдела.

Отдел разбивается на подотделы:

1. Школьный (ведающий всеми школами губернии)

2. Дошкольный (ведающий дошкольным воспитанием: детские сады, площадки и прочее)

3. Внешкольный (внешкольное образование: клубы, библиотеки, курсы, лекции, музеи, театры, кинематограф и прочее)

4. Профессионально – технический (специальное образование)

5. Финансовый (составление ежегодных и периодических смет по губернским представлениям в областной комиссариат и проч.)

6. Литературно – издательский (книжный магазин, музей учебных наглядных пособий, снабжение училищ учебными пособиями, книгами, литературой)

7. Инструкторско - организационный

Кроме того, в отделе должна быть общая канцелярия из одного

секретаря, двух канцелярских работников, двух машинисток, одного регистратора и курьера.

Заведующим подотдела низшей и высшей школы назначен **Яков Иванович Тарановский.**

Заведующим подотделом средней и профессиональной школы – **Михаил Семенович Благовещениский.**

Заведующим подотделом внешкольного и школьного образования - **М. С. Анисимов.**

Заведующим подотделом финансов **Ф.И. Мурашко.**

В помощь заведующим подотделам назначаются ответственные делопроизводители:

Тарановскому – С.П. Грудовик.

Благовещенскому – В.К. Тарасов.

Анисимову – С.К. Козенко.

Заведующему финансовым подотделом Мурашко предоставляется право брать из других подотделов свободных производителей.

Вот так была создана структура аппарата управления народным образованием на современной территории Витебской области.

Протоколы заседаний губисполкома 1917-1918 годов. Копии материалов Государственного архива Витебской области // Музей «История образования в Витебском регионе», фонды.

Баталко Т.И., Акулинский П.В.

СТАНОВЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Послереволюционное развитие белорусского общества отмечено событиями, которые кардинально изменяли жизнь белорусского народа. Период 1920-х годов чрезвычайно насыщен различными событиями и явлениями, которые, с одной стороны, были результатом величайшей социальной встряски и приходом на историческую арену совершенно иных общественных сил, а с другой, — итогом многовекового культурного и исторического развития, деятельности многих поколений в условиях социального и национального закрепощения. Особенности этого десятилетия заложили фундамент всего будущего социалистического периода, его последующие достижения и просчеты.

Развернувшееся в республике национально-культурное строительство велось не на голом месте, истоки его следует искать в идеях белорусского национального возрождения предыдущих поколений, в деятельности и программах белорусских национал-демократических партий, появившихся в начале XX века. Программы этих партий боль-

шое место уделяли созданию национальной системы образования. Это и понятно. Как учит мировая практика, судьба любой нации едва ли не в наибольшей степени зависит от состояния народного образования, от наличия национально сознательных, широко образованных лучших представителей интеллигенции. Как никто другой, педагогическая интеллигенция понимала необходимость обучения детей на родном языке воспитания пламенных патриотов своей "Бацькаўшчыны".

В.М. Игнатовский принадлежал к числу тех национально сознательных белорусов, кто наиболее остро ощущал национально-культурные потребности белорусского народа. Став во главе созданного в декабре 1920 г. Наркомата просвещения, окружив себя единомышленниками (А.Червяков, Д. Жилунович, А. Бурбис, А. Балицкий, П. Ильючёнок, М. Чарот, А.Сташевский), он приступил к разработке и осуществлению политики, позже названной политикой белорусизации.

Процесс национально-культурного строительства, создания белорусской национальной школы проходил в очень сложных политических, социальных и экономических условиях. Состояние разрухи, нищеты, нехватки специалистов и вообще грамотных людей требовало максимального напряжения сил и средств. Ситуация усугублялась позицией неприятия политики национального возрождения со стороны лидеров большевистской партии, а также незавершенностью национально-государственной консолидации белорусского народа.

В таких условиях трудно переоценить мероприятия Наркомпроса, его белорусского отдела по переводу школ на белорусский язык обучения, создание сети курсов, системы переподготовки учительства. Отличительной чертой этого периода явился активный поиск новых подходов и создание концепции национальной школы, теоретическая разработка основ школьной политики. Этот поиск происходил в условиях открытости, живейших дискуссий, которые разгорались по актуальным проблемам создания национальной школы и проходили не кулуарно, а с достаточно широким использованием средств печати. На страницах журналов "Вестник Народного комиссариата просвещения ССРБ", "Школа и культура Советской Белоруссии", газет "Звязда" и "Савецкая Беларусь" к народу обращались представители педагогической интеллигенции, ученые, руководители органов Советской власти, которые разъясняли задачи в области народного образования. В разделе "Белорусский отдел" журнала "Школа и культура Советской Белоруссии" публиковались статьи ученых, педагогов, литераторов, в которых разрабатывались теоретические основы белорусской школы, проводились исследования в области языка. В республике появилось большое количество статей, учитывающих пеструю палитру мнений о судьбе белорусского языка, о путях формирования национального самосознания белорусов, о роли интеллигенции в создании культуры

нового общества, о необходимости создания литературного белорусского языка и преодолении его диалектной пестроты. Сегодня нас удивляет тот дух подлинного энтузиазма педагогической интеллигенции, которому сопутствовали истинный плюрализм и демократизм.

Необходимо отметить хорошо продуманную разъяснительную работу Наркомпроса как среди населения, так и среди самого учительства, которой они предваряли практические шаги в языковой политике. Являясь горячими поборниками введения белорусского языка в школы, детские сады, различные учебные заведения, тогдашний нарком просвещения В.М. Игнатовскнй и его заместитель А.В. Балицкий убедительно доказывали преимущества школы на родном для ребенка языке.

Социально-культурная атмосфера белорусского общества того времени характеризовалась всплеском искреннего интереса народа, особенно молодежи, к развернувшемуся в республике возрождению национально-культурной жизни. Журнал "Полымя" писал в 1923 году, что "тяга к культуре, науке буквально охватила не только город но и село, Неудержимой волной сельская молодежь хлынула в города, в погоню за наукой. Наполняет всякие училища и курсы. Нет никакой возможности удовлетворить жажду всех к знаниям" [1, с. 68]. Вместе с "погоней" за получением образования в училищах, высшей и средней школе, на курсах у молодежи резко обозначилось стремление к саморазвитию через различные «колкі, гурткі, грамадкі». Во всех уездных городах, ряде сел появляются различные культурно-просветительные кружки, краеведческие, археологические и этнографические кружки при школах, техникумах, вузах. Примечательно, что наибольшую активность при создании таких кружков проявляли курсанты белорусских учительских курсов.

Хорошо продуманные мероприятия на первый период белорусизации школ, а главное, системность и планомерность в ее проведении обеспечивали положительные результаты. На доукрупненной территории Белоруссии к 1924/25 учебному году все четырехлетие школы перешли на белорусский язык обучения. Во вновь присоединенных округах – Витебском, Полоцком, Калининском, Оршанском, Могилевском на белорусский язык был переведен только первый год обучения в начальных школах. Во всех школах национальных меньшинств – русских, еврейских, польских, латышских белорусский язык был введен как предмет, начиная с третьего года обучения. Проводя в жизнь политику преимущественного функционирования белорусского языка в школах как языка коренного большинства населения Белоруссии, работники Наркомпроса заботливо относились к законным требованиям других национальных групп. Как результат такой политики, в 1925 г. из общего количества начальных школ белорусских было 4190 (85,3%), еврейских – 147 (3,01%), польских – 122 (2,6%), русских

– 407 (8,4%), других – 31 (0,7%) [2, с. 69].

Белорусизация школ на Витебщине начиналась в условиях острой нехватки учителей, знавших белорусский язык. Так, на 63 вакантных места в белорусские школы в 1924 году было принято 27 человек, окончивших педтехникумы, и 8 выпускников педфака БГУ. Остальные же места были заполнены случайными людьми по принципу "лишь бы школа не пустовала"[3, л. 162]. В 1925 г., по сведениям правления Союза работников просвещения, в Витебске было 30 человек, могущих преподавать на белорусском языке, на 10 районов – не более 32 человек [4, л. 262-264]. В ноябре 1924 года окрком принял решение о создании в Витебске летних курсов по переподготовке работников соцвоса [4, л. 262-264].

На прошедшем в августе 1925 г. Пленуме Витебского окркома вопрос белорусизации учебных заведений области стоял в центре внимания, пленум заслушал доклад председателя нацкомиссии окркома В.Г. Кривоносова. В нем отмечалось, что для исправления положения, связанного с катастрофической нехваткой учителей, владеющих белорусским языком, окружной отдел народного образования привлекал к работе в качестве учителей начальных школ слушателей Витебского белпедтехникума старших курсов. Эта мера, а также летние курсы переподготовки учителей позволили начать массовый перевод школ на белорусский язык обучения. Так, осенью 1925 года в Витебске работали пять начальных белорусских школ, а по округу – около 400 школ [4, л. 36].

На этом же Пленуме было решено "провести обследование всех школ округа, ...чтобы обеспечить интересы всех национальностей" и при наличии соответствующих условий приступить к дальнейшему переводу второго и третьего года обучения в начальных школах [3, л. 167].

Результаты перевода школ на белорусский язык коллегия Витебского окрОНО проверяла в декабре 1925 года. Проверка проходила выборочно по школам в форме письменного экзамена, кроме того, члены комиссии в ходе устной беседы с учениками определяли знание белорусского языка и умение им пользоваться в бытовой практике. Как свидетельствует из отчетных документов комиссии по проведению данного мероприятия, ученики проверяемых школ успешно справились с письменной работой, с задачей на белорусском языке, продемонстрировали знание живой разговорной речи.

К осени 1926 года в округе работало 489 белорусских школ, 30 русских, 20 еврейских, 16 польских и 4 латышских. На партийном Пленуме округа, состоявшемся в сентябре 1926 года и посвященном итогам и перспективам проведения национальной политики на Витебщине, было решено "закончить в 1926/27 учебном году перевод начальных школ, обслуживающих белорусское население, на бело-

русский язык [5, л. 272]. В целом это решение было выполнено и к следующему (1927/28 учебному году белорусизация начальных школ Витебского округа была завершена.

1. Полымя. – 1923. – № 2. – С. 68.
2. Савецкае будаўніцтва. – 1927. – № 10. – С. 69.
3. УГАВО Витебской области, фонд 10051-п. Оп. 1. Д. 552.
4. УГАВО Витебской области, фонд 10051-п. Оп. 1. Д. 2.
5. УГВОА Витебской области, фонд 10051-п. Оп. 1. Д. 454.

Дзядзінкін А.Л.

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ПАЛІТЫКА САВЕЦКАЙ УЛАДЫ Ў ГАЛІНЕ АДУКАЦЫІ Ў 1917–1939 гг. (НА ПРЫКЛАДЗЕ ВІЦЕБШЧЫНЫ)

Важным накірункам дзейнасці савецкіх органаў улады на Віцебшчыне была работа па павышэнню адукацыйнага ўзроўня ўсіх этнічных супольнасцей у галіне адукацыі. Вызначаная работа праводзілася на родных мовах мясцовага насельніцтва. У процівагу русіфікатарскай палітыцы, якая здзяйснялася ў дакастрычніцкі перыяд, савецкае кіраўніцтва пачало фарміраваць культуру нацыянальную па форме. Толькі так, на яго думку, можна было дасягнуць фактычнага раўнапраўя ўсіх народаў былой імперыі, знішчыць культурную адсталасць нацыянальных ускраін. Адначасова бальшавікамі стваралася культура сацыялістычная (пралетарская) па зместу. У гэтым праяўлялася дыялектыка нацыянальнай палітыкі савецкай улады ў духоўным жыцці грамадства. Урэшце ствараліся перадумовы для кансалідацыі насельніцтва былой імперыі на дабраахвотнай аснове ў рамках адзінай супольнасці.

Нацыянальная палітыка савецкай улады была накіравана на вырашэнне практычных задач дзяржавы. Справа ў тым, што без адукаваных і выхаваных у духе камуністычнай ідэалогіі спецыялістаў з ліку прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей нельга было разлічваць на стварэнне новай, класава арыентаванай эліты – партыйных і савецкіх работнікаў, інтэлігенцыі.

Першаступеннай для бальшавікоў у сферы рэфармаванне сістэмы народнай асветы была работа па стварэнню сеткі нацыянальных дашкольных устаноў, працоўных і прафесійна-тэхнічных школ, сярэднеспецыяльных і вышэйшых навучальных устаноў, перад якімі, акрамя адукацыйнай, ставілася і важная палітычная задача – выхаваць падрастаючае пакаленне ў духе савецкай ідэалогіі.

У першыя гады савецкай улады рэформа адукацыі ахапіла толькі Віцебскую, Магілёўскую і ўсходнія паветы Мінскай губерній, якія не былі акупаваны нямецкімі войскамі. Рэарганізацыя адбывалася

ў адпаведнасці з пастановамі і дэкрэтамі савецкіх органаў улады аб асвеце і савецкай школе. Так, ужо 23 студзеня 1918 г. урад РСФСР прыняў дэкрэт “Аб аддзяленні царквы ад дзяржавы і школы ад царквы”. У выніку забаранялася выкладанне рэлігійных дысцыплін “во всех государственных и общественных, а так же частных учебных заведениях, где изучаются общеобразовательные предметы” [1, с. 13]. 18 лютага 1918 г. Народны камісарыят асветы прыняў пастанову “Аб савецкай школе” [2, с. 320], а 31 кастрычніка 1918 г. пастанову “Аб школах нацыянальных меншасцяў” [2, с. 835]. Народам Савецкай Расіі гарантавалася права навучання на роднай мове.

Такім чынам, у лістападзе 1917 – 1918 г.г. савецкія органы ўлады дэкларавалі правы народаў Расіі ў галіне асветы, аднак у складаных умовах грамадзянскай вайны і замежнай інтэрвенцыі не здолелі пачаць рэалізацыю праграмы на практыцы.

З пачатку 1919 г. пачаўся новы этап рэалізацыі нацыянальнай палітыкі савецкай улады ў галіне адукацыі. Трэба адзначыць, што ў гэты час беларускія землі ўваходзілі ў склад розных дзяржаўных утварэнняў: БССР (з 27 лютага 1919 г. – ЛітБелССР) і РСФСР (Віцебская, Гомельская і Смаленская губерні). У сувязі з польскай інтэрвенцыяй палітыка савецкай улады ў сферы практычнай рэалізацыі прынцыпаў нацыянальнай палітыкі на тэрыторыі БССР (ЛітБелССР) да ліпеня 1920 г. зноў жа не была эфектыўнай і насіла толькі дэкларатыўны характар. У адпаведнасці з Канстытуцыяй БССР (3.02.1919 г.) абвяшчалася раўнапраўнасць працоўных усіх нацыянальнасцей, а пастановай урада Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Літвы і Беларусі “Аб нацыянальных правах насельніцтва” (21.03.1919 г.) на тэрыторыі краіны агульнадзяржаўнымі прызнаваліся пяць моў: літоўская, беларуская, руская, польская і яўрэйская. На кожнай з іх дазвалялася выкладаць у школе. Фактычна толькі пасля канчатковага вызвалення тэрыторыі Беларусі ад польскіх войск, абвяшчэннем у другі раз БССР дэкрэты савецкай улады пачалі праводзіцца ў жыццё больш эфектыўна.

17 снежня 1920 г. ІІ Усебеларускі з’езд Саветаў па дакладу аб народнай асвеце прыняў рэзалюцыю, дзе адзначалася, што палітыка савецкага ўрада заключаецца ў тым, каб зрабіць усе народы рэспублікі сапраўды раўнапраўнымі. Прапаноўвалася ствараць школы на роднай мове для ўсіх этнічных супольнасцей Беларусі.

У першую чаргу актывізоўвалася “беларуская” работа. Беларускім аддзелам Наркамасветы БССР з 1921 г. на базе БДУ былі арганізаваны дзесяцімесячныя курсы па падрыхтоўцы настаўнікаў для беларускіх школ, пачалося выданне падручнікаў. У выніку такой мэтанакіраванай працы ў 1921 – 1922 навучальным годзе беларускамоўнымі сталі каля 20 % пачатковых і 5 % школ-сямігодак. У 1922—1923 годзе іх удзельная вага вырасла адпаведна да 60 і 10 %.

Усяго ў БССР на гэты час працавала 4157 працоўных школ першай і другой ступеняў [3, с. 24].

У пачатку 1920-х гадоў рабіліся першыя крокі па беларусізацыі тэхнікумаў і ВНУ. Беларуская мова, літаратура, айчынная гісторыя і геаграфія з 1921 г. уводзіліся ў вучэбныя планы гэтых устаноў у якасці абавязковых дысцыплін [3, с. 25]. Да канца 1922 г. былі поўнасцю "беларусізаваны" БДУ, Мінскі, Барысаўскі і Бабруйскі педагагічныя тэхнікумы. Значна цяжэй абстаяла справа з пераводам на беларускую мову сельскагаспадарчых, індустрыяльна-тэхнічных, медыцынскіх, музычных і мастацкіх сярэдніх спецыяльных навучальных устаноў. Гэта тлумачылася адсутнасцю дастатковай колькасці беларускамоўных падручнікаў для гэтага тыпу навучальных устаноў, а таксама кадравай праблемай. У пераважнай большасці гэтых устаноў працавалі выкладчыкі яўрэі і рускія па нацыянальнасці, якія зусім не валодалі беларускай мовай.

У 1921 г. змаглі арганізаваць сваю работу яўрэйскі і польскі аддзелы Народнага камісарыята асветы БССР. На Беларусі пачала фарміравацца і пастаянна пашыралася сетка яўрэйскіх і польскіх школ, працавалі нацыянальныя дзіцячыя сады, летнія пляцоўкі, прафесійна-тэхнічныя ўстановы. Для падрыхтоўкі настаўнікаў ў Мінску былі арганізаваны педагагічныя курсы, былі адкрыты Яўрэйскі (1921 г.) і Польскі (1922 г.) педагагічныя тэхнікумы. Пашырэнне сеткі нацыянальных устаноў адукацыі адбывалася нават у складаных сацыяльна-эканамічных умовах 1922 – 1923 гадоў. Спецыяльным цыркулярам Наркамасветы БССР (сакавік 1922 г.) абвяшчалася, што "при сокращении школ школы нацменшинств не сокращаются" [4, с. 18]. Гэта было абумоўлена тым, што нацыянальныя ўстановы адукацыі ахоплівалі да 1922 г. толькі каля 50 % дзяцей школьнага ўзросту.

Акрамя беларускіх, польскіх і яўрэйскіх школ у 1923 – 1924 навучальным годзе на тэрыторыі БССР дзейнічала 13 латышскіх школ. Настаўнікаў для гэтага тыпу ўстаноў рыхтавалі Ленінградскі латышскі педтэхнікум і Камуністычны універсітэт народаў Захаду.

На тэрыторыі "беларускіх" губерній РСФСР станаўленне сістэмы нацыянальных устаноў адукацыі пачалося ўжо з пачатку 1919 г., фактычна на два гады раней, чым на тэрыторыі БССР.

У адпаведнасці з інструкцыямі Наркамнаца і Наркамасветы РСФСР у лютым 1919 г. пры ўсіх аддзелах народнай адукацыі пачалі стварацца спецыяльныя пададдзелы, якія вырашалі пытанне аб адкрыцці нацыянальных школ, клапаціліся аб іх матэрыяльна-тэхнічным забеспячэнні. Так, яшчэ ў кастрычніку 1919 г. пры Віцебскім губана была створана польская секцыя, а ў жніўні 1921 г. – яўрэйская і латышская [5]. У верасні 1921 г. таксама пачалася работа па арганізацыі беларускай секцыі. Некалькі разоў дадзенае пытанне

абмяркоўвалася на паседжаннях калегіі Віцебскага губана, але безвынікова. У пастановах фіксавалася, што "вопрос об организации белсекции несвоевременный, для проведения белорусской работы нет ни средств, ни школьных работников" [6, с. 50]. У выніку на тэрыторыі Віцебшчыны ў 1919 – 1924 г.г. не было ніводнай школы, якая б працавала на роднай мове беларускага насельніцтва. Наўрад ці гэта было абумоўлена толькі дэфіцытам сродкаў у бюджэце губана. Хутчэй за ўсё савецкія органы ўлады ў дадзеным пытанні падпарадкоўваліся рашэнням ІІІ-й Віцебскай губернскай партканферэнцыі, якая праходзіла 20 студзеня 1919 года. У рэзалюцыі гэтай канферэнцыі адзначалася: "Население губернии совершенно обрусело и здесь нет вообще белорусской культуры" [7]. Як бачна, на тэрыторыі Віцебшчыны ў адрозненні ад БССР – увогуле не рэалізоўвалася праграма па забеспячэнню ўстановамі адукацыі на роднай мове прадстаўнікоў карэннай нацыянальнасці.

У той жа час, як і на тэрыторыі БССР, у "беларускіх" губернях РСФСР праводзіўся комплекс мерапрыемстваў у галіне народнай асветы ў адносінах да нацыянальных меншасцей. Па-першае, стваралася і пастаянна расла сетка навучальных устаноў для прадстаўнікоў нетытульных этнічных супольнасцей – латышоў, палякаў, яўрэяў, літоўцаў. Па-другое, наладжвалася работа педагагічных курсаў, адкрываліся сярэднеспецыяльныя прафесійныя ўстановы для падрыхтоўкі савецкіх настаўнікаў у нацыянальныя школы. Так, у Віцебску ў 1921 г. быў адкрыты Яўрэйскі педтэхнікум.

У развіцці нацыянальнай школы і адукацыі на Беларусі ў другой палове 1920-х – сярэдзіне 1930-х гадоў вызначальную ролю адыграла пастанова ІІ сесіі ЦВК БССР "Аб практычных мерапрыемствах па правядзенні нацыянальнай палітыкі". У другім раздзеле гэтай пастановы гаварылася аб тым, што "навучанне і выкладанне ва ўсіх установах сацыяльнага выхавання і прафтэхнічнай адукацыі павінна весціся на роднай мове абслугоўваемага насельніцтва… мова беларуская і руская – першая як мова большасці насельніцтва БССР, другая як мова, якая мае агульнасаюзнае значэнне, з'яўляюцца абавязковымі прадметамі выкладання ва ўсіх вучэбных установах БССР" [8, с. 4].

З улікам прынятых пастаноў савецкага ўрада на тэрыторыі БССР працягвалася практычнае ажыццяўленне нацыянальнай праграмы бальшавікоў у галіне асветы. Першаступеннай у гэты час стала задача беларусізацыі ўстаноў адукацыі. Трэба адзначыць, што яшчэ ў 1923/1924 навучальным годзе ўсе сельскія пачатковыя школы БССР былі пераведзены на беларускую мову. З 1925/1926 вучэбнага года на беларускую мову пачалі пераходзіць старшыя класы. Безумоўна, гэты працэс напачатку выклікаў пэўныя цяжкасці: не хапала беларускіх падручнікаў, кваліфікаваных педагогаў, якія б маглі весці заняткі на

беларускай мове. У сувязі з гэтым з 1925 г. значна пашыралася сетка курсаў беларусазнаўства ў рэспубліцы, у тым ліку і на Віцебшчыне. Такая мэтанакіраваная работа органаў народнай асветы прывяла да таго, што на 1927 год 85,3 % школ, 49,3 % дзіцячых садоў, 71,5% педтэхнікумаў БССР былі беларускімі [9, с. 44-46].

У вызначаны перыяд праводзілася далейшая работа па пераводу школ нацыянальных меншасцей на іх родныя мовы. Паводле архіўных звестак на 1926 г. толькі ў Віцебскай акрузе дзейнічалі 15 польскіх школ з выкладаннем на польскай мове і 1 польска-беларуская школа [10]. Усе яны ўтрымліваліся за дзяржаўны кошт. Колькасць навучэнцаў у іх складала 1025 чалавек, выкладчыкаў – 35 чалавек. Гэтыя школы ахоплівалі 88% усіх дзяцей польскай нацыянальнасці па акрузе. Як бачна, гэты працэнт быў даволі высокім. Аднак сама забяспечанасць школ падручнікамі і іншымі метадычнымі матэрыяламі была даволі нізкай і задавальняла толькі 30% ад запатрабаванага. Прыкладна такая ж сітуацыя назіралася з яўрэйскімі, латышскімі і літоўскімі школамі Віцебшчыны. На шляху станаўлення нацыянальных школ былі і іншыя праблемы: недахоп педагагічных кадраў, адсутнасць цеснай сувязі паміж гэтымі ўстановамі адукацыі, “значная недагрузка школ вучнямі” ў сувязі з “раскіданасцю” нетытульнага насельніцтва. Тым не менш савецкімі органамі ўлады рабілася ўсё магчымае, каб праз выкарыстанне нацыянальных моў узняць узровень пісьменнасці сярод нацыянальных меншасцей Беларусі: складаліся перспектыўныя планы ўсеагульнага навучання для кожнай нацыянальнасці, адчыняліся новыя школы па меры запатрабавання мясцовага насельніцтва. З мэтай падрыхтоўкі кваліфікаваных педагагічных і тэхнічных кадраў у БССР, у тым ліку і на Віцебшчыне, працягвалі сваю працу яўрэйскія (у Віцебску, Гомелі і Мінску) і польскі (у Мінску) педтэхнікумы.

Тэндэнцыя пашырэння сеткі школ і дашкольных устаноў для насельніцтва Віцебшчыны захоўвалася да сярэдзіны 1930-х гадоў, пакуль не стаў адбывацца працэс пераводу школ нетытульных этнічных супольнасцей у школы агульнага тыпу, дзе мовамі выкладання ў большасці выпадкаў была руская ці беларуская. Гэты працэс на Беларусі пачаўся яшчэ ў верасні 1934 г., калі Бюро ЦК КП(б)Б і СНК БССР прынялі сумесную пастанову “Аб выніках перагляду становішча польскіх школ”. Адпаведна вызначанай пастанове пачалося рэзкае скарачэнне колькасці польскіх нацыянальных школ. Са 136 школ, якія працавалі ў 1933/1934 вучэбным годзе, у наступным годзе засталося толькі 15 школ. Канчаткова пытанне аб нацыянальных школах было вырашана на паседжанні Аргбюро ЦК УКП(б) ад 1 снежня 1937 г., калі было прызнана шкодным “существование особых национальных школ на территории соответствующих республик” і прапанавана “реорганизовать указанные школы в советские школы обычного типа”. Народ-

ным камісарыятам асветы нацыянальных рэспублік было загадана "представить в ЦК ВКП(б) предложения о ликвидации национальных школ, педтехникумов, домов просвещения и других культурно-просветительных учреждений". У выніку прыняцця такіх рашэнняў партыі і ўрада, у БССР, у тым ліку і на Віцебшыне ў 1938/1939 навучальным годзе ўжо не было ніводнай школы для нацыянальных меншасцей. Дзеці сталі атрымоўваць адукацыю ва ўстановах агульнага тыпу, дзе навучанне вялося на рускай ці беларускай мовах.

1. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – М.: Изд-во СНК РСФСР, 1918. – № 80. – 424 с.
2. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – М.: Изд-во СНК РСФСР, 1919. – № 67. – 462 с.
3. Андрэева, Е.Г. Гісторыя народнай асветы Беларусі / Е.Г. Андрэева – Мн.: Народная асвета, 2001. – 326 с.
4. Жылінскі, Г. Ажыццяўленне палітыкі беларусізацыі ў 1920-я гады / Г.Жылінскі // Адукацыя і выхаванне. – 1996. – № 8. – С. 16-20.
5. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). Ф. 10050. Воп. 1. Спр. 355. Арк. 60.
6. Зелянкова, А. Палітыка савецкай улады ў галіне адукацыі на беларускіх тэрыторыях у складзе РСФСР (1919-1926) / А. Зелянкова // Весці НАН Беларусі. – Сер. гуманітарных навук – 2001. – № 2. – С. 47 – 53.
7. ДАВВ. Ф. 10050. Воп. 1. Спр. 24. Арк. 2.
8. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства БССР. – Мн.: Изд-во СНК БССР, 1927. – 380 с.
9. Практическое разрешение национального вопроса в БССР. Часть 2. Работа среди национальных меншинств. – Мн.: Беларускае дзяржвыдавецтва, 1928. – 156 с.
10. ДАВВ. Ф. 170. Воп. 1. Спр. 54. Арк. 30.

Сухоцкая С.Ю.

ОБРАЗОВАНИЕ НА ВИТЕБЩИНЕ В 1920-Х ГОДАХ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Одним из направлений национальной политики советской власти в области образования в начале 1920-х годов было создание национальных школ, где школьники могли обучаться на родном языке. Общее реформирование школьного образования началось в 1917 году. В основу построения новой школы были положены следующие документы: Положение «О единой трудовой школе РСФСР» и Декларация «Основные принципы единой трудовой школы», утвержденные ВЦИК РСФСР от 16 октября 1918 года. Согласно данным документам новая школа была построена на таких принципах, как светскость на всех ступенях обучения, национальная школа с обучением на родном языке, равноправие в отношении образования мужчин и женщин, демокра-

тическая организация обучения, которая должна носить трудовой характер, преемственность всех звеньев образования. Обучение составляло 9 лет. Школы разделялись на 2 концентра: 1-й с 5-летним курсом обучения для детей 8-13 лет, и 2-ой с 4-летним для детей 13-17 лет.

Школы национальных меньшинств начали создаваться после принятия 31 октября 1918 года Коллегией Народного комиссариата просвещения РСФСР постановления «О школах национальных меньшинств». На основании «Инструкции об организации и деятельности подотделов просвещения национальных меньшинств на местах» от 9 ноября 1918 года создавались подотделы просвещения национальных меньшинств при отделах просвещения местных исполкомов, которые руководили всей работой национальных школ. 22 февраля 1919 года при Витебском отделе народного образования был создан подотдел национальных меньшинств, при котором существовали еврейская, латышская и польская секции [8, с. 278]. Деятельность секций носила разнообразный характер, в частности, латышская секция занималась оказанием помощи колониям латышей в организации школ, преподавании на родном языке, снабжении школ учебниками, мебелью, оборудованием [8, с. 279].

Все еврейские, латышские, польские школы были тесно связаны с национальными партийными органами и культурно-просветительными организациями. Согласно решению президиума Витебского губисполкома, с 1 ноября 1923 года подотдел по делам национальностей был ликвидирован. При организационном подотделе секретариата была учреждена должность инспектора по национальным делам, который и продолжал деятельность губернского подотдела по делам национальностей.

Присоединение Витебщины к БССР (март 1924 г.) обусловило распространение на ее землях политики белорусизации, что способствовало дальнейшему развитию национальных школ. Принятое 2-й сессией Центрального исполнительного комитета БССР «Постановление о мерах по проведению национальной политики» от 15 июля 1924 года гласило, что обучение и преподавание во всех учреждениях социального воспитания и профтехнического образования, а равным образом и обслуживание всех прочих культурно-просветительских потребностей населения должно вестись на их родном языке. Это привело к значительному увеличению количества школ национальных меньшинств.

В 1924-1925 учебном году всего по городу числилось школ 1-й ступени 40, школ 2-й ступени—13, в них обучалось 8326 учащихся. По национальному составу учащиеся распределялись таким образом: белорусов—20%, русских—13%, евреев—52%, поляков—7%, и прочие -8%. По социальному составу учащиеся делились: рабочих—21%, служащих— 29%, крестьян—9%, кустарей—17%, красноармейцев—2% и

прочих—2% [2, л. 95]. Кроме того, действовали 4 вечерние школы рабочей молодежи, в них занималось 719 человек, 12 школ для малограмотных. Для беспризорных было создано 8 детдомов и школьных коммун. В школах работало 620 учителей [3, л. 95]. Также в городе насчитывалось 15 библиотек и Дом книги, который имел передвижные библиотеки в 70 пунктах города, политико-просветительских учреждений в1924 году, то есть изб-читален и Нардомов, — 56 [1, л. 95].

Сеть еврейских образовательных учреждений по округу в 1924-1925 учебном году состояла из 17 школ (2670 учащихся), 5 детдомов и 6 садиков, которые включали в себя 454 детей и 28 руководителей. Помимо того, следует отметить полит-просветительные учреждения: 1 школа рабочей молодежи, 4 ликпункта, 2 клуба, 2 избы-читальни, 6 библиотек, 1 партшкола; профобразовательные учреждения: 1 Евпедтехникум со 160 курсантами, 1 школа швейников (60), 1 школа кожевенников (50) и 1 швейная мастерская (40) [6, л. 129].

Сеть латышских образовательных учреждений включала в себя 7 школ (367), 1 детдом, 1 клуб. Кроме этого, в Витебском округе насчитывалось 20 культурно-просветительских кружков с 427 членами, 8 библиотек с книжным фондом в 4052 томов [6, л. 129].

Сеть польских образовательных учреждений состояла из 1 школы-семилетки (150), 7 школ 1-й ступени (1045), 1 детдома (48), 1 школы для взрослых (72). При каждой школе имелась изба-читальня [6, л.129].

В основу политики белорусизации был положен принцип перевода образовательных и культурно-просветительных учреждений на белорусский язык. По городу в учебном 1925 году целиком на белорусский язык перешел Белорусский Педтехникум. Частично начала переводиться 1 нулевка и 2-я группа в 6-и семилетках и 5-и начальных школах. По округу перешли на белорусский язык около 60 школ. В политпросветучреждениях на белорусский язык переводилась деятельность изб-читален и ликпунктов, которые составили 75 % всех культурно-просветительных учреждений округа. Во всех школах нацменьшинств белорусский и русский языки вводились как предметы преподавания с 3-го и 4-го года обучения. Частично на белорусский язык была переведена Витебская совпартшкола [3, л. 291 – 292].

Продолжали развиваться открытые после Октябрьской революции первые высшие учебные заведения – педагогический и ветеринарный институты. Работали 2 педагогических, промышленно – экономический и механический техникумы, 2 музыкальные школы, 3 медшколы, медкурсы. Молодое поколение рабочего класса готовили 5 профтехшкол (текстильщиков, швейников, кожевников, обувщиков, печатников) [5, с. 260].

На примере профобразовательных учреждений города Витебска можно видеть, как реализовывалась национально-образовательная по-

литика в Витебском регионе. Практически во всех профобразовательных учреждениях города значительную часть учащихся составляли представители еврейской национальности. Медицинское образование получали в основном русские, евреи и белорусы. Представители польской национальности учились в музыкальном и медицинском техникумах. Также в городе работали два национальных техникума - Евпедтехникум, где учились одни евреи и Белпедтехникум, где основную часть учащихся составляли белорусы [5, л.77]. См. таблицу.

Название техникума	Белорусы	Евреи	Поляки	Великорусы	Латыши	Прочие
Электро-механический	33%	62%	1%	3%	-	1%
Художественный	63%	32%	2%	1%	1%	1%
Музыкальный	27%	58%	8%	12%	-	-
Медицинский	28,2%	32%	3,8%	34,5%	1,5%	-
Евпедтехникум	-	100%	-	-	-	-
Кооперативный	25,7%	62,5%	2,3%	9,5%	-	-
Белпедтехникум	83%	13%	3%	0,5%	-	0,5%

Таким образом, работа в сфере образования на Витебщине вытекала из политики советской власти в 1920-е годы, которая предполагала комплекс мер, направленных на развитие национальной культуры, организацию школ для национальных меньшинств. Специфика национального состава населения Витебского региона в 1920-х годах привела к созданию национальной системы образования на языках основных этносов, проживавших на этой территории.

1. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО), ф. 118, оп. 1, д. 3
2. ГАВО, ф. 118, оп. 1, д. 524.
3. ГАВО, ф. 118, оп. 1, д. 526.
4. ГАВО, ф. 476, оп. 1, д. 24.
5. ГАВО, ф. 10051-п, оп. 1, д. 64.
6. ГАВО, ф. 10051-п, оп. 1, д. 89.
7. Зайко, К.И. На крутым павароце гісторыі / К.И. Зайко // Памяць: Гіст.–дакум. хроніка Віцебска: у 2-х кн. Кн. 1-я / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2002. – С. 250 – 271.
8. Ширма, В. Развитие латышского школьного образования на территории Витебщины в 20-е годы XX века / В. Ширма // Latgale ka kulturas pierobeza. – Daugavpils, 2008. – С. 277 – 282.

Шишанов В.А.

МАТЕРИАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ О ШКОЛЕ В УСАДЬБЕ «ЗДРАВНЕВО»

Изучение деятельности начальной школы в усадьбе И.Е. Репина «Здравнево», представляет значительный интерес не только для освещения пребывания в усадьбе семьи младшей дочери известного художника Татьяны Ильиничны Репиной-Язевой, но и для понимания процесса становления системы начального образования в первые послереволюционные годы. Наряду с материалами по другим сельским школам, выявленные документы являются ценными источниками для анализа кадрового состава, положения учителей, хозяйственного состояния школ, для изучения развития новых принципов и сложностях организации учебного процесса, изменений в отношении населения к образованию.

«Крайняя необходимость» создания школы в усадьбе Здравнево была установлена 24 июня 1918 г. на заседании Верховского волостного совета по народному образованию [2, л. 15 об., 16]. На собрании жителей близлежащих деревень 30 августа был принят протокол, в котором отмечалось, что при значительном числе детей школьного возраста, ближайшие школы находятся на слишком большом расстоянии, чтобы можно было зимой отпускать детей одних в школу. В тоже время крестьяне заявляли, что «желание учить детей у них крайне велико» и постановили просить открыть школу в Здравневе, где имеется подходящее помещение, которое они обязались отремонтировать, заготовить дрова, «заготовить или доставить откуда потребуется парты» и брали на себя «мойку полов». Крестьяне ходатайствовали о переводе в эту школу учителем сына местного священника Ивана Дмитриевича Дьяконова, как человека им «известного, местного, добросовестного», которому они могли «смело, без колебаний доверить воспитание своих детей» [2, л. 27—27 об.]. Переехавшая в Здравнево из Петрограда Т.И. Репина-Язева также дала согласие на размещение в усадьбе школы [2, л. 25] и по постановлению волоно от 3 сентября 1918 г. просьба крестьян была удовлетворена.

Школа разместилась в нескольких комнатах главного усадебного дома и флигеле. В начале 1920-х гг. для нее было построено новое здание, но некоторые комнаты в главном доме еще продолжительное время использовались под классы.

1 сентября 1918 г. И.Д. Дьяконов приступил к занятиям. После введения 22 января 1922 г. в системе народного образования должности заведующего школой И.Д. Дьяконов стал заведующим Здравневской школой [7, л. 1 об., 3 об.]. Документы архива позволяют просле-

дить изменение преподавательского состава школы, среди учителей которой были Н.Ф. Быченок, И.М. Косаренко, Л.В. Слупский.

1 февраля 1919 г. Т.И. Репина-Язева была назначена «третьим штатным учителем в Верховскую школу, с возложением на нее преподавания рисования как по назначенной школе, так и по Здравневской и Глодницкой школе» [5, л. 3]. С началом нового учебного года Татьяна Ильинична стала штатным учителем Здравневской школы [3, л. 40]. Обратившись к ее личной карточке можно узнать о напряженном расписании уроков: в I группе – все предметы, во II, Ш, IV – рисование, в IV группе – немецкий язык. Однако 12 августа 1922 г. Т.И. Репина-Язева из-за ухудшения слуха оставила преподавательскую работу [5, л. 35 об].

На 1919/20 учебный год в Здравневской шлоле выявилась необходимость открыть третий комплект. Воспользовавшись этим, внучка Репина Татьяна Николаевна Язева подала заявление в Верховский волоно о предоставлении ей места учительницы. В ходатайстве волоно в уоно отмечалось, что Т.Н. Язева «является желательной учительницей не только для волостного отдела, но и для населения данного района, как проявившая много знания и любви к делу, помогая в прошлом учебном году учащим данной школы» [9, л. 2—2 об.].

С 1922 по 1925 г. Т.Н. Язева и ставший ее мужем И.Д. Дьяконов, преподавали в Здравневской школе вдвоем. Но весной 1925 г. в волоно донесли, что Т.Н. Дьяконова «была на исповеди в церкви» [1]. 22 июня 1925 г. на заседании комиссии по укомплектованию школ Кузнецовского района было принято постановление: «Сократить тов. Язеву Татьяну по должности учительницы Здравневской школы с 1 октября с.г. вследствие сокращения комплекта в школе. В виду того, что тов. Язева выполняет все христианские обряды, воздержаться от назначения Язевой Татьяны в другую школу в качестве учительницы и предложить ей место технического работника в учреждениях Наробраза не исключая из Союза Рабпрос» [12, л. 116]. Постановление бюро Кузнецовского райкома КПБ было еще жестче: «Ввиду того, что школьная работница т. Язева фанатично религиозно настроена, что отрицательным образом действует на деревенскую молодёжь, просить через Окружком КПБ – комфракцию Рабпрос о снятии Язевой со школьной работы» [13, л. 194]. Т.Н. Язева-Дьяконова получила должность делопроизводителя в Храповической школе, но 1 октября 1925 г. уволилась «по собственному желанию» [12, л. 186].

В архиве выявлено значительное количество документов связанных с решением хозяйственных вопросов [5; 11]. Это переписка об обеспечении школы оборудованием, учебниками, топливом, о ремонте школы и выделении ей земельного участка, о распределении одежды, конфет между учениками и материальном обеспечении учителей.

Количество учеников в школе за период с 1918 по 1930 г. колебалось от максимальной – 77 чел. (1919-1920 уч. год), до 35 чел. (1926-1927 уч. год).

Вся переписка в начальный период существования школы велась от имени избранного 28 января 1919 г. школьного совета, в который входили учителя, представители от учащихся и их родителей, позже – представитель сельсовета.

Документы позволяют восстановить непритязательный быт школы. Инвентарь состоял из 14 парт, изготовленных местным крестьянином в 1918 г., 1 школьной доски, 10 чернильниц, 2 ведер, кружки для воды и школьной печати [5, л. 26; 11, л. 15]. Неоднократно в 1925-27 гг. И.Д. Дьяконов просил районо выделить школе шкаф для книг, стол, стул, но в отношении оборудования дело обстояло «кепска» [10, л. 108 и об.; 11, л. 15].

Богаче выглядят списки учебников и наглядных пособий. В них – таблицы по естествознанию, ботанике, биологии, карты России, полушарий, Витебской губернии, глобус и как обязательные атрибуты – портреты В.И. Ленина, А.И. Рыкова, А.В. Луначарского, Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева.

После того, как в марте 1924 года часть Витебской губернии вошла в состав БССР и началась политика белоруссизации преподавание в здравневской школе стало вестись на белоруском языке. В списках имущества появились портреты А.Г. Червякова, В.М. Игнатовского, И.А. Адамовича, белорусские учебники.

Концепция советской единой трудовой школы строилась на приоритете трудового воспитания, тесно связанного с жизнью и приучающего к коллективному труду. Обязательное наличие участка земли при школе предусматривалось 25-й статьей «Положения о единой трудовой школе». Вынашивались планы превращения школ в некое подобие коллективных хозяйств. В апреле 1919 г. Здравневской школе было выделено 5 дес. земли.

В отличие от «учебно-воспитательной» направленности указаний уоно, инструкция Наркомпроса «Относительно организации и проведения школьной посевной кампании» [8, л. 64 и об.] от 13 мая 1921 г. придавала кампании гораздо большее хозяйственное значение и призывала на съездах учащихся и школьных работников «ставить этот вопрос как боевой, требующий напряжения всех культурных сил». Инструкция требовала самого тщательного ухода за огородами и полями, охраны их от хищений в течение всего лета и проведения расследования, если урожай окажется ниже ожидаемого. Полученные со школьного участка продукты должны были поступать «в общий котел школы для школьной столовой для коммунального питания учащих и учащихся». В фонд поощрения участников работы разрешалось пере-

давать от 10 до 25% урожая.

Но реальная жизнь рассудила по-своему. И превратить школу в рассадник коллективизма и источник рабочей силы удалось лишь отчасти. Участок Здравневской школы обрабатывался или учителями, или малоземельными крестьянами.

Особенно сложным периодом было начало 1920-х гг., когда школы были переданы на содержание местных властей. Единственным источником материального обеспечения школ и учителей стало так называемое самообложение, выражавшееся в сдаче крестьянами определенного количестве денег и продуктов питания на нужды народного образования. Истощенные поборами родители весьма неохотно расставались с далеко не лишними продуктами и, в некоторых случаях, чтобы избежать уплаты, не пускали детей в школу. Примечателен и тот факт, что крестьяне, как одно из условий проведения самообложения, ставили вопрос о преподавании вероучения в школах [6, л. 26].

Надо сказать, что состояние школ находилось под постоянным вниманием властей и доклады заведующих школами регулярно заслушивались на заседаниях президиума сельсовета. Выявлен протокол заседания Николаевского сельсовета от 5 марта 1927 г. с записью доклада И.Д. Дьяконова и прениями: «т. Дзіяканаў далажыў аб становішчы школы, а таксама аб пачатку заняткаў у школе, якія пачаліся з 18 кастрычніка 1926 г. і абучалось усяго вучняў 17, к 1 лістапада вучнеў з’явілась больш якіх лік дасціг 36 <…> Школа падразделена на 3 группы, пасешчаемасьць школы вокало 85%. <…> Кепска справа абстаіць з тым, што кола ў мінулым годзе не атрымала апалу<…>. Кнігамі школа забяспечана, так як маецца вокало 175 кніг (вучэбнікаў), што датыкаецца інвентара, то такога мала, як немеецца скрынкі для хаваньня кніг, стала, 1 туборэта. школа адрымантавана на адпушчаные сродкі раёнам у сумме 15 руб., якога яшчэ не хапае. <…>

Тав. Вераб’ёў: <…> Добра, што к экзамену будзіць падрыхтавана, але толькі вучобу ў школе не аслабліваць да канца году <…>.

Тав. Дзіаканаў: <…> кепска ў тым, як эканамічныя сродкі не пазваляюць, няма вопраткі і друг., но справа абстаіць кепска і аб тым, як насельніцтва не прывязываюць сабак на ланцугі, на што вучні жалуюцца <…>” [10, л. 14 и об.].

В июле 1930 г., спасаясь от репрессий семья Репиных-Дьяконовых выехала в Финляндию к И.Е. Репину [14, с. 23-43; 15, с. 53-59; 16, с. 102-115]. Школа в Здравневе продолжала свое существование вплоть до начала Великой отечественной войны, но отсутствие в ГАВО документов не дает возможности осветить ее деятельность в 1930-е гг.

1. Письмо Т. Репиной-Язевой в «Пенаты» 9 мая 1925 г. Ксерокопия // ВОКМ, н/в 10054/5.

2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 91. Оп. 1. Д. 64.
3. ГАВО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 74. Л. 40.
4. ГАВО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 75. Л. 3.
5. ГАВО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 85. Л. 35об.
6. ГАВО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 79. Л. 26.
7. ГАВО. Ф. 221. Оп. 1 Д. 156 Л. 1об, 3об.
8. ГАВО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 119. Л. 64 и об.
9. ГАВО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 67. Л. 2 и об.
10. ГАВО. Ф. 571. Оп. 1. Д. 78. Л. 14 и об.
11. ГАВО. Ф. 571. Оп. 1. Д. 464. Л. 15.
12. ГАВО. Ф. 734. Оп. 1. Д. 27. Л. 116.
13. ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 145. Л. 194.
14. Кичина Е.М. И.Е. Репин и Здравнёво. В обретении и разлуке. 2-е изд., перераб. и доп. – Витебск, 1994. – 112 с.
15. Падліпскі А.М. Здраўнёва: тут жыў І.Я. Рэпін. – Мн., 1995. – 63 с.
16. Шышанаў В. Невядомае Здраўнёва // Віцебскі сшытак. – 2000. – №4. – С.90—115.

Пархімовіч М.М.

ВІЦЕБСКІ РАБОЧЫ ФАКУЛЬТЭТ: НА ПАЧАТКУ ШЛЯХУ

Рабочыя факультэты – агульнаадукацайныя навучальныя ўстановы, якія існавалі ў БССР у 1920-х – пач. 1940-х гадоў. Іх галоўнай задачай была падрыхтоўка дарослых рабочых і сялян, што мелі пачатковую адукацыю, да паступлення ў ВНУ. У межах сучаснай Рэспублікі Беларусь першы рабфак быў створаны ў ліпені 1920 г. пры Горацкім сельскагаспадарчым інстытуце.

Мэтай нашай працы з’яўляецца даследаванне працэсу стварэння і першых крокаў Віцебскага рабочага факультэта. У беларускай гістарыяграфіі няма спецыяльных прац, прысвечаных абранай намі тэме, таму асноўнай крыніцазнаўчай базай работы сталі фонды Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці. Разам з тым, мы выкарысталі працу І.М. Раманавай [6]. У гэтым даследаванні аўтар разгледзела працэс стварэння і дзейнасці рабфакаў на тэрыторыі Беларусі ў 20-х гг. ХХ ст. І.М. Раманава вызначыла ролю дзяржавы ў стварэнні рабочых факультэтаў, прааналізавала сацыяльны склад навучэнцаў, вучэбныя планы, адзначыла станоўчыя і адмоўныя бакі дзейнасці гэтых устаноў. У працы вельмі добра прасочана і эвалюцыя рабфакаў у 1920-я гады. Аднак дадзеныя здабыткі аўтарам дасягнуты за кошт аналізу дзейнасці дзяржаўных органаў, рабфака БДУ, Горацкага, Аршанскага. На жаль, Віцебскі рабфак даследчыца нават не згадвае. Пытаннямі стварэння і дзейнасці рабочых факультэтаў у БССР займаўся і М.Ф. Чудаеў [7, 8]. Аднак, у першай працы ён даследаваў

выключна дзейнасць рабфака БДУ, а другая – не зусім супадае з храналагічнымі межамі нашай работы.

Віцебскі дзённы рабочы факультэт быў адкрыты ў 1928 годзе згодна пастанове Народнага камісарыята асветы [1]. Яго галоўнай задачай стала падрыхтоўка рабочай і сялянскай моладзі да паступлення ў вышэйшыя навучальныя ўстановы. Сістэма адукацыі, якая існавала ў 1920-я гг.не мела пераемнасці паміж рознымі ступенямі. Таму, напрыклад, асоба, што скончыла сямігадовую школу, не мела магчымасці паступіць у ВНУ. Пасля сямігодкі можна было трапіць толькі ў тэхнікум. Для паступлення ў ВНУ патрабавалася дадаткова скончыць агульнаадукацыйныя курсы на базе 7-гадовай школы, альбо рабфак. Рабочы факультэт даваў адну з магчымасцей для пераросшага ўжо школу маладога рабочага і селяніна паступіць у вышэйшую навучальную установу.

Першы набор студэнтаў на Віцебскі рабочы факультэт быў праведзены ў верасні 1928 года. Кожны паступаючы на рабфак павінен быў прад’явіць камандзіровачнае пасведчанне. Яно выдавалася партыйнымі арганізацыямі, прафсаюзамі, камсамолам, прамысловымі прадпрыемствамі. Без такой камандзіроўкі паступіць на рабочы факультэт было немагчыма. Акрамя таго паступаючыя павінны былі мецъ запоўненую і завераную па месцы працы анкету. У ёй абавязкова адзначалася колькі гадоў дадзеная асоба займаецца фізічнай працай (працоўны стаж). Неабходна было паведаміць у анкеце і аб грамадскім стажы. Пад апошнім меўся на ўвазе ўдзел у працы саветаў і грамадскіх арганізацый. Калі ў паступаючага не было стажу фізічнай працы, то ён страчваў усе шанцы на паступленне. Праўда, калі абітурыент быў членам кампартыі ці кандыдатам, то партыйны стаж прыраўноўваўся да стажу фізічнай працы. Дакументаў аб адукацыі не патрабавалі. У анкеце трэба было толькі паведаміць аб яе ўзроўні на момант падачы дакументаў. Такім чынам, трапіць на рабфакі маглі толькі рабочыя, сяляне, кандыдаты і члены УКП(б). Гэта значыць, што рабочыя факультэты, выконвалі пэўны сацыяльна-палітычны заказ дзяржавы - фарміраваць высокакваліфікаваныя кадры амаль выключна за кошт рабоча-сялянскай часткі насельніцтва краіны.

Паступаючыя на Віцебскі рабфак павінны былі вытрымаць іспыты. Яны праводзіліся ў пісьмовай і вуснай формах па матэматыцы, беларускай і рускай мовах. Адзнакі вызначаліся словамі “здавальняюча” і “нездавальняюча” У шэрагу іспытаў важнае значэнне меў экзамен па беларускай мове. Прыёмная камісія нікога не вызваляла ад гэтага экзамену. Спробы ж з боку абітурыентаў ухіліцца ад здачы беларускай мовы былі. Так, 6 паступаючых з Гомельскай акругі напісалі заяву ў камісію па прыёму з просьбай вызваліць іх ад іспытаў па беларускай мове. Тлумачылі гэта тым, што тэрыторыя, з якой яны

прыехалі, была ўключана ў склад БССР толькі ў 1926 годзе. У выніку – яны мовы не ведаюць. Камісія не задаволіла просьбу гэтых абітурыентаў і яны не прайшлі ўступных выпрабаванняў. У далейшым на рабфаку таксама будуць паважліва ставіцца да беларускай мовы. Згодна распараджэнню кіраўніцтва Віцебскага рабфака ўсе прадметы, за выключэннем ваеннай справы і рускай мовы, ў 1928/29 навучальным годзе выкладаліся на роднай мове. Нават на занятках па нямецкай мове тлумачэнні даваліся па беларуску. Кіраўніцтва патрабавала не толькі выкладання на беларускай мове, студэнты рабфака адказваць на занятках таксама павінны былі па-беларуску. Гэты факт сведчыць аб тым, што ў Віцебскім рабфаку ў 1928 годзе беларусізацыя мела месца.

Уступныя іспыты паказалі нізкі ўзровень паступаючых. З 246 падаўшых заявы камісія з цяжкасцю магла набраць 96 чалавек, якія былі вызначаны Народным камісарыятым асветы для навучання ў Віцебскім дзённым рабфаку. Затое быў выкананы сацыяльны заказ. Сярод 96 чалавек 64 паходзілі з рабочых, 23 з сялян, выхаванцаў дзіцячых дамоў было 8 і толькі адзін служачы [2]. Апошні стаў студэнтам толькі таму, што на момант паступлення быў кандыдатам у члены КП(б)Б.

Інфармацыі аб адкрыцці рабфака ў Віцебску не аказалася ў шэрагу рэгіёнаў Беларусі. Не былі дакладна вядомы тэрміны падачы дакументаў і прыёмных іспытаў. Вынікам гэтага промаху стала тое, што некаторыя з паступаючых з’явіліся ў Віцебску раней, чым пачалася ўступная кампанія. Адным з іх быў Алесь Шкілевіч з Менскай акругі. Ён прыехаў у Віцебск у жніўні 1928 года, задоўга да ўступных экзаменаў. У сваёй заяве ён прасіў камісію рабфака залічыць яго без экзаменаў. Тлумачыў Шкілевіч сваю просьбу вялікімі выдаткамі на праезд назад дадому і зноў на экзамены ў Віцебск. Аднак камісія адмовіла прасіцелю [3].

Загадчыкам Віцебскага рабочага факультэта быў прызначаны Павел Біндзюк, які працаваў да гэтага моманту выкладчыкам Менскага рабфака. У Менску ён выкладаў беларускую мову. Выконваючы абавязкі загадчыка ў Віцебску Біндзюк таксама меў за сабой вучэбныя гадзіны беларускай мовы. П. Біндзюк не меў вышэйшай адукацыі, а толькі сярэднюю спецыяльную. У 1921 годзе ён скончыў Віленскія беларускія настаўніцкія курсы. Сярод 10 выкладчыкаў, якія былі зацверджаны НКА для працы ў Віцебскім рабфаку, у 3-х была вышэйшая, у 3-х н/вышэйшая і ў 4-х сярэдняя спецыяльная. У іх ліку былі 2 выпускнікі Петраградскага ўніверсітэту. Быў сярод іх і выхаванец Віцебскага настаўніцкага інстытута, выкладчык матэматыкі Л.М. Каліцін. Па ўзроўню падрыхтоўкі выкладчыкі Віцебскага рабфаку не саступалі сваім калегам з аналагічных устаноў на Беларусі і былі ў стане забяспечыць добры ўзровень падрыхтоўкі студэнтаў. У першы

год працы на Віцебскім рабфаку стаўка выкладчыка была вызначана ў 12 гадзін на тыдзень. Па гэтай стаўцы ён атрымліваў 90 рублёў у месяц. Прыбіральшчыца на рабфаку зарабляла 30 рублёў у месяц. Выкладчыкі звычайна сумяшчалі працу на рабфаку з працай у іншых установах. На рабфаку прытрымліваліся строгай працоўнай дысцыпліны. Кожны выкладчык, пасля праведзеных заняткаў, у той жа дзень павінен быў зрабіць аб гэтым запіс у спецыяльнай кнізе. Загадчык рабфаку асабіста кантраляваў гэты працэс і папярэджваў выкладчыка аб тым, што пры адсутнасці запісаў заработная плата яму налічана не будзе. У першы год працы такіх выпадкаў на рабфаку не было.

Віцебскі дзённы рабочы факультэт, згодна пастанове НКА, меў статус самастойнай гаспадарчай адзінкі. У яго складзе былі два памяшканні, дзе размяшчаліся вучэбныя аўдыторыі і інтэрнат. Акрамя вучэбных класаў у складзе рабфаку былі вучэбныя лабараторыі, бібліятэка, сталовая для студэнтаў. Праца рабфака была арганізавана па трыместрах. На рабочым факультэце ў першы год існавання выкладаліся: матэматыка, беларуская і руская мовы, біялогія, геаграфія, нямецкая мова, ваенная падрыхтоўка і палітграмата. Выкарыстоўваўся класна-урочны метад выкладання. Ён прадугледжваў тлумачэнне, апытанне і 1 кантрольную работу ў тыдзень па 1-му з прадметаў выкладання. Кантрольныя па прадметах павінны былі чаргавацца. Кожны дзень студэнты рабфака працавалі па 6 гадзін (урокаў) у аўдыторыі. Кожная вучэбная гадзіна складалася з 40-ка астранамічных хвілін. Прадугледжвалася, што самі студэнты яшчэ тры гадзіны ў дзень будуць працаваць самастойна. Якраз у 1928 годзе на дзённым адзяленні рабфакаў быў уведзены 4-х гадовы тэрмін навучання [6, с. 116].

Па выніках кожнага трыместра праводзілася нарада выкладчыкаў, на якой давалася характарыстыка кожнаму студэнту: вызначаліся яго здольнасці, узровень дасягнутай адукацыі, адносіны да працы, перспектывы на далейшае навучанне. Акрамя таго штомесяц выкладчыкі павінны былі прадстаўляць у навуковую частку звесткі аб паспяховасці студэнтаў, з мэтай вывучэння яго перспектывы на навучанне на 2-м курсе. На паседжанні па выніках першага трыместра аказалася, што 38% студэнтаў не паспявалі па рускай мове, 32 – беларускай, 31 – нямецкай і па палітграмаце – 9%. Сярод прычын такога становішча былі слабая першапачатковая падрыхтоўка студэнтаў, няўменне рабфакаўцаў карыстацца кнігай, нежаданне працаваць дома, недахоп здольнасцяў у пэўных студэнтаў, абыякавыя адносіны да вучобы. Каб выправіць сітуацыю на рабфаку стварылі рознаўзроўневыя вучэбныя студэнцкія групы, замацавалі за адстаючымі лепшых студэнтаў, больш дэталёва растлумачылі навучэнцам навыкі работы з кнігай [4].

Навучэнцы рабфакаў забяспечваліся інтэрнатам (праўда, не ўсе), навучаліся за кошт дзяржавы, атрымлівалі стыпендыю. Па апошняму паказчыку студэнты рабочых факультэтаў значна пераўзыходзілі студэнтаў ВНУ. Так, у 1928/1929 навучальным годзе 99% усіх рабфакаўцаў мелі стыпендыю. Сярод студэнтаў ВНУ гэты паказчык не перавышаў 65 %.[6, с. 113] І. Раманава не ўпамінае аб гэтым, а навучэнцы ж рабфакаў мелі яшчэ скідкі ад 50 да 100% (у залежнасці ад адлегласці), на праезд дадому і назад. Праўда гэтыя скідкі можна было выкарыстаць толькі на час канікул. У канікулярны час студэнты маглі таксама з'ездзіць на экскурсію па зніжанаму на 25% кошту білета. Аднак рабіць гэта трэба было ў складзе груп. Практыкавалася, у працы рабочых факультэтаў і пасылка студэнтаў у дамы адпачынку, з поўным дзяржаўным забеспячэннем. Акрамя гэтага студэнт мог паехаць на курорт, атрымаўшы на рабфаку для гэтай паездкі пэўную суму грошай. Так, у маі 1929 года студэнты Віцебскага рабфаку Равякова, Осман былі накіраваны ў дом адпачынку. Студэнт Багдановіч атрымаў 60 рублёў, а Карбут 50 для паездкі на курорт [5]. Канешне, такія магчымасці мелі не ўсе. Справу вырашаў прэзідыум рабфака. Улічвалася паспяховасць і стан здароўя. Такім чынам, на канец 1920-х гадоў студэнты рабфакаў былі нядрэнна сацыяльна абаронены.

Адным з адмоўных момантаў у працы Віцебскага рабфака быў класавы падыход да фарміравання студэнцкага кантынгенту. Ён вытрымліваўся не толькі падчас набору студэнтаў, але і ў час навучання. Калі, напрыклад, высвятлялася, што бацькі студэнта-вяскоўца пераводзіліся ў катэгорыю заможных падаткаплацельшчыкаў, яго выключалі з ліку студэнтаў.

Такім быў пачатак Віцебскага рабочага факультэта. Ужо ў пачатку свайго існавання рабфак засведчыў сваю дзеяздольнасць і пераўтварыўся ва установу, якая магла вырашаць агульнаадукацыйныя і сацыяльна-палітычныя задачы. Менавіта гэтыя задачы і ставіла перад рабфакамі тагачаснае кіраўніцтва краіны.

1. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці, ф.796, воп. 1, спр. 12, арк. 1.
2. Там жа, спр. 7, арк. 37.
3. Там жа, спр. 11, арк. 16.
4. Там жа, спр. 5, арк. 28, 46.
5. Там жа, спр. 5, арк. 7.
6. Раманава, І. Рабочыя факультэты ў БССР у 20-ыя гады / І. Раманава // Адукацыя і выхаванне. – 1998. – № 8. – С. 111 – 118.
7. Чудаеў, М. З гісторыі рабочагафакультэта БДУ імя У.І. Леніна / М. Чудаеў // Веснік БДУ. Сер. 3. – 1976. – № 1. – С. 15 – 18.
8. Чудаеў, М. Рабочыя факультэты Беларусі ў гады рэканструкцыі народнай гаспадаркі і першых пяцігодак (1927 – 1938 гг.) / М. Чудаеў // Веснік БДУ. Сер. 3. – 1976. – № 2. – С. 25 – 29.

Плытник Е.Г.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ МИЛИЦИИ В 1920-е гг.

В наше время появляется множество публикаций по истории правоохранительных органов. Однако главный интерес исследователей обычно сосредоточен на вопросах внутренней организации и борьбе с преступностью, как основной функции милиции и иных силовых структур. В данной работе мы постараемся рассмотреть историю развития профессионального обучения сотрудников Губернской милиции г. Витебска, так как вопрос подготовки милицейских кадров в регионах является малоисследованным. В основу этой статьи была положена работа И.А. Абрамовой, а также документы Государственного архива Витебской области.

В Российской империи в системе подготовки сотрудников правопорядка действовало 14 губернских школ урядников (чины сельской полиции), где они получали первоначальную юридическую подготовку. При сыскных отделениях работали двухмесячные курсы, в которых будущие сыщики из числа полицейских изучали государственное и полицейское право, уголовное законодательство, судебную медицину, приемы самообороны, знакомились с основами криминалистики.

После Октябрьской революции политическая ситуация в стране привела к разгулу преступности, из-за развала существовавшей полицейской системы вновь организованная милиция была еще не в состоянии противостоять преступникам, во многом из-за отсутствия профессионализма и опыта. В условиях гражданской войны прежняя система профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов прекратила своё существование. Следовательно, возникла насущная необходимость создания собственной системы профессиональной подготовки и воспитания с ее помощью образцового охранника общественного спокойствия и порядка.

С этой целью в штаты милиции вводились должности военных инструкторов. Также уже в декрете СНК «О советской рабоче-крестьянской милиции» от 3 апреля 1919 г. предусматривалось обязательное обучение военному искусству. С целью повышения общеобразовательного уровня в г. Витебске и уездных городах организовывались библиотеки, избы-читальни. Так, например, в г. Витебске в 1920 г. была организована библиотека для милиционеров имени убитого на фронте белогвардейцами милиционера И.И. Картоля [1, с. 110].

Особая ответственность за проведение просветительской работы была возложена на политические органы. В 1920 году в штатах губернского и уездных управлений витебской милиции была введена

должность политсекретаря. Несмотря на напряжённость работы, устраивались коллективные просмотры киносеансов, театральных представлений. Среди неграмотных и малограмотных сотрудниками политсекретариата проводились громкие читки газет. При этом прочитанное комментировалось, а также подробно разъяснялась суть политических событий в стране и за рубежом.

В начале 1920-х гг. в Витебской губернии были организованны специальные 2-х месячные курсы для подготовки командного состава. 11 апреля 1921 г. в Главное Управление милиции БССР была направлена программа курсов, а также смета на их содержания, которая включала зарплату 5 лекторов. Во вступлении говорится о том, что курсы организуются «…с целью пополнения рядов опытными и подготовленными сотрудниками…» [5, л. 3]. Рассчитаны занятия были на 70 человек. В программе курсов были расписаны 8 недель занятий, первая неделя была идеологически-просветительская. Также за время обучения милиционеров знакомили с судопроизводством, делопроизводством, теорией обыска. Отдельно предусматривались занятия по фотографированию и дактилоскопированию. На последней неделе предусматривалась проверка знаний учащихся и почетный выпуск с парадом и митингом. Ежедневно после теоретических занятий проводилась строевая подготовка [5, л. 4].

Однако в работе курсов возникли некоторые объективные сложности. Из-за недостаточного финансирования занятия откладывались, не было возможности снять помещения. Плюс ко всему не все понимали важность данных курсов, да и неспокойная ситуация в стране привела к тому, что не всегда была возможность направлять милиционеров на подобные занятия. В архиве хранится доклад начальника Сенненского района за апрель 1921 г., в котором говорится о том, что от каждого района будут высланы по 1 старшему милиционеру, но из-за неблагоприятной ситуации на местах и повышения преступлений курсанты будут обучаться сроком не более 1 месяца, а по истечении данного времени будут заменены другими лицами [5, л. 5].

Но всех перечисленных мер было явно недостаточно для поднятия общего уровня образованности сотрудников, тем более в 1922 г. по Витебской губернии была проведена «чистка кадров». Со службы были выгнаны неблагонадежные элементы: за пьянство, политическую неблагонадежность, привлечения к суду и взятки [4, л. 1 – 3]. Отдельно стоит упомянуть и о следующем факте, который неблагоприятным образом сказался на общем уровне подготовленности милиции в 1920-х гг. В 1922 г. поступило распоряжение об откомандировании в полевые части Красной Армии сотрудников милиции, рожденных в эти годы, и заменой их красногвардейцами 1896 – 1897 годов. Тем не менее, не учитывался тот факт, что люди были подготов-

лены к работе, опытные, не первый год служившие. В ответе на телеграмму вышестоящего начальства начальник Витебского губернского отдела уголовного розыска отмечал, что «среди рядовых красноармейцев сложно найти лиц, которые с пользой для дела могли бы успешно работать в уголовном розыске, где требуются люди хорошо усвоившие грамматику и достаточно развитые, чтобы энергично бороться с уголовной преступностью… лица 1900 – 1901 годов имеют наилучшие характеристики и их уход со службы, несомненно, отзовется на деятельности Уголовного Розыска в смысле понижения процента раскрываемости преступлений…» [3, л. 40]. Всё это сделало проблему профессиональной подготовки сотрудников милиции ещё более острой.

В то же время, попытки внедрения курсов по специализированной подготовке сотрудников, имевшие место в самом начале 1920-х гг., были недостаточно эффективными. Они рассчитывались на командный состав и мели ограниченное число курсантов. Таким образом, необходимо было создание специализированного учреждения, которое помогло бы решить вопрос о нехватке высококвалифицированных кадров в Губернской милиции.

С этой целью было принято решение об открытии при Витебском губернском управлении советской школы милиции для подготовки младшего командного состава. Школа милиции была сформирована по первому разряду согласного приказу от 1922 года. За основу при организации школы был взят опыт Петрограда. 15 декабря 1922 года приступили к занятиям. Первые курсанты были набраны из состава младших милиционеров уездной милиции. Часть из них была направлена от профсоюзных и партийных организаций. Преподавательский коллектив включал 12 человек [1, с. 111].

Курсанты, в зависимости от уровня подготовки, делились на два отделения. Менее подготовленные начинали своё обучение в младшем отделении. В этом курсе изучали следующие общеобразовательные предметы: русский язык, арифметику, географию, природоведение, основы Конституции. Из специальных предметов: политграмота, строевой устав, уличный бой, пулемётное и гранатное дело, стрелковое дело, дисциплинарный устав, гимнастика и способы самозащиты. На старшем отделении также преподавали предметы общеобразовательного характера. И, конечно, более углублённо велось преподавание специальных предметов, которые изучались не только теоретически, но и практически. В первых числах ноября 1923 года состоялся первый выпуск [1, с. 112]. И преподаватели, и курсанты сталкивались с большими трудностями, так как не хватало учебников и учебных пособий. Однако следует отдать должное большому энтузиазму коллектива школы. Нехватку учебников компенсировали лекторы, имевшие большой профессиональный опыт и подготовку. Например, в качестве

преподавателя истории был приглашён известный в г. Витебске коллекционер и знаток военной истории Антон Бродовский [1, с. 112].

С некоторыми перерывами витебская школа милиционеров продолжала свою деятельность до начала Великой Отечественной войны. Обучение в школе милиции хоть и велось разнопланово, в то же время не охватывало всех тех областей и ситуаций, с которыми приходилось сталкиваться в работе милиционеру. Многое приходилось постигать на личном опыте, посещать специализированные курсы, знакомится с нововведениями самостоятельно. Однако, несмотря на всё это, появление в Витебске специального образовательного учреждения, готовившего кадры для правоохранительных органов губернии, можно считать положительным фактом, свидетельствовавшим о том, что руководство страны искало наиболее оптимальный путь профессиональной подготовки милиционеров и активно решало данную проблему.

1. Абрамова, И.А. Витебская губернская милиция (1917 – 1924 гг.) / И.А. Абрамова. – Б.м., б.г.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО), ф. 7, оп. 1 д. 110;
3. ГАВО, ф. 7, оп. 1, д. 38;
4. ГАВО, ф. 7, оп. 1, д. 188;
5. ГАВО, ф. 7, оп. 1, д. 111;
6. История милиции Белорусской ССР (1917 – 1967): Краткий очерк. – Мн., 1967.

Карпекін К.Р.

АНТЫХЕДЭРНЫЯ КАМПАНІІ 1920-х гг. ЯК ЭЛЕМЕНТ ПРАЦЭСУ СТАНАЎЛЕННЯ СІСТЭМЫ САВЕЦКАЙ АДУКАЦЫІ (ПАВОДЛЕ МАТЭРЫЯЛАЎ ВІЦЕБШЧЫНЫ)

У 1920-я гг. на тэрыторыі Віцебшчыны пражывалі прадстаўнікі розных нацыянальнасцяў, у тым ліку і яўрэі. Паводле дадзеных 1923 г., апошнія складалі 35 – 75 % ад агульнай колькасці жыхароў гарадоў і мястэчак. Яўрэі мелі сваю традыцыйную сістэму адукацыі, асноўным звяном якой з’яўляўся хедэр – пачатковая школа, дзе навучаліся пісьменнасці і асновам іудзейскай веры. З усталяваннем на тэрыторыі Беларусі савецкай улады працэс станаўлення новай сістэмы адукацыі прыйшоў у сутыкненне з традыцыйнай адукацыяй, існуючай у яўрэйскім асяроддзі.

Мэтай дадзенага даследавання з’яўляецца аналіз антыхедэрных кампаній 1920-х гг. на Віцебшчыне, якія былі складовай часткай працэсу станаўлення савецкай сістэмы адукацыі. Для гэтага неабходна вызначыць прычыны закрыцця хедэраў, шляхі ліквідацыі сеткі гэтых

навучальных установ, а таксама акрэсліць выніковасць антыхедэрных кампаній.

Комплекс мерапрыемстваў, накіраваных на скарачэнне ролі рэлігійнай адукацыі на савецкіх тэрыторыях, у тым ліку і на Віцебшчыне, падмацоўваўся заканадаўчымі дакументамі. Найперш – дэкрэтам СНК "Аб аддзяленні царквы ад дзяржавы і школы ад царквы" (23 студзеня 1918 г.). Паводле дэкрэта, забаранялася выкладанне рэлігійных вучэнняў у дзяржаўных, грамадскіх і прыватных навучальных установах, дзе выкладаліся агульнаграмадскія дысцыпліны. Увогуле, савецкія законы прадугледжвалі, што любая асоба, старэйшая за 18 гадоў можа навучацца рэлігіі, але толькі прыватным чынам. Адпаведна, маладзейшым за 18 гадоў выкладанне рэлігіі забаранялася. 16 верасня 1922 г. на аснове савецкага заканадаўства Віцебскім губернскім выканаўчым камітэтам была прынята абавязковая пастанова, паводле якой на тэрыторыі губерні ўсе яўрэйскія рэлігійныя школы, у тым ліку і хедэры, трэба было зачыніць у 3-дзённы тэрмін, а меламедам (выкладчыкам хедэраў) – зарэгістравацца на працягу 7 дзён. У выпадку, калі б улады выявілі, што нехта працягвае навучаць дзяцей рэлігіі, то яму б пагражала судовая адказнасць. Такім чынам, на Віцебшчыне пачалося закрыццё хедэраў.

Магчыма вылучыць дзве асноўныя прычыны разгортвання антыхедэрных кампаній. Па-першае, хедэры ўспрымаліся савецкай уладай як асяродкі распаўсюджвання іудзейскіх традыцый, перадачы іх падрастаючаму пакаленню. У сваю чаргу іудзейскія традыцыі бачыліся савецкай уладзе "клерыкальна-нацыяналістычнымі", гэта значыць спрыяючымі адасабленню яўрэяў ад удзелу ў развіцці савецкага грамадства. На думку бальшавікоў, прызвычайванню дзяцей да новага ладу маглі спрыяць толькі савецкія школы. Па-другое, з пункту погляду савецкага ўраду, хедэры, як і іншыя іудзейскія навучальныя ўстановы і сінагогі, з'яўляліся арганізацыйнымі цэнтрамі антысавецкай дзейнасці, апорнымі пунктамі гэтак званага клерыкалізму (пад клерыкалізмам у 1920-я гг. разумелася распаўсюджанне сацыяльна-палітычнага ўплыву рэлігійных арганізацый на насельніцтва).

Антыхедэрныя кампаніі на Віцебшчыне мелі месца з пачатку 1920-х гг. Сутнасць дадзеных кампаній заключалася ў дэталёвым абследаванні навучальных установ, публічнай іх крытыцы з далейшым пераводам дзяцей у савецкія школы. Дзеля згаданай мэты да канца 1921 г. была распрацавана спецыяльная анкета, якая ўключала 17 пунктаў: 1) месцазнаходжанне хедэра, 2) колькасць навучэнцаў (хлопчыкаў і дзяўчынак), 3) узрост дзяцей, 4) сацыяльнае становішча бацькоў, 5) санітарны стан хедэра, 6) у якім памяшканні размяшчаецца хедэр (у прыватным альбо малітоўным), 7) колькі гадзін доўжацца заняткі, 8) якія дысцыпліны вывучаюцца, 9) у які час хедэр адчынены,

10) імя і прозвішча меламеда, 11) колькі яму гадоў, 12) чым займаюцца меламеды акрамя выкладання ў хедэры, 13) чым займаліся меламеды да адкрыцця хедэра, 14) адукацыя меламеда, 15) ці з'яўляецца меламед членам якога-небудзь саюза, арганізацыі, 16) ці ведае меламед рускую мову, арыфметыку, іншыя прадметы, 17) заключэнне камісіі па выніках абследавання хедэра [1, арк. 13 – 13 адв.]. Паводле гэтай анкеты спецыяльныя камісіі пачалі збор матэрыялаў пра хедэры Віцебшчыны. У камісіі ўваходзілі прадстаўнікі ўлад, настаўнікі яўрэйскіх школ, а непасрэдна ў Віцебску – яшчэ і навучэнцы Яўрэйскага педагагічнага тэхнікума і Камуністычнага універсітэта. Паводле вынікаў абследавання аказалася, што ў 1922 г. у адным толькі Віцебску ў хедэрах навучалася больш за 1 тыс. дзяцей. На працягу студзеня – красавіка 1922 г. нязначная частка гэтых дзяцей (175) была ўладкавана ў 2 яўрэйскія школы (№№ 6 і 33), астатніх меркавалася ўладкаваць у школы №№ 7 і 8.

На працягу 1922 г. аналагічныя захады ажыццяўляліся не толькі ў Віцебску, але і ў Бешанковічах, Оршы, Полацку.

Савецкай уладай прымаліся меры па правядзенні агітацыйных мерапрыемстваў супраць хедэраў. Адной з найбольш прыкметных кампаній стаў "суд над хедэрам", які праходзіў у студзені 1921 г. у Віцебску. Згодна з "Справаздачай Цэнтральнага Бюро яўрэйскай секцыі РКП(б)", "... ён працягваўся некалькі дзён, зацягваючыся да позняй ночы і прывабліваючы да сябе шматтысячныя масы насельніцтва. Яму быў прысвечаны шэраг спецыяльных бюлетэняў, якія выпускаліся яўсекцыяй. Прысуд, юрыдычна абгрунтаваны і вельмі змястоўны, вынесены быў а 5-й гадзіне раніцы пры напружанай увазе ўсёй шматтысячнай аудыторыі і самых сур'ёзных адносінах да гэтага прысуду" [2, арк. 99]. Як зазначалася ў дадзенай справаздачы, для азнаямлення насельніцтва Віцебшчыны з ходам гэтага мерапрыемства была выпушчана брашура "Суд над хедэрам" (на 112 старонак). Надалей антыхедэрныя кампаніі асвятляліся ў перыядычным друку, што павінна было сфармаваць адмоўнае стаўленне яўрэйскага насельніцтва да хедэраў і адначасова паспрыяць пераводу дзяцей у савецкія школы.

Акрамя агітацыйных захадаў, савецкай уладай былі прыняты некаторыя меры па паляпшэнні матэрыяльнага становішча школ. У яўрэйскіх школах Віцебшчыны, куды пераводзіліся дзеці з зачыненых хедэраў, праводзіўся рамонт памяшканняў: зашкляліся вокны, здабывалася паліва для ацяплення і да т.п. Прыкладам клопату пра новых навучэнцаў можа быць і пастанова пасяджэння яўрэйскага бюро Віцебскага губернскага аддзела народнай адукацыі, прынятая 30 сакавіка 1922 г. У гэтай пастанове адзначалася, што "прымаючы пад увагу абсалютную адсутнасць абутку, а часам і вопраткі ў дзяцей, трэ-

ба прасіць Яў(рэйскі) грам(адскі) кам(ітэт) у інтарэсах замацавання вынікаў праведзенай работы і далейшага паспяховага пераводу дзяцей з хедэраў, аказаць магчымую матэрыяльную дапамогу" [4, арк. 25]. Такім чынам, стаўка рабілася на тое, што дзеці і іх бацькі, значная частка якіх мела зусім малы заробак, аддадуць перавагу добрым умовам, а не зместу навучання, і гэта будзе трымаць дзяцей у савецкіх школах. Акрамя паляпшэння матэрыяльных умоў, у сувязі з павелічэннем колькасці вучняў, у яўрэйскія школы накіроўваліся новыя настаўнікі. Там, дзе настаўніцкіх кадраў не хапала, для былых навучэнцаў хедэраў новыя групы не ствараліся: дзеці залічваліся ва ўжо існуючыя групы. Натуральна, празмерна вялікая колькасць вучняў адмоўна адбівалася на якасці навучання.

Нягледзячы на ўсю праводзімую працу, хедэры на тэрыторыі Віцебшчыны працягвалі функцыянаваць. Пра гэта сведчаць пастановы агітацыйна-прапагандысцкіх аддзелаў Аршанскага, Віцебскага і Полацкага акруговых выканаўчых камітэтаў сярэдзіны 1920-х гг., у якіх зазначалася пра неабходнасць узмацнення працы па закрыцці яўрэйскіх рэлігійных школ. Для такіх пастаноў сапраўды была нагода: у 1925 г. хедэры дзейнічалі ў Сянно, у 1926 г. – у Валынцах, Чашніках, у 1927 г. – Оршы, Сіроціне (тут налічвалася 15 дзяцей), Дуброўна, 3 хедэры ў Лядах, у 1928 г. – у Гарадку. Значыць, на працягу ўсіх 1920-х гг. у асяроддзі яўрэйскага насельніцтва Віцебшчыны існавала праблема выбару паміж традыцыйнай іудзейскай адукацыяй і савецкай школай. У значнай колькасці выпадкаў яўрэі імкнуліся да таго, каб іх дзеці наведвалі хедэры (нават адначасова з савецкімі школамі). Магчыма вылучыць некалькі прычын такой з'явы. Па-першае, далёка не ўсе яўрэйскія савецкія школы валодалі патрэбнай матэрыяльнай базай: не ў дастатковай меры забяспечваліся неабходным абсталяваннем, літаратурай на яўрэйскай мове. Многія школы не мелі ўласных будынкаў, таму памяшканні даводзілася арандаваць і прыстасоўваць пад вучэбныя класы. Такое становішча выклікала ў яўрэяў меркаванне, што сферы нацыянальнай адукацыі надаецца недастаткова ўвагі. Па-другое, навучанне ў савецкай школе падштурхоўвала дзяцей да ігнаравання іудзейскіх свят і святочных дзён. Пад час свят заняткі ў школе не спыняліся, а выхадным днём з'яўлялася нядзеля, а не субота. Па-трэцяе, меламеды ішлі па шляху прыстасавання да новых умоў. Напрыклад, у некаторых хедэрах уводзілася вывучэнне прыродазнаўчых дысцыплін, пасля забароны дзейнасці хедэраў меламеды пераходзілі да хатняга навучання дзяцей ці да навучання дзяцей у малых групах (да 3-х чалавек) [3, арк. 78 – 79]. Такая практыка задавальняла яўрэяў і яны аддавалі перавагу хедэрам, якія ў выніку стваралі моцную канкурэнцыю савецкай школьнай сістэме.

Такім чынам, антыхедэрныя кампаніі былі непасрэдна звязаны з працэсам стварэння савецкай сістэмы адукацыі. Прызвычайванне маладога пакалення да іудзейскіх традыцый прыходзіла ў сутыкненне з савецкім выхаваннем. Гэтая акалічнасць і абумовіла той факт, што на працягу ўсіх 1920-х гг. у гарадах і мястэчках Віцебшчыны ішло прымусовае скарачэнне хедэраў.

1. Переписка с Оршанским унаробразом о состоянии учреждений по просвещению в уезде, список работников еврейских детских домов и культурно-просветительных учреждений города // Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 246. Оп. 1. Д. 325.
2. Протоколы заседаний бюро и отчёты Главного бюро евсекции при ЦК РКП(б), переписка с укомами РКП(б) // ГАВО. Ф. 10050-п. Оп. 1. Д. 347.
3. Протоколы заседаний евбюро Оршанского окружкома КП(б)Б. Отчёт о работе евбюро и итоги проведения райпартконференции еврейской трудовой молодёжи, обследования еврейских местечковых школ // ГАВО. Ф. 10062-п. Оп. 1. Д. 372.
4. Протоколы заседаний (подлинники) и отчёты о работе еврейского бюро просвещения Витгубоно за 1922 г. // ГАВО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 324.

Герасімчык В.У.

ЖАНОЧАЯ СЕМІНАРЫЯ ІМЯ М. ДАРОЎСКАЙ У СЛОНІМЕ (1919–1936)

Прыватная настаўніцкая жаночая семінарыя імя Маткі Марцэліны Дароўскай у Слоніме пачала сваю дзейнасць у 1919/1920 годзе і спыніла існаванне пасля 1935/1936 навучальнага года ў сувязі з ліквідацыяй у Другой Рэчы Паспалітай вучэбных устаноў кляштарнага тыпу.

Семінарыя знаходзілася ў кляштары ордэна сясцёр Бязгрэшнага зачацця. Лёс семінарыі быў цесна звязаны з гэтым будынкам. Першапачаткова ў ім размяшчаліся бернардынкі, для якіх за сродкі вількамірскай падкаморыны Катарыны Камароўскай у 1645 годзе быў выкуплены вялікі драўляны дом, перароблены на кляштар. У хуткім часе побач быў пабудаваны касцёл Бязгрэшнага зачацця Найсвяцейшай Паны Марыі. Але ў 1670 годзе пажар знішчыў драўляныя касцёл і кляштар, замест якіх у 1696 годзе ў Слоніме былі пабудаваны каменныя, дзе знайшлі сабе месца 20 законніц. Кляштар бернардзінак знаходзіўся ў Слоніме да падзей паўстання 1863-1864 гг., пасля якога па загаду расійскага ўрада ён быў зачынены, як і многія іншыя, але пры ім працягвалі жыць бернардынкі. У пачатку XX ст. у горадзе жылі толькі некалькі сясцёр ордэна бернардынак, што паставіла пад пагрозу само існаванне гэтай ячэйкі каталіцызму. Таму кляштарны ксёндз Рычард Клам у лютым 1906 года звярнуўся да Маткі Марцэліны Дароўскай з просьбай накіраваць у Слонім некалькі законніц, што і

было зроблена ў студзені 1907 года, калі ў горад прыбылі дзве першыя непакалянкі – сястра Ваўжына Шашкевіч, якая пазней стала старэйшай сястрой згуртавання, і сястра Людвіка Дабраньска (у манастве – Тэрэзія), да якіх далучылася сястра Марыя Касцюшка (у манастве – Фадзея), пазней старэйшая сястра Слонімскага кляштара.

Скарыстаўшыся загадам імператара Мікалая II ад 1905 года, сёстры звярнуліся з просьбай да Віленскага губернатара аб дазволе на "будаўніцтва" [2, арк. 2] кляштару ў Слоніме, які і атрымалі. Адным з першых пачынанняў непакалянак стала арганізацыя школы, у якой некалькі дзяўчынак навучаліся агародніцтву, пранню, гатаванню і сыраварэнню, крою і шыццю. Нягледзячы на адсутнасць дазволу з боку афіцыйных улад, патаемна адбываліся лекцыі па рэлігіі, польскай мове і гісторыіі. Але ў 1914 годзе гэтая дзейнасць была спынена.

Пад час вайны кляштар прытуліў у сваіх сценах вялікую колькасць бежанцаў, якіх рускія войскі прымушалі пакідаць свае родныя мясціны і адпраўляцца ў глыб Расіі. У кляштары хаваліся каля 40 дзяцей, якія пазней, у 1918 годзе, былі перавезены ў Альбертын і Жыровіцы. У кляштары пад час вайны знаходзіўся шпіталь, у якім разам з персаналам працавалі сёстры-непакалянкі.

Падчас акупацыі Слоніма немцамі, якія хацелі паказаць сябе ў пэўнай ступені больш талерантнымі, чым рускія, ксёндз Клам, як слонімскі бурмістр, дабіўся ад іх дазволу на адкрыццё першай "польскай школы" [2, арк. 2]. Яна пачала працу з мая 1916 года на падставе праграмы сярэдняй школы імя Сташыца ў Варшаве. У першай палове дня яе наведвалі 65 хлопчыкаў, а ў другой – 82 дзяўчынкі. Дырэктарам школы быў ксёндз Клам, але ўжо ў лістападзе 1917 года ён перадаў жаночую школу пад апякунства сясцёр-непакалянак, пакінуўшы сабе толькі кіраўніцтва мужчынскай школай. Дзве гэтыя школы знаходзіліся ў кляштарным будынку.

У сакавіку 1918 года памёр ксёндз Клам. Яго замяніў ксёндз Станіслаў Смялоўскі, які ўвёў у школе праграму гімназіі. Працу ў дадзеным накірунку спыніла вайна з бальшавікамі. Але ў пасляваенны час, дзякуючы ініцыятывам сясцёр-непакалянак, у горадзе меліся кадры і магчымасці для адкрыцця пры кляштары Бязгрэшнага зачацця жаночай семінарыі.

Жаночая семінарыя ў Слоніме пачала сваю дзейнасць у кастрычніку 1919 года, на месяц пазней запланаванага, у сувязі з рамонтам кляштару і дэзынфекцыяй былых памяшканняў шпіталя. Навучанне пачалося на трох курсах семінарыі, а ў 1922/1923 навучальным годзе з'явіліся яшчэ два. Такім чынам, тэрмін навучання ў семінарыі склаў пяць гадоў. Пры семінарыі дзейнічала агульная пяцікласная школа, якая пазней стала дзяржаўнай. Навучанне адбывалася па праграмах Міністэрства Рэлігійных Веравызнанняў.

Набор першага года існавання семінарыі склаў 9 вучаніц: 1-ы курс – 6, 2-і – 2, 3-і – 1. У сувязі з савецка-польскай вайной, навучанне прыпынілася. Працу семінарыя аднавіла пасля вяртання сясцёр-непакалянак з Памор'я 3 студзеня 1921 года і абрання першай дырэктаркі – Хелены Саподзька (у манастве – Моніка). Да чэрвеня 1921 года вучаніцы заставаліся на тых самых курсах, на якіх іх сустрэла вайна. У 1922/1923 годзе семінарыю з дадатным вынікам скончылі тры першыя абітурыенткі. Семінарыя афіцыйна атрымала назву "Прыватная настаўніцкая жаночая семінарыя імя Маткі Марцэліны Дароўскай" і магчымасць дзейнічаць на правах дзяржаўнай семінарыі на наступны год.

Ужо ў 1923/1924 навучальным годзе колькасць вучаніц на пяці курсах дасягнула лічбы 103: 1-ы – 28, 2-і – 21, 3-і – 31, 4-ы – 16, 5-ы – 7. Гэтаму садзейнічала адкрыццё пры семінарыі інтэрната пад кіраўніцтвам Рэўкоўскай Ядзігі (у манастве – Натанаэла), дзе жылі 40 вучаніц. У далейшым колькасць вучаніц павялічвалася і ў 1925/1926 навучальным годзе дасягнула колькасці ў 225 семінарыстак. Больш 20-ці дзяўчын штогод скончвалі семінарыю, многія з іх з адзнакай "дадатна" па ўсіх прадметах. У сувязі з павелічэннем колькасці семінарыстак на курсах было вырашана падзяліць іх на групы.

У першы год дзейнасці семінарыі вучаніцы мелі магчымасць пазнаёміцца з прадметамі, якія выкладаліся адзінаццаццю сёстрамі-непакалянкамі, па рэлігіі, нямецкай і французскай мовах, маляванню і спевам, працоўнаму навучанню, прыродзе і геаграфіі. У 1923/1924 навучальным годзе новая дырэктарка семінарыі Ёзэфа Чарноўская стала выкладаць фізіку, хімію і касмаграфію, Марыя Касцюшка – рэлігію і методыку педагагічнай падрыхтоўкі, Рэўкоўская Ядзвіга – біялогію і спеў, Дабжаньская Аляксандра (у манастве – Ада) – геаграфію, Фалтыноўская (у манастве – Эдварда) – працоўнае навучанне, Домброўская Ёзэфа пасля заканчэння матэматычна-фізічнага факультэта ў Варшаўскім універсітэце выкладала матэматыку, Яніна Ельская – гігіену. Своеасаблівая ўвага надавалася польскай мове і польскай гісторыі, якія выкладаліся на ўсіх курсах некалькімі сёстрамі-настаўніцамі.

Паступова стаў змяняцца настаўніцкі склад семінарыі: на змену сёстрам з сярэдняй адукацыяй прыходзілі сёстры з вышэйшай адукацыяй. Гэта адбывалася не толькі за кошт замены асабовага складу настаўніц семінарыі, але і па прычыне павышэння ўзроўню адукацыі сёстрамі. Так, Саподзька Хелена пасля сярэдняй школы закончыла вышэйшыя курсы імя Бараніцкага ў Кракаве, а ў 1926 годзе атрымала дыплом паланістыкі.

Семінарысткі мелі актыўную грамадзянскую пазіцыю, а кіраўніцтва семінарыі садзейнічала іх працы на глебе даследаванняў гісторыі роднага краю. Так, па ініцыятыве Слонімскага аддзела ПТК

пры семінарыі пачаў працу краязнаўчы гурток з 12 асоб. У 1932 годзе яго сяброўкі арганізавалі 4 экскурсіі: у Варшаву на злёт (30 красавіка, 18 асоб), у Вільню (30 верасня, 22 асобы), у Жыровічы (15 кастрычніка, 50 асоб), у Грыбава (1 лістапада, 40 асоб). Сяброўкі гуртка раздавалі жыхарам горада матэрыялы краязнаўчага характару, удзельнічалі ў ахове помнікаў культуры і прыроды, збіралі і выконвалі беларускія народныя песні. Зацікаўленасцю гуртка стала вывучэнне народнага адзення, на падставе варыяцыяў якога яны зрабілі калекцыю лялек [1, арк. 19]. Прадстаўніцы гуртка аказвалі вялікую дапамогу Слонімскаму музею. У пісьме ад 13 сакавіка 1933 года да Ады Дабжынскай, апякункі семінарыі, кіраўніцтва Слонімскага аддзелу ПКТ "сардэчна дзякуе за бескарыслівую працу" членак кола — Ірыну Славенскую, Пялагію Бяднашчыкаву і Зянобію Анджэяўскую [1, арк. 23].

Апошнім навучальным годам для слонімскай жаночай семінарыі стаў 1935/1936 навучальны год. Нягледзячы на спыненне сваёй дзейнасці дасягненні сясцёр-непакалянак на глебе адукацыі сталі важкім укладам у пашырэнні адукацыйнай прасторы на тэрыторыі Заходняй Беларусі.

1. Переписка, протоколы собраний, отчёты о работе Слонимского краеведческого общества и его организаций. Обращение в связи с открытием музея 20.09.29 г. и приездом в г. Слоним президента Польши // Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. Ф. 551. Воп.1 Спр.42. Арк.1 – 41.
2. Справка по истории возникновения семинарии // Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. Ф. 566. Воп.1 Спр.1. Арк.1 – 15.

Бахір Ю.М., Цімафееў Р.У.

ДЗІСНЕНСКАЯ ГІМНАЗІЯ (1921–1939 гг.) І ЯЕ ЧАСОПІС "НАШ ГОЛАС"

Сёння існуе даволі шмат малавядомых аспектаў гісторыі. Адным з іх з'яўляецца гісторыя існавання Дзісненскай гімназіі у 1921 – 1939 гг. Дзісна – зараз гэта горад у Міёрскім раёне Віцебскай вобласці. Да 1900 г. у Дзісне не было сярэдняй школы. Першай установай такога тыпу стала прагімназія Барбары Дзімітравай і Веры Лішынай, якая існавала два гады. У 1908 – 1909 гг дзейнічала новая гімназія Палагеі Навіцкай, таксама меўшая чатыры класы і перастаўшая існаваць з-за недахопу сродкаў. У 1906 г. з'явілася патаемная польская школа ў доме пані Снарскай. У 1917 г. па ініцыятыве дзісенца Казіміра Русецкага ўтвараецца камітэт прыватнай гімназіі з рускай і абавязкова з польскай мовамі. У 1918 годзе падчас нямецкай акупацыі пачынае працаваць польская прагімназія на чале з дырэкта-

рам Бургартам. І, нарэшце, у 1921/22 навучальным годзе пачала дзейнічаць гімназія. Яна была створана па прапанове доктара Т.Станеўскага і атрымала нумар 925 [2, с. 203]. Гімназія адыграла важную ролю ў распаўсюджванні асветы сярод гарадскога насельніцтва і бліжэйшых тэрыторый, далучаных да Польшчы.

Як успамінае выпускніца Дзісненскай гімназіі В.Ф. Каўчыньска (Вярховіч) у артыкуле Чэнстахоўскай газеты "Нядзеля" (Польшча), перакладзеным на беларускую мову і змешчаным ў кнізе "Памяць" Міёрскага раёна, пачатак функцыянавання гімназіі быў цяжкім. Вялікая колькасць жадаючых вучыцца патрабавала ад кіраўніцтва гімназіі вырашэння шматлікіх гаспадарчых, арганізацыйных і кадравых пытанняў [1, с. 3]. Дзеля размяшчэння вучэбнай установы былі перабудаваны і прыстасаваны для заняткаў памяшканні былой рускай турмы. Там з'явіліся: гімнастычная зала, майстэрня ручной працы са станкамі, кабінет біялогіі і батанічны сад. У гімназіі склаўся добры педагагічны калектыў, не гледзячы на тое, што прыцягнуць у глыбінку людзей з універсітэцкай адукацыяй было нялёгка [2, с. 200]. Гуманітарныя прадметы выкладаліся на высокім узроўні. Замежныя мовы вывучаліся па выбару, толькі лацінская была абавязковай. Выкладаў яе прафесар І. Валашчук [1, с. 3].

Гімназія ў Дзісне давала разнастайныя трывалыя веды. Апекуном з'яўляўся ксёндз Рыгор Пірамовіч. Таму нічога дзіўнага, што 7 выпускнікоў выбралі духоўны шлях (у іх ліку 5 ксяндзоў, 1 епіскап і начальніца сясцер-назарацянак ў Ларэта (Італія). Сярод іншых – ўрачы, фармацэўты, пісьменнікі, паэты, педагогі і вучоныя. Найбольш вядомымі сталі Ян Гушча – пісьменнік і перакладчык, Дзмітрый Касаты – паэт, Яўген Забэла – ваенны ўрач, аўтар кнігі "Дзісна. Бастыён над Дзвіной", М.М. Смірын – прафесар, гісторык [1, с. 3].

Асаблівасцю працы Дзісненскай гімназіі было выданне ўласнага часопіса. Звесткі пра часопіс змешчаны ў адным з артыкулаў кнігі "Памяць", аўтар – Міхаіл Вазгірд (польскамоўны тэкст перакладзены В. Ермалёнкам). Вучнёўскае самакіраванне гімназіі "Супрацоўніцтва" пачало выдаваць часопіс "Наш голас" у 1930/ 31 навучальным годзе. Спачатку ён выходзіў раз на месяц, а з 1933 г. – двойчы. У гісторыі горада гэта было першае і адзінае друкаванае польскамоўнае выданне. Яно з'явілася па ініцыятыве дырэктара гімназіі доктара Тадэвуша Станеўскага пры падтрымцы ксяндза Сільвестра Малахоўскага. Апеку над часопісам было даручана ажыццяўляць прафесарам гімназіі Аляксандру Мацяшку, пазней – Аляксандру-Баляславу Цыпсу, Вандзе Хмялеўскай і Станіславу Станкевічу [2, с. 200].

Галоўнымі рэдактарамі часопіса заўседы з'яўляліся вучні выпускных класаў. Першы з іх – Пётр Пупін, затым Ян Гушча, Мілецій Андзіленка, Леапольд Драздовіч, Юзаф Буёнак і апошнім ў 1939 годзе стаў Генрых Пухальскі [2, с. 200]. Першы нумар "Нашага голаса" ў

1930 годзе быў надрукаваны на шклографе. Як успамінае Петр Пупін, назва адлюстроўвала "імкненне зрабіць часопіс голасам нашых меркаванняў, які б быў чутны не толькі ў Дзісне, але і ва ўсёй Польшчы. Спачатку было выдадзена 70 экзэмпляраў, затым тыраж павялічыўся да 300. У 1931 годзе часопіс друкаваўся ў Вільні (друкарня Казіміра Ліньковіча). З наступнага года выкарыстоўвалі друкарні Глыбокага (друкарні М. Казовіча і З. Шэйнбойма).

Характэрна, што на працягу 10 гадоў кошт часопіса не змяняўся і складаў 50 грошаў за нумар, 5 злотых на год з перасылкай, для вучняў – 30 грошаў за асобнік, 2,5 злотых на год з перасылкай [2, с. 202]. Таму выдаўцы ўвесь час вымушаны былі пераадольваць фінансавыя цяжкасці. "Наш голас" спачатку з'яўляўся часопісам навуковай літаратуры, а з 1934 г. – навукова-літаратурным і грамадскім. Кожны нумар часопіса адкрываўся ўступным артыкулам рэдактара, які ўтрымліваў асноўныя палажэнні аб яго мэце – займацца справамі навукі, літаратуры і грамадскага жыцця. Таму выданне стаяла на даволі высокім мастацкім і літаратурным узроўні, трымаючы чацвёртае месца па тыражу паміж школьнымі выданнямі ўсёй Польшчы [2, с. 203].

У часопісе друкаваліся артыкулы па наступных тэмах: 1) адлюстраванне ладу жыцця, звычаяў і традыцый мясцовых жыхароў як хроніку таго, што ўжо знікае (асабліва пачынаючы з 1935 г., калі пачынае пераважаць рэгіянальная тэматыка: мясцовая вёска з яе традыцыямі і будучыняй, мястэчкі, археалагічныя раскопкі); 2) пытанні гісторыі каралеўскага горада Дзісна; 3) хроніка – мясцовая і сусветная; 4) пытанні культуры; 5) мясцовыя грамадскія і гаспадарчыя справы (напрыклад, праводзілася дыскусія аб неабходнасці будаўніцтва чыгункі з Шаркаўшчыны, уносіліся прапановы добраўпарадкаваць гарадскі парк, палепшыць стан вуліц і дарог); 6) жыццё гімназіі, маладзёжных арганізацый (напрыклад, паведамлялася аб таварыстве акадэмікаў-дзіснян, старшынёй якога з'яўляўся Данат Масальскі. Куратарам арганізацыі быў Тадэвуш Чыжоўскі з універсітэта Стэфана Баторыя ў Вільні); 7) літаратурная дзейнасць навучэнцаў.

Дзякуючы даследчай дзейнасці настаўніка гісторыі Міёрскай СШ Вітольда Ермалёнка мы сёння маем магчымасць пазнаёміцца з некаторымі нумарамі выдання. Да прыкладу, часопісы № 1, 2 за 1938 г., № 4 за 1939 г., у якіх змешчаны цікавыя факты. Яўген Мончык правёў сапраўднае даследаванне сярод навучэнцаў гімназіі пра іх сацыяльнае і тэрытарыяльнае паходжанне. Так, большасць вучняў была з сем'яў, якія валодалі ўгоддзямі ў 1-10 гектараў – 29%, з валодаючых 10-20 гектарамі – 24%. А вось навучэнцаў з заможных сем'яў, якія валодалі звыш 100 га зямлі, было толькі 9%. Гэта абвяргае тое меркаванне, што ў Заходняй Беларусі адукацыю атрымлівалі толькі дзеці паноў і асаднікаў. Больш паловы вучняў паходзіла з глухіх вёсак, 30% – гарадоў тыпу Дзісны, 18% – з мястэчкаў, такіх як Язна, Пагост. З са-

мой Дзісны было больш як 25% вучняў, з Язна і Мікалаёва – звыш 17%, астатнія – з Шаркаўшчыны, Глыбокага і іншых гарадоў [3, с. 4]. Цяжка вызначыць, наколькі дадзеныя, змешчаныя ў часопісе, адпавядаюць сапраўднасці, аднак можна скласці агульнае ўяўленне аб паходжанні навучэнцаў гімназіі.

Публікацыі з рубрыкі “Арганізацыя нашага жыцця” дазваляюць прасачыць за арганізацыяй вучнёўскага самакіравання: дзейнічалі літаратурная (рэдакцыя часопіса), драматычная, спартыўная, музычная, краязнаўчыя секцыі або міністэрствы. “Святліца” займалася асветніцкай дзейнасцю, “Братняя дапамога” падтрымлівала малазабяспечаных вучняў пры набыцці падручнікаў [3, с. 4].

17 верасня 1939 года паклала канец існаванню гімназіі. У гэты дзень прафесар Зыгмунт Гергавіч, падручнік запасу і камендант горада, з 15 салдатамі, 14 вучнямі і 3 паліцэйскімі абараняў Дзісну ад батальёна савецкай пяхоты. У хуткім часе гімназія імя ксяндза Рыгора Пірамовіча стала школай-дзесяцігодкай. У час Вялікай Айчыннай вайны будынкі гімназіі захаваліся, потым тут размясцілася бальніца [1, с. 3].

Такім чынам, ў Дзісне на працягу 1921 – 1939 гадоў паспяхова дзейнічала гімназія, якая была галоўным асяродкам адукацыі ў рэгіёне, яна мела вучнёўскае самакіраванне і выдавала часопіс “Наш голас” на польскай мове. Навучальны працэс быў арганізаваны на высокім ўзроўні, што дало магчымасць выпусціць таленавітых і здольных маладых людзей – вучоных, паэтаў і грамадскіх дзеячаў.

1. Драба, В. Сярэдняя адукацыя ў Дзісне / В. Драба // Міёрскія навіны. – 2010. – 2 сакавіка. – С. 3

2. Ермалёнак, В. Знаходка, якую даўно чакалі / В. Ермалёнак // Краязнаўчая газета. – 2004. – № 6. – С. 4.

3. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Міёрскага раёна; рэдкал.: В.І. Марціновіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн.: Бел. навука, 1998. – 630 с.

Сендзер С.А.

БЕЛАРУСКАМОЎНЫЯ ПАДРУЧНІКІ Ў ПАЛІТЫЦЫ ПОЛЬСКІХ УЛАДАЎ (1919–1939)

Для разумення сітуацыі ў школьніцтве Савецкай Беларусі ў 1919-1939 гг. варта звярнуць увагу на Заходнюю Беларусь. Падручнікі з’яўляліся адной з праяваў нацыянальнай палітыкі польскіх уладаў. У дадзеным артыкуле разглядаецца ўплыў дзяржавы на працэс стварэння і выкарыстання дапаможнікаў для вывучэння беларускай мовы, дапушчаных ў пачатковай школе.

Як і ў большасці тагачасных краін, у Польшчы праводзілася цэнзура ўсіх падручнікаў. Гісторыкі зрэдку звяртаюць увагу на дапаможнікі як паўнавартасную крыніцу, якія звычайна разглядаюцца даследчыкамі методыкі выкладання ці ў кантэксце матэрыяльнага забеспячэння навучання. Апошнім часам пачынаюць аналізаваць іх змест праз прызму школьнай палітыкі і ідэалагічных канцэпцый. З увядзеннем агульнага школьнага абавязку дапаможнікі пераўтварыліся ва ўплывовы інструмент сацыяльнай інжынерыі і шырока выкарыстоўваліся ў недэмакратычных грамадствах для індакрынацыі вучняў.

Пытанне цэнзуры беларускіх падручнікаў у міжваеннай Польшчы разглядалі ў сваіх справазданнях супрацоўніцы МВіНА Г. Пахоска і Г. Гратоўска. Іх працы мелі прапагандысцкі характар і пэўныя высновы выклікаюць сумнеў. Праблемай кантроля за падручнікамі цікавіліся сучасныя даследчыкі, але акрэсленная група крыніц практычна не вывучалася. Беларускім выданням прысвяціў манаграфію Ю. Туронак, памылкова аб'яднаўшы ў адну кнігу 2 асобных дапаможніка С. Любіч-Маеўскага. Пра падручнікі для беларусаў узгадваецца ў М. Семаковіча, у працы "Народная адукацыя і педагагічная думка ў Беларусі" [1; 12; 14-17].

У школьнай палітыцы можна вылучыць перыяды панавання ідэалогій нацыянальнага выхавання (1919–1926), дзяржаўнага выхавання (1926–1935) і сінтэза гэтых плыняў у форме нацыянальна-грамадзянскага выхавання. Толькі ў 1926–1935 гг. фармальна ўлічвалася права асобных меншасцей на захаванне і развіццё культурнай своеасаблівасці. У 1928–1930 гг. адбыўся зварот да канцэпцыі нацыянальнай асіміляцыі беларусаў. У 1930-х гг. перамагла канцэпцыя рэгіяналізма, якую рэалізоўвалі праз падручнікі і праграмы і праз дыферэнцыяцыю адукацыйнай палітыкі ў асобных рэгіёнах.

Кантраліраваць змест навучання на ўсходніх землях спрабавалі пераходныя польскія ўлады. Спачатку гэта была рэпрэсіўная цэнзура: непажаданыя кнігі не дазваляліся ці канфіскаваліся. Школы штогод прадстаўлялі спісы дапаможнікаў [3; 13]. Пасля арганізацыі ў 1921 г. Міністэрствам веравызнанняў і народнай асветы (МВіНА) Камісіі для ацэнкі школьных падручнікаў і выданняў, прызначаных для школьнай моладзі (далей – Камісія), паўсталі асобныя падкамісіі для меншасцей. Гэта значыла стварэнне прэвентыўнай цэнзуры. У чэрвені 1923 г. сфарміравалася падкамісія для школ з беларускай і літоўскай мовамі навучання ў Вільні. Яе рашэнні адразу разглядаліся міністрам. Паколькі ў падкамісію ўваходзілі пераважна польскія чыноўнікі і навукоўцы, то падручнікі для меншасцей прадстаўляліся і ў польскім перакладзе, які служыў асновай для ацэнкі. Кваліфікацыйная праца часта расцягвалася на некалькі год. Ад часу перадачы рукапісу ў камісіі (падкамісіі) да прыняцця канчатковага рашэння праходзіла

некалькі год. Матэрыялы маглі яшчэ вандраваць паміж Варшавай, Вільняй і Львовам, дзе знаходзілася Дзяржаўнае выдавецтва школьных кніг. У 1937 г. МВіНА пагадзілася на спрошчаную працэдуру ацэнкі падручнікаў для меншасцей [44; 6].

У склад падкамісіі ўвайшлі чыноўнікі віленскай куратарыі і педагогі-практыкі: Ю. Малавескі, С. Мыдляж, Л. Пжэмянецкі і Р. Вузьнякоўскі. Напрыканцы 1924 г. віленскі куратар З. Гансяроўскі падзяліў яе на падкамісію для пачатковых школ і настаўніцкіх семінарый (Т. Туркоўскі - кіраўнік) і для сярэдніх школ (С. Швідэрскі - кіраўнік). Рэферэнтамі па беларускім справам былі Ю. Малавескі і С. Мыдляж у першай, у другой - Ю. Малавескі і Ю. Гюнтэр. У 1927 г. паўсталі асобныя беларуская і літоўская камісіі. У 1931 г. падкамісіі былі непасрэдна падпарадкаваныя куратарам школьных акруг. У іх уваходзілі некалькі чыноўнікаў і педагогаў акругі. Аўтаматычна прызначўся візітатар, адказваўшы ў куратарыі за нацыянальны накірунак і фактычна кіраваў працай камісіі. У беларускую камісію ўвайшлі К. Шэлангоўскі, Т. Младкоўскі, А. Нэканда-Трэпка, А. Міліконт-Нарвойша і А. Янчуковіч. У 1937 г. сябрамі беларускай камісіі сталі куратар М. Гадэцкі, А. Нэканда-Трэпка, А.Мілліконт-Нарвойша, Б. Кавалевіч, В. Грыглеўскі і Р. Астроўскі. Апошні ўжо пераехаў у Лодзь [1; 4; 9].

Беларусы знаходзіліся ў найгоршых умовах. Нават тыя палітыкі, хто разумеў іх культурна-этнічную самабытнасць, не ўспрымалі сур'ёзна памеры іх палітычныя прэтэнзіі. Адсутнасць рэальнай падтрымкі нацыянальнай дзяржавы ці прынамсі моцнага асяродка, як ва ўкраінцаў, плыннасць самасвядомасці і адпаведна межаў супольнасці пазбаўлялі грунту асветніцкія намаганні беларускіх дзеячоў. Да таго ж у іх быў малы досвед арганізацыя школьнай справы. У 1924 г. на ІІ з'ездзе школьных інспектараў віленскай акругі З. Гансяроўскі папярэджваў, каб ў навучанні беларускай мовы выкарыстоўвалася б толькі лацінка.

Беларускія падручнікі былі не такія шматлікія як украінскія, горшай якасці, але ідэалагічна менш небяспечныя, чым літоўскія выданні. Таму ў 1925 г. МВіНА часова зацвердзіла кароткі спіс беларускамоўных дапаможнікаў, у т.л. для вывучэння беларускай мовы для 2 і 3 класаў. Паміж лютым 1926 і сакавіком 1927 г. віленская куратарыя склікала адмысловую канферэнцыю, прысвечаную беларускім падручнікам, але большасць беларускіх дзеячоў паставілася да ініцыятывы скептычна [2; 9].

У поўнай ступені імкненне ўладаў асіміляваць беларусаў паказаў адзіны дазволены ў Польшчы беларускі буквар. Па заказу школьнай адміністрацыі С. Любіч-Маеўскі падрыхтаваў буквар і чытанку для 2 класа "Першы промень", выдадзеныя ў 1929 г. у Львове. З

перапіскі С. Любіч-Маеўскага вынікае, што падрыхтаваць падручнікі, “адпаведныя” для МВіНА, ён не даў рады, і рукапісы пазней “дапрацоўваліся” у выдавецтве. Хоць улады прызналі няўданасць праекту, кнігі пазасталіся ва ўжытку да вайны як адзіныя дапаможнікі для 1-2 класаў. У 1931 г. Ю. Малавескі паведамляў, што ў школах віленскай акругі кірыліца уводзілася толькі па жаданні бацькоў у мясцовасцях з перавагай праваслаўных [6; 18].

Праца над беларускімі падручнікамі расцягнулася да вайны з-за фінансавых цяжкасцей, адлегласцей паміж Львовам і Вільняй і бюракратыі. Толькі ў 1937 г. выйшаў падручнік “Нашая праца” (рэдакцыя Я. Расткоўскай-Чыстоўскай) для двугадовага 3 класа, напісаны з выкарыстаннем 2 графічных сістэм беларускай мовы, але з перавагай лацінкі. Не паспелі надрукаваць падрыхтаваны дапаможнік для трохгадовага 4 класа (рэдакцыя Я. Станкевіча і Р. Шырмы). Не скончылася распрацоўка новага буквара (аўтар Я. Станкевіч) і чытанкі для 2 класа [5; 7-10]. Назіраўся больш сур’ёзны падыход уладаў і выдавецтва да якасці кніг у параўнанні з выданнямі С. Любіч-Маеўскага. Усе падрыхтаваныя куратарыяй беларускія дапаможнікі разлічваліся на доўгую перспектыву з прычыны малалікасці вучняў і адпаведна нізкага запатрабавання на іх, якое з часам павінна было знікнуць. Пэўна частка польскіх дзеячоў марыла і аб здушэнні і асіміляцыі ўкраінцаў, спачатку праваслаўных, потым грэка-католікаў. Аб масах “тутэйшага” насельніцтва няма чаго і разважаць.

Змест новых падручнікаў стандартызаваўся ў адпаведнасці з польскай выхаваўчай ідэалогіяй. Як і тагачасныя літоўскія чытанкі, яны дапасоўваліся да польскіх праграм і ўтрымлівалі пераклады класічных чытанак аб Ю. Пілсудскім, прэзідэнце, свяце незалежнасці, польскім войску і г.д. Калі польскамоўныя выданні для шматгадовых класаў падзяляліся на часткі, падручнікі для меншасцей друкаваліся скарочана адной кнігай. Кнігі для беларусаў вылучаліся меншым нацыянальным каларытам і патрыятызмам, чым украінскія ці літоўскія. Галоўныя адрасаты ўсіх чытанак для беларусаў, як літоўцаў і ўкраінцаў, пражывалі на вёсцы, займаліся сельскай гаспадаркай, шанавалі традыцыі і верылі ў Бога. Ім прадпісвалася лічыць сябе грамадзянамі Польшчы, шанаваць яе герояў, знакамітых дзеячоў і адзначаць дзяржаўныя святы. Галоўным ворагам, як і для палякаў, прызнаваліся “маскалі”. У адрозненні ад літоўскага падручніка для 3 класа, у “Нашай працы” жанчына радавалася, што дзеці вольныя, а не вучыліся на роднай мове. Ціква, што чытачы кнігі маглі належыць да праваслаўя ці каталіцтва [7; 9; 11].

Санацыйная палітыка рэгіяналізму дазваляла абысці, ухіліцца ад нацыянальнага (этнічнага) пытання. Адміністрацыйна-тэрытарыяльныя падзелы узнімаліся па-над этнічныя і пад маркай “польскасці” выспя-

валася грамадзянская еднасць. Выхаваўчая ідэалогія спрыяла падзелу яшчэ няўстойлівай і плыннай беларускай супольнасці. Для масы з нявызначанай свядомасцю пераход ад лакальнай, "тутэйшай", тоеснасці да тэрытарыяльна-дзяржаўнай "польскай" праз адміністрацыйна-тэрытарыяльныя ці рэгіянальныя катэгорыі (паляшук, валынянін, віленчук і г.д.) быў больш зразумелым і адбываўся лягчэй, чым да віртуальных паняццяў беларускасці і ўкраінскасці.

У міжваеннай Польшчы назіралася тыповая для часу і рэгіёну тэндэнцыя да татальнага кантроля за зместам школьных выданняў як спосабу кіравання адукацыяй. Не менш важным, а можа і больш пільным заданнем стала цэнзура падручнікаў для меншасцей, якія з'яўляліся галаўным болем польскіх уладаў. Спачатку гаворка магла ісці толькі аб рэпрэсіўных сродках, але з 1923 г. паўстаў механізм прэвентыўнага кантролю. Беларускіх кніг было мала, не адпаведнай якасці і зместу. Таму ўлады вырашылі ўзяць ініцыятыву ў свае рукі і падрыхтавалі адмысловыя дапаможнікі на ўласны густ. Падручнікі служылі доўгатэрміновай паланізацыі.

1. Grotowska, H. Kwalifikacja książek i pomocy szkolnych (I) / H. Grotowska // Oświata i wychowanie. – 1932. - Z. 8. – S. 709–722; Eadem. Kwalifikacja książek i pomocy szkolnych (II) / Eadem // Ibidem. - Z. 9. - S. 797–822.
2. Lietuvos Centrinis Valstybinis Archyvas (LCVA). F. 51. Ap.1. B. 299. Lap.29.
3. LCVA. F. 172. Ap. I. B. 19. Lap. 107.
4. LCVA. F. 172. Ap. 1. B. 1366. Lap. 346, 361.
5. LCVA. F. 172. Ap. 1. B. 4756. Lap. 2 ver, 32 ver.
6. LCVA. F. 172. Ap. 1. B. 5038. Lap. 58, 81ver.
7. LCVA. F. 172. Ap. I. B. 5594. Lap. 46ver, 180-181.
8. LCVA. F. 172. Ap. I. B. 6082. Lap. 2.
9. LCVA. F. 172. Ap. I. B. 6168. Lap. 12-15, 29-29 ver, 93, 119, 144 ver, 145ver, 167, 170 ver-172ver
10. LCVA. F. 172. Ap. I. B. 7578. Lap. 11ver.
11. Našaja praca: padručnaja knižka dla trejciaje klasy pačatkovych školaŭ / Praca supolnaja vučycielaŭ vilenskich, vykananaja pad kiraŭnictvam dr. Janiny Čystoŭskaj. - Lwów: PWKS, 1937. – S. 40-42.
12. Pohoska H., Poland (Polska), [w:] Report on nationalism in history text-books, prep. & comp. by The Working Committee of a Special Commission on Education Stockholm, A. – B. Magn. Bergvalls Förl, Stockholm 1928, p. 201 – 217.
13. Rozporządzenie tymczasowe Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich, dotyczące szkolnictwa i oświaty, z 11 października 1919 r. // „DU MWRiOP". – Nr 12–13. – 1919. – S. 398.
14. Siemakowicz, M. Organizacja szkolnictwa dla ludności białoruskiej w II Rzeczypospolitej / M. Siemakowicz // BZH. – 1999. – Nr 12. – S. 80 – 132.
15. Turonek, J. Książka białoruska w II Rzeczypospolitej (1921 – 1939) / J. Turonek. – Warszawa, 2000.
16. Вабішчэвіч, А. Асвета ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. Вабішчэвіч. – Брэст, 2004.

17. Народная адукацыя і педагагічная навука ў Беларусі (1917 – 1945) / Г.Р. Сянькевіч, А.В. Трухан, З. М. Ціток і інш. – Мінск, 1993.
18. Сендзер, С.А. "Лемантар" Станіслава Любіч-Маеўскага / С.А. Сендзер // БГЧ. – 2006. – № 10. – С. 30 – 35.

Бездзель В.Я.

ЗМЕСТ І ФОРМЫ НАВУЧАННЯ ДЗЯЦЕЙ У ПАРТЫЗАНСКІХ АТРАДАХ (1941–1944 ГГ.)

У гады Вялікай Айчыннай вайны ў руху супраціву на тэрыторыі Беларусі ўдзельнічалі прадстаўнікі ўсіх узроставых і сацыяльных груп грамадства. У ліку 370 тыс. партызан былі і 34342 школьнікі, а таксама больш за 5 тыс. дзяцей малодшага школьнага ўзросту знаходзіліся ў партызанскіх сямейных лагерах [1, с. 62]. Аднак акрамя гэтых, афіцыйна ўстаноўленых дадзеных, колькі яшчэ дзяцей займаліся зборам зброі, дапамагалі бацькам-падпольшчыкам, і былі такім чынам удзельнікамі пасіўнага супраціву, устанавіць зараз не з'яўляецца магчымым. Масавы ўдзел падрастаючага пакалення ў антыфашысцкай барацьбе тлумачыцца, у першую чаргу, жорсткасцю акупацыйнага рэжыму, палітыкай генацыду, карнымі экспедыцыямі, што правадзілі нацысты на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Разам з тым, нельга адмаўляць і ролю даваеннай савецкай школьнай сістэмы, якая была накіравана на выхаванне ў дзяцей патрыятычных пачуццяў, гатоўнасці абараняць Радзіму. Увядзенне ў 1930-я гг. практыкі ўдзелу ў абарончых гуртках, здача норм на "ГТО" і "БГТО" садзейнічала ўцягванню дзяцей у піянерскі рух, рабіла пазашкольную дзейнасць больш цікавай і разнастайнай. Ваенныя гульні, магчымасць авалодаць уменнем выкарыстоўваць зброю, сувязі з Чырвонай Арміяй рамантызавалі і гераізавалі прафесію вайскоўца, а будучая барацьба ўяўлялася хуткай і пераможнай. Спроба даць некаторы вопыт праз ваенныя гульні і абарончыя гурткі спрыяла таму, што дзеці захапляліся прафесіяй вайскоўца і ў выпадку пачатку вайны верылі, што змогуць аказаць дапамогу Чырвонай Арміі.

Ужо ў ходзе акупацыі германскай арміяй тэрыторыі Беларусі школьнікі прынялі актыўны ўдзел у зборы зброі і яе перазахаванні (у далейшым так званыя "тайнікі" перадаваліся ў патрызанскія атрады). Падлеткі дзейнічалі невялікімі групамі і па адным. Зімой 1941 – вясной 1942 гг. ва ўмовах пашырэння партызанскага руху многія з іх самастойна шукалі партызан, прыходзілі ў атрады разам з бацькамі. Разам з тым, на гэтым этапе ніякай арганізаванай працы, як выхаваўчай, так і вучэбнай з дзецьмі не праводзілася. У шматлікіх справаздачах партызанскіх камандзіраў адзначалася, што "школ нигде нет, с детьми

работа не проводится. Когда проводятся беседы с крестьянами, то собираются дети и слушают, затаив дыхание" [3, арк. 109 зв.]. Абмежаваныя магчымасці па вывазе дзяцей у савецкі тыл, іх узрастаючая колькасць сярод партызан вымушала камандаванне займацца праблемай арганізацыі жыцця дзяцей у партызанскіх і сямейных атрадах. У дадзеным артыкуле мы звернемся да разгляду асноўных форм навучання і выхавання дзяцей у партызанскіх фарміраваннях.

Справу выхавання дзяцей і падлеткаў на акупаванай тэрыторыі Беларусі ўзялі на сябе падпольныя камуністычныя і камсамольскія органы. У лістападзе 1942 г. ЦК ЛКСМБ накіраваў да падпольных органаў на тэрыторыі акупаванай Беларусі спецыяльны ліст "Аб задачах, формах і метадах работы камсамольскіх арганізацый Беларусі сярод дзяцей у тыле ворага", у якім на гэтыя органы ўскладваўся абавязак пашырыць работу менавіта сярод дзяцей. Першы сакратар ЦК ЛКСМБ М.В. Зімянін адзначаў, што "ребята приносят и принесут неоценимую помощь партизанскому движению, разведке", што дзяцей неабходна выхоўваць у традыцыях савецкай піянерыі, каб яны станавіліся бясстрашнымі змагарамі за Радзіму. На камсамол ускладвалася функцыя па абароне ад палітыкі анямечвання, якая праводзілася акупантамі праз школы і дашкольныя дзіцячыя установы [3, арк. 181].

Не менш важнай задачай партызан у адносінах да падрастаючага пакалення была выхаваўчая. Рэалізоўвалася яна праз стварэнне лясных школ, правядзенне пазашкольнай працы з дзецьмі, праз працоўнае выхаванне і прыцягненне дзяцей да выканання розных гаспадарчых абавязкаў у партызанскіх атрадах, праз стварэнне піянерскіх атрадаў. Дакументам, які рэгламентаваў выхаваўчую работу сярод дзяцей і падлеткаў, быў ужо ўпамянуты намі спецыяльны ліст М.В. Зімяніна "Аб задачах, формах і метадах работы камсамольскіх арганізацый Беларусі сярод дзяцей у тыле ворага" (лістапад 1942 г.).

Першая сетка арганізаваных партызанскіх школ з'явілася ў вёсках Ветрынскага раёна Віцебскай вобласці, якія пачалі працаваць з 1 верасня 1942 г. Асабліва гэты працэс актывізаваўся пасля таго, як ініцыятыву на сябе ўзялі ЦК ЛКСМБ і яго сакратары К.Т. Мазураў і М.В. Зімянін. Адной з прычын такой увагі да гэтага працэсу стала ідэалагічная барацьба за падрастаючае пакаленне. Фашысцкая палітыка анямечвання, якая праводзілася праз дзіцячыя ўстановы на акупаванай тэрыторыі Беларусі, патрабавала мер супрацьдзеяння, сярод якіх былі адкрыццё савецкіх школ, навучанне па савецкіх праграмах, тлумачальная работа з бацькамі. Кантроль над школай даваў магчымасць весці выхаванне дзяцей у духу піянерскай традыцыі, нянавісці да ворагаў. Непазбежная перамога СССР у вайне з Германіяй, у якую верылі і на якую спадзяваліся на акупаваных землях, часовасць акупацыйнага рэжыму патрабавала ад педагогаў заду-

мацца і аб непарыўнасці працэсу навучання дзяцей, па магчымасці захаваць яго.

Акрамя партызанскіх школ (знаходзіліся ў населеных пунктах, якія кантраляваліся партызанамі ці знаходзіліся на тэрыторыі партызанскай зоны), функцыянавалі "лясныя" школы. Апошныя адрозніваліся ад партызанскіх тым, што дзейнічалі ў сямейных (грамадзянскіх) лагерах, у лясных масівах і ахоўваліся партызанскімі атрадамі. Яны ствараліся для дзяцей мясцовага насельніцтва, якое пайшло пад абарону партызан у лясы. Умовы для навучання і цяжкасці, з якімі сутыкнуліся, былі прыкладна аднолькавыя. "Лясныя" школы сталі арганізоўвацца пазней, з восені 1943 г. Адказваў за іх работу камсамол. Першая лясная школа была арганізавана на Брэстчыне пры атрадзе імя Калініна, дзе ў трох класах навучалася 50 дзяцей. Па астатніх абласцях, як паказваюць архіўныя дакументы, гэтай працы не надавалася неабходнай увагі. Стварэнне школ было не паўсюдным, а камсамольскія органы не кантралявалі гэты працэс. Так, Баранавіцкі АК ЛКСМБ у пастанове ад 26 красавіка 1944 г. адзначаў, што "отдельные райкомы ЛКСМБ не придали достаточного внимания работе среди молодежи и детей семейных отрядов. Работа среди детей совершенно неорганизованна" [4, арк. 17]. Для таго, каб палепшыць сітуацыю, абком прыняў шэраг мер, у тым ліку прапаноўваў "одобрить инициативу Воложинского РК ЛКСМБ об организации в семейном лагере бригады «За Советскую Белоруссию» общеобразовательной школы для детей. Предложить всем РК ЛКСМБ, на территории которых имеются семейные лагеря, организовать обучение детей школьного возраста" [4, арк. 17]. Гэта надало некаторы штуршок працэсу арганізацыі школ. Аднак назваць зараз дакладную іх колькасць не з'яўляецца магчымым.

Для саміх вучняў наведванне школы ўяўляла не толькі працэс набыцця ведаў. Гэта была спроба ўзнавіць даваеннае жыццё, няхай толькі у некаторай ступені. Праз школу даведваліся аб зменах на фронце, у школе сустракаліся з партызанамі, займаліся вывучэннем зброі, перапісвалі лістоўкі, рабілі грамадска-карысную працу. Такім чынам, школа выконвала ідэалагічную функцыю (піянерскай арганізацыя, барацьба за падрастаючае пакаленне), а таксама арганізоўвала і накіроўвала жыццё дзяцей у сямейных лагерах. Для вучняў "лясных" школ першае месца займаў не сам працэс навучання і набыццё ведаў. Прыярытэтнай заставалася пазашкольная дзейнасць, што была прадстаўлена ў форме піянерскай работы, гурткоў самадзейнасці, ваенных гурткоў, гаспадарчых даручэнняў. Яна займала і большую частку часу, асабліва калі вучэбныя заняткі праводзіць не было магчымасці. Работа ж па лагеры знаходзілася заўсёды.

У даваеннай савецкай педагогіцы адным з пастулатаў навучання

было непарыўнасць тэорыі і практыкі. У гады акупацыі ў партызанскіх і лясных школах працоўнае навучанне дзяцей вымушалася самім жыццём. Занятасць мужчын у баявых аперацыях, недахоп працоўных рук рабілі непазбежным уцягванне дзяцей і падлеткаў у дарослыя працоўныя адносіны. У справаздачы Брэсцкага АК ЛКСМБ падкрэслівалася, што адной з асноўных задач лясных школ з'яўлялася "привитие школьникам трудовых навыков, трудовой закалки и трудовой чести" [5, с. 155].

Дзеці былі задзейнічаны ў першую чаргу ў гаспадарчых ротах. Аднак гэтае месца заставалася самым нелюбімым у падлеткаў. Прызначэнне туды (пасля прыняцця ў атрад) успрымалася як знявага для дзяцей старэйшага ўзросту, паколькі яны жадалі трапіць адразу ў баявы склад атрада і выконваць баявыя даручэнні, а не калоць дровы ці чысціць на кухні бульбу. Разам з тым, праца ў гаспадарчых ротах была не менш важнай для партызан за ваенныя дзеянні. Як адзначаецца ў архіўных дакументах, дзіця на кухні, незалежна ад таго якую работу ён выконваў, замяняў аднаго дарослага, які ў гэты час быў заняты ў барацьбе з ворагам [2, арк. 147]. Сітуацыя з выкарыстаннем працы дзяцей на карысць партызан нагадвае становішча ў савецкім тылу, дзе для мабілізацымі ўсіх рэсурсаў краіны на завода і фабрыках працавалі 12 – 16-цігадовыя падлеткі і выконвалі нормы дарослых.

Такім чынам, з кароткага агляду праблемы навучання і выхавання дзяцей у перыяд акупацыі, можна адзначыць пераемнасць у традыцыях з даваеннай савецкай сістэмай выхавання. Асноўны акцэнт у выхаваўчым працэсе быў зроблены на патрыятычны аспект, што, з аднаго боку, дазваляла ўцягваць дзяцей у антыфашысцкую барацьбу, з другога, не давала акупантам магчымасці прыцягнуць падрастаючае пакаленне ў свае шэрагі. Узмацненне партызанскіх фарміраванняў дазволіла звярнуцца да рашэння праблем у іншых сферах дзейнасці, у тым ліку і да наладжвання выхаваўча-патрыятычнай працы сярод дзяцей, якія знаходзіліся ў партызанскіх шэрагах і сямейных лагерах.

1. Котаў, А.І. Дзеці Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны / А.І. Котаў // 55 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне: погляд праз гады, новыя канцэпцыі і падыходы: мат-лы, навук.-тэарэт. канфер., 4 – 5 мая 2000 г.: у 2 ч. Ч. 1. – Мінск, БДПУ імя М. Танка, 2000. – 166с.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 63-п. Воп. 5. Спр. 2.
3. НАРБ. Ф. 63-п. Воп. 16. Спр. 11.
4. НАРБ. Ф. 1375. Воп. 1. Спр. 152.
5. Умрейко, С.А. Патриотизм учителей и школьников Белоруссии в борьбе против немецко-фашистских оккупантов / С.А. Умрейко, П.Н. Кобринец, А.И. Залесский. – Мн.: Изд-во БГУ, 1980. – 176 с.

Марцынкевіч І.А.

АРГАНІЗАЦЫЯ ПРАЦАЎЛАДКАВАННЯ І ПРАЦОЎНАГА НАВУЧАННЯ ІНВАЛІДАЎ І ЎДЗЕЛЬНІКАЎ ВАЙНЫ (1942–1945 гг.)

Праблема перахода ад вайны да мірнага жыцця і ў эканамічным, і ў сацыяльным плане, так ці інакш стаяла перад ўсім савецкім пасляваеным грамадствам. Аднак у найбольшай ступені яна закранала франтавікоў, якія былі, фактычна, адарваны ад мірнага жыцця і на працягу чатырох год жылі зусім у іншым вымярэнні.

Прызвычаіцца да новай рэчаіснасці жыцця было нялёгка. Працэс адаптацыі ўскладняўся тым, што многія з іх (1923−1927 гадоў наражджэння) былі прызваны на фронт адразу пасля заканчэння школы, не паспеўшы атрымаць прафесію ці пэўны статус ў мірным жыцці [1, с. 49-50]. Яшчэ ў больш складаным становішчы аказаліся інваліды вайны, якія калі і мелі прафесію да прызыва ў Чырвоную Армію, зараз былі пазбаўлены магчымасці паўнацэннай дзеяздольнасці і не маглі выконваць работу па атрыманай раней спецяльнасці.

Пытанне аб працаўладкаванні было адным з прыярытэтных. Па гэтай прычыне Саюзным кіраўніцтвам, а таксама Рэспубліканскімі органамі ўлады, яшчэ ў гады вайны быў прыняты цэлы шэраг пастаноў і дакументаў, якія рэгламентавалі працаўладкаванне інвалідаў і ўдзельнікаў вайны, а таксама арганізацыю навучання іх новым прафесіям і спецыяльнасцям.

Так, згодна з Пастановай СНК СССР ад 6 мая 1942 года на народных камісараў сацыяльнага забеспячэння саюзных рэспублік была ўскладзена асабістая адказнасць за працоўнае ўладкаванне і арганізацыю вытворчага навучання інвалідаў вайны, а на кіраўнікоў прадпрыемстваў і арганізацый − абавязак у самыя кароткія тэрміны прадаставіць інвалідам, накіраванымі органамі сацыяльнага забеспячэння, адпаведную работу.

Інвалідам вайны прадстаўлялася першачарговае права залічэння ва ўсе дзяржаўныя прадпрыемствы і арганізацыі.

Кіраўнікам прадпрыемстваў і арганізацый дазвалялася прадастаўляць інвалідам чарговыя адпачынкі, якія ў гады вайны ўсім працоўным і служачым былі заменены грашовай кампенсацыяй; забаранялася прыцягваць працуючых інвалідаў да зверхтэрміновых работ ў абавязковым парадку. Дапамога па часовай непрацаздольнасці стала выплочвацца інвалідам вайны незалежна ад стажа непрырыўнай працы.

У мэтах кантроля за працаўладкаваннем інвалідаў пры выканкамах абласных і выканаўчых абласных, краёвых і гарадскіх камітэтах Саветаў дэпутатаў працоўных былі створаны пастаянныя камісіі па працаўладкаванню інвалідаў.

У 1942 годзе органамі сацыяльнага забеспячэння краіны былі арганізаваны першыя дамы для інвалідаў Айчыннай вайны, якія паз-

ней былі рэарганізаваны ў інтэрнаты. У іх інваліды знаходзіліся на поўным дзяржаўнным утрыманні, забяспечваліся неабходным дагля-дам, медыцынскім і культурным абслугоўваннем, навучаліся розным даступным для іх магчымасцей прафесіям [2, с. 34].

Далейшая работа Саюзнага і Рэспубліканскага Урада па працаўладкаванню інвалідаў і ўдзельнікаў вайны знайшла сваё адлюстраванне ў Пастанове СНК СССР і ЦК ВКП(б) “Аб бліжэйшых задачах Савнаркама БССР і ЦК КП(б) Беларусі” ад 1 студзеня 1944 г., дзе было адзначана, што ЦК КП(б)Б і СНК БССР павінны прыняць ўсе меры па своечасоваму аказанню дапамогі ў бытавым і працоўным уладкаванні інвалідам Айчыннай вайны [3, с. 488].

Пастановай СНК БССР і ЦК КП(б)Б “Аб працаўладкаванні інвалідаў было вырашана ўскласці на Народны Камісарыят Сацыяльнага забеспячэння БССР асабістую адказнасць за працаўладкаванне і арганізацыю навучання новым прафесіям інвалідаў Айчыннай вайны.

Мясцовыя органы сацыяльнага забеспячэння былі абавязаны вызначаць групу інваліднасці і накіраваць на працу не пазней, як праз 3 дні пасля выпіскі інвалідаў Айчыннай вайны са шпіталя. Гэтыя мерапрыемствы павінны былі паскорыць працэс афамлення ўдзельнікаў і інвалідаў вайны на новыя месцы працы, а таксама навучанню іх новым прафесіям і спецыяльнасцям.

Выканаўчыя камітэты абласных саветаў дэпутатаў працоўных і кіраўнікі прадпрыемстваў і ўстаноў павінны былі забяспечваць інвалідаў Айчыннай вайны, накіраваных органамі сацыяльнага забеспячэння прадстаўленнем ў найкарацейшыя тэрміны, без затрымак, адпаведнай працай з улікам індывідуальных асаблівасцяў інвалідаў.

На Наркамат Сацяльнага забеспячэння БССР, згодна з дадзенай пастановай ускладвалася арганізацыя навучанне новым спецыяльнасцям інвалідаў Айчыннай вайны, якія па стану свайго здароў’я не маглі быць задзейнічаны на іх ранейшай працы, у сваю чаргу, Народны Камісарыят Сацыяльнага Забеспячэння павінен быў, таксама, вырашаць пытанні, звязаныя з навучаннем новым прафесіям інвалідаў Айчыннай вайны I і II груп.

З гэтай прычыны выканкамы абласных, гарацкіх і раённых Саветаў дэпутатаў працоўных былі абавязаны прапанаваць прадаставіць органам сацыяльнага забеспячэння неабходныя памяшканні для майстэрнь з інтэрнатамі пры іх для інвалідаў Айчыннай вайны, а таксама адпаведныя памяшканні для дамоў інвалідаў, а Народны камісарыят БССР быў абавязаны ўтварыць пры адукацыйных школах для дарослых спецыяльныя групы для навучання інвалідаў Айчыннай вайны па праграмам няпоўных сярэдніх і сярэдніх школ.

Акрамя таго, ўсе наркаматы і ведамствы, якія мелі курсы па падрыхтоўцы працоўных кадраў былі абавязаны прымаць для навучання інвалідаў Айчыннай вайны III групы па заключэнню УТЭК.

Было устаноўлена, што інваліды Айчыннай вайны, якія працу-

юць на прадпрыемствах і ва ўстановах, да зверхтэрміновых работ у абавязковым парадку не павінны прыцягвацца [4, арк. 4].

Разам з тым, органы дзяржаўнага кіравання ажыццяўлялі і строгі кантроль за тымі удзельнікамі і інвалідамі вайны, якія, па заключэнню ўрачэбнай экспертнай камісіі былі прызнаны працаздольнымі, але ўхіляліся ад працаўладкавання ці працоўнага навучання. З гэтай мэтай пракурорам БССР было прадастаўлена права прыцягваць да адказнасці асоб, якія неабгрунтавана ўхіляюцца ад прыёма на працу інвалідаў Айчыннай вайны, а таксама тых, хто мае накіраванне на працу ад арганізацыі сацыяльнага забеспячэння.

Для практычнай дапамогі і ажыццяўлення кантроля ў справе працауладкавання інвалідаў Айчыннай вайны было прынята рашэнне стварыць пастаянныя абласныя, гарадскія і раённыя камісіі па працаўладкаванню інвалідаў у складзе намесніка старшыні сакратара адпаведнага камітэта КП(б)Б, сакратара камітэта ВЛКСМ (б), старшыні адпаведнай прафсаюзнай арганізацыі і загадчыка аддзелам сацыяльнага забеспячэння (сакратар камісіі).

Пры Наркамаце Сацыяльнага Забеспячэння абласных і гарацкіх аддзелах сацыяльнага забеспячэння сектары па працаўладкаванню інвалідаў Айчыннай вайны, а ў асобных раёнах, з дазвола Савета Народных камісараў, у выпадку неабходнасці, ўводзіліся пасады інспектара па працаўладкаванню дадзенай катэгорыі насельніцтва[4, арк. 5].

Выканкам абласных Саветаў дэпутатаў працоўных быў абавязаны прадастаўляць Саўнаркаму БССР кожны месяц справаздачу аб выніках работы, выкананай па працаўладкаванню інвалідаў і ўдзельнікаў вайны [4, арк. 6].

Такім чынам, можна адзначыць, што Саюзным кіраўніцтвам, а таксама рэспубліканскімі і партыйнымі ораганамі ўлады яшчэ ў гады пачала распрацоўвацца праблема працаўладкавання і працоўнага навучання інвалідаў і ўдзельнікаў вайны, што знайшло сваё выражэнне ў шэрагу законаў і пастаноў саюзнага і рэспубліканскага значэнне. Немалаважным крокам ў гэтай вобласці стала тое, што на Народны Камісарыят Сацыяльнага забеспячэння БССР была ўскладзена асабістая адказнасць за працаўладкаванне і арганізацыю навучання новым прафесіям інвалідаў Айчыннай вайны.

1. Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945−1953 / Е.Ю. Зубкова. − М.: РОССПЭН, 2000.

2. Трудоустройство инвалидов в СССР. – М.: Изд-во Юридическая литература, 1963.

3. Коммунистическая партия Советского союза в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 7 (1938 – 1945). – М.: Изд-во политической литературы, 1985.

4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 7, воп. 3, спр. 1720.

Новак Г.Г.

ПЕДАГОГИ ВИТЕБСКА – ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

9 мая 2010 года исполняется 65 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Достойный вклад в борьбу с фашизмом внесла родная Беларусь. На борьбу с оккупантами поднялся весь народ. Беспримерное мужество и героизм проявили и педагоги Беларуси. Около 10 тысяч их вступили в Красную Армию, свыше 7 тысяч сражались в рядах партизан и подпольщиков [4, с. 6]. Всего за активное участие в войне орденами и медалями СССР награждено 8628 педагогов Беларуси [4, с. 6]. Есть среди них и Герои Советского Союза. За проявленное мужество и отвагу этого высокого звания удостоены и наши земляки, уроженцы Витебской области: К.А. Абазовский, М.А. Высогорец, В.А. Демидов, И.М. Ерашов, М.С. Камельчик, В.А. Квитинский, Т.С. Мариненко, Ф.Г. Марков, А.И. Масловская, А.Д. Матюшов, П.М. Машеров, Н.В. Троян, В.А. Тышевич, В.А. Хомченовский.

В своей работе мы решили показать педагогов, жизнь которых была связана с Витебском, это Василий Александрович Демидов и Владимир Александрович Тышевич. О них написаны небольшие статьи в областных газетах, где кратко рассказано об их подвигах во время войны. Целью нашего исследования было полное изображение жизни наших земляков. Мы изучили архивные материалы, записали воспоминания людей, близко их знавших. Выражаем огромную благодарность этим людям, а также работникам областного краеведческого музея, музея истории Витебской государственной академии ветеринарной медицины за помощь в сборе материалов нашего исследования, которое будет представлено в музее «История образования в Витебском регионе». В этой статье мы кратко изложим жизненный путь педагогов-героев войны.

Василий Александрович Демидов родился 12 апреля 1921 г. в семье служащих. На Яновской-Набережной (ныне ул. Мовзона г. Витебска) пройдут его детские годы, здесь он будет жить и после войны. С 1929 по 1939 гг. он ученик СШ № 27, потом курсант Витебского аэроклуба, затем будет Борисовская школа летчиков, там его и застанет война. Курсанты просятся на фронт, но учеба продолжается уже в далеком тылу, в Омске.

В марте 1943 г. Василий Демидов получает назначение на Западный фронт в 10-й отдельный разведывательный авиаполк 1-ой воздушной армии. Он жаждет воздушных боев, однако командование доверило ему не истребитель, а самолет-разведчик.

Работа была непривычной, но крайне важной, так как точные разведданные предопределяли тактику наших войск. На первый взгляд воз-

душная разведка кажется несложной: лети в тыл противника, наблюдай за ним и фотографируй военные объекты. Но над вражеской территорией приходится висеть часами, в любой момент самолет-разведчик могут заметить и пустить в ход зенитную артиллерию, поэтому ведение воздушной разведки поручалось наиболее опытным летчикам.

Большие испытания выпали на долю Демидова в Восточной Пруссии. Разведчику поручили фотографировать крепость Кенигсберг. Это было смертельно опасно. 11 экипажей погибло, выполняя это задание. В крепость была стянута зенитная артиллерия со всей Восточной Пруссии.

На задание Демидова сопровождали 12 французов из полка «Нормандия-Неман». Вражеские зенитки открыли огонь, наши истребители начали штурм огневых точек фашистов, а самолет-разведчик тем временем проникает в узкий коридор между разрывами снарядов.

Целый час над цитаделью врага и ее окрестностями велась съемка. Были сфотографированы оборонительные рубежи неприятеля, расположение его войск и сосредоточение техники. Осколки снарядов секли самолет-разведчик. Правый мотор замер. Демидов ранен в голову, из-под шлема течет кровь. Изо всех сил летчик выравнивает поврежденный самолет и продолжает работать. В кабину уже проникают ядовитые пары бензина – пробит центральный бак, белая пелена застилает глаза раненого Демидова. Наконец засняты последние метры оборонительной полосы противника, взят курс на свой аэродром. Стал сдавать второй мотор. Миновав неприятельскую линию, удалось посадить самолет. Оказалось: это не аэродром, а минное поле. Винтом самолета выкопано 2 мины, но последние вращения раненого самолета были настолько слабыми, что взрыватели мин не сработали. К самолету спешили саперы.

Сколько таких заданий было у Демидова за годы войны! Об этом свидетельствует следующая статистика из наградного листа: «Командир звена 10-го Московского Краснознаменного отдельного разведывательного авиаполка старший лейтенант Василий Александрович Демидов сделал 226 вылетов, 175 из них – для воздушной разведки и фотографирования оборонительных рубежей группировок и резервов противника. Экипаж Демидова сфотографировал 24150 квадратных километров территории врага, 165 действующих аэродромов, обнаружил 1678 самолетов, 927 железнодорожных составов и эшелонов, 32908 автомашин, артиллерии и танков…[1]. К этому нужно еще добавить 8 самолетов врага, уничтоженных экипажем разведчика.

Это подвиг. 19 апреля 1945 г. Демидову присвоено звание Героя Советского Союза. К этому времени летчик был награжден четырьмя орденами Боевого Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого, двумя орденами Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды и семью медалями. Неслучайно командир полка, ас воздушной разведки А.Н. Родин, написал в характеристике Демидова:

«Отлично владеет всеми видами, способами и методами ведения воздушной разведки. Летает в облаках и сложных метеоусловиях, несмотря на многочисленные обстрелы зенитной артиллерии и авиации противника, отлично выполняет поставленные задания, проявляя при этом исключительную отвагу, настойчивость, хитрость, наблюдательность, выдержку и инициативу» [1].

После войны В.А. Демидов продолжает служить в военной авиации, осваивает новые реактивные самолеты. В 1955 г. в звании подполковника заканчивает командный факультет Военно-Воздушной академии, назначен первым заместителем командира полка, потом командир в/ч 23466.

По состоянию здоровья в октябре 1961 г уволен в запас. Отказавшись от штабной работы в Москве, возвращается в родной Витебск. С 1962 г. один год работает зав. мастерскими в СШ № 25, потом 3 года заместителем директора по патриотическому воспитанию, учителем труда в СШ № 21.

В годовом отчете об учебно-воспитательной работе 21-ой средней школы г. Витебска за 1965-66 учебный год отмечена большая работа В.А. Демидова по военно-патриотическому воспитанию учащихся: «Установлено шефство с воинской частью… Работал штаб красных следопытов… Создана группа содействия областному музею. Она занимается розысками неизвестных героев, могил…» [3, л. 28-29]. В разделе «Трудовое и производственное обучение» написано: «Трудовое обучение учащихся 5-8 классов осуществлялось в школьных учебных мастерских, которые оборудованы всем необходимым для обучения учащихся. Все темы программы по труду выполнены полностью. Учителя старались привить учащимся любовь к труду, уважение к героям труда» [3, л. 21].

С 1967 г. по 1982 г. В.А. Демидов – диспетчер службы движения Витебского аэропорта, руководит полетами малой авиации. Многие годы Василий Александрович принимал активное участие в общественной жизни города, за мирный труд он был награжден Почетной Грамотой Верховного Совета БССР. Умер 11 июня 1989 г., похоронен на кладбище в Мазурино.

Вместе с В.А.Демидовым закончил Витебский аэроклуб и Борисовскую школу пилотов Владимир Александрович Тышевич. Родился он 27 мая 1923 г. в семье слесаря завода им. Кирова. Жил на Канатной улице (ныне ул. Димитрова), учился в СШ № 9.

Можно сказать, что педагогическая деятельность Тышевича началась в школьные годы, когда он был вожатым у пионеров. Часто ходил с ними в походы по окрестностям Витебска, проводил разнообразные мероприятия. О своей комсомольской юности Владимир Александрович рассказал в 1968 г. на страницах газеты «Чырвоная змена» [5]. Из автобиографии и наградного листа, которые хранятся в Витебском областном краеведческом музее, мы узнали о боевом пути от-

важного летчика-штурмовика.

Первое боевое крещение Владимир Александрович принял под Орлом. Здесь он совершил 20 боевых вылетов. Однажды, выполняя задание – сорвать контратаку врага в районе Подбуглаки, в группе из 9 самолетов он вступил в неравный бой с 20 истребителями. В результате было сбито 4 самолета противника. За этот подвиг он был награжден первым орденом Красного Знамени.

Второй орден Красного Знамени он получил за выполнение заданий на Севско-Глуховском направлении. Вот как описывает Владимир Тышевич воздушный бой 27 сентября 1943 г.: «При подходе к исходному пункту разведки моя пара была атакована четырьмя самолетами ФВ-190 и одним Ме-109 (пять истребителей против двух штурмовиков). Приняв этот неравный воздушный бой, мы своим маневром завлекли противника на малые высоты. Активно действуя огнем неподвижных и турельных установок, а также используя сложный маневр самолетов на малой высоте по схеме «ножницы», мы полностью выполнили задачу по воздушной разведке, несмотря на сильные повреждения своих самолетов. В этом воздушном бою я сбил один самолет ФВ-190» [2, с.8].

В.А.Тышевич – участник Курской битвы, освобождения Украины, Беларуси, Польши. За два военных года на его счету 144 боевых вылета, он уничтожил 5 самолетов, 27 железнодорожных вагона и 3 паровоза, более 50 автомашин и другой техники, много живой силы противника, на оккупированную территорию сбросил 120000 листовок. За мужество и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны ему присвоено звание Героя Советского Союза, он награжден четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды и 14 медалями.

В 1951 г. В.А.Тышевич закончил Военно-Воздушную академию в звании полковник. Служил в Белоруссии, Заполярье на должностях от помощника командира полка до заместителя командира дивизии. В 1960 г. – заместитель начальника штаба армии ПВО по боевому управлению, с апреля 1961 г. по 1964 год после сокращения Вооруженных Сил – заместитель начальника Днепропетровского аэроклуба по полетам, начальник аэропорта «Подгороднее» г. Днепропетровска.

В 1965 г. вернулся в Витебск, 15 лет работал старшим преподавателем, руководителем курса «Гражданская оборона» Витебского ветеринарного института (сейчас Витебская государственная академия ветеринарной медицины), награжден Почетной грамотой Министерства сельского хозяйства СССР. Регулярно выступал с лекциями и докладами на военно-патриотические темы в институте, на предприятиях, в школах и училищах города. Являлся председателем Комитета Фонда Мира Витебской области, заместителем председателя Совета ветеранов войны Витебской области.

В 1974 г. на В.А. Тышевича и В.А. Демидова была возложена почетная миссия: на открытие памятника-монумента и площади Победы в Витебске они привезли факел от Вечного огня, зажженного в Минске. В белорусской столице факел был вручен Василию Александровичу, а Владимир Александрович торжественно, под барабанную дробь, пронес его через всю площадь и вручил для зажжения С.М. Шабашову, первому секретарю Витебского обкома КПБ.

Умер В.А. Тышевич 18 сентября 1980 года. Похоронен на кладбище в Мазурино. В академии ветеринарной медицины своего преподавателя не забыли: его вспоминают коллеги, один из стендов музея истории академии посвящен В.А. Тышевичу.

К сожалению, память о В.А. Демидове не увековечена в школе, где он работал, его образ живет только в памяти людей, близко его знавших. Предлагаем в год 65-летия Победы в честь героев-земляков назвать новые улицы Витебска, на доме, где жил В.А. Демидов (ул. Мовзона, 19), установить мемориальную доску.

1. Витебский областной краеведческий музей (ВОКМ), н/в 3318/11.
2. ВОКМ, н/а 155.
3. Государственный архив Витебской области, ф.1737, оп.2, д.533.
4. Самы галоўны ўрок: Настаўнікі Беларусі – Героі Савецкага Саюза / (Склад. А.Л.Уліценак). – Мн.: Нар. асвета, 1985. – 254 с.
5. Тышевіч В.А. Перад бурай / В.А.Тышзвіч // Чырвоная змена. – 1968. – 7 ліпеня.

Дулаў А.М., Юрчак Дз.В.

АСОБЫ Ў ЧАСЕ: ЗАГАДЧЫКІ КАФЕДРЫ ГІСТОРЫІ СССР ВДПІ імя С.М. КІРАВА Ў 1944–1955 гг.

Pro memoria

Ва ўсё часы вышэйшыя навучальныя ўстановы прадстаўлялі сабою не толькі месца, дзе моладзь спасцігала навуку і здабывала веды, але і своеасаблівы свет, у якім “жылі і працавалі” дзесяткі і сотні выкладчыкаў, навукоўцаў, лёсы якіх непарыўна звязаны з гісторыяй вну. У межах дадзенага артыкула мы паспрабуем прасачыць асобныя эпізоды жыцця і дзейнасці загадчыкаў кафедры гісторыі СССР ВДПІ імя С.М. Кірава ў перыяд існавання гістарычнага факультэта з 1944 г. па 1955 г., калі ён быў пераведзены ў Магілёўскі дзяржаўны педагагічны інстытут. У біяграфіях гэтых людзей, як у люстэрках, адбілася эпоха.

Да гэтага часу, пра былых выкладчыкаў кафедры гісторыі СССР былі апублікаваны толькі сціслыя біяграфічныя даведкі ў кнізе “Віцебскі

дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава: Падзеі. Людзі. Лёсы" (Віцебск, 1998 г.). Але, на жаль, у асобных выпадках у біяграфічных звестках былі дапушчаны памылкі, выправіць якія мы паспрабуем у гэтым артыкуле. Каштоўнымі крыніцамі, якія дазваляюць прасачыць лёсы былых выкладчыкаў ВДПІ імя С.М. Кірава, з'яўляюца іх асабістыя справы (знаходзяцца ў архіве УА "ВДУ імя П.М. Машэрава").

Пасля вызвалення г. Віцебска ў 1944 г. аднавіў дзейнасць педагагічны інстытут, у якім, як і да вайны, працаваў гістарычны факультэт і профільныя кафедры. Першым у пасляваенны час загадчыкам кафедры гісторыі СССР стаў *Мікалай Васільевіч Кочатаў*, што займаў гэтую пасаду і да вайны (з 1938 па 1941 гг.). Мікалай Васільевіч нарадзіўся ў 1906 г. непадалёк ад Ніжняга Ноўгарада ў сялянскай сям'і. У перыяд з 1920 па 1925 гг. выхоўваўся ў дзіцячым доме, затым працаваў у гаспадарцы мясцовага сельгастэхнікума. У 1928 годзе М.В. Кочатаў паступіў у Горкаўскі педагагічны інстытут, які скончыў у 1931 г., атрымаўшы спецыяльнасць выкладчыка гісторыі. Да 1935 г. Мікалай Васільевіч працаваў па спецыяльнасці на некалькіх рабфаках у Горкаўскай вобласці, пасля чаго паступіў у аспірантуру Маскоўскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя У.І. Леніна, дзе пад кіраўніцтвам прафесара К.В. Базілевіча працаваў над дысертацыйным даследаваннем на тэму "Аграрный вопрос в работах Вольного экономического общества".

У 1938 г. Народным камісарыятам асветы РСФСР М.В. Кочатаў быў камандзіраваны на працу ў Віцебскі педагагічны інстытут. У гэтым жа годзе па хадайніцтве кіраўніцтва ВДПІ ён быў прызначаны загадчыкам кафедры народаў СССР інстытута, а крыху пазней, 31 снежня 1938 г., абараніў кандыдацкую дысертацыю са зменeнай фармуліроўкай тэмы ("Аграрно-крестьянская политика помещиков России второй половины XVIII века в отражении трудов Вольного экономического общества"). Апошняе хутчэй за ўсё было выклікана неабходнасцю падкрэсліць "класавы характар" даследавання ў рэчышчы пануючых у той час тэндэнцый.

Летам 1941 г. М.В. Кочатаў цяжка захварэў і таму не здолеў эвакуіравацца. У час нямецкай акупацыі Мікалай Васільевіч апынуўся ў в. Альгова і дзякуючы догляду сваякоў змог паправіць здароўе. Зімой 1942-1943 гг. ён устанавіў сувязь з партызанскай брыгадай М.Ф. Біруліна і летам 1943 г. перайшоў да партызан.

З вызваленнем Віцебска і аднаўленнем дзейнасці ВДПІ М.В. Кочатаў вярнуўся да былой працы. Але на яго абрынулася хваля крытыкі, чаго зусім не было ў даваенны час. Прычым некаторыя абвінавачанні былі даволі сур'ёзныя. У прыватнасці, у адной з характарыстык на М.В. Кочатава зазначалася, што ён "неплохо знает исторические факты, имеет сравнительно широкое общее развитие, но слабо владеет маркси-

стско-ленинской методалогией”, “не имеет стремления овладеть основными трудами Ленина и Сталина”, “до настоящего времени не ознакомился даже с первым томом сочинений товарища СТАЛИНА”. Па сведчанні характарыстыкі, М.В. Кочатаў “идеализирует польско-литовкий период истории БССР”, “много внимания уделяет истории личностей и не показывает классовую сущность борьбы”, “защищает теорию славянской колонизации восточно-европейской равнины” [1, арк. 20]. Прынамсі некаторыя з прыведзеных заўваг выглядаюць праўдападобна. Відавочна, на фарміраванне гістарычных поглядаў М.В. Кочатава аказаў уплыў яго настаўнік, медыявіст К.В. Базілевіч.

Больш таго, неаднаразова падкрэслівалася, што ў час вайны Мікалай Васільевіч знаходзіўся на акупаванай тэрыторыі. Але пасля таго, як ён пакінуў пасаду загадчыка пра гэта забыліся і ў характарыстыках пачалі пісаць, што тав. Кочатаў правільна ўспрыняў крытыку і пачаў працаваць над сабой. Апошняе падштурхоўвае да гіпотэзы пра тое, што гэтыя абвінавачванні з’явіліся, каб адхіліць М.В. Кочатава ад кіравання кафедрай.

У далейшым Мікалай Васільевіч працаваў на пасадзе дацэнта кафедры гісторыі СССР ажно да пераводу гістарычнага факультэта ў 1955 г. у Магілёў і не меў ніякіх нараканняў.

У верасні 1946 г. новым загадчыкам кафедры гісторыі СССР стаў удзельнік Вялікай Айчыннай вайны *Яўсей Майсеевіч Рынбург*. Ён нарадзіўся ў 1904 г. у сялянскай сям’і на Бабруйшчыне. З 1928 г. член ВКП(б). У 1920-я гады Я.М. Рынбург працаваў на будаўніцтве і ў сельскай гаспадарцы. У 1931-1934 гг. навучаўся ў мінскім Камвузе імя У.І. Леніна, а ў 1937 г. скончыў Мінскі педагагічны інстытут імя М.Горкага. З 1938 па 1941 гг. Яўсей Майсеевіч быў аспірантам і выкладчыкам рабфака БДУ, падрыхтаваў дысертацыю, але з-за вайны здолеў абараніць яе толькі ў 1946 г. у Кіеўскім дзяржаўным універсітэце імя Т.Р. Шаўчэнкі.

З 1941 па 1946 гг. Я.М. Рынбург праходзіў службу ў Чырвонай Арміі, дзе з 1943 г. займаў пасаду інструктара палітычнага аддзела дывізіі. Узнагароджаны ордэнам “Чырвонай зоркі” і медалём “За перамогу над Германіяй”.

Пасля дэмабілізацыі ў 1946 г. Яўсей Майсеевіч пачаў працаваць выконваючым абавязкі загадчыка кафедры гісторыі СССР у ВДПІ і займаў названую пасаду да 1948 г. Але, відаць, у адносінах з кіраўніцтвам інстытута ў Я.М. Рынбурга ўзніклі праблемы. На гэта маглі паўплываць як асабістыя міжасабовыя адносіны, так і нацыянальнасць загадчыка, якія ва ўмовах барацьбы з касмапалітызмам і гучных судовых працэсаў адмоўна адбіліся на яго кар’еры. Таму характарыстыкі перыяду яго працы ў ВДПІ моцна адрозніваюцца ад пазнейшых. У прыватнасці, у характарыстыцы, датаванай маем 1948 г., гаворыцца, што “тов. Ринбург не стоит на должной высоте ни как

преподаватель вуза, ни, тем более, как руководитель кафедры”, яго лекцыі “схематичны и поверхностны по содежанию и в буквальном смысле неграмотны по форме”, і гэта усё пры “отсутсвии должной общей культуры, неграмотной устной и письменной речи” [2, арк. 4]. Узнікае пытанне, як такі чалавек мог на працягу доўгіх гадоў выкладаць у навучальных установах, быць інструктарам палітаддзела дывізіі і абараніць дысертацыю? Таму хутчэй за ўсё гэтая характарыстыка не адпавядае сапраўднасці і стала вынікам нечага жадання звольніць Я.М. Рынбурга з працы ў ВДПІ. Гэта атрымалася ў 1948 г., калі Яўсей Майсеевіч напісаў заяву пра звальненне па ўласным жаданні.

Хто ўзначальваў кафедру пасля Рынбурга высветліць пакуль не ўдалося. Таму гэта справа будучыні. У верасні 1950 г. выконваючым абавязкі загадчыка кафедры гісторыі СССР ВДПІ стаў *Іван Цімафеевіч Казлоў*. Ён нарадзіўся ў 1905 г. у сялянскай сям’і на Пскоўшчыне. У маладосці І.Ц. Казлоў працаваў у сельскай гаспадарцы, з 1925 па 1927 гг. займася камсамольскай работай. У 1926 г. быў прыняты ў ВКП(б) і накіраваны на вучобу ў Пскоўскую губернскую партшколу. Пасля яе заканчэння працаваў на адказных пасадах у камсамоле і партыі. З 1929 па 1931 гг. вучыўся на завочным аддзяленні Камвуза імя С.М. Кірава ў Ленінградзе. У 1930-х гг. здаў экстэрнам экзамены за універсітэцкі курс, навучаўся у аспірантуры пры камвузе і пры гістфаку Ленінградскага дзяржаўнага універсітэта, паралельна займаўся выкладчыцкай дзейнасцю. Пасля заканчэння аспірантуры ў 1938 г. Іван Цімафеевіч быў накіраваны на працу ў Валагодскі педагагічны інстытут імя М.В. Ламаносава, дзе працаваў выкладчыкам, а з 1942 г. загадчыкам кафедры гісторыі СССР. З 1947 па 1950 гг. працаваў у Стаўрапольскім дзяржаўным педагагічным інстытуце. У 1942 г. І.Ц. Казлоў абараніў кандыдацкую дысертацыю, а ў 1943 г. – атрымаў вучонае званне дацэнта.

Але на пасадзе загадчыка кафедры ў ВДПІ І.Ц. Казлоў не затрымаўся. 15 лютага 1951 г. з-за сваіх чалавечых слабасцяў Іван Цімафеевіч быў пазбаўлены пасады [3, арк. 11]. Пасля гэтага ён пэўны час працаваў дацэнтам кафедры гісторыі СССР.

З лютага па ліпень 1951 г. часова выконваючым абавязкі загадчыка кафедры гісторыі СССР быў *Віктар Аляксеевіч Ваяхін*. Ён нарадзіўся ў 1911 г. у Санкт-Пецярбурзе. У маладосці працаваў у сельскай гаспадарцы і Ленінградскім гандлёвым порце, скончыў рабфак пры Ленінградскім педагагічным інстытуце імя А. Герцэна. З 1932 па 1937 гг. навучаўся на гістарычным факультэце Ленінградскага дзяржаўнага універсітэта. У 1937 – 1948 гг. працаваў у Благавешчанскім дзяржаўным педагагічным інстытуце Амурскай вобласці на пасадах выкладчыка і загадчыка кафедры.

У ВДПІ В.А. Ваяхін пачаў працаваць з пачатку 1949 г. на пасад-

зе старшага выкладчыка кафедры гісторыі СССР, непрацяглы час ён узначальваў названую кафедру, але з-за адсутнасці навуковай ступені быў пераведзены на ранейшую пасаду. У час працы у інстытуце Віктар Аляксеевіч характарызаваўся вельмі станоўча як навуковец, педагог, арганізатар і ідэалагічны работнік [4, арк. 15]. У канцы 1954 г. В.А. Ваяхін абараніў дысертацыю "Руская метадычная думка ў канцы XIX – пачатку XX стст." і атрымаў навуковую ступень кандыдата педагагічных навук. У 1955 г. ён быў вызвалены ад займаемай пасады ў ВДПІ у сувязі з пераводам гістфака ў Магілёў.

З ліпеня 1951 г. кафедру гісторыі СССР узначаліў *Аляксандр Іванавіч Раманоўскі,* які нарадзіўся ў 1903 г. у сялянскай сям'і на Міншчыне. Пасля заканчэння сямігодкі і Мінскага педтэхнікума (1927 г.) працаваў на пасадах настаўніка, дырэктара і інспектара школ на Лоеўшчыне. З 1937 па 1940 г. навучаўся на гістарычным факультэце Мінскага педагагічнага інстытута імя М. Горкага. Пасля гэтага быў накіраваны на працу ў Рэчыцкае педагагічнае вучылішча.

Напачатку Вялікай Айчыннай вайны А.І. Раманоўскі быў пакінуты на акупаванай тэрыторыі і ўзначаліў штаб партызанскага атрада імя Фрунзе на Гомельшчыне. У баях з акупантамі атрымаў раненне і кантузію. За удзел у баявых дзеяннях Аляксандр Іванавіч быў узнагароджаны медалём "Партызану Айчыннай вайны" I ступені, ордэнам "Айчыннай вайны" II ступені, медалямі "За Перамогу над Германіяй" і "За мужную працу ў Вялікай Айчыннай вайне 1941 – 1945 гг." Пасля вызвалення А.І.Раманоўскі працаваў загадчыкам Рэчыцкага ГарАНА, дырэктарам Рэчыцкага педагагічнага вучылішча [5].

У 1947 г. ён паступіў у аспірантуру пры кафедры гісторыі СССР Беларускага дзяржаўнага універсітэта імя. У.І. Леніна, дзе працаваў над дысертацыяй "Партызанскі рух у Гомельскай вобласці ў перыяд Вялікай Айчыннай вайны 1941 – 1945 гг.". Пасля заканчэння аспірантуры А.І.Раманоўскі быў накіраваны на працу ў ВДПІ, дзе ён, як адзначалася раней, з ліпеня 1951 па жнівень 1953 гг. кіраваў кафедрай гісторыі СССР, а затым да пераводу гістарычнага факльтэта ў Магілёў займаў пасаду старшага выкладчыка.

З верасня 1953 г. і да пераводу гістарычнага факультэта ў Магілёў кафедру гісторыі СССР узначальваў *Генадзь Аляксандравіч Грэчкін*. Ён нарадзіўся ў 1928 г. у м. Ула Бешанковіцкага раёна Віцебскай вобласці ў сялянскай сям'і. У 1945-1949 гг. вучыўся на гістарычным факультэце ВДПІ імя С.М. Кірава, а пасля ў аспірантуры Інстытута гісторыі Акадэміі навук БССР (1949 – 1952 гг.). Затым Г.А. Грэчкін працаваў малодшым навуковым супрацоўнікам у тым жа інстытуце. У 1953 г. паспяхова абараніў кандыдацкую дысертацыю па тэме "Год вялікага пералома ў калгасным будаўніцтве Беларускай ССР", адначасова актыўна працаваў над навуковай тэмай "Гісторыя горада Мінска".

У верасні 1953 г. Генадзь Аляксандравіч быў пераведзены з Інстытута гісторыі АН БССР у ВДПІ на пасаду загадчыка кафедры ВДПІ, дзе і працаваў да 1955 г. [6].

Такім чынам, загадчыкі кафедры гісторыі СССР былі выхадцамі з сялян, многія да пачатку працы ў вну працяглы перыяд займаліся фізічнай працай. Большасць кіраўнікоў кафедры не былі ўраджэнцамі Беларусі (акрамя трох) і профільную адукацыю атрымалі па-за яе межамі. Гэта тлучацыцца тым, што беларуская гістарычная школа знаходзілася яшчэ ў стадыіі станаўленя і яе развіцю садзейнічалі выхадцы з іншых рэгіёнаў Савецкага Саюза, многія з якіх атрымалі гістарычную адукацыю ці працавалі над дысертацыйнымі даследаваннямі пры лепшых ВНУ Ленінграда і Масквы. Гэта забяспечвала іх высокі прафесійны ўзровень. Г.А. Грэчкін стаў не толькі самым маладым кандыдатам гістарычных навук і загадчыкам кафедры, але і першыім яе кіраўніком, які скончыў гістфак ВДПІ.

Амаль усе загадчыкі кафедры гісторыі СССР прынялі ўдзел у барацьбе з нацызмам, жылі і працавалі ў цяжкіх пасляваенных умовах, уносілі ўклад у аднаўленне дзейнасці педагагічнага інстытута, гістарычнай адукацыі на Віцебшчыне. На вялікі жаль, далейшы лёс большасці прыгаданых тут гісторыкаў покуль нявысветлены. На нашу думку, вывучэнне іх жыцця і навуковай спадчыны трэба працягваць, бо гэта паспрыяе стварэнню цэласнай карціны развіцця гістарычнай адукацыі і навукі на Віцебшчыне.

1. Личное дело Кочетова Николая Васильевича. На 45 л. // Архив УО “ВГУ им. П.М. Машерова”.
2. Личное дело Ринбурга Евсея Мойсеевича. На 18 л. // Там же. Ф. 204. Оп. 2л. Д. 83.
3. Личное дело Козлова Ивана Тимофеевича. На 22 л. // Там же.
4. Личное дело Ваяхина Виктора Алексеевича. На 33 л. // Там же.
5. Личное дело Романовского Александра Ивановича. На 22 л. // Там же.
6. Личное дело Гречкина Геннадия Александровича. На 45 л. // Там же.

Гаравая А.А.

СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЁ СІСТЭМЫ ВЫШЭЙШАЙ ФІЛАЛАГІЧНАЙ АДУКАЦЫІ Ў БССР (1944–1961 гг.)

Праблема станаўлення і развіцця сістэмы вышэйшай філалагічнай адукацыі ў БССР у пасляваенны перыяд мае асаблівае значэнне як з навуковага, так і з ідэалагічна-выхаваўчага пункту гледжання пры станаўленні сучаснай мадэлі вышэйшай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь. Вышэйшая адукацыя і навука на сёняшнім эта-

пе імкнуцца адпавядаць міжнародным стандартам. Таму ўзнікла неабходнасць грунтоўна скарэкціраваць асноўныя падыходы да накірункаў і перспектыў развіцця вышэйшай адукацыі і ў той жа час захаваць усё лепшае, што было створана савецкай уладай у сістэме вышэйшай адукацыі. Сёння асноўныя ацэнкі гістарычнага развіцця вышэйшай школы ў цэлым, і філалагічнай у прыватнасці, мяняюцца па сутнасці, адбываецца працэс пераасэнсавання навукова-педагагічнай спадчыны савецкага перыяду. Ёсць патрэбнасць у вызначэнні эвалюцыи системы адукацыі ў савецкі час і вывучэнні як пазітыўнага, так і негатыўнага вопыту, які можа быць узяты ў якасці прыкладу для сучаснай мэдэлі адукацыі ці пакінуты ў гісторыі.

Зварот менавіта да вопыту развіцця ***філалагічнай адукацыі*** абумоўлены шэрагам прычын. Па-першае, пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны пачыналася структурнае фарміраванне філалагічнай адукацыі ў ВНУ рэспублікі. Па-другое, філалогія несла на сабе адбітак афіцыйнай дзяржаўнай палітыкі, што дазваляе прааналізаваць яе вызначальны ўплыў на грамадскую і агульнакультурную сферу. Таму, патрэцяе, на гэтым накірунку гістарычнага даследавання ёсць магчымасць для аналізу шляхоў і формаў сацыялізацыі асобы і фарміравання светапогляду савецкага грамадзяніна (нават праз дачыненне да відавочных праяўленняў і вынікаў філалагічнай адукацыі – літаратурных твораў і адметнасці мастацкага слова). Акрамя таго, эфектыўнасць дзейнасці філалагічнай адукацыі ў цэлым уплывала на развіццё адукацыі і навукі ў рэспубліцы. Так як без мовы не можа быць кваліфікаванай падрыхтоўкі на любым профілі навучання.

З вызваленнем у 1944 г. тэрыторыі Беларусі ад нямецка-фашысцкай акупацыі пачынаецца аднаўленне народнай гаспадаркі і многіх бакоў жыцця грамадства ў цэлым. Якраз у гэты час адбываецца станаўленне па сутнасці кардынальна рэфармаванай сістэмы вышэйшай філалагічнай адукацыі. У 1944–1961 гг. ствараецца менавіта ***сістэма*** вышэйшай філалагічнай адукацыі. Нягледзячы на тое, што ў савецкай Беларусі і ў 1920-я і 1930-я гг. філалагічная адукацыя мела месца, але ***сістэмы не было***! Адзіны яскравы факт, што толькі ў 1939 г. створаны першы філалагічны факультэт у БДУ! А пасля вайны ўжо складвалася сістэма вышэйшай філалагічнай адукацыі. У 1961 г. відавочна завяршаецца гэты працэс, што канстатавалася ў абвешчаным на XXII з’ездзе КПСС пераходзе да якасна новага этапу ў развіцці вышэйшай школы і пастаноўкай перад філалогіяй, як адной з гуманітарных навук, задач фарміравання камуністычнай свядомасці ў грамадстве, вывучэння і тэарэтычнага абагульнення вопыту камуністычнага будаўніцтва, распрацоўкі сваімі сродкамі праблем камуністычнага выхавання.

У 1944–1954 гг. была створана сістэма вучэбных установ у Беларусі, якія забяспечвалі падрыхтоўку настаўнікаў-філолагаў. Яна ўключала ў сябе тры складальнікі: філалагічны факультэт Беларускага дзяржаўнага універсітэта (5 год навучання), філалагічныя факультэты педагагічных інстытутаў (4 гады навучання), аддзяленні філалогіі настаўніцкіх інстытутаў (2 гады навучання).

Да пачатку 1945 г. у Беларусі ўзнавілі сваю дзейнасць 5 педагагічных (Віцебскі, Гомельскі, Гродзенскі, Мінскі, Магілёўскі) і 9 настаўніцкіх інстытутаў (Баранавіцкі, Віцебскі, Гомельскі, Мінскі, Магілёўскі, Брэсцкі, Мазырскі, Аршанскі, Пінскі) [1, арк. 203]. Факультэты/аддзяленні ВНУ былі традыцыйныя. Філалагічнае аддзяленне ў межах Наркамасветы БССР прысутнічала ў 8 з 9 настаўніцкіх інстытутаў. У першыя пасляваенныя гады тут не было ні аднаго выкладчыка філалагічнага профілю са ступенню ці званнем. З агульнага ліку выкладчыкаў 458 ужо ў 1946/1947 навучальным годзе 10 мелі вучоную ступень доктара навук ці званне прафесара, 71 – ступень кандыдата навук ці званне дацэнта [2, арк. 2]. Педагагічную працу ВНУ распачыналі ва ўмовах матэрыяльна-метадычнай і кадравай нястачы.

У пасляваенны перыяд у БССР востра паўстала праблема размяшчэння ВНУ. СНК БССР прыняў пастанову (у адпаведнасці з рашэннем СНК СССР ад 1943 г., снежань) “О порядке возвращения зданий вузов и техникумов, используемых не по назначению” (1944 г., ліпень). Вучэбныя корпусы, якія часова на перыяд вайны выкарыстоўваліся на патрэбы фронту, павінны былі вяртацца вучэбным установам і выкарыстоўвацца па прамым прызначэнні [3, арк. 40]. Многія вучэбныя карпусы ВНУ амаль цалкам былі знішчаны ў час акупацыі, і матэрыяльна-тэхнічную базу трэба было аднаўляць амаль што з нуля.

Па плану чацвёртай пяцігодкі (1946–1950 гг.) значная ўвага ў аднаўленні грамадства пасля нямецкай акупацыі надавалася ў тым ліку і народнай адукацыі. Выключна важнае месца ў першым пасляваенным пяцігадовым плане як па СССР, так і па БССР адводзілася пытанням падрыхтоўкі кваліфікаванай савецкай інтэлігенцыі, якая павінна была забяспечваць рост сацыялістычнай вытворчасці і культурнага ўзроўню жыцця савецкага народа. Закон аб пяцігадовым плане аднаўлення і развіцця народнай гаспадаркі СССР паставіў перад савецкай вышэйшай школай наступныя задачы: аднаўленне і пашырэнне сеткі ВНУ; аднаўленне даваеннага кантынгенту студэнтаў ВНУ і інш.

З улікам колькаснага росту агульнаадукацыйных школ былі пабудаваны новыя ВНУ: у 1947 г. – настаўніцкі інстытут у Маладзечне, вячэрні Гродзенскі дзяржаўны педагагічны інстытут. У 1948 г. створаны Мінскі дзяржаўны педагагічны інстытут замежных моў, у 1949 г. адкрыты Бабруйскі настаўніцкі інстытут, завочнае аддзяленне пры

Мінскім педагагічным інстытуце замежных моў. Такім чынам, у 1950 г. функцыянавала 29 ВНУ, у якіх навучалася 31,6 тысяч студэнтаў (на 67,7% больш, чым да вайны). За перыяд чацвёртай пяцігодкі педагагічнымі ВНУ былі выпушчаны 14022 спецыялісты з вышэйшай адукацыяй, з іх – 9045 (65%) філолагі [4, с. 478]. Аднак гэта не вырашала праблемы настаўніцкіх філалагічных кадраў для школ.

Запатрабаванасць спецыялістаў-філолагаў у школе тлумачылася тым, што менавіта праз мову і літаратуру закладваліся не толькі асновы пісьменнасці і культуры моладзі, але і асновы выхавання савецкага грамадзяніна. Філалогія давала культуралагічны пласт ведаў, выхоўвала адукаваную асобу, што адлюстравана ў задачах філалагічных курсаў (дысцыплін) і кафедральных планах.

Можна канстатаваць, што спецыялісты-філолагі ў грамадства нясуць свой творчы патэнцыял, рэалізуючы наступныя функцыі: прадметна-інфармацыйную (фарміраванне мастацкага разумення слова праз лінгвістыку і літаратуразнаўства, уменне карыстацца лексікалогіяй роднай мовы, а таксама моў іншых народаў, засваенне тэрміналогіі лінгвістыкі і літаратуразнаўства, знаёмства з адметнымі асаблівасцямі біяграфічных звестак праз мастакоў слова); дзейнасна-камунікатыўную (развіццё камунікатыўных здольнасцей, ацэньванне вартасці літаратурнага твора); цэннасна-арыентацыйную (выхаванне ў людзей светапогляду, уздзейнічанне на фарміраванне грамадскай пазіцыі, патрыятызму).

У БССР настаўнікі-філолагі з другой паловы 1940-х гг. і да 1955 г. у асноўным рыхтаваліся праз падобныя інстытуты (тэрмінам 2 гады) – гэта быў самы пашыраны тып ВНУ, якая давала няпоўнаю вышэйшую адукацыю і знаходзілася пад непасрэдным кантролем Міністэрства асветы рэспублікі.

Да пачатку 1950-х гг. ужо была ліквідавана запатрабаванасць школ у педагагічных кадрах па гісторыі, геаграфіі, біялогіі. Аднак астатнія дысцыпліны школьнага курсу – у першую чаргу, філалогія беларуская, руская, замежная – усё яшчэ адчувалі востры кадравы дэфіцыт. Так, з 1290 настаўнікаў, якіх не хапала для школ на 1 верасня 1951 г., – 620 (51%) былі спецыялістамі філалогіі рускай, беларускай і замежнай [5, арк. 299]. Гэта сітуацыя змянялася вельмі марудна. У 1953 г. дэфіцыт настаўнікаў па беларускай/рускай мове і літаратуры складаў 600 (50%) чалавек ад агульнай колькасці неабходных для сярэдняй школы. У той жа час педагагічныя інстытуты ў 1953 г. падрыхтавалі толькі 224 спецыялісты. У першую чаргу, дэфіцыт настаўнікаў-філолагаў тлумачыцца значнай колькасцю гадзін, якія адводзіліся вучэбным планам у школьным навучанні. У іх філалогія займала каля 30% ад агульнай колькасці. З другога боку, пачынаючы з 1951 г., як адзначалася вышэй, хуткімі тэмпамі павялічвалася сетка

сярэдніх школ, што перадвызначыла далейшы лёс настаўніцкіх інстытутаў як прамежкавага тыпу паміж вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыяй, якія рыхтавалі спецыялістаў толькі для сямігадовай школы (V – VII класаў). І ўжо ў 1955 г. настаўніцкі інстытут быў ліквідаваны.

Да сярэдзіны 1950-х гг. намаганнямі савецкай улады сістэма вышэйшай школы ў цэлым была адноўлена ад наступстваў вайны. З мэтай паляпшэння працы сістэмы вышэйшай школы з сярэдзіны 1950-х гг. пачынаюцца грунтоўныя змены ў структуры вышэйшай філалагічнай адукацыі – уведзены факультэты "шырока профілю" (двухпрофільная падрыхтоўка спецыялістаў па сумежных спецыяльнасцях) і пераход на пяцігадовы тэрмін навучання. Рэфармаванне вышэйшай школы адбывалася ва ўмовах лібералізацыі грамадска-палітычнага жыцця краіны пасля "начнога дакладу" М.С. Хрушчова.

Змены ў наменклатуры спецыяльнасцей афіцыйна былі абгрунтаваны, па-першае, неабходнасцю рацыянальнага выкарыстання настаўніцкіх кадраў; па-другое, хутчэйшым рашэннем праблемы забеспячэння малакамплектных вясковых школ кваліфікаванымі кадрамі настаўнікаў-прадметнікаў; па-трэцяе, неабходнасцю палітэхнізацыі ўсіх сфер вышэйшай адукацыі.

Рэформы сістэмы вышэйшай школы сярэдзіны 1950-х гг. мелі супярэчлівы характар. З аднаго боку, міжпрадметныя сувязі спрыялі больш глыбокаму асэнсаванню і засваенню спецыяльных прадметаў, фарміраванню прафесійных навыкаў. З другога, рэформы праводзіліся без папярэдняй падрыхтоўкі, што выклікала цяжкасці ў арганізацыі працэсу навучання ў ВНУ. Узрасла вучэбная нагрузка на студэнтаў і прафесарска-выкладчыцкі састаў, асобныя тэмы і пытанні дысцыплін дубліраваліся і інш.

Найвышэйшым уздымам у рэфармаванні ўсёй сістэмы народнай адукацыі ў Беларусі, уключаючы і вышэйшую школу, стала прыняцце Вярхоўным Саветам СССР у снежні 1958 г. закона "Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР". Прыняцце гэтага закона ў сферы адукацыі стала рэальным адлюстраваннем ходу тых новых складаных унутрыпалітычных і сацыяльна-эканамічных працэсаў у жыцці савецкага грамадства, пачатак чаму паклаў у 1956 г. ХХ з’езд КПСС. Адначасова падкрэслівалася і неабходнасць канкрэтных дзеянняў па рашэнні складаных праблем, з якімі сутыкнулася савецкае грамадства ў сярэдзіне 1950-х гг., у тым ліку і ў сферы адукацыі. У законе адзначалася, што вышэйшая школа не паспявала за дасягненнямі ў навуцы і тэхніцы, яна аддалялася ад патрабаванняў жыцця, перадача ведаў часцей за ўсё ішла праз "гатовыя" палажэнні без актыўнага ўдзелу аўдыторыі.

Уся сістэма вышэйшай школы павінна была прыняць актыўны ўдзел у разгорнутым будаўніцтве камунізму ў СССР, уводзіліся зусім но-

вые прынцыпы камплектавання ВНУ, зноў новы вiток набыло рэфармаванне iх арганiзацыйнай структуры, форм i метадаў навучання i выхавання студэнцтва, абвешчаныя ўжо ў 1961 г. на XXII з’ездзе КПСС.

Такiм чынам, вывучэнне гiсторыi развiцця вышэйшай школы фiлалагiчнага накiрунку ў перыяд з 1944 па 1961 гг. дазваляе больш глыбока асэнсаваць рэфармацыйныя працэсы сiстэмы адукацыi. Да сярэдзiны 1950-х гг. ствараецца сiстэма вышэйшай адукацыi фiлалагiчнага профiлю. I адразу пачынаецца пошук найбольш аптымальнага i перспектыўнага напрамку ў развiццi вышэйшай школы. На агульнасаюзным i, адпаведна, рэспублiканскiм узроўнi ў сiстэме вышэйшай адукацыi, у тым лiку i фiлалагiчнай, праходзiлi арганiзацыйна-структурныя, мадэрнiзацыйныя працэсы (раздзяленне падвоеных спецыяльнасцей, увядзенне факультэтаў “шырокага профiлю” i пераход на пяцiгадовы тэрмiн навучання, ажыццяўленне “Закона аб сувязi школы з жыццём” i iнш.). У вынiку, можна сцвярджаць, што ў даследаваны час былi сфармiраваны фундаментальныя i практычныя асновы савецкай вышэйшай школы.

1. Материалы Министерства просвещения БССР в плане выпускников педагогических учебных заведений республики. 1953–1955 гг. // НАРБ. Фонд 4 п. Воп. 17. Спр. 153.

2. Приказы Министра высшего образования СССР, о нормах оплаты преподавателям вузов педагогических часов, данных сверх уста-новленных норм педагогической работы 1947 г. // ДАВВ. Ф. 204. Воп. 10. Спр. 8.

3. Постановления СНК БССР, о возобновлении сети заочного педагогического образования. 1944 г. // НАРБ. Ф. 7. Воп. 3. Спр. 20.

4. Навука БССР за 50 год / Акадэмiя навук Беларускай ССР; рэкал.: В.Ф. Купрэвiч [i iнш.]. – Мiнск: Навука i тэхнiка, 1968. – 608 с.

5. Приказы по Министерству просвещения БССР 1952 г. // НАРБ. Ф. 42. Воп. 4. Спр. 80.

Качан Г.А.

ВЫСШЕЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ВИТЕБЩИНЕ (1944–1961 гг.)

После освобождения территории Белоруссии от немецко- фашистских захватчиков в республике начался процесс активного восстановления разрушенного войной хозяйства. Одновременно велась работа по подготовке к 1944/45 учебному году системы народного образования, средних специальных и высших учебных заведений. Так, в республике было открыто 10 462 школы, в том числе 8613 – начальных, 1563 – семилетних и 286 – средних.

Масштабность задач послевоенного возрождения народного хозяйства требовала быстрых темпов количественного и качественного роста кадров для всех его сфер. В связи с этим на 6-ой сессии Верховного Совета БССР (март 1944 г.) отмечалось, что «центральное место в области народного просвещения принадлежит мероприятиям, направленным на осуществления закона о всеобщем обязательном обучении» [7, с. 138-139]. Восстановление и расширение сети школ, детских садов, детских домов породило проблему дефицита учительских кадров. По данным Наркомпроса БССР, в республике в 1944/45 учебном году не хватало 11 тыс. педагогов [2, с. 390]. Качественный состав работников народного образования был так же низок. В том же 1944/45 учебном году лишь 8,8% учителей имели высшее педагогическое образование [6, с. 23]. Все эти факторы явились основными побуждающими мотивами для быстрейшего восстановления системы высшего педагогического образования в Беларуси, а, следовательно и на Витебщине.

В ноябре- декабре 1942 года по инициативе ЦК КП(б)Б из рядов Красной Армии и партизанских отрядов была отозвана большая группа сотрудников высших учебных заведений, которой под руководством Наркомпроса БССР было поручено разработать мероприятия по восстановлению вузов республики, в том числе педагогических и учительских институтов. Следует отметить, что вопрос ставился о возобновлении деятельности не отдельных педагогических вузов, а именно всей системы высшего педагогического образования.

На Витебщине первыми среди педвузов начали функционировать Витебский педагогический и учительский институты, в которых учебные занятия начались со 2 октября 1944 года. Витебский пединститут возобновил свою деятельность в составе физико-математического, естественного и исторического факультетов, а учительский институт – в составе физико-математического и естественно-географического отделений. На все курсы всех факультетов пединститут должен был принять 180 человек, а учительский – 210 [1, с. 17].

Осенью 1944 года начал свою работу также и Оршанский учительский институт в составе двух отделений: исторического, языка и литературы. План приема на все курсы всех отделений составил 130 человек [1, с. 18]. С 1945 года в Оршанском учительском институте открылось историко - филологическое отделение, которое спустя год было реорганизовано в два самостоятельных отделения: отделение языка и литературы (русское и белорусское).

Следует отметить, что, несмотря на все усилия: организацию месячных подготовительных курсов, оповещения по радио и в печати о возобновлении своей деятельности, выезда преподавателей в различные районы для проведения разъяснительной работы первый послевоенный план набора в педагогический и учительские институты

выполнить не удалось. Причины недобора были связаны, с одной стороны, с тем, что значительная часть молодежи еще находилась в действующей армии, а, с другой, с малочисленным выпускам учащихся средних школ. В 1944 году в Беларуси 10- ые классы окончило всего 180 человек, а только в одни учительские институты планировалось принять 1320 человек [3, с. 1]. Как следствие этого на первый курс Витебского пединститута было принято 91 чел., а Витебского учительского института – 104 чел.

В апреле 1949 года правительство Белоруссии принимает постановление за № 394 «О мерах по обеспечению школ республики педагогическими кадрами в связи с введением всеобщего семилетнего образования». В связи с этим увеличивался набор в педвузы, а также расширялся перечень специальностей, по которым осуществлялась подготовка.

С 1949/50 учебного года в 10 классах средних школ республики вводится новый предмет – логика и психология. Учительские кадры, имевшие соответствующую подготовку, отсутствовали. В связи с эти в ряде педагогических институтов открывается новая специальность логика и психология. В Витебском пединституте она была введена на историческом факультете с 4 курса. В 1954 году исторический факультет Витебского педагогического института был передан историческому факультету Могилевского пединститута. Одна из мотиваций принятия такого решения - слияние малочисленных факультетов в более крупные.

На развитие высшего педагогического образования на Витебщине оказывали влияние изменения, происходившие в системе образования. Так, в начале 50-х годов произошло некоторое сокращение семилетних школ, и расширилась сеть средних школ, что привело к дефициту кадров для средней школы, а выпуск специалистов для работы в 5-7 классах начал превышать их реальную потребность. Как следствие этого, в 1953 году закрывается Витебский учительский институт, а с 1953/54 учебного года начинает свою деятельность Полоцкий пединститут [4, с. 42]. Приказом № 243 по Министерству просвещения БССР с 1 сентября 1955 года закрылся последний учительский институт в Витебском регионе – Оршанский.

Закрытие учительских институтов было вполне логичным шагом в упорядочении сети высшей педагогической школы Беларуси. Однако следует отметить, что недостатки в планировании структуры пединститутов и контингента студентов в них привели к отставанию подготовки учительских кадров по отдельным специальностям (физика, иностранные языки, филология) от их потребности.

С 1956/57 учебного года педагогические институты Республики были переведены на 5-летний срок обучения и специализацию студентов по широкому профилю. В результаты произошла реорганиза-

ция и структуры педвузов. Так, на базе отделений физики и математики образовывались физико-математические факультеты, осуществляющие подготовку по 4 специальностям: физика, черчение и основы производства; математика, черчение; физика, математика и основы производства; математика, черчение и основы производства. В составе факультетов языка и литературы отделения белорусского языка и литературы, русского языка и литературы упразднялись и создавались филологические факультеты готовящие, преподавателей белорусского и русского языка и литературы.

Реформа системы высшего педагогического образования в 1956-57 гг. привела к неоднозначным результатам в деле подготовки учительских кадров. Это проявилось в увеличении сроков обучения и расширении профиля специальностей, что позволило, с одной стороны, полнее использовать выпускников педвузов на работе в небольших семилетних, да и средних школах, обеспечивая их необходимой учебной нагрузкой, а также более качественно готовить будущих педагогов к практической работе. С другой стороны, высшая педагогическая школа Беларуси, не была подготовлена к преобразованиям в своей деятельности и перестраивалась методом проб и ошибок. В процессе учебного года объединялись факультеты, вводились новые учебные планы, пересматривались учебные поручения преподавателей, менялось расписание занятий. Не совсем удачным было и порой объединение специальностей.

Дальнейшие изменения в системе высшего педагогического образования (1958-1961 гг.), а, следовательно, и в функционирование педагогических институтов Витебщины были продиктованы реорганизацией общеобразовательной школы, Законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Белорусской ССР» [5, с. 44-49]. Педвузы республики были призваны улучшить подготовку учителей с учетом введения всеобщего обязательного восьмилетнего образования, расширить выпуск специалистов с высшем образованием для начальной школы, а также усилить политехническую подготовку педагогических кадров. Изменялся несколько и порядок комплектования вузов студентами. Преимуществом пользовалась молодежь, имевшая опыт практической работы.

На протяжении 1957- 1958 гг. в пяти педагогических институтах, в том числе и Витебском, были открыты факультеты начальных классов. В Витебском désинституте открывается также художественно- графический факультет на базе ранее существовавшего в городе художественно- графического училища.

Значительное влияние на функционирование педвузов Витебщины в 40-50 –е годы XX столетия оказывала их учебно-материальная база, наличие конкурсного отбора при зачислении абитуриентов, а

также качественный и количественных состав профессорско - преподавательских кадров.

В первый послевоенный учебный год все педвузы Беларуси столкнулись с серьезными проблемами и не смогли вовремя начать учебный год. Так, не были подготовлены учебные корпуса, не хватало мебели, учебного оборудования, практически отсутствовали общежития для студентов. Как следствие этого, учебные занятия проводились в 2, а то и 3 смены, в переполненных аудиториях. Учебные корпуса Витебского педагогического и учительского институтов были полностью сожжены во время войны, поэтому учебные занятия пришлось организовывать в одном из корпусов частично уцелевшего студенческого общежития. Оршанский учительский институт также размещался в здании бывшего студенческого общежития. В 1946/47 учебном году здесь на одного студента приходилось в среднем 1,15 кв. м. полезной площади.

Несмотря на трудное экономическое положение правительство, местные советские и партийные органы республики провели ряд мероприятий по упрочению материально-технической базы институтов: выделялись финансовые и материальные средства на строительство учебных корпусов, закупку оборудования, на издание учебников, учебно-наглядные пособий. Так, в 1947 году Витебскому пединституту на восстановительные работы было выделено 2479, 5 тыс. руб., Оршанскому учительскому институту – 618, 6 тыс. руб. [1, с.33]. Активную роль в восстановлении учебно- материальной базы своих учебных заведении играли студенты: ремонтировали мебель, участвовали в восстановительных работ, изготавливали наглядные пособия и оборудование.

Совместное взаимодействие комплекса мер, направленного на укрепление учебно- материальной базы педвузов республики на протяжении 1944 - 1950 гг., позволило заметно ее улучшить. Так, в 1949 году был восстановлен корпус студенческого общежития Витебского пединститута, а к концу 1950 г. – учебный корпус. В последующие годы пристальное внимание правительством республики уделялось восстановлению, капитальному ремонту и строительству учебных корпусов и общежитий педагогических институтов, а также оснащенности их необходимым учебным оборудованием, пополнению книжных фондов. К примеру только в 1957/58 учебному году педвузы республики закупили оборудования на сумму 792, 3 тыс. руб., а на приобретение учебной, методической, политической и художественной литературы им было ассигновано более 2 млн. руб. [1, с.35]. Библиотека Витебского пединститута в 1959/60 учебном году насчитывала 88649 книг, 17400 журналов.

Однако, несмотря на все предпринимаемые меры острой для высшей педагогической школы оставалась проблема наличия учебных и жилых площадей. Так, в Витебском пединституте учебные занятия

по- прежнему проводились в две смены, отсутствовали жилые дома для преподавателей и научных сотрудников, что значительно осложняло дело с подбором для вуза квалифицированных кадров. Следует отметить, что из всех педвузов республики в 1957/58 учебном году учебные занятия проводились в одну смену только в Полоцком и Мозырском педагогических институтах.

Таким образом, к концу 1960 года на Витебщине функционировал единственный педагогический институт – Витебский, так как Полоцкий педвуз был закрыт в 1959 году, а его два курса физико-математического факультета были переданы Витебскому пединституту. Значительно улучшилась и учебно- материальная база Витебского педагогического института, которая в основном удовлетворяла требования к организации учебно- воспитательного процесса. И все-таки, необходимо признать, что рост учебных площадей постоянно поглощался ростом контингента студентов, что не лучшим образом сказывалось на функционировании учебного заведения.

1. Качан, Г.А. Развитие системы высшего педагогического образования в Белоруссии (в период с 1944 по 1960 годы): дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Г.А. Качан. – Минск, 1994. – 196 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4, оп. 17, д. 21
3. НАРБ. Ф.4, оп.17, д. 21
4. НАРБ. Ф. 42, оп. 4, д. 257
5. Першая сессія Вярхоунага Савета Беларускай ССР пятага склікання, 7-9 красавіка 1959 года: Стэнаграфічная справаздача. – Мн., 1959. – 260 с.
6. Саевич, П.В. Народное образование в БССР / П.В. Саевич. – Мн.: Госиздат, 1950. – 39 с.
7. Шостая сессія Вярхоунага Совета БССР, 22-24 сакавіка 1944 года. – Мн., 1946. – С. 138 – 139.

Юргевіч Н.К.

АДНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЁ АДУКАЦЫІ НА ВІЦЕБШЧЫНЕ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ 1940-х – ПАЧАТКУ 1950-х гг.

У гады Вялікай Айчыннай вайны разам з усім беларускім народам работнікі адукацыі і культуры змагаліся супраць нямецка-фашысцкіх акупантаў. Многія з іх не вярнуліся з франтоў Вялікай Айчыннай вайны. Значнымі былі і матэрыяльныя страты ў галіне адукацыі БССР. Асабліва цяжкае становішча было ва ўсходніх раёнах БССР, дзе праходзілі самыя крывапралітныя і жорсткія баі ў гады вайны. У Суражскім, Лёзненскім, Віцебскім раёнах Віцебскай і іншых абласцей БССР ворагі знішчылі і разбурылі ўсе набыткі даваеннага

будаўніцтва. Агульныя страты, прычыненыя ўстановам адукацыі БССР у гады вайны, склалі 4,6 млрд руб. (у даваенным маштабе цэн).

Аднаўленчыя работы ў рэспубліцы разгортваліся адразу пасля выгнання нямецка-фашысцкіх захопнікаў. У галіне адукацыі, у першую чаргу, асноўная ўвага ўдзялялася аднаўленню агульнаадукацыйнай школы. На 15 лістапада 1943 г. заняткі вяліся ў 259 школах на тэрыторыі Віцебскай (19 школ), Гомельскай (38 школ), Магілёўскай (193 школы), Палескай (9 школ) абласцей [3, арк. 5]. Для стварэння і ўмацавання матэрыяльнай базы ўстаноў адукацыі VI сесія Вярхоўнага Савета БССР, якая адбылася ў красавіку 1944 г., прыняла рашэнне аб выдзяленні з бюджэтных сродкаў на аднаўленне народнай адукацыі рэспублікі 146300 тыс. руб. або 34,5% ад усіх асігнаванняў, прадугледжаных на развіццё народнай гаспадаркі рэспублікі [2, с. 74]. У адпаведнасці з пастановай ЦК УКП(б) "Аб бліжэйшых задачах партыйных арганізацый КП(б)Б у галіне масава-палітычнай і культурна-асветніцкай работы сярод насельніцтва" ад 9 жніўня 1944 г. СНК БССР і ЦК КП(б)Б абавязаліся, у першую чаргу, аднавіць да пачатку 1944 – 1945 навучальнага года сетку пачатковых, сямігадовых і сярэдніх школ і ахапіць навучаннем усіх дзяцей школьнага ўзросту. У снежні 1944 г. у Беларусі ўжо працавала 10657 школ, навучаннем было ахоплена 124637 дзяцей і падлеткаў [5, с. 141].

Дзяржаўныя асігнаванні, будаўніцтва метадам народнай ініцыятывы і сацыялістычнае спаборніцтва спрыялі будаўніцтву новых школьных будынкаў, вывядзенню школ з наёмных памяшканняў, умацаванню іх матэрыяльнай базы, набыццю вучэбнага абсталявання, падручнікаў, вучэбных дапаможнікаў, уладкаванню прышкольных тэрыторый,. Вялікую ролю адыграла дапамога мясцовых прадпрыемстваў і арганізацый у папаўненні матэрыяльнай базы школ, а таксама ўдзел грамадскасці, саміх настаўнікаў, вучняў і іх бацькоў у рамонтных работах і падрыхтоўцы школ да новага навучальнага года. Так, у сельскай мясцовасці значную ролю адыграла ініцыятыўнае будаўніцтва намаганнямі вяскоўцаў, якія на свае і калгасныя сродкі аднавілі толькі з 1946 па 1955 гг. 4356 школ на 377 тыс. вучнёўскіх месцаў, што дазволіла кіраўніцтву многіх раёнаў поўнасцю вывесці сельскія школы з наёмных памяшканняў. Колькасны рост агульнаадукацыйных школ БССР адбываўся да сярэдзіны 1950-х гг.: калі ў 1945 – 1946 гг. іх было 10915, то ў 1950 – 1951 гг. — 11167. Але ў выніку наступстваў ад пагаршэння дэмаграфічнай сітуацыі ў гады вайны іх колькасць да сярэдзіны 1950-х гг. зменшылася (да 10831) [6, с. 38]. У сувязі з наяўнасцю вялікай колькасці дзяцей-пераросткаў аднаўляліся і будаваліся перш за ўсё пачатковыя школы.

У першыя пасляваенныя гады матэрыяльная база ўстаноў адукацыі БССР заставалася вельмі слабай. У пастанове Калегіі Народ-

нага Камісарыята асветы БССР (з 1946 г. Міністэрства адукацыі) ад 13 снежня 1945 г. адзначалася, што да 1944 – 1945 навучальнага года не падрыхтавана большасць школ у Талачынскім, Сіроцінскім, Мехаўскім раёнах Віцебскай вобласці: заставаліся неадрамантаванымі памяшканні, не было завезена паліва, не набыта абсталяванне [1, арк. 4]. Асаблівыя цяжкасці ўзнікалі ў школах пры набыцці паліва ў перыяд наступлення халадоў. Як правіла, усе справаздачы сведчылі пра падрыхтаванасць школ да работы ў такіх умовах. Аднак рэальнае становішча даволі часта было зусім іншым. Так, на пачатак ацяпляльнага сезона ў 1950 – 1951 навучальным годзе ў Віцебскай вобласці толькі 580 школ мелі гадавы запас паліва, 258 мелі крыху больш за 50%, а ў 86 школах паліва зусім не завезлі [4, арк. 127]. Гэта, у асноўным, былі пачатковыя школы, якія размяшчаліся ў наёмных памяшканнях і ацяпляліся гаспадарамі. У некаторых школах адказнасць за нарыхтоўку паліва ўскладалася на саміх настаўнікаў. У такіх умовах вельмі цяжка было дабіцца станоўчых вынікаў у навучанні і выхаванні дзяцей (вучні часта хварэлі і прапускалі заняткі). Праблема з палівам заставалася актуальнай і для пазнейшых часоў.

Нягледзячы на пастаянную ўвагу партыйных і савецкіх органаў, аддзелаў народнай адукацыі да названай праблемы, нават у 1950-я гг. па-за школай заставалася шмат дзяцей. Значным заставаўся і адсеў сярод вучняў са школ на працягу года. Нават у сярэдзіне 1954 г. усе дзеці былі ахоплены школай толькі ў 6-ці раёнах БССР. Эканамічныя праблемы ў пасляваенныя гады ў БССР амаль паўсюдна выклікалі выкарыстанне дзіцячай працы на прадпрыемствах, у калгасах, сялянскіх гаспадарках, што не дазваляла органам народнай адукацыі вырашыць праблему ўсеагульнага навучання дзяцей школьнага ўзросту. У многіх выпадках паўплывала на гэта і недаацэнка вучнямі і іх бацькамі ролі і месца адукацыі ў жыцці.

Дзяржавай вырашаліся пытанні аб забеспячэнні агульнаадукацыйных школ БССР педагагічнымі кадрамі праз рээвакуацыю і запрашэнне настаўнікаў з усходніх абласцей СССР. Асаблівую ўвагу ў пасляваенныя гады органы народнай адукацыі надавалі якаснаму складу педагагічных кадраў, асабліва ў заходніх абласцях Беларусі. Падазроныя адносіны былі да тых настаўнікаў, якія пражывалі ў гады вайны на акупаванай немцамі тэрыторыі ці працавалі ў нямецкіх установах. У 1944 г. Народным камісарыятам асветы быў выдадзены загад аб звальненні з працы настаўнікаў, якія ў час акупацыі займалі кіруючыя пасады, а тых, што працавалі ў школе, прымусова прапаноўвалася перавесці ў іншыя раёны БССР, бо яны не маглі карыстацца аўтарытэтам сярод насельніцтва.

У першыя пасляваенныя гады дзяржава актыўна вырашала праблему падрыхтоўкі прафесійных настаўніцкіх кадраў праз адкрыц-

цё сеткі педагагічных і настаўніцкіх інстытутаў, педвучылішчаў, завочнага і вячэрняга навучання. У жніўні 1944 г. у рэспубліцы былі адкрыты Беларускі інстытут культуры і спорту, Мінскі, Гомельскі, Гродзенскі, Магілёўскі педагагічныя інстытуты, Баранавіцкі, Мазырскі, Пінскі настаўніцкія інстытуты, 24 педвучылішчы. Асаблівую ролю адыгралі створаныя пры іх шматлікія настаўніцкія курсы, арганізаваныя ў абласных і раённых цэнтрах. Паводле дадзеных Наркамасветы БССР летам 1944 г. на кароткатэрміновых курсах вучыліся 1222 чалавекі, а ў лістападзе-снежні для работы ў пачатковых класах было падрыхтавана больш 2700 настаўнікаў [2, с. 76]. Аднак кваліфікацыйны ўзровень настаўнікаў, якіх рыхтавалі на курсах, быў вельмі нізкім. Таму ў пасляваенныя гады большасць настаўнікаў, асабліва з сельскай мясцовасці, павышала свой кваліфікацыйны ўзровень праз завочнае навучанне. Так, у 1946 г. Віцебскі АблАНа разам з кіраўнікамі педагагічных навучальных устаноў арганізаваў у сярэдніх школах абласнога і раённых цэнтраў прыёмныя іспыты і афармленне на вучобу ў гг. Віцебск, Бешанковічы, Гарадок, Орша для настаўнікаў-завочнікаў. Разам з тым у нядзельныя дні праводзіліся прыёмы залікаў і кансультацыі па вывучаемых прадметах. На перыяд зімовай сесіі арганізоўваліся філіялы Лепельскага педвучылішча ў г. Орша, Віцебскага педвучылішча – у Бешанковічах [10, арк. 1]. Такія мерапрыемствы, безумоўна, былі добрай маральнай і матэрыяльнай падтрымкай (выдаткі на вучобу, пражыванне, праезд зніжаліся) для сельскай інтэлігенцыі ў пасляваенныя гады.

Адцягвала ўвагу настаўнікаў ад вучобы актыўнае прыцягненне іх да ўдзелу ў розных дзяржаўных мерапрыемствах – ад ліквідацыі непісьменнасці да збору падаткаў. Так, на зімовую сесію 1945 – 1946 навучальнага года ў педагагічныя вучылішчы і інстытуты Віцебскай вобласці прыехалі не ўсе студэнты: у Віцебскае педвучылішча 141 завочнік (26%), Лепельскае – 72 (38%), у Віцебскі педагагічны і настаўніцкі інстытуты – 224 (69%), у Аршанскі настаўніцкі інстытут – 124 (65%) чалавекі [7, арк. 5]. Галоўнай прычынай стала занятасць настаўнікаў у выбарчай кампаніі: яны працавалі старшынямі ці сакратарамі выбарчых камісій. Да таго ж, для студэнтаў-завочнікаў часта не хапала месцаў у інтэрнатах, у перыяд сесіі ім даводзілася шукаць прыватныя кватэры, што ўплывала на матэрыяльнае становішча сямей настаўнікаў. Частка беларускіх настаўнікаў заставалася не ахопленай завочным навучаннем і з прычыны работы ў дзве ці тры змены, складанасцямі з вучэбнай літаратурай, грамадскай работай, цяжкім матэрыяльным становішчам. У пасляваенныя гады не мелі патрэбнай адукацыі дырэктары школ, загадчыкі раённых аддзелаў народнай адукацыі і педагагічных кабінетаў рэспублікі. Па стане на 15 студзеня 1953 г. з 58 дырэктараў сярэдніх школ Віцебскай вобласці 18

не мелі вышэйшай адукацыі, з 254 дырэктараў сямігадовых школ 104 не мелі дыпломаў за настаўніцкія інстытуты, з 16 загадчыкаў РАНа гэтай вобласці толькі 2 мелі вышэйшую адукацыю [9, арк. 5]. Часта на кіруючыя пасады прызначаліся людзі, якія не мелі ні патрэбнай педагагічнай адукацыі, ні вопыту працы.

Характэрнай з'явай у пасляваенныя гады было камплектаванне спачатку школ сталіцы, абласных і раённых цэнтраў і толькі потым – сельскіх. Так, да пачатку 1954 – 1955 навучальнага года ў г. Віцебск былі накіраваны 23 чалавекі з вышэйшай адукацыяй, г. Оршу – 6 чалавек, г. Полацк – 9 чалавек, у той час як у Расонскі раён – 3 настаўнікі, Ульскі – 4 чалавекі, Коханаўскі – 2, Ушацкі – 3, Суражскі – 1, Сенненскі – 1 [10, арк. 1]. Унутрыраённае размеркаванне на працу вялося па аналагічным прынцыпе – больш падрыхтаваныя спецыялісты заставаліся ў школах раённага цэнтра. Такім чынам, сельскія школы ў пасляваенныя гады камплектаваліся педагагічнымі кадрамі па астаткавым прынцыпе – толькі пасля размеркавання ў гарадскіх школах.

Мясцовыя ўлады выконвалі дзяржаўныя пастановы аб замацаванні педагагічных кадраў праз адміністрацыйныя і гаспадарчыя мерапрыемствы. Але часта няўважлівыя адносіны да праблем сельскай інтэлігенцыі ў пасляваенныя гады (размеркаванне настаўніцкіх картак і талонаў сярод іншых асоб, немагчымасць іх атаварыць у магазінах, затрымка заработнай платы на 2-11 месяцаў, недахоп жылля, газы, паліва з прычыны іх адсутнасці) выклікалі зменнасць сярод настаўнікаў і ўладкаванне іх у іншыя арганізацыі. З прычыны цяжкага матэрыяльнага становішча і складаных умоў працы значная колькасць выпускнікоў навучальных педагагічных устаноў не жадала працаваць у школе і не прыязджала да месца размеркавання, асабліва ў сельскую мясцовасць. Толькі з Віцебскай вобласці ў 1952 г. выбылі 324 настаўнікі, 10 чалавекам у раённых аддзелах адукацыі былі выдадзены "неабгрунтаваныя адмацаванні" [10, арк. 6].

Нягледзячы на цяжкасці пасляваеннага жыцця, у рэспубліцы назіраўся колькасны рост педагагічных кадраў: калі ў 1940 – 1941 навучальным годзе працавала ў беларускіх школах 56,9 тыс. настаўнікаў, у 1945 – 1946 гг. — 40,2 тыс. чалавек, то ў 1950 – 1951 гг. — 64,4 тыс., у 1955 – 1956 гг. — 78,8 тыс. [6, с. 398]. Паляпшаўся і якасны склад настаўніцкіх кадраў: калі ў 1944 – 1945 навучальным годзе ў школах БССР працавала 19,7% настаўнікаў з вышэйшай і няпоўнай вышэйшай адукацыяй, то ў 1950 – 1951 гг. — 30,2%, а ў 1955 – 1956 гг. — каля 50% [8, с. 306].

Такім чынам, аднаўленню сістэмы адукацыі БССР садзейнічалі дзяржаўныя асігнаванні, пастановы і рашэнні цэнтральных партыйных і савецкіх органаў кіравання па будаўніцтве і развіцці сеткі агульнаадукацыйных школ, педвучылішчаў і ВНУ рэспублікі, ініцыятыўнае

будаўніцтва вучэбных памяшканняў намаганнямі грамадскасці, меры, якія прымаліся дзяржавай па падрыхтоўцы настаўніцкіх кадраў, іх матэрыяльнай падтрымцы, па забеспячэнні ўсеагульнага навучання дзяцей і моладзі. Аднак эканамічныя праблемы і цяжкасці пасляваеннага жыцця стрымлівалі развіццё ўстаноў адукацыі Беларусі.

1. Витебский областной отдел народного образования (декабрь 1944 – апрель 1952 гг.) // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. Ф. 2797. Воп. 1. Спр. 3.
2. Грыгор'ева, А. Кампартыя Беларусі ў барацьбе за аднаўленне школы і выхаванне педагагічных кадраў у 1944 – 1945 гг.: [з гісторыі школы] / А. Грыгор'ева // Народная асвета. – 1966. – № 4. – С. 74 – 79.
3. Докладные записки на имя СНК БССР и ЦК КП(б)Б (29.06.1944 – 20.12.1944 гг.) // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 42. Воп. 4. Спр. 5.
4. Докладные о выполнении решений вышестоящих органов партии и правительства (15.01.1951 – 03.08.1951 гг.) // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. Ф. 2797. Воп. 1. Спр. 195.
5. Макарэвіч, М.В. Развіццё агульнаадукацыйнай школы ў БССР за пасляваенныя гады / М.В. Макарэвіч // Весці АН БССР. Серыя грам. навук. – 1958. – № 3. – С. 140-149.
6. Народное образование, наука и культура в СССР: стат. сборник / сост. Н.Я. Панферова. – М., 1977. – 448 с.
7. Отчет ОблОНо о работе школ и материалы к нему за 1945 – 1946 гг. // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. Ф. 2797. Воп. 1. Спр. 11.
8. Парашкоў, С.А. Гісторыя культуры Беларусі: вучэбны дапаможнік / С.А. Парашкоў. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2001. – 296 с.
9. Постановления и директивные указания вышестоящих органов по вопросам народного образования (26.01.1953 – 08.12.1953 гг.) // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. Фонд 2797. Воп. 2. Спр. 3.
10. Решения облисполкома, отчеты о работе школ и докладные (1953 – 1954 гг.) // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. Фонд 2797. Воп. 2. Спр. 6.

Касатая Т.У.

КАМУНІСТЫЧНАЯ ІДЭАЛОГІЯ І РЭЛІГІЙНАЕ ВЫХАВАННЕ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ 1940-Х-1960-Я ГГ. (НА ПРЫКЛАДЗЕ ДЗЕЙНАСЦІ ЕВАНГЕЛЬСКІХ ХРЫСЦІЯН-БАПТЫСТАЎ У ВІЦЕБСКАЙ ВОБЛАСЦІ)

"Пусціце дзяцей прыходзіць да Мяне і не перашкаджайце ім, бо такіх ёсць Царства Божае" (Мр. 10:14). Так гучыць асноўны евангельскі прынцып, якога павінны прытрымлівацца бацькі хрысціяне ў выхаванні сваіх дзяцей. Але ў БССР падчас панавання ідэлогіі камунізму прыярытэтнымі з'яўляліся навукова-матэрыялістычны светапогляд і атэістычныя ідэі.

23 студзеня 1918 года СНК РСФСР прыняў дэкрэт “Аб аддзяленні царквы ад дзяржавы і школы ад царквы” [1, с. 373—374]. Гэты акт акрэсліваў прававыя нормы ўзаемаадносін дзяржавы і царквы, пры якіх дзяржава не павінна была ўмешвацца ў дзейнасць рэлігійных арганізацый. У артыкуле 9, напрыклад, адзначалася, што “грамадзяне могуць навучаць і навучацца рэлігіі ў прыватным парадку”. Але на справе праводзілася зусім іншая палітыка. Умяшанне ў канфесіянальныя справы стала нормай на працягу ўсіх гадоў існавання СССР. Асноўнымі задачамі кіраўніцтва краіны былі выкараненне хрысціянскай веры, рэлігійнага светапогляду і пабудова атэістычнага грамадства. На гэта былі скіраваны атэістычнае выхаванне, прапаганда камуністычных ідэй. Але паўплываць на духоўны свет дарослых, змяніць іх перакананні вельмі цяжка. Таму, прытрымліваючыся асветніцкага прынцыпу, што дзіця ёсць “tabula rasa” (з лац. “чыстая дошка”), савецкае кіраўніцтва разгарнула шырокае кола мерапрыемстваў па атэітычным выхаванні ва ўсіх навучальных установах. У 1947 г. было створана таварыства “Веды”. У яго дзейнасці вялікае месца займалі пытанні атэістычнай прапаганды. Віцебскае абласное аддзяленне таварыства праводзіла семінары, арганізоўвала лекцыі, перасоўныя кіналекторыі на навукова-атэістычныя тэмы, выдавала метадычную літаратуру, брашуры. Упаўнаважаны Савета па справах рэлігій пры Саўміне СССР па Віцебскай вобласці ў 1967 г. пісаў пра тое, што дзякуючы дзейнасці партыйных і савецкіх органаў Віцебская вобласць можа і нават павінна стаць перадавой вобласцю ў навукова-атэістычным выхаванні [2].

Але многія вернікі, у тым ліку і Евангельскія хрысціяне-баптысты (ЕХБ) супрацьстаялі такому ідэялагічнаму ціску. Адэпты нелегальнага Савета цэркваў ЕХБ (СЦ ЕХБ) навучалі сваіх дзяцей рэлігіі, прыводзілі іх на богаслужэнніі нават забаранялі ім уступаць у піянеры і камсамол [3]. Так, у “Справаздачна-інфармацыйным дакладзе за 1966 г.” Упаўнаважаны Савета па Віцебскай вобласці адзначаў: “Активная сектантка Н.С. Слобода из д. Дуброва Верхнедвинского района, имея пятерых детей применят к ним меры насилия при обучении их религии и угрожала старшей дочери, что если та придёт домой в пионерском галстуке, она повесит её на этом “дьявольском флажке” [2, арк. 32]. Галоўным уздзеяннем на такіх вернікаў з’яўлялася прыцягненне іх да адміністрацыйнай ці крымінальнай адказнасці. Прасвітараў, якія дазвалялі ўдзел у богаслужэннях дзяцей пазбаўлялі рэгістрацыі, здымалі з пасады. Згодна Пастанове УЦВК і СНК РСФСР “Аб рэлігійных аб’яднаннях” 1929 г. рэлігійным аб’яднанням забаранялася арганізоўваць спецыяльныя дзіцячыя, моладзевыя малітоўныя сходы, мерапрыемствы па навучанню рэлігіі, адчыняць бібліятэкі і кнігарні [3, воп. 2, спр. 15, арк. 61]. Прадстаўнікі СЦ ЕХБ Віцебскай

вобласці звярталіся ў Савет па справах рэлігійных культаў і да старшыні урада СССР з просьбай адмяніць гэту Пастанову і дазволіць рэлігійнае выхаванне дзяцей. Але пасля такіх лістоў толькі ўзмацнялася барацьба супраць вернікаў, што, у сваю чаргу, падштурхоўвала Евангельскіх хрысціян-баптыстаў парушаць заканадаўства аб культах. Сярод баптыстаў Верхнядзвінскага і Докшыцкага раёнаў прыхільнікамі СЦ ЕХБ распаўсюджвалася нелегальная літаратура “Біблейскія размовы з дзецьмі” (10 гутарак-урокаў), “Дарагім малышам” і інш. У гэтай літаратуры адзначалася, што “слово Божие призывает верующих родителей возвещать своим детям о Господе” [3, спр. 19, арк. 87—98]. Таму некаторыя ЕХБ нягледзячы на праследванне з боку дзяржаўных органаў навучалі сваіх дзяцей рэлігіі.

У 1966 г. народны суд Верхнядзвінскага раёна пазбавіў прыхільніцу СЦ ЕХБ Н.С. Слабаду бацькоўскіх правоў за парушэнне заканадаўства аб культах, двух яе дзяцей адправілі ў дзіцячы дом. Але вернікі выступілі супраць гэтага рашэння. З Ленінграда і Малдовы ў дзіцячы дом дзецям Н.С. Слабады дасылалі лісты рэлігійнага зместу. Аб цяжкім лёсе Н.С. Слабады было перададзена па лонданскім радыё “Бі-бі-сі” і амерыканскім – “Голас Амерыкі”. Акрамя гэтага прыхільнікі СЦ ЕХБ напісалі лісты Генеральнаму сакратару ААН У Тану, старшыні Саўміна СССР А.У. Касыгіну і ў іншыя інстанцыі. У лісце да У Тана адзначалася: “… милиционер и несколько лиц в штатском взяли девочек (дети Н.С. Слободы) прямо с урока. Перепуганные дети стали кричать, их посадили в машину. Работавший поблизости отец, услышал крик и прибежал, и бросился к детям, его оттолкнули, из машины неслись душераздирающие вопли. Отец вцепился в машину, его стали бить по рукам… Мы не стали бы обращаться в Международные организации, если бы была хоть маленькая надежда, что наши ходатайства перед Правительством СССР дадут положительные результаты. Но жестокая война против незарегистрированных общин расширяется… Просим сделать всё возможное, чтобы обеспечить: 1) свободу вероисповедания; 2) родителям – право воспитывать детей до совершеннолетия” [2, спр. 5, арк. 53-54]. Але гэты ліст і актыўная дзейнасць прыхільнікаў СЦ ЕХБ не дапамаглі. У 1968 г. Н.С. Слабада і брат яе мужа былі прыцягнуты да крымінальнай адказнасці па артыкулу 222 крымінальнага кодэкса БССР “посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов” да 4-х гадоў пазбаўлення волі [2, воп. 2, спр.12, арк. 1-5]. У 1970 г. астатніх 3-х дзяцей Н.С. Слабады адправілі ў дзіцячы дом, пасля чаго савецкаму ўраду дасылалі тэлеграмы з розных рэгіёнаў Савецкага Саюза. Напрыклад, у тэлеграме ад “матерей-единоверцев” Барнаула гаварылася: “… это преступление перед человечеством, требуем освободить мать, а детей вернуть в свой дом” [2, воп. 2, спр. 15, арк. 21].

Вышэй апісаны толькі адзін з прыкладаў зламаных лёсаў сем'яў ЕХБ. Барацьба з "рэакцыйным сектанцтвам" суправаджалася пакутамі тысяч людзей, у тым ліку і дзяцей са звычайна шматдзетных баптысцкіх сям'яў. Пры гэтым ідэя аб тым, што "баптист должен отделиться от мира", полностью отдать себя в "собственность Богу" [4, с. 419] дапамагала псіхалагічна выжыць у любых умовах.

Такім чынам, ішла жорсткая барацьба ідэялогій. Больш выгоднае становішча меў, канешне, атэізм, бо на яго баку былі і дзяржава і заканадаўства. У газеце «Гродненская правда» быў надрукаваны артыкул карэспандэнта Б. Папова з іранічнай назвай «Святоши села Бородичи». Аўтар абвінавачваў некаторых членаў абшчыны ЕХБ в. Бародзічы Зэльвенскага раёна Гродзенскай вобласці ў маральнай шкодзе. ЕХБ «сводили на нет усилия школы, направленные на то, чтобы подготовить из сегодняшних мальчишек и девчонок строителей коммунизма» [5]. Карэспандэнт сцвярджаў, што гэта шкода была нашмат страшней, чым забойства чалавека (!). Бо вернікі жадалі «учредить господство «евангельской идеологии» [5], а гэта значыць атрымаць магчымасць уплываць на грамадскую свядомасць, на што прэтэндавала сама камуністычная партыя. Але пабудаваць камунізм так і не атрымалася. А евангельскі прынцып адказнасці бацькоў за духоўнае выхаванне сваіх дзяцей існуе і зараз.

1. Декреты Советской власти. Т. 1: 25 окт. 1917 – 16 марта 1918. – М.: Госполитиздат, 1957. – 625 с.
2. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. Ф. 1439. Оп. 1. Спр. 3. Арк. 95.
3. ДАВВ. Ф. 4029. Воп. 1. Спр. 17. Арк. 24
4. Митрохин, Л.Н. Баптизм: история и современность (философско-социологический очерк) / Л.Н. Митрохин. – СПБ, 1997.
5. Попов, Б. "Святоши" села Бородичи / Б. Попов // Гродненская правда. – 1970. – 22 янв. – С. 3.

Мандрык І.У.

СТВАРЭННЕ НЕДЗЯРЖАЎНЫХ ВНУ Ў 90-х гг. ХХ ст.: СТАНОЎЧЫЯ РЫСЫ І ПРАБЛЕМЫ

Рэфарміраванне эканомікі, пераход да рынку, дэмакратызацыя грамадскіх працэсаў, другія фактары значна павысілі прагу насельніцтва да атрымання вышэйшай адукацыі. Гэта і стала адной з прычын стварэння і развіцця новых адукацыйных устаноў недзяржаўнай платнай формы.

На Беларусі недзяржаўныя ВНУ паявіліся ў пачатку 90-х гг. ХХ ст. і да сярэдзіны дзесяцігоддзя адбываўся іх бурны рост: адкрыта

больш двух дзесяткаў. Але стала бачна, што ад вялікай колькасьці ўзнікшых устаноў на выдачу дыплома аб вышэйшай адукацыі адэкватнай аддачы ў галінах гаспадарчага комплексу рэспублікі не адбылося. Па ініцыятыве дзяржаўных улад, саміх стваральнікаў значная частка іх была ліквідавана. У 2000 г. функцыяніравала толькі 13 недзяржаўных ВНУ, 14 іх філіялаў і 5 прадстаўніцтваў. У гэты ж год яны выпусцілі больш 3 тысяч спецыялістаў.

Па дадзеным, якія меліся ў аўтара гэтага артыкула, да 2000 г. на Віцебшчыне было адчынена 8 недзяржаўных фарміраванняў, заявіўшых аб выкананні задач падрыхтоўкі спецыялістаў на ўзроўні вышэйшай школы. Гэта – філіялы Міжнароднага недзяржаўнага інстытута працоўных і сацыяльных адносін (адкрыўся у 1994 г.), Інстытута Сучасных ведаў у Віцебску (1996 г.). Паздней з’явіліся два філіялы Беларускага камерцыйнага інстытута кіравання ў Оршы і Полацку, тры ц’ютарскіх пункты дзістанцыйнай адукацыі Сучаснага Гуманітарнага інстытута, вучэбна-кансультацыйны пункт Санкт-Пецярбуржскага тэхналагічнага універсітэта сервіза ў Віцебску, Оршы і Наваполацку.

Паколькі ў папярэднія гады, у час савецкай улады, вышэйшая школа ў СССР была ў ліку лепшых у Свеце, на першапачатковым этапе свайго развіцця па ўзроўню вучэбнага працэса недзяржаўныя ВНУ адставалі ад сфарміраваўшыхся значна раней дзяржаўных устаноў. У асобных недзяржаўных ВНУ, матэрыяльная база, выкладчыцкі склад, навукова-метадычнае забеспячэнне і сам навучальны працэс былі далекімі ад дасканаласці. Іх бяда заключалася яшчэ і ў тым, што пры стварэнні, начале гэтых устаноў стаялі, часам, людзі, якія да гэтага не працавалі ў сістэме вышэйшай адукацыі, не ведалі спецыфікі яе функцыяніравання. У іх быў, бачна, вялікі вопыт, які яны набылі ў сярэдніх школах, тэхнікумах, а, часам, і ў будаўнічай галіне, але вышэйшая школа – асобны тып установы са сваімі характэрнымі толькі ёй падыходамі. Легкавесны падыход да адкрыцця ўстаноў такой важнасці меў негатыўны вынік: прафанацыя вышэшай ступені адукацыі. Жыццё патрабавала якаснага ўдасканальвання работы вышэйшай школы. Іх праца была ўзята на кантроль у органах дзяржаўнага кіравання. Філіялы беларускіх інстытутаў прайшлі праз ліцэнзіраванне, асобныя – не вытрымалі атэстацыі. Канешне, на гэтым этапе для ВНУ, якія называліся недзяржаўнымі, патрабаванні да ліцэнзіравання і акрэдэтацыі былі жорсткімі, здаваліся завышанымі. Сёння, калі стала бачна, што асобныя недзяржаўныя ВНУ нанеслі сваёй працай шкоду дзяржаве, погляды на такі падыход памяняліся.

Што тычыцца філіялаў расійскіх ВНУ і розных іншых іх структурных адзінак, то яны, можна сказаць, дзейнічалі не зусім легальна. Думаецца, што уладныя структуры аб іх функцыяніраванні доўгі час

нават не ведалі. Падмацаванне гэтых слоў – скандальная справа, звязаная з незадавальняючай падрыхтоўкай спецыялістаў Сучаснай гуманітарнай акадэміяй, структуры якой рашэннем Міністэрства Адукацыі Рэспублікі Беларусь зачынены ў 2010 годзе.

Устаяліся і заваевалі права на далейшую работу толькі тыя ўстановы, стваральнікі і кіраўнікі якіх з самага пачатку ведалі, за якую складаную справу яны бяруцца, якая вялізарная адказнасць на іх кладзецца.Трэба было адкінуць нават думкі аб набыцці сваего матэрыяльнага дастатку праз модны ў той час накірунак дзейнасці. З самага пачатку неабходна было думаць аб агульнаграмадскай карысці і аб якасці вычэбна – выхаваўчага працэса.

Сення ў Беларусі засталося 11 недзяржаўных ВНУ і 2 філіялы. Працуюць на карысць грамадства недзяржаўныя ВНУ, якія с самага пачатку будавалі сваю работу на фундаментальнай аснове, у паўсядзённым жыцці кіраваліся існуючай у Рэспубліцы Беларусь нарматыўнай базай; клапаціліся аб стварэнні матэрыяльна-тэхнічнай базы; аб падборы і падрыхтоўцы кваліфікаваных выкладчыкаў; укараненні сучасных педагагічных методык і тэхналогій.

У Віцебскай вобласці, сумесна з устойлівымі дзяржаўнымі ВНУ, пошук спосабаў адаптацыі на пераходным этапе, веў філіял установы адукацыі ФПБ "Міжнародны інстытут працоўных і сацыяльных адносін". Тут з першага дня існавання ставілася мэта дабівацца агульнаграмадскай карысці, пашыраць магчымасці грамадзян Рэспублікі Беларусь у атрыманні вышэйшай адукацыі, весці падрыхтоўку спецыялістаў на ўзроўні еўрапейскіх стандартаў. Філіял першым у Віцебскай вобласці стаў рыхтаваць спецыялістаў вышэйшай адукацыі, якія ў той час былі запатрабаваны на рынку працы рэгіена: эканамістаў-менэджэраў і юрыстаў. Толькі праз два-тры гады гэтыя спецыяльнасці былі адкрыты ў ВДУ, ВДТУ, ПДУ. Прафесарска выкладчыцкі састаў філіала прайшоў не адзін іспыт на права называцца ўстановай па падрыхтоўцы высокакваліфікаваных эканамістаў, лагістаў, юрыстаў. Як адзначалася ў выніковых даведках камісій Дэпартамента па кантролю за якасцю працы ВНУ, пры пэўнай самастойнасці арганізацыі вучэбнага працэса, іншых пытаннях, калектыў філіала выказваў інтарэсы дяржавы, патрабаванні прынятых у краіне стандартаў адукацыі. Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь (12.07.2005 г.) МІПСА прыраўнен да джяржаўных ВНУ. Згодна Ўказу № 319 грамадзянам рэспублікі, атрымліваючым першую вышэйшую адукацыю на платнай аснове, прадстаўлены льготы на атрыманне крэдыта для аплаты за навучанне. Вызначаны і іншыя меры, якія садзейнічаюць павялічэнню колькасці падрыхтаваных ВНУ ФПБ спецыялістаў для ўстаноў усіх форм уласнасці.

За 15 год існавання ўзрос лік студэнтаў: пры адкрыцці філіяла набор склаў толькі дзве групы. На пачатак 2009 г. ужо налічвалася 1485 студэнтаў. З філіала выпушчана 1143 маладых спецыяліста. Яны паспяхова выконваюць абавязкі на прамысловых прадпрыемствах, установах розных форм уласнасці. Напрыклад, Аляксей Гапоненка займае пасаду намесніка генеральнага дырэктара Віцебскага ДСК, Міхаіл Кейзераў – кіраўніка юрыдычнай фірмы "Закон і Парадак", Марыя Фёдарава – загадчыцы натарыяльнай канторы ў Сянно, Таццяна Дзегцярова – суддзі Віцебскага раёна.

У 2008 годзе ў філіале працавала на штатнай аснове 100 чалавек. Выкладанне, навукова-даследчую работу ажыццяўлялі 45 выкладчыкаў, каля 50 % з іх мелі навуковыя ступені і званні, 1/3 выкладчыкаў - выпускнікі сваей ВНУ. За час працы ў філіяле супрацоўнікі абаранілі 1 доктарскую і 6 кандыдатскіх дэсертацый, 8 - з'яўляліся аспірантамі і саіскальнікамі.

У 2004 г. у складзе філіяла адкрыт ліцэнзіраваны цэнтр падрыхтоўкі, павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў. За 2006-2009 г.г. у цэнтры прайшлі падрыхтоўку 4,5 тысячы прафсаюзных работнікаў Віцебскай і Магілёўскай вобласці. Пасля выканання праграмы ім выданы дакументы дзяржаўнага ўзору. Цэнтр вядзе падрыхтоўку асоб, якія адказваюць за тэхніку бяспекі ў працоўных калектывах вобласці. За тры гады адукацыю па зацверджанай праграме з адрывам ад вытворчасці атрымалі 2500 кіраўнікоў і спецыялістаў.

Стабільнасць у рабоце філіяла, якасная падрыхтоўка спецыялістаў закладывалася на стадыі планавання вучэбнага і выхаваўчага працэса, працягвалася пры яго арганізацыі, праз умацаванне матэрыяльна-тэхнічнай базы, пры падборы прафесарска-выкладчыцкага саставу, наладжаным сістэмным кантролем за ходам заняткаў. Гэтыя праблемы пастаянна займалі кіраўніцтва філіяла, дэканатаў і кафедр. Метады кіравання (пастаноўка задач, прыняцце рашэнняў, іх тлумачэнне, вывучэнне стану вучэбнага працэса, распаўсюджванне лепшага вопыту) былі сарыентаваны на развіцце ў выкладчыкаў, супрацоўнікаў і студэнтаў працавітасці, адказаных і добрасумленных адносін да выканання сваіх абавязкаў. Усе гады ў філіяле рэалізоўвалася канцэптуальная ўстаноўка на фарміраванне ў студэнтаў самастойнай пазнавальнай дзейнасці.

Для адаптацыі студэнтаў малодшых курсаў была распрацавана спецыяльная праграма, згодна з якой вывучаўся агульнаадукацыйны ўзровень студэнта, яго схільнасці і магчымасці пошуковай дзейнасці, вялося фарміраванне ў студэнта поўнага ўяўлення аб яго будучай прафесіі.

Як было заўважана, добрым стымулам для павышэння самаадукацыйнай матывацыі ў студэнтаў з'яўляліся сучасныя адукацыйныя тэхналогіі. У кароткі тэрмін прыйшлі да таго, што 80% дысцыплін

забяспечваліся матэрыяламі да лекцый, аўтарскімі лекцыйнымі курсамі. Наяўнасць такіх матэрыялаў дазваляла праводзіць лекцыі больш змястоўна, у праблемным, дыскусійным плане, з зваротнай сувяззю. Матэрыялы да лекцый і аўтарскія курсы лекцый ўмацоўвалі глыбіню разглядаемых пытанняў, высноў і абагульненняў. Паколькі студэнты мелі магчымасць азнаеміцца з пытаннямі і сутнасцю тэмы напярэдадні лекцыі, гэта вызваліла навучальны працэс ад руціннай працы – так часта ўжываемага дыктанта. Добрыя вынікі прынесла распрацаваная ў 1996 г. сістэма арыентацыі студэнта на самаадукацыю.

Каб не адстаць ад жыцця адміністрацыя ВНУ праводзіла маніторынг паспяховасці студэнтаў, іх атэстацыю, комплексныя кантрольныя работы. Вялося назапашванне валіднай інфармацыі. Усе гэта садзейнічала ўкараненню перадавых падыходаў да арганізацыі і кіравання навучальным працэсам, састаўленню рацыянальнага раскладу заняткаў, больш дакладнай каардынацыі работы кафедр, узгадненню міждысцыплінарных сувязей, ліквідацыі дубліравання і перагружанасці дысцыплін састарэўшымі палажэннямі і стэрыятыпамі.

Добра разумеючы, што выпуск спецыялістаў, здольных стамастойна працаваць і вучыцца ў далейшым, магчыма ажыццяўляць толькі пры практыкаарыентаваным працэсе, выпускаючыя кафедры наладзілі пастаяннае ўзаемадзеянне з прамысловымі прадпрыемствамі, бізнес-фірмамі, упраўленнем юстыцыіі аблвыканкама, іншымі установамі.

Абставіны, якія склаліся ў Віцебскім філіяле МІПСА на пачатку 2009-2010 навучальнага года падцвердзілі, што яго калектыў ішоў у верным напрамку, але не быў пазбаўлены ад недахопаў і хібаў. На першапачатковым этапе не хапала аўдыторнага фонда, слабым было метадычнае і тэхнічнае забяспячэнне вучэбнага працэса. Больш пяці год спатрэбілася каб скласці працаздольны калектыў. Пры станаўленні філіяла вялікая колькасць выкладчыкаў працавала па сумяшчальніцтву, што адмоўна адбівалася на вучэбна-выхаваўчай рабоце. Было што выпраўляць і на больш познім этапе існавання філіяла. У першую чаргу гэта тычыцца кампетэнтнасці выкладчыкаў, ад чаго залежыць 90-95% поспеху ў развіцці інтэлекта студэнта. У педагагічных дзеяннях асобных выкладчыкаў перабольшвала інфармацыйна-рэпрадукцыйная сістэма, якая не актывізіруе творчыя якасці студэнта, а разам з ім – прафесіяналізм студэнта на выхадзе з ВНУ. Маладыя выкладчыкі з-за недастатковасці метадычнай падрыхтоўкі не знаходзілі падыходаў каб навучыць студэнта дабываць веды з існуючых крыніц, дапамагчы яму своечасова пераадолець перашкоды, узнікаючыя пры вывучэнні дысцыплін.

Усе гады функцыяніраванны філіяла яго калектыў турбавала пытанне маруднага прыстасавання выпускнікоў школ да навучання ў ВНУ. Вялікія намаганні патрабаваліся каб сфарміраваць у студэнтаў навыкі работы з кніжкай, манаграфічнай літаратурай, уменне канспекціраваць лекцыю, засвайваць новыя веды ў ходзе іх выкладання. Яўна праглядвалася праблема адаптацыі большасці выкладчыкаў да выканання імі на сучасным этапе новай ролі – арганізатара вучэбнага працэса. Выхад шукалі праз падрыхтоўку саміх выкладчыкаў: працаваў пастаянна – дзеючы семінар, праводзіліся адкрытыя заняткі лепшых майстроў педагагічнай справы. Прымяняліся іншыя формы і метады ўплыву на выкладчыка з тым, каб падрыхтаваць яго да цэласнай педагагічнай дзейнасці, да ўмення фарміраваць студэнта як гарманічную асобу, патрыета сваей Радзімы, высокакваліфікаванага спецыяліста, чалавека, здольнага самастойна набываць веды і вучыцца праз усе жыццё.

У заключэнне: стварэнне і станаўленне недзяржаўных ВНУ на пачатку 90-х гг. XX ст. ішло складана. Перад стваральнікамі новай формы адукацыі ўзнікала шмат арганізацыйных, фінансавых, кадравых праблем. Большасць з іх з цягам часу ўдалося пераадолець, асобныя засталіся нявырашанымі і сення. Здаралася, што адкрыцце філіялаў, кансультацыйных і ц'ютарскіх пунктаў было паспешным, непрадуманым. Тады такія стуктуры аказваліся не дзеяздольнымі, ліквідаваліся. Тыя ж недзяржаўныя ВНУ, дзе правільна вызначылі тэндэнцыі ў развіцці беларускага грамадства, выкарысталі ў рабоце назапашаны вопыт вышэйшай школы савецкага перыяду, творчыя падыходы ў адукацыі айчынных і замежных універсітэтаў, устойліва працуюць і зараз. Адной з такіх устаноў з'яўляецца філіял УА ФПБ МІПСА ў Віцебску.

Па формам, па зместу і па накіраванасці недзяржаўныя ВНУ ўнеслі свой уклад у сферу айчыннай асветы. У іх дзейнасці праявіліся такія станоўчыя рысы як: здольнасць да хуткай самарэгуляцыі, эфектыўнай рэалізацыі прымаемых рашэнняў, эканомнага ўкладвання сродкаў і самае важнае – высокая ступень індывідуальнай работы са студэнтам. Дзяржава прызнала і ўзаконіла іх дзейнасць.

1. Мандрик, И.В. Вузовское образование: основные подходы к его организации, пути совершенствования / И.В. Мандрик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2006. – № 3. – С. 117 – 122.

2. Трапезникова, Л. Европейский стандарт – в образование (Витебскому филиалу УО ФПБ МИТСО – 15 лет.) / Л. Трапезникова // Беларускі час. 2009. – 27 ноября – 3 декабря. – С. 10.

3. Мандрик, И. Мы учим студентов мыслить / И. Мандрик, С. Залеская // Віцебскі рабочы. – 2008. – 12 чэрвеня. – С. 2.

Русецкий А.В.

15 ЛЕТ ПО УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ПУТИ: ПОИСК, НАХОДКИ, ПРОБЛЕМЫ

Преобразование в 1995 г. Витебского педагогического института имени С.М. Кирова в государственный университет было не только данью моде. Перед коллективом ставилась задача выхода на новые горизонты образовательного процесса, соответствующие мировым стандартам, потребностям белорусского общества и его социально-духовной сферы. По сути, речь шла о переходе вуза из положения «догоняющего развития» (а главным ориентиром для педагогических институтов в Республике Беларусь в те годы оставался Белорусский государственный университет) в позицию реального лидера, способного, если не конкурировать, то соперничать с ведущими учебными заведениями. Основным принципом жизни коллектива стала реализация девиза: «движение вперед через поиск». Нет, этот принцип не провозглашался и не декларировался. Он незримо присутствовал во всех делах и начинаниях, позволил людям (преподавателям, студентам) понять, что нужно делать, чтобы университетская оболочка заполнилась реальными делами.

Прошло 15 лет университетского статуса. Как оценить и чем измерить прожитые годы? Мнения могут быть самыми разными, даже полярными, противоположными. Думаю, что будут правы и те, кто утверждает, что некоторые социальные проблемы университета (да и все системы образования) не решены и в начале XXI века. Оказывают тормозящее действие хроническое недостаточное финансирование, излишняя жесткая регламентация экономической и хозяйственной деятельности, да и чего греха таить, низкий уровень заработной платы преподавательского (неостепененного) и лаборантского состава, снижающие престиж профессии преподавателя (в вузе) и учителя (в общеобразовательной школе). Запредельная аудиторная нагрузка сводит на нет возможность творческого поиска и профессионального самосовершенствования. К тому же эти процессы усугубляются прогрессивным культурным разрывом между поколениями, частой невостребованностью социума «молодого» Знания (как и невостребованностью ценностей Знания у самой молодежи). Такими могут быть оппонирующие позиции скептиков, пессимистов.

И все же правильнее будет видеть не только деревья, а видеть за ними тот набирающий силу лес, в котором позиции университетского многопрофильного образования в регионе становятся все более устойчивыми, приобретают неподдельный авторитет, удовлетворяя не только потребности региона, но и потребности личности в развитии ее

способностей в быстро меняющемся мире. Без преувеличения можно утверждать, что к своему 100-летию университет имени П.М. Машерова идет как крупнейший учебный, научный и культурный центр, создающий и воспроизводящий интеллектуальный потенциал Витебского региона.

Попробуем определить составляющие такого утверждения. ***Во-первых***, это постоянное совершенствование учебного процесса, позволяющего удовлетворять социальные запросы выпускников школ и их родителей в получении профессиональной подготовки по новым открываемым специальностям, специализациям и программам дополнительного образования. Если, к примеру, в 1995 г. в вузе на дневном и заочном отделениях значилось 22 традиционные специальности, то к 2010 г. их стало 39. Об их востребованности у молодежи говорят конкурсные показатели, колеблющиеся от 2 до 6–7 человек на место. Свидетельством своевременного выявления и удовлетворения запросов региональных органов управления (и населения, получившего возможность обучать детей рядом с родителями) является закрытие потребности организаций и учреждений по таким специальностям, как «Литературная работа в газетах и журналах», «Библиотечное дело», «Теология», «Экология и охрана природы», «Туризм и охрана историко-культурного наследия», «Начальное образование» и др. В университете были созданы три новых факультета: социальной педагогики и психологии, юридический, исторический. Факультет начальной школы стал факультетом начального образования. В состав университета вошли два педагогических (в прошлом) колледжа – Полоцкий и Оршанский. В каждом из них в связи с сокращением потребности системы образования в кадрах со средним специальным образование, пришлось искать новые специальности. В Оршанском колледже, к примеру, это «программное обеспечение», в Полоцком – «Социальная работа». При этом, открытие в колледжах специальности гуманитарного профиля ориентированы на получение высшего образования по интегрированным университетским учебным планом с сокращенным курсом обучения. Количество кафедральных коллективов выросло с 22 до 44. Впервые в истории университета совместно с Министерством обороны Республики Беларусь создана военная кафедра, готовящая из числа студентов младших командиров и офицеров запаса. ***Во-вторых***, это совершенствование организации учебного процесса, его организационно-техническое обеспечение, соответствующее образовательным инновациям. К примеру, реальностью стали специализированные учебные корпуса художественно-графического, юридического, факультетов физкультурного, социальной педагогики и психологии, начального образования. В каждом из них имеется профильная библиотека, свой компьютерный класс, специализированные лабора-

тории. Оправдало себя и уплотнение расписания учебных занятий. Переход на 80-минутные (без перерыва) занятия позволяет, к примеру, студентам первой учебной смены оканчивать пребывание в аудиториях уже к обеду, а, значит, появляются большие возможности для реальной организации своего свободного времени. Результативность наших мер обеспечена созданием в университете Центра информационных технологий, повышением степени компьютеризации и технической оснащенности учебного процесса, служб и подразделений университета (справедливости ради, заметим, что несколько юридических из ранее принятых решений, сейчас находятся в поле зрения ректората университета). Компьютеризация научной библиотеки превратила ее в лучшую среди вузовских библиотек республики. ***В-третьих***, расширилось образовательное пространство университета, более привлекательными стали образовательные услугу (к примеру, обучение по сокращенным учебным планам на юридическом факультете и факультетах социальной педагогики и психологии и начального образования). Активно развивалась такая форма получения высшего образования, как заочное обучение. Если, например, в 1998 г. на заочном отделении занималось немногим более 1100 человек, то на конец 2008 г. их было уже 5574. Это не было самоцелью. Смысл всей работы заключался в решении достаточно сложной, социально значимой работы – помочь учителям школ, главным образом, Витебской области получить высшее образование, не оставляя работу в общеобразовательной школе. Сегодня есть все основания заявить, что с этим заказом областного управления образования университет справился. Также, как справился он и с заявкой областного управления культуры – организовать заочное обучение библиотекарей, имеющих среднее специальное образование. (По уровню образованности библиотекарей Витебская область, по словам начальника областного управления культуры Н.П. Пашинского, долгое время замыкала республиканскую таблицу. Отметим и то, что наши совместные с областным управлением культуры предложения несколько лет торпедировались Минским университетом культуры, являющегося монополистом в этой сфере). Успешно выполнена просьба и Патриаршего Экзарха всея Беларуси митрополита Филарета о подготовке специалистов с высшим образованием для Витебской епархии. (Справедливости ради заметим, что выпускники-теологи успешно трудятся и в Витебской католической диоцезии).

Сегодня университет имени П.М. Машерова знают в России, Литве и Латвии, Туркмении и Китае, других странах. Скажем, уроженцы Китая получают здесь не только высшее образование. Они с успехом занимаются в магистратуре, защищают кандидатские диссертации.

О том, что стремление коллектива расширить рамки образовательных услуг было правильным, свидетельствует состояние внебюджетного обучения, на котором практикуется как снижение оплаты за обучение, так и перевод студента-«платника» на обучение за счет бюджета. Здесь, правда, есть свои особенности. И одна из них состоит в том, что несмотря примерно на половинную (40–50%) оплату за обучение, выпускник внебюджетной формы обучения не подлежит распределению. На деле это ведет к тому, что, затрачивая на внебюджетное обучение огромные государственные средства, государство, тем не менее, не может «расшить» узкие места в кадровом обеспечении. Зная об этом, даже отлично занимающиеся студенты-внебюджетники, чтобы не ехать на работу по распределению, отказываются от перевода по результатам своей учебы на бюджетное обучение.

Собственно, дело не только и не столько в распределении. Суть проблемы более сложная и состоит, на мой взгляд, в определении разумного соотношения. Говорю об этом потому, что вуз часто принимает на внебюджетное обучение, не задумываясь об этом соотношении. Главенствует принцип – на начало учебного года студенческие группы должны соответствовать требуемому нормативу – 25–30 человек. Сохраняя перечень открытых специальностей, сделать это весьма проблематично. Ведь за последние 10 лет контрольные цифры приема на бюджетное отделение по университету имени П.М. Машерова сократились примерно на 30%. И как разделить принимаемых на первый курс 520 абитуриентов на 30 объявленных для приема специальностей? Вот и приходится надеяться на внебюджетный прием. Можно возразить: оптимизируйте специальности! А здесь еще более острые грабли – сокращение учебной нагрузки у преподавателей, а, значит, и сокращение преподавательского корпуса. Как видим, проблема существует и это проблема не только Витебского региона.

Наконец, ***четвертое*** – формирование у выпускников университета чувства сопричастности к делам Витебска и Витебской области. И здесь на первый план выступает совместная сложная работа студенческого совета, комитета БРСМ, студенческого профсоюзного комитета и отдела (сейчас управления) воспитательной работы. Следует отметить, что становление студенческого самоуправления проходило не беспроблемно: отдельные деканы факультетов, заведующие общежитиями настороженно восприняли идею создания студенческих советов – не очень-то хотелось делиться своими полномочиями. Однако, потихоньку все улеглось, образумилось. И теперь, скажем, на филологическом, физическом или историческом факультетах студсоветы – это первые помощники деканатов в решении студенческих проблем. Общественно-полезные акции, волонтерское движение, трудовые десанты, работа на строительных объектах и в детских оздоровительных

лагерях, производственная практика – все это позволяет молодым людям ощутить напряженный пульс окружающей их жизни, «вмонтировать» в этот пульс свои «живые», «сегодняшние» знания, выработать индивидуальный образ (стиль) жизни и поведения.

И в заключение о следующем. Сегодня каждое высшее учебное заведение Витебской области характерно своим профилем, исключающим дубляж и копирование (исключение – гуманитарное отделение Полоцкого госуниверситета, занимающееся подготовкой преподавательского состава по тем де специальностям (русская литература, история, физическая культура, иностранные языки), что и ВГУ им. П.М. Машерова). И, думается, прав председатель Витебского облисполкома А.Н. Косинец, считающий, что именно в этом и заключается перспектива и привлекательность высшей школы региона. А гуманитарные специальности ПГУ вполне могли бы послужить основой для создания в древнем Полоцке филиала Витебского университета с последующим упорядочением и плана приема, и плана выпуска квалифицированных специалистов.

Карнялюк К.С.

ФЕНОМЕН “ШКОЛА І. Я. РЭПІНА” І МАСТАЦКАЯ АДУКАЦЫЯ ВІЦЕБШЧЫНЫ

Ілья Яфімавіч Рэпін (1844 - 1930) праявіў сябе ў гісторыі сусветнага мастацтва не толькі як таленавіты жывапісец і графік, але і як высокаадораны педагог. Рэпін – гэта сапраўдны пачатак многіх пачаткаў і ў беларускім мастацтве. Ён – не толькі знакавая з’ява, якая сведчыць аб вяршынях творчасці, але і яскравае выяўленне народнага духу, мастацкі ўзор, высокі прыклад, на які не можа не арыентавацца айчынная культура. Знакаміты мастак выкладаў у Пецярбургскай акадэміі мастацтваў (1894 - 1907), аднак бясспрэчны і яго ўплыў на мастацтва ўсяго свету. Гэта своеасаблівы феномен, які мы разглядаем прад прызмай “школа І.Я.Рэпіна”.

Рэпін – гэта тая сума каштоўнасцей, якія нам, нашчадкам, трэба культываваць, умацоўваць, берагчы. Яго імя “з поўным правам ставіцца ў адзін шэраг з імёнамі лепшых прадстаўнікоў рускай культуры – Пушкіна і Талстога, Бялінскага і Чарнышэўскага, Глінкі і Чайкоўскага”[4, с.6]. “Творчы шлях Рэпіна цэласны і паслядоўны, і разам з тым ніводзін з рускіх мастакоў не можа з ім спаборнічаць ў шматграннасці адлюстравання жыцця, шырыні погляду і багацці сродкаў мастацкага выражэння”, - адзначае В.Ляскоўкая [3, с. 7]. А “рэпінскае працалюбства стала легендарным”, - заўважае С. Прарокава [7, с. 11].

Кожнае новае пакаленне беларусаў бачыла і бачыць у феномене “школа Рэпіна” ўвасабленне сваіх мараў і ідэалаў, выяўленне самых яркіх і самых глыбокіх рыс нацыянальнага менталітэту, без чаго нам проста немагчыма уявіць саміх сябе. “Бадай, няма ніводнага дапаможніка, ніводнага артыкула па гісторыі рускага мастацтва, дзе імя геніяльнага майстра не ўзгадвалася б адным з першых і не называліся б яго лепшыя творы” [5, с. 5]. Відавочнай і пераканальнай нам з’яўляецца “вечная сучаснасць” Рэпіна. А сам сакрэт вечнай маладосці і творчай актуальнасці здзейсненага Рэпіным, мабыць, у тым, што ён гарманічна і ўсебакова спалучыў у сваім жывапісе індывідуальны пачатак і нацыянальныя вытокі, выявіў стыль мыслення, духоўнага жыцця, адносін паміж людзьмі, манеру побытавых паводзін і лад штодзённага існавання ў вялікім свеце і ў той жа час узвёў дасягнутае расійскім народам за стагоддзі свайго гістарычнага жыцця ў ступень з’явы міжнароднага значэння і каштоўнасці. Жывапіс Рэпіна вельмі натуральна і змястоўна выявіў сябе на розных рэгістрах гучання – ад самага нізкага да самага высокага, ад глыбока трагічнага да ўзнёсла геранчнага, камічнага.

Нарадзіўся мастак на Украіне, жыў у Расіі, аднак значную старонку ў яго спадчыне складаюць творы, прысвечаныя Віцебшчыне, беларускаму народу. Мастак ведаў нашы звычаі і традыцыі, быў актыўным удзельнікам культурнага жыцця Прыдзвіння, у яго сэрцы не гасне любоў да Беларусі, да яе зняволенага народа. “Суадносіны з сялянамі ўзнаўляюцца кожным летам, па святах бываюць і сумесныя вясёлыя адпачынкі”, - адзначае А.Церкель”[1, с. 86]. Рэпін бачыць не толькі паэтычнае пакалыхванне хваль магутнай Дзвіны-матухны, але і цяжкі быт прыдзвінскіх бурлакоў. Тэма Заходняй Дзвіны надзвычай захапіла мастака. У той час Дзвіна была важнай транспартнай артэрыяй, па ёй рухаліся параходы, сплаўлялі лес. Рэпін напісаў малюнак “Бурлакі на Дзвіне”, які захоўваецца ў Траццякоўскай галерэі.

У 1892 – 1900 гг. Рэпін перыядычна працаваў ва ўласным маёнтку Здраўнёва, на беразе Заходняй Дзвіны (цяпер Віцебскі раён). З Віцебшчынай “звязана адна са старонак яго творчасці, гэта зямля дарыла мастаку натхненне, тут знаходзіў ён прататыпы вобразаў і сюжэтаў сваіх карцін, зведаў радасць зносін з сялянамі і новыя адчуванні чалавека, які атрымаў магчымасць пасля мітусні шумнага горада ўпівацца адвечнай цішынёй хутара” [6, с. 3]. Тут ён стварыў свае знакамітыя карціны “Беларус”, “Восеньскі букет”, “Паляўнічы з ружжом”, “На Заходняй Дзвіне”. Усход сонца”(усе 1892), “Святочнае гулянне ў Здраўнёве” (1893), “Касец-літвін”(1894), “Дуэль”, “Месячная ноч. Здраўнёва” , “Партрэт сына Юрыя на тэрасе здраўнёўскага дома”, “Паненкі на прагулцы сярод статка кароў” (усе 1896), абразы “Хрыстос” (1894) і “Маці Божая” (1896) - для царквы суседняй вёскі

Слабада, “На сонцы” (1900) і інш. Дарэчы, праца над карцінай “Адказ ад споведзі”(1880 – 1889) пачалася пад уражаннем ад верша “Апошняя споведзь” паэта Мікалая Мінскага (1855—1937), ураджэнца г. Глыбокае Віцебскай вобласці.

У пачатку восені 1892 года, завяршаючы свой першы летні сезон у Здраўнёве, Рэпін піша партрэт старшай дачкі Веры (1872-1948) – у выніку чаго і з’яўляецца знакаміты “Восеньскі букет” (Траццякоўская галерэя, Масква). Вера пазіравала бацьку на фоне прыдзвінскай восені, тутэйшага саду - з букетам простых палявых кветак. “Па жывапісу, па прыгажосці і высакароднасці каларыту гэта адна з самых паспяховых рэпінскіх работ” – адзначае К.Аленава [10, с. 28—30].

Цікавасць да беларускай гісторыі ў мастака ўзмацнілася пасля яго знаёмства з віцебскімі краязнаўцамі Уладзімірам Стукалічам і Аляксеем Сапуновым. Стукаліч зацікавіў яго эпізодам з гісторыі – забойствам І.Кунцэвіча, які быў забіты ў 1623 годзе, і яго цела кінута ў Заходнюю Дзвіну. Сапуноў стаў вядомы Рэпіну найперш як аўтар знакамітых прац - “Рака Заходняя Дзвіна: гісторыка-геаграфічны агляд” (1893) і “Віцебская даўніна” (1883-88). Сапуноў прыязджаў у Здраўнёва, каб падараваць мастаку 2 тамы сваёй кнігі “Віцебская даўніна”. Захаваўся падзячны ліст Рэпіна за гэты падарунак. Пад уплывам Сапунова і Стукаліча Рэпін збіраўся напісаць гістарычную карціну пра Віцебскае паўстанне 1623 (на жаль, гэта не было здзейснена). Захаваўся толькі эскіз “Пропаведзь Кунцэвіча ў Віцебску” (1893).

Здраўнёва часта наведвалі сваякі, сябры і знаёмыя мастака, вучні, паслядоўнікі і прыхільнікі яго таленту (А.Г. Яўленскі, К.А. Вяшчылаў, І.М. Трапічнікаў, М.Я. Барысаў і інш.). У 1918-30 гг. у сядзібе жыла сям’я малодшай дачкі мастака Т.І. Рэпінай-Язевай, якая з дачкой і зяцем настаўнічалі ў пачатковай школе Здраўнёва. Сын Рэпіна Юрый скончыў Вышэйшае мастацкае вучылішча Акадэміі мастацтваў, стаў таксама добрым мастаком. У Здраўнёве ён стварыў карціны – “Скальнікі”, “Цыганы ў вёсцы”, “Аўтапартрэт” (1890-я гг.).

Дзейнасць І.Рэпіна зрабіла значны ўплыў на творчасць беларускіх партрэтыстаў канца 19 – пач. 20 ст. Партрэты мастака моцныя менавіта “аб’яднаннем усіх выяўленчых сродкаў для мастацкага ўвасаблення якой-небудзь адной дамінанты, што вызначае ўсю сутнасць чалавека”, - заўважае К.Чукоўскі [11, с. 49]. Уплыў Рэпіна адчуваецца ў творах Ф.Рушчыца, Г. Вейсенгофа, Э. Сукоўскага, Я.Кругера, Ю.Пэна. Так, відавочны жанравы характар маюць партрэты канца 19 – пач. 20 ст: “Стары кравец”, “Стары салдат”, “Жабрак” Ю.Пэна, “Дзяўчына ў чырвоным” і “Партрэт скрыпача Жухавіцкага” Я. Кругера, “Жаночы партрэт” Л.Альпяровіча, “Настасся” А.Каменскага, “Партрэт дзяўчынкі” Р. Баброўскага, “Беларуска” Б.Тамашэвіча, “Партрэт дзяўчыны” А.Ромера, жаночыя партрэты Б.Адамовіча.

Рэпін як рэаліст уваходзіў у расійскае дэмакратычнае аб'яднанне - Таварыства перасоўных мастацкіх выстаў (з 1878), а перасоўнікі, як вядома, ставілі асноўнай задачай прапаганду нацыянальнага рэалістычнага мастацтва. Іх выставы адбываліся ў Мінску, Магілёве, Віцебску, іншых гарадах Беларусі. Так, вялікай падзеяй у культурным жыцці Беларусі стала выстава перасоўнікаў 1899 года ў Мінску, дзе экспанаваліся творы не толькі І. Рэпіна, але і У. Макоўскага, М. Касаткіна і інш.

У Нацыянальным мастацкім музеі Рэспублікі Беларусь захоўваецца 13 жывапісных палотнаў Рэпіна, сярод іх: "Украінка ля плятня" (1876), "Запарожцы" (эскіз да карціны, 1880-я гг,). Партрэты М.К. Ценішавай (1893), М.Ф. Андрэевай. У Віцебскім мастацкім музеі захоўваюцца акварэлі Рэпіна - "Конік", "Афрыканскі матыў", "Запарожац", малюнкі "Вершнік страляе", "Казанне Іасафата Кунцэвіча"(1893), "Партрэт Н.Рэпінай" і "Краявід. Здраўнёва" (абодва 1895), абразы Ісуса Хрыста (1894) і Маці Божай (1895).

У 1970 годзе быў заснаваны, а ў 1989 годзе адкрыты музей-сядзіба І.Я.Рэпіна "Здраўнёва"."Падтрымаць і развіваць мастацтва можа толькі адно – народныя музеі… Пакуль іх не будзе, не будзе і сапраўднага мастацтва", - пісаў мастак крытыку У. Стасаву [8, с. 106]. Такім народным музеем ужо трывала стаў музей-сядзіба І.Я. Рэпіна "Здраўнёва". У гэтай культурнай установы сур'ёзныя мэты – садзейнічаць далейшаму развіццю станоўчага іміджу Беларусі на еўрапейскім мастацкім полі, падтрымліваць жывапіснае мастацтва творцаў Віцебшчыны, спрыяць творчым і сяброўскім сувязям беларускіх і замежных жывапісцаў.

У Здраўнёве сталі ўжо традыцыйнымі пленэры студэнтаў і выкладчыкаў мастацка-графічнага факультэта ВДУ імя П.М.Машэрава, навучэнцаў Віцебскага каледжа культуры і мастацтва, а таксама Мінскай гімназіі-каледжа імя. І.В. Ахрэмчыка. Многія беларускія мастакі лічаць за гонар прадстаўляць свае творы ў музеі. Тут адбылася выстава мастака Пятра Явіча, які, як і Рэпін, працаваў ў жанры партрэта ("Дзяўчынка", "Дзяўчынка ў блакітным", народнага артыста А.Ільінскага і інш.). Вялікім поспехам карысталася і выстава графіка і жывапісца Фелікса Гумена ("50 год у Віцебску: Рэпіну прысвячаецца"), які з'яўляецца адным з пачынальнікаў віцебскай школы акварэлі. Рака Волга, як і ў Рэпіна, знайшла ўвасабленне ў карціне Ф.Гумена "Па Волзе і Каспію". Свой жывапіс прадставіў жывапісец з в. Новыя Гараны Полацкага раёна Віктар Жукаў. Пастаянна выстаўляе свае працы мастачка Наталля Самсонава. Прадстаўлялі таксама сваю творчасць Святлана Баранкоўская (габелен), Кацярына Міхлюк (бацік) і шматлікія іншыя прафесійныя і самадзейныя майстры Віцебшчыны, Беларусі.

У музеі летам 2009 года была адкрыта Школа маладых мастакоў краін СНД. Прывітальныя лісты ў сувязі з гэтай знамянальнай падзеяй

даслалі прэзідэнт Расійскай акадэміі мастацтваў З.К. Цэрэтэлі, сапраўдны член Нацыянальнай акадэміі навук Азербайджана А. Г. Эльдараў і інш. Удзельнікамі Міжнароднага дзіцяча-юнацкага пленэра ім. І.Я. Рэпіна былі прадстаўлены творчыя працы. Адным з майстраў-класаў на гэтым пленэры кіраваў Ф. Гумен.

Стрыжнявая ідэя здраўнёўскіх пленэраў заключаецца ў тым, каб будучыя прафесійныя мастакі наведвалі неаднойчы мясціны, звязаныя з жыццём і дзейнасцю Рэпіна і затым увасобілі ў сваіх творах уласнае бачанне “рэпінскай зямлі” праз прызму індывідуальнага ўспрымання творчай асобы Майстра. Канешне, у гэтых карцінах сучаснікаў няма такой сілы, якая б вярнула нас на звыш чым стагоддзе назад, але яны выдатна здольны паказаць зрэз гістарычнага часу, прыцягнуць увагу падрастаючага пакалення да памяці знакамітага папярэдніка. І ў работах сапраўды ўвасабляюцца адбіткі прысутнасці мастака, фактаграфіі яго жыцця. Пленэры красамоўна сведчаць, наколькі важным момантам самаўсведамлення з’яўляецца для кожнага чалавека наведванне гістарычна значных, мемарыяльных мясцін.

Адной з важных мэт музея-сядзібы “Здраўнёва” з’яўляецца і прыцягненне ўвагі найперш падрастаючага пакалення і наогул шырокіх колаў грамадства да асобы вялікага мастака, творцы сусветнага маштабу шляхам інтэграцыі намаганняў розных адукацыйных, выхаваўчых і культурных устаноў горада Віцебска, пасёлка Рубы, Віцебшчыны, Беларусі. Тут выхоўвае не толькі музей, выхоўваюць сядзіба, рака Заходняя Дзвіна, акаляючая прырода. Студэнты ВДУ імя П.Машэрава, Віцебскага каледжа культуры і мастацтва прызнаюцца, што, аднойчы пабываўшы ў Здраўнёве, прайшоўны рэпінскімі сцяжынкамі, яны ўпершыню па-сапраўднаму пачынаюць адкрываць для сябе Рэпіна, хоць і вывучалі ўжо раней яго творчасць у школе, бачылі рэпрадукцыі яго карцін ці нават арыгіналы. Дарэчы, у Санкт-Пецярбургу, горадзе, з якім напарыўна было звязана жыццё Рэпіна, нядаўна ўтварыўся клуб аматараў “Здраўнёва”, якім кіруе гісторык і мастацтвазнаўца Наталля Баклан. Удзельнікі гэтага клуба ў дар музею прывезлі ужо звыш сотні каштоўных экспанатаў рэпінскага часу.

Рэпін выступаў за актыўнае, поўнае духоўных інтарэсаў жыццё, ён ставіўся да выхавання ўласных дзяцей з вялікай адказнасцю. Значную ўвагу мастак звяртаў на развіццё кругагляду і ведаў сваіх чатырох дзяцей – пра навакольнае асяроддзе і гістарычнае мінулае. У здраўнёўскай сядзібе частымі былі чытанні кніг сусветнай класікі. Рэпінскі ідэал выхавання і навучання заключаўся ва ўсебаковым развіцці асобы. А развіццю густу, эстэтычных пачуццяў, мастацкасці надавалася асаблівае значэнне. «Мастацтва ёсць вялікая справа Свету, і яно трывала застаецца, перажываючы ўсе катастофы жыцця”, – пісаў Рэпін мастаку-рэстаўратару Д.Багаслоўскаму [9, с. 377].

“Так ужо здарылася, што Ілья Яфімавіч Рэпін, узгадаваны ласкавым сонцам Чугуева і загартаваны зменлівым норавам Паўночнай Пальміры, жаданы госць Масквы, Абрамцава і Яснай Паляны, у пачатку 90-х гг. мінулага (XIX ст. – К.К.) стагоддзя кідае выратавальны якар ля берага Заходняй Дзвіны”, - трапна заўважыла Я. Кічына [2, с. 5]. А ў XXI стагоддзі яго творчасць, якая характарызуецца гістарычнай аддаленасцю і агромністай эмацыяльнай блізкасцю, пераконвае нас ў магутнай сіле не толькі вялікага мастацтва, але і самога народа, у яго прыгажосці і высакароднасці, бо толькі ў гушчы народа мог нарадзіцца такі геній, якім з’яўляецца І.Я. Рэпін.

1. Беларускае-рускае культурнае ўземадзеянне канца XIX – пачатку XX ст.: матэрыялы навук. канф. – Віцебск, 1995. – 160 с.
2. Кичина, Е.М. И.Е. Репин и Здравнево: в обретении и разлуке / Е.М. Кичина. – 2-е изд., изд. перераб. и доп. – Витебск, 1994. – 111 с.
3. Лясковская, О.А. Илья Ефимович Репин / О.А. Лясковская. – М.: Искусство, 1962. – 383 с.
4. Москвинов, В.Н. Репин в Москве / В.Н. Москвинов. – М.: Гос. изд. культ.- просвет. лит.-ры, 1955. – 112 с.
5. Новое о Репине: статьи и письма художника, воспоминания учеников и друзей, публикации. - Л.: Художник РСФСР, 1969. – 435 с.
6. Падліпскі, А.М. Здраўнёва: тут жыў І.Я. Рэпін / А.М. Падліпскі. – Мінск: Полымя, 1995. – 62 с.
7. Пророкова, С.А. Репин / С.А. Пророкова. – М.: Молодая гвардия, 1960. – 415 с.
8. Репин, И.Е. Избранные письма в 2-х тт. Т. 1 / И.Е. Репин. – М.: Искусство, 1969. – 455 с.
9. Репин, И.Е. Избранные письма в 2-х тт. Т. 2 / И.Е. Репин. – М.: Искусство, 1969. – 463 с.
10. Илья Репин. – М.: Белый город, 2001. – 63 с.
11. Чуковский, К.И. Репин / К.И. Чуковский. – М.: Искусство, 1969. – 137 с.

Дорофеева И.А.

МУЗЕЙ ИСТОРИИ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ «ВИТЕБСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

УО «ВГТУ» сегодня – это один из престижных вузов республики и единственный в Беларуси, выпускающий специалистов для предприятий легкой, текстильной промышленности и бытового обслуживания, который является центром по научному обеспечению этой отрасли в республике. Основной идеей создания музея истории университета, с одной стороны, стала необходимость усиления идейно-воспитательной работы среди студенческой молодежи, с другой сто-

роны – накопленный опыт университета, требующий исторического осмысления и анализа.

Создавая экспозицию музея истории, мы стремились подчеркнуть индивидуальность, многогранность и стиль нашего университета, передать непрерывный диалог между прошлым и настоящим. Хранить и поддерживать такой диалог – главная задача музея истории и традиция университета. Говоря о традициях нельзя не сказать об их использовании, о включении в живую, здесь и сейчас существующую образовательную, научную, воспитательную и культурную жизнь нашего университета.

Музей истории УО «ВГТУ», не только воспитывает у студентов чувство гордости и уважения за свое учебное заведение, но и способствует проявлению у них интереса к научно-исследовательской деятельности, к поискам нового, передового, креативного. На примере музейной экспозиции особое внимание уделяется формированию эмоционально-личностного отношения студентов к истории университета, начиная от простого восприятия, интереса, живой реакции на факты из жизни ученых до осмысления личностных идеалов, ценностных ориентаций и их активного проявления в жизни.

Открытие экспозиции музея истории УО «ВГТУ» состоялось в июне 2007 года, в здании нового 4 учебного корпуса. Площадь экспозиции составляет 55 кв.м.

В разработке научной концепции, эскизов оборудования и художественного решения принимали участие преподаватели и студенты кафедры дизайна. В экспозиции музея был применен принцип зонирования: создан экспозиционный план с логическим делением на исторические периоды – «ВТИЛП-1965» и «ВГТУ-1995». Функционально экспозиция музея делится на экспозиционную зону и зону хранения фондов музея.

«Изюминкой» дизайна музейного интерьера является островная восьмиугольная витрина, которая незримой нитью связывает историю прошлого и настоящего, лаконично объединяя воедино всю дизайнерскую и концептуальную идею музея. На стендах представлены материалы, посвященные первым преподавателям, развитию вузовской науки, художественной самодеятельности, спорту, студенческому строительному движению, материально-технической базе, знаковым событиям университета. Почетное место занимают фотоматериалы об участниках Великой Отечественной войны – работниках университета. Информационный стенд с поворотными модулями отражает учебную, научную деятельность факультетов, кафедр, экспериментально-опытного предприятия, библиотеки.

Экспозиция выстроена так, что музей истории является посредником между преподавателями и студентами, давая возможность по-

следним узнать о преподавателе не только как о человеке, обучающем определенным знаниям, но и как об ученом, общественном деятеле и творческой личности.

Музей истории используется в рамках различных рекламных программ, что позволяет продемонстрировать заслуги и добрые традиции университета и его коллектива, а главное, подчеркнуть значимость и стабильность нашего университета. Кроме того, на базе музея активно развиваются социальные программы: воспитание нового поколения студентов; стимулирование деятельности Совета ветеранов; реализация творческой активности студентов и преподавателей университета путем организации выставок.

Социальные функции музея предполагают разделение потенциальных посетителей на следующие группы:

- официальные делегации и партнеры университета.

Музей как средство рекламы и формирования имиджа университета;

- студенты, сотрудники, преподаватели университета.

Музей как хранитель исторической и социальной памяти;

- ветераны войны и труда университета.

Музей как средство сохранения исторической памяти и помощник поддержании контактов с неработающими сотрудниками университета;

- студенты первокурсники, новые сотрудники университета.

Музей как транслятор исторической и социальной информации, определяющий своеобразный «кодекс чести» коллектива, служащий мощным воспитательным и образовательным механизмом;

- школьники.

Музей как элемент профориентации и общекультурного воспитания.

Образовательно-воспитательная функция музея реализуется через следующие направления деятельности:

- научно-исследовательская.

Изучение научного и гуманитарного наследия (лекции, беседы);

- учебно-методическая.

Работа со студентами (конференции, практические занятия, дипломные проекты).

- просветительская.

Возрождение исторических традиций (экскурсии обзорные и тематические, встречи с ветеранами труда и войны);

- коммуникативная.

Объединение на основе интереса к истории вуза (тематические вечера, дни памятных событий).

Особое внимание уделено воспитательному пространству музея, наиболее благоприятно влияющего на морально-психологическое самочувствие студентов. Под воспитательным пространством подразумеваем следующее:

- эстетически выразительная обстановка (цветовое решение стен, современное оборудование, чистота и т.д.);
- благоприятный психологический и моральный микроклимат (доброе отношение и приветливая улыбка экскурсовода и т.д.);
- открытый диалог, интерактив.

Из выше сказанного следует, что задача музея не должна сводиться лишь к передаче информации о том, или ином событии. Музей современный должен обращаться и к внутреннему миру посетителя (студент, школьник, гость университета), воздействовать на чувственно-эмоциональную сферу личности.

Например, первый учебный месяц сентябрь – месяц знакомства с новой обстановкой, вузом. Надо «влюбить» студента в университет, показать его возможности в обучении. И в данном случае на помощь приходит экскурсия в музей истории университета.

Использование информации о специальностях факультетов позволяет детально познакомить студентов с возможными перспективами и карьерным ростом в выбранной профессии, а также помогает первокурснику преодолеть боязнь и неуверенность, которые присущи любому молодому человеку, попадающему в новые условия.

С целью плодотворного решения задач по нравственному, общекультурному, патриотическому, гражданственному воспитанию студенческой молодежи УО «ВГТУ» музей истории предлагает: проведение мероприятий, посвященных историческим событиям страны и университета в рамках кураторских часов; просмотр видеофильмов, посвященных историческим событиям университета и знаменательным датам Республики Беларусь; проведение по запросу учреждений образования экскурсий (методических, профориентационных, тематических); проведение циклов встреч студентов с ветеранами труда университета; организация временных тематических выставок; содействие структурным подразделениям университета и студентам в получении информации по истории вуза; взаимодействие с учреждениями образования и культуры г. Витебска в проведении и организации совместных тематических выставок.

Музей истории УО «ВГТУ» сегодня переживает второе рождение, находясь в поиске прогрессивных форм и методов работы, которые содействуют решению воспитательных и образовательных задач и реализации совместных проектов со студенческой молодежью, развитию творческой деятельности. Музей представляет удивительный пример не просто культурного центра университета, но монолита, со-

единяющего историческую судьбу и современную жизнь вуза.

Музейная деятельность очень разнообразна, сложна, специализирована, она требует пристального изучения. В перспективе планируется создать компьютерные справочно-информационные программы, позволяющие получить дополнительную информацию по содержанию экспозиции, ознакомиться подробно с определенной темой, представленной в музее.

Исследователи изучают проблему, почему пришли в музей те, кто уже пришли, но гораздо важнее знать, почему не пришли те, кто не пришли. Поэтому еще одна высокая миссия музея истории университета – сформировать у сотрудников и студентов потребность в знании собственной истории.

1. Музееведение. Музеи исторического профиля: учеб. пособие для вузов по спец. «История». – М., 1988.
2. Студенческая молодежь в меняющемся обществе: материалы респ. науч. конф., Брест, 10 – 11 апреля 2003 г. – Брест, 2003.
3. Теория и практика: движение навстречу // Мир музея. – М., 2006.

Шавлинская О. Н., Любченко О.А.

БИБЛИОТЕКИ ВИТЕБСКА В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Обращение к проблеме непрерывного образования и выделение ее в число актуальнейших направлений педагогической теории и практики явилось результатом быстрого научно-технического прогресса, который предопределил замену формулировки «образование на всю жизнь» формулировкой «образование через всю жизнь». Сегодня актуальность исследования в различных сферах непрерывного образования обусловлена не только динамизмом современной цивилизации. Многие развитые страны, достигнув впечатляющих результатов в экономическом развитии, всё чаще страдают от социальной дисгармонии. Образование, в этом смысле, становится едва ли не решающим фактором социального благополучия, а гибкая система непрерывного образования в состоянии амортизировать негативные социальные процессы.

Признавая значимость этих вопросов и необходимость дальнейшей мобилизации сил международного сообщества по их решению, ЮНЕСКО, ОЭСР, Европейская комиссия, Римский клуб и др. определяют непрерывное образование как ключевое понятие и считают его основной целью в образовании каждого. Бесспорным свидетельством актуальности и перспективности развития непрерывного образования является подключение на современном этапе крупных

финансовых учредителей в лице Всемирного Банка, корпораций Microsoft, Intel, которые разрабатывают идеи непрерывного образования в контексте развития глобальной экономики знаний [5].

Отмечая эти моменты, нельзя не обозначить и роль библиотек в системе непрерывного образования. Неоспоримым является тот факт, что библиотека представляет собой социальный институт, влияние и участие которого распространяется на различные периоды жизни и жизненного развития человека. Таким образом, процесс постоянного использования человеком ресурсов библиотеки идет параллельно с процессом «образования через всю жизнь».

Так как одной из немаловажных функций библиотеки является функция образовательная, то предоставление библиотекой информационных ресурсов не может иметь чисто рекреационный статус. Это следует понимать, как возможность и необходимость предоставления библиотекой целенаправленной, адекватной и по возможности полноценной помощи образованию, в том числе и непрерывному [2].

Непрерывное образование затрагивает различные сферы науки и деятельности. Повышение квалификации библиотечных кадров не является исключением, что, в свою очередь, также может послужить очередным толчком к активному участию библиотек в помощи непрерывному образованию. Это объясняется тем, что библиотечные работники не только в полной мере осознают необходимость предоставления соответственной информации пользователям, являющимся объектами непрерывного образования, но и на должном уровне знакомы с путями предоставления этой информации.

Таким образом, изучение места библиотек в системе непрерывного образования необходимо и важно по ряду причин. Среди них важно особо обозначить возможность самоидентификации библиотеки как центра помощи и частичного руководства (управления) процессом непрерывного образования; утверждение наиболее четкой системы предоставления необходимой информации пользователям, осуществляющим непрерывное образование; возможность создания специализированных отделов или секторов в помощь непрерывному образованию [4].

Для специалистов сферы образования самыми доступными, безусловно, являются ресурсы, предоставляемые библиотеками учебных заведений, которые предоставляют материалы по всем дисциплинам, которые преподаются в ВУЗе. Фонды таких библиотек достаточно полно комплектуются периодическими изданиями, что позволяет получать самые новые и актуальные сведения, а также работать с трудами многих авторов.

Следует отметить, что в Витебской области сеть библиотек учебных заведений возглавляет библиотека УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова».

Главные особенности функционирования данной библиотеки состоят, в частности, в сочетании в библиотеке ее внутренней зависимости от высшего учебного заведения и внешней «свободы» (участие в региональных и международных проектах, выполнение функций методических и других центров), в цикличности работы вузовской библиотеки, основой которой являются графики и планы учебно-воспитательного процесса, в непрерывности и ритмичности процесса пополнения документальных фондов библиотеки, связанных с образовательными требованиями использования в учебном и научном процессах вуза новой учебной и научной литературы, а также в многоцелевом составе информационных ресурсов вузовских библиотек, который позволяет им, занимаясь информационным обеспечением учебного процесса, осуществлять информационную поддержку научной работы в вузе.

Что же касается обслуживания остальных категорий специалистов, не исключая и преподавательскую, то в Витебской области оно осуществляется Витебской областной библиотекой им. В. И. Ленина. Эта библиотека предоставляет материалы научным сотрудникам, информационно-техническим работникам, экономистам, финансистам, юристам, специалистом в области сельского хозяйства, здравоохранения, образования и культуры. Помимо этого, библиотека осуществляет обслуживание студентов, магистрантов и аспирантов. Целью такого обслуживания является расширение знаний, умений и навыков по информационному самообеспечению профессиональной деятельности, помощь в изучении и использовании технологии подготовки и оформления результатов собственной научной деятельности.

По данным отдела комплектования, для аспирантов и специалистов, повышающих образование, наибольший интерес представляют диссертации, авторефераты диссертаций, а также монографии. Комплектование библиотеки материалами осуществляется из различных источников: библиотечного коллектора Минска (обязательный платный экземпляр), областного библиотечного коллектора, из книготорговых фирм, книжных магазинов, обменного фонда Национальной библиотеки Беларуси. Свыше 40% материалов поступает в дар библиотеке – так за последний год в фонд библиотеки была предоставлена литература из Комитета экологии, Управления по туризму.

Самой обширной группой обслуживания среди специалистов-пользователей библиотеки являются специалисты в области образования. Их число в два раза превышает суммарное количество читателей экономистов, финансистов и юристов, а также втрое превосходит количество обслуживаемых специалистов в области здравоохранения. Если продолжить рассмотрение использования ресурсов библиотеки специалистами различных отраслей, то четвертое место занимают информационно-технические работники, за ними следуют специалисты

в области культуры. Наименее представлены среди пользователей библиотеки специалисты сельского хозяйства.

Следует обратить особое внимание на то, что главная библиотека Витебска осуществляет и значительную помощь научным сотрудникам: организует методическое руководство, помогает в поиске информации, обеспечивает и поддерживает должный уровень информационной и библиографической грамотности. Это лишний раз доказывает, что библиотека является тем самым социальным институтом, который сопутствует образованию человека в течение всей его жизни – начиная с выполнения школьной программы и заканчивая самостоятельной научной работой.

Развитие системы образования влечет за собой изменения в требованиях к уровню трудовой деятельности, к профессиональным качествам специалистов, к повышению квалификации кадров. Непрерывное образование в Витебской области осуществляется на различных уровнях и различными социальными институтами. Для библиотеки изучение и владение источниками профессиональной информации играет огромную роль в обеспечении непрерывного образования каждого пользователя, непосредственно влияет на профессиональное мастерство, педагогическую, творческую, научно-исследовательскую деятельность.

Поэтому необходимо формировать и поддерживать у пользователей умения осуществлять информационную деятельность, формулировать свои потребности и запросы, владеть стратегиями и алгоритмами оптимизированного информационного поиска и анализа информационных источников, свертывать и развертывать информацию, уметь использовать любые источники информации, базы и банки данных для эффективного сопровождения научной и учебной деятельности [3].

Таким образом, помочь перейти от изучаемого в школе, в вузе к самообразованию – главная задача просветительской деятельности библиотек. Именно поэтому, образовательную функцию можно назвать основной для библиотеки. Это можно подтвердить тем, что данная функция проявляется в увеличении знаний, расширении кругозора личности, обучении ее умениям и навыкам самостоятельного поиска информации, ее переработки и получения знаний, что составляет основу непрерывного образования на базе самообразования.

1. Збаровская, Н.В. Образовательный технологии в системе библиотечного обслуживания / Н.В. Збаровская // Библиотековедение. – 2004. – № 5. – С. 23 – 27.
2. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / под ред. Е.С. Полат. – Москва, 2000. – 272 с.
3. Чернышева, Е. Стратегия поиска и обработки информации / Е. Чернышева // Высшее образование в России. – 2007. – № 11. – С. 119-123.
4. www.motulski.iatp.by/articles/st_mono_ch3.HTM
5. www.tutr-osnovy.ru/Nepreryvnoe_obrazovanie_/index.html

Михайлова О.П., Сотниченко С.А., Шматков И.И.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕСУРСОВ ИНТЕРНЕТА В РАБОТЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

В настоящее время большое внимание уделяется применению в учебной и воспитательной работе со студентами информационных технологий. В Республике Беларусь разрабатываются приемы и методы данной работы, студенты осваивают навыки работы на компьютере, в интернете и дисциплины «Информационное право», «Основы информатики» и т.д.

Опыт авторов, накопленный на протяжении данного учебного года, свидетельствует о большой эффективности применения сайтов (блогов), подготовленных преподавателями и размещенных в интернете, как для воспитательной, так и для учебной работы. Поэтому целью данной статьи можно считать обсуждение вместе с высоким научным сообществом результатов указанной работы.

Цель составления сайта (блога) – облегчение работы со студентами по накоплению ими необходимого фактического материала и его усвоению, по своевременному информированию их о планах и действиях куратора академической группы.

Задачи – обеспечение своевременного контроля за учебным процессом группы в целом; обеспечение своевременного контроля за успеваемости группы и отдельных студентов; создание средства дополнительной мотивации отдельных студентов к повышению успеваемости по тому или иному предмету, предоставление студентам доступной и своевременной информации по предмету, необходимой для их подготовки к экзаменам (зачетам).

Основными принципами составления и использования информационных ресурсов являются: системность, анализ, регулярность, доходчивость, доступность.

Под системностью в данном случае понимается создание электронного банка данных (фактической информации), содержащего указанные сведения и данные.

Под анализом – сбор не только фактической информации, но и ее анализ; составление аналитических обобщений, выводов по изучаемым объектам.

Под регулярностью понимается постоянное изменение (аналитической части блога) и дополнение (фактической части блога) новыми данными, отражающими динамику изменений в учебном и воспитательном процессе.

Доходчивость – оформление блога в удобном для пользователей (студентов) виде. Когда отдельные его элементы могут быть исполь-

зованы для индивидуальных бесед, самостоятельной работы студентов, помещения в электронные ресурсы кафедры (для изучения и анализа самими студентами) или факультета.

Доступность – возможность для студентов изучить предоставленные в широкий доступ (электронная база кафедры или факультета) элементы сайта.

Указанная работа шла через систему интернет-клубов, созданную на яндексе. Данная система позволяет любому человеку под настоящим, или вымышленным именем (ником) открыть свою страничку – сайт. Это во многом облегчает работу для тех преподавателей, которые, во-первых, не достаточно четко владеют информационными технологиями, во-вторых, имеют мало времени для проведения подобной работы, в-третьих, желают сэкономить деньги – нет нужды платить большие деньги специалистам за разработку и создание личных сайтов.

Яндекс предлагает уже сразу оформленный блог (так называется данная страничка), с заранее выставленными параметрами и разделами. В данные разделы включены: «фотография составителя блога», его «адресные данные», «персональные данные», «дневник», «фотографии», «видео», «желания», «отзывы», «ответы». Разделы, которые преподаватель не хочет использовать в своей работе, он может отключать (они не показываются посетителям). Данная система разделов позволяет не писать сложные и длинные программы по созданию и оформлению сайта, облегчает работу лиц, слабо представляющих себе язык программирования HTML. Клуб также дает возможность создавать опросы для посетителей, проводить анонимное голосование, комментировать записи в дневнике.

Прежде чем говорить о примерных приемах и методах работы, следует привести конкретные цифры, подтверждающие актуальность и востребованность подобной формы работы со студентами.

Авторы создали на яндексе два блога: «куратор 23» и «13». Первый был ориентирован на оказание помощи студентам по истории государства и права Беларуси в период зимней учебной сессии, второй – на кураторскую работу со студентами юридического факультета УО «ВГУ им. П.М. Машерова».

На блоге «куратор 23» в разделе «дневник» в декабре – феврале 2009-2010 гг. было размещено более 200 материалов по указанной учебной дисциплине. Они включали: материалы научных статей по отдельным темам истории государства и права, учебников, словарей, энциклопедий, методические рекомендации по подготовке. Параллельно на блоге проводились анонимные опросы:

1) «Какие еще материалы необходимо добавить в блог?»;

2) «Насколько помог Вам блог при подготовке к экзамену по истории государства и права Беларуси?»,

3) «Какие темы были самыми трудными на экзамене?»

По первому вопросу посетители заказали 2 темы по периоду Великого княжества Литовского, 2 – Речи Посполитой, 7 – Российской империи, 5 – БССР, 2 – современной Республики Беларусь.

По второму опрос дал следующие результаты: 1 из проголосовавших показал, что материалы блога помогли им в сдаче экзамена примерно на 70 %; 4 – на 50 %, 2 – на 40 %, 1 – на 30 %, 1 ответил что материалы ему не помогли. Средняя помощь со стороны блога может быть оценена в 42 %. Это не говорит о низкой эффективности данного вида работы. Дело в том, что, во-первых, размещение материалов в интернете является вспомогательной формой к общей работе преподавателя, во-вторых, данный опыт и эксперимент нуждается в продолжении и дальнейшем исследовании.

Для сравнения с указанными цифрами приведем общие данные о посещаемости блога «куратор 23». С 20 декабря 2009 г. по 16 февраля 2010 г. его посетило 187 человек 1045 раз (в среднем – 5,6 посещения на человека). При этом около 200 материалов, размещенных на страничке, были просмотрены 4133 раза (в среднем по 20 раз одна запись). По первому вопросу голосовало, как можно заключить, только 4,8 % посетителей.

Данные по регионам демонстрируют, что «куратор 23» посещался гражданами 4 государств. Эти материалы сведены в таблицу 1. 703 визита, сделанных посетителями из Витебск говорят о том, что блог пользуется интересом и выполняет свои функции – оказание помощи студентам для подготовки к экзамену по истории государства и права Беларуси.

Разделы «фотографии», «видео» могут быть эффективно использованы при проведении общественных мероприятий с группой. На них свободно размещаются видео и фото файлы, содержащие информационный материал о встречах с интересными людьми, концертах, посещениях выставок и т.д. студентами группы.

Различные сайты, содержащие красочную анимацию, картинки и т.д. позволяют украсить блог преподавателя, сделать его более разнообразным и привлекательным для посетителей.

Однако данная методика имеет и свои недостатки:

1) она не может заменить основные формы работы преподавателя (лекция, семинар, кураторский час и т.д.);

2) блог имеет четкую структуру, что затрудняет творческую работу по его оформлению;

3) на данных страничках затруднена «навигация» (поиск материалов) для посетителей.

Кунтыш М.Ф.

О «ВНЕДРЕНИИ» В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ШКОЛЫ И ВУЗА СОВРЕМЕННЫХ НАПРАВЛЕНИЙ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В конце XX – начале XXI веков стало очевидным, что образование развивается, в частности, в направлении сближения академической и вузовской науки (и «науки для школьников») и взаимодействия высших и средних учебных заведений. В конце первого десятилетия XXI века можно говорить о конкретных результатах целенаправленной работы по максимальному расширению осведомленности школьников и студентов о новых подходах к объектам, традиционно изучаемым в тех или иных дисциплинах, и конкретных проявлениях интеграции вуза и школы (всех ее звеньев и субъектов).

Для школьников и студентов-нефилологов понятие «лингвистика» часто ограничивается знаниями о так называемой внутренней лингвистике, которая изучается на уроках языков в школе и в курсах русского, белорусского и иностранного языков в вузе. Современная же наука (и это справедливо для любой отрасли знания) – это наука, интегрирующая знания из разных отраслей познания, это чаще всего «наука стыковая». Целью современного образования становится приобщение студентов и школьников к новым аспектам изучения тех или иных языковых явлений, формирование у них широкого комплекса междисциплинарных знаний, актуализация развивающего и воспитательного потенциала языкового материала.

Нами накоплен положительный опыт использования в качестве базы научных исследований, выполняемых магистрантами, основных положений таких актуальных направлений в лингвистике, как когнитивная лингвистика (наука, которая занимается исследованием того, как хранятся наши знания о мире, как они структурированы в языке в процессе коммуникации), лингвокультурология (наука, исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке), социолингвистика (раздел языкознания, изучающий причинные связи между языком и фактами общественной жизни).

Так, в 2007-2009 годах под моим руководством выполнялись и в 2009 году успешно были защищены магистерские диссертации «Формирование коммуникативной компетенции младших школьников на основе усвоения национального и социального компонентов речевого этикета английского языка» Т.В.Ловиковой, «Ролевая игра как средство усвоения лексики с национально-культурным компонентом в семантике» Ж.В.Зятьковой, «Формирование лингвокультурологической компетенции младших школьников (на основе анализа художествен-

ного текста)» Ю.И. Кралько. Теперь магистры педагогики Т.В. Ловикова, Ж.В. Зятькова и Ю.И. Кралько работают учителями в начальной школе и, что особенно ценно, продолжают исследовательскую и методическую работу в избранном научном направлении, что находит выход в их публикациях и выступлениях на конференциях уже после окончания магистратуры.

Подробнее хочу остановиться на научном исследовании Ю.И. Кралько. Работа выполнена на стыке когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, теории языковой личности и премломляется в педагогику, методику преподавания русского языка. Научная работа посвящена особенно актуальной в наши дни лингводидактической проблеме формирования одной из существенных компетенций младших школьников. Предметом исследования явились возможности моделирования процесса формирования лингвокультурологической компетенции и возможности лингвокультурологического словаря для усвоения культурологической информации и реализации сформированных умений и навыков анализа языковых фактов и творческого использования приобретенных знаний. Одна из задач исследования – охарактеризовать языковую личность как носителя национально маркированных языковой и концептуальной картин мира. Кралько Ю.И. была проделана большая работа, в частности, по рассмотрению языкового материала школьного учебника в плане наличия языковых единиц, воплощающих существенные концепты русской культуры; по обоснованию необходимости использования лингвокультурологического словаря для усвоения концептуальных смыслов языковых единиц. Ценность представляют конкретные практические разработки, которые могут быть использованы учителями начальных классов и студентами: составлены словарные статьи лингвокультурологического словаря; разработаны комплексы упражнений по усвоению знаний культурологического характера и реализации сформированных умений и навыков анализа языковых фактов и творческого использования приобретенных знаний. Эффективность реализации на практике логико-содержательной модели формирования лингвокультурологической компетенции и методики, базирующейся на лингвокультурологическом словаре и системе упражнений и творческих заданий с опорой на художественные тексты, фразеологический и паремический фонды языка, подтверждена экспериментально. Актуальность и качество проведенного исследования оценены и за пределами нашего вуза: научная работа Ю.И. Кралько получила вторую категорию в Республиканском конкурсе научных работ студентов.

В плане интеграции вуза и школы особенно важным является то, что результаты этого научного исследования внедрены в учебный процесс СШ № 17. Отрадно, что внедрены не формально, а фактиче-

ски. Ю.И. Кралько в настоящее время является руководителем Научно-методического объединения учителей УО «ГОСШ № 17 г. Витебска» «Инновация», координирует работу по применению внедренных разработок, консультирует учителей, которые проводят открытые уроки с использованием материала научного исследования. А значит, то, что в академической лингвистической науке появилось совсем недавно, становится достоянием учебного процесса в школе, давая новый импульс творчеству учителя и делая даже младших школьников учеными-исследователями (составление словарных статей и «энциклопедии одного слова», предлагаемое в методике Ю.И. Кралько, формирует умения и навыки проведения мини-исследований). И в этом, я считаю, есть заслуга вузовского преподавателя, сумевшего раскрыть магистранту нетрадиционные подходы к языку и показать возможность практического использования знаний в области современных направлений лингвистики, а главное, привить любовь к самостоятельному исследованию, к творческому поиску. Не это ли цель высшего образования?

Нами накоплен и некоторый опыт приобщения к современной лингвистической науке старших школьников. В 2009-2010 годах ученицами 11 класса УО «ГОСШ № 25 г. Витебска» Ю. Пархимович и Т. Терещенко под руководством учителя русского языка и литературы Н.В. Кучко (я выступила в роли научного консультанта) была выполнена и успешно защищена (1 место на школьной научно-практической конференции) исследовательская работа на тему «Воплощение нравственных концептов в учебных текстах и сознании учащихся». Объектом исследования явился концепт (основное понятие когнитивной лингвистики) и языковые единицы, фиксирующие его содержание. Предмет исследования - языковая реализация концепта в различных контекстах и его ассоциативное поле в сознании старших школьников. Изучая научную литературу по проблеме исследования (основным первоисточником для учащихся стало учебное пособие «Когнитивная лингвистика» В.А. Масловой, предназначенное для студентов вузов, но написанное доступно и довольно увлекательно, что и позволило рекомендовать его для изучения старшим школьникам), учащиеся познакомились с такими понятиями, как языковая картина мира, концептуальная картина мира, концепт, концептосфера. Проведя психолингвистический ассоциативный эксперимент, получили непосредственное представление об одном из современных методов лингвистических исследований. Нравственные концепты были выбраны в качестве материала для исследования по нескольким причинам. Во-первых, с ними связано воплощение этического кодекса конкретного человека и народа в целом. Во-вторых, они представляют собой сущности абстрактные, а значит, особенно интересно, каким образом они представ-

лены в различных контекстах и существуют в сознании. В-третьих, усвоение таких концептов напрямую связано с формированием и воспитанием школьника как личности, ведь именно в школьном возрасте закладывается фундамент нравственного поведения, происходит усвоение моральных норм и правил поведения, формируется общественная направленность личности.

Проведенное теоретическое исследование, интерпретация различных контекстов воплощения нравственных концептов в учебных текстах, ассоциативный эксперимент позволяют констатировать, что нравственные концепты, воплощенные в языковых единицах разного уровня, занимают существенное место в языковой картине мира, обладают разноплановыми характеристиками и имеют самые разнообразные ассоциативные связи в сознании школьников.

В плане возможности практического применения теоретических наработок когнитивной лингвистики необходимо отметить, что концепт, как явление многоплановое и в аспекте выражения, и в аспекте содержания, характеризуется способностью к постоянному обогащению, уточнению, а значит, формируется в том числе и в результате целенаправленно организованной работы учителя. Активная работа с лексикой, воплощающей нравственные концепты, позволяет решать задачи постижения культуры народа, повышения познавательной активности учащихся, воспитания личности. Ассоциативный эксперимент позволяет выявить особенности языковой картины учащихся, при этом заставляет школьников задуматься в очередной раз над этическими понятиями, что само по себе не маловажно.

Итак, исследование концептуальных смыслов языковых единиц – актуальная и интересная область познания, которая позволяет постигнуть культуру народа, почувствовать интерес к слову и к тому, что стоит за ним, учит мыслить, дает четкое понимание того, что личность формируется и под воздействием самого языка, поскольку язык является важнейшим способом формирования и существования знаний человека о мире – стало проводиться магистрантами, старшими и даже младшими школьниками, что в полной мере говорит о «внедрении» новых направлений в науке в учебный процесс школы и вуза.

«Внедрение» в учебный процесс информации о новейших направлениях лингвистических исследований целенаправленно осуществляется нами и в повседневной преподавательской работе. Можно говорить о двух направлениях такого «внедрения». Во-первых, введении курсов, отражающих современные актуальные проблемы так называемой внешней лингвистики, во-вторых, систематическое представление каждой дисциплины о конкретном уровне языка как широкого круга разноплановых научных исследований. Так, с целью расширения кругозора студентов в плане связей языка с другими соци-

альными явлениями, такими, как культура, религия, был введен в 2000 году (впервые в Витебском государственном университете) курс социолингвистики, одного из актуальных и перспективных направлений языкознания, возникшего на стыке нескольких наук (сначала он читался мной на факультете социальной педагогики и психологии, а потом на педагогическом факультете). Являясь «пропагандистом» дисциплин, лежащих на стыке наук, считаю, что именно такое знание позволяет увидеть, что любой объект может быть рассмотрен в разных аспектах, с разных сторон, что в одном явлении, как и в жизни вообще, все взаимосвязано и взаимообусловлено, что явления, объекты, изучаемые одними науками, представляют интерес для исследования в других науках. Современным знанием является именно знание, интегрирующее в себе достижения разных областей познания. На нефилологических факультетах курс русского языка, на наш взгляд, должен представлять науку о языке в целом. Это невозможно себе представить без включения вопросов общего языкознания и тех наук, которые возникли на стыке языкознания и других областей знания. Так, при изучении лексикологии и фразеологии студенты получают представление о лингвосемиотике, лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, лингвострановедении, социолингвистике и лингвогеографии. Во время чтения лекций по разделу «Фонетика. Фонология» в курсе русского языка и по дисциплине «Основы фонологии» особое внимание уделяю вопросу структуры фонетики и многоплановости современных исследований звуковой стороны языка, а также тому, что традиционные объекты исследования фонетики представляют интерес для разных областей знаний. Одним из необходимых навыков, который нужно выработать у школьников и студентов при усвоении любой дисциплины является умение ориентироваться в научной литературе с целью получения информации по интересующему вопросу, его выработке в полной мере способствует самостоятельная творческая работа по подготовке рефератов и докладов, научных работ разного уровня. И исключительно важно, чтобы уже младшие школьники ощущали себя исследователями языка, в первую очередь слов, за которыми стоит весь мир.

Преподавание языка – сложное и ответственное дело. Процесс овладения языком, приобретения лингвистических знаний сопряжен с такими сторонами личности человека, как воспитание души, развитие ума, формирование строя мысли, развитие умения ориентироваться в информационном пространстве.

Загорулько Р.В., Королев М.Г.

КУРСЫ ПО ВЫБОРУ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК ПУТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ К ХРИСТИАНСКИМ ТРАДИЦИЯМ

Реалии современного мира свидетельствуют об определенном кризисе духовности в обществе. Его преодоление видится возможным путем обращения к национальным историко-культурным и религиозным традициям в рамках разнообразных курсов, которые разрабатываются согласно экспериментальному проекту «Духовно-нравственное воспитание дошкольников и школьников на православных традициях белорусского народа». На примере некоторых из них проанализируем, в какой степени их содержание реализует задачу формирования ценностного отношения школьников к христианским традициям.

Так, целью занятий по интересам для 1–4 класса ***«Основы православной культуры»*** является формирование основ духовно-нравственной культуры младших школьников на православных традициях белорусского народа, формирование культуры отношений к себе, к своей семье, окружающим людям, к природе и государству на основе традиционных православных ценностей, превратившихся в национальные черты характера белорусского народа (любовь к ближнему, толерантность, трудолюбие и т. п.).

Основными тематическими блоками в 1–2 классах являются «Православная премудрость» и «Благочестивые традиции», а в 3–4 классах – «Священное Писание и Предание – руководство к жизни», «Принципы христианской морали» и «Благочестивые традиции».

Первый блок направлен на изучение Священной истории. При этом ставится задача дать школьникам самые основные сведения о Боге, о грехопадении, библейском взгляде на происхождение мира и человека, о евангельской истории. В третьем и четвёртом классах предполагается ведение бесед о существующих добродетелях, используя сюжеты Ветхого и Нового Заветов. В четвёртом классе школьники уже способны читать Евангелия самостоятельно, а потому становится возможным подробно разбирать прочитанные фрагменты [2, с. 7–8].

Православный месяцеслов является структурной компонентой курса «Основы православной культуры». Основное внимание здесь уделяется не столько охвату всех праздников, сколько углублению понимания школьниками духовно-нравственного значения празднуемых событий, а также изучению традиций белорусского народа, связанных с праздником. В рамках данного курса рассматриваются такие праздники, как Рождество Богородицы, Рождество Христово, Пасха, Троица, День ангела и др.

В духе православия решаются задачи гендерного воспитания, формируется отношение к семье, почтительное отношение к родителям. Школьников знакомят с традиционным укладом жизни православной семьи, с восприятием нашим народом сыновнего и дочернего долга.

Важным представляется знакомство с основными принципами христианской морали, которое запланировано для учеников 3–4 класса. Здесь на основе православного богословия разъясняются такие качества, как человеколюбие, послушание, сострадание, милосердие, прощение, благодарность [2, с. 40–43]. Это позволяет осознать ценность человеческой личности и в соответствии с этим строить свои отношения с другими людьми.

Не оставлено в стороне и христианское отношение к родине. Данный аспект разнопланово отражён в содержании курса: а) необходимость изучения и знания истории своего народа, б) защита родной земли от посягательств захватчиков, в) развитие своих способностей и талантов и использование их на благо Беларуси, г) важность молитвы Церкви о «Богохранимой стране нашей».

В целом, следует отметить, что содержание, методы и формы организации курса «Основы православной культуры» во многом помогают реализовать заявленные задачи. Однако очевидна ярко выраженная конфессионально-религиозная направленность данного курса, а потому возникает закономерный вопрос о целесообразности преподавания такого курса в рамках общеобразовательной школы, которая призвана давать *общее* образование для всех, а не какое-то определённое для некоторых. Добровольное формирование данных классов, конечно, во многом снимает данную проблему. В программе акцентируется внимание, что цель Библии «не давать научную картину мира, а преподать основные духовные истины о Боге, мире и о человеке»[2, с.4]. Не ясно, как это должно практически реализовываться, так как весь блок построен на изучении Священной истории. Какие чувства должен испытывать школьник в дальнейшем при изучении биологии, физики и других дисциплин, где будет преподаваться совершенно другой взгляд на данные проблемы?

Содержание блока «Благочестивые традиции» во многом строится на изучении святоотеческого опыта отношения к труду, семье, родине. Здесь нам видится тонкая грань, от которой зависит успех всего начинания: учитель знакомит детей с примерами традиционного христианского отношения к этим сторонам жизни человека и общества или же педагог с позиций православного учения занимается назиданиями, как следует жить. Последнее, на наш взгляд, может вызвать негативные эмоции и привести к отторжению учащимися изученного. Это же касается и той части, где происходит знакомство с основными церковными праздниками.

Подобная двойственность наблюдается и в некоторых других программах: «Истоки» (программа духовно-нравственного воспитания учащихся 1–4 классов СШ № 7 г. Новополоцка), курсе в УО «ГОСШ № 34 г. Витебска» [1] и др. Например, представляется не вполне обоснованным рассмотрение таких аспектов, как крестное знамение и поклоны в храме, свечи и их значение, помощь мальчиков в алтаре [1; 2], так как они в большей степени характеризуют религиозное воспитание, а не культурологическое.

Реализация задачи сформировать у школьников ценностное отношение к христианским духовным традициям не ограничивается только курсами по православной культуре (хотя в них делаются попытки более комплексно подойти к решению данной проблемы). Заслуживает внимания, например, разработанная программа занятий по интересам ***«Спадчына»*** для учащихся 1–3 классов.

Содержание курса раскрывает мировоззрение и картину мира белорусов на основании народных легенд и сказок, которые в сознании оказываются тесно переплетены с библейскими сюжетами и христианскими традициями.

Факультативный курс ***«Библейские и евангельские сюжеты в белорусском изобразительном искусстве»*** для учащихся 6-х классов представлен историко-хронологическим развитием библейских и евангельских событий, их художественным воплощением и развитием в искусстве Беларуси. Примечательно, что акцент делается именно на христианских традициях – в неразрывном единстве рассматриваются произведения православных, католических, униатских иконо- и живописцев.

На формирование национальной гордости через знакомство учащихся с наиболее выдающимися храмами, замками и дворцами нашей страны направлен факультативный курс ***«Храмы, замкі і палацы Беларусі»*** (для 7 класса). Здесь раскрываются, в том числе, национальные традиции в строительстве и архитектуре, влияние христианских Церквей на развитие архитектурных стилей. Посредством изучения динамики форм храмовой архитектуры школьники знакомятся с традициями с национальными традициями христианского храмостроения, что способствует формированию у них ценностного отношения к этому, а также возрастанию патриотических чувств. Курс «Храмы, замкі і палацы Беларусі» носит надконфессиональный интегрирующий характер, что позволяет его преподавание всем учащимся общеобразовательных школ.

Курс по выбору ***«Искусство колокольного звона»*** подготовлен для 11-х классов с изучением специальных учебных предметов музыкальной и общеэстетической направленности. Он знакомит старшеклассников с феноменом колокольной музыки, который является составной частью христианского культурного наследия не только белорусских земель, но и всей Европы.

Содержание курса предусматривает слушание музыкальных произведений, знакомство с произведениями живописи, литературы, просмотр видеофильмов. Наряду с теоретическими знаниями, получаемыми учащимися в условиях занятий, целесообразно организовать знакомство с местными звонарями, посещение звонниц (с возможностью позвонить на Светлую Седмицу), цеха по литью колоколов предприятия «Отменное литье» (г. Минск), Школы звонарей Минской епархии БПЦ, концертов, фестивалей колокольной и симфонической музыки.

С целью исследования сформированности ценностных отношений к христианским духовным традициям в мае 2008 г. нами было проведено сопоставительное изучение учащихся шестых классов ГОСШ № 10 и ГОСШ № 14 г. Витебска. Школьникам было предложено оценить по 10-тибальной шкале значимость для себя различных положений, которые характеризуют отношение к человеку, семье, родине и Церкви. Характеристика выборки: 41 человек, 19 мальчиков и 22 девочки в возрасте 10–12 лет. Респонденты отбирались по месту учёбы. Большинство школьников из шестого класса ГОСШ № 10 изучали в начальной школе курсы по выбору духовно-нравственной направленности. Учащиеся ГОСШ № 14 подобных курсов не изучали. Результаты исследования представлены в таблице.

Таблица1. – Результаты оценивания шестиклассниками своего отношения к человеку, семье, родине и Церкви

категории	**ГОСШ № 10**	**ГОСШ № 14**
Отношение к семье		
Счастливая семейная жизнь	9,33	9,38
Любовь к другому человеку	9,33	8,96
Забота о родителях	9,56	9,13
Жизнь без брака с любимым человеком	2,89	5,46
Отношение к родине		
Служение родине	6,66	6,63
Подчинение государственной власти	5,39	6,54
Всю жизнь прожить в одной стране	3,83	4,42
Поддержка существующего правопорядка	6,33	5,88
Отношение к Церкви		
Достижение спасения души	8,67	7,42
Посещение богослужений	7,06	5,96
Размышления о смысле жизни	9,00	7,25
Оставить всё ради служения Богу и Церкви	4,33	3,21
Отношение к другому человеку		
Уважение, признание других	7,00	8,25

категории	ГОСШ № 10	ГОСШ № 14
Помощь бедным	8,61	6,54
Жертвовать своими интересами ради других	6,06	5,71
Уважать других (расы, нации, веры)	6,22	6,71
Отношение к самому себе		
Иметь возможность постоянно развлекаться	4,28	6,33
Интересная работа	9,39	9,13
Занятие творчеством	8,33	8,25
Материальный достаток	7,67	9,29

В целом, полученные результаты свидетельствуют о большем устремлении школьников, изучавших курсы по выбору духовно-нравственной направленности, на ответственное создание семьи, поддержку существующего правопорядка, помощь бедным. Они значительное внимание уделяют вопросам спасения души и посещения богослужений, а также в большей степени готовы жертвовать своими интересами ради других. Все эти положения во многом несут на себе отпечаток именно христианского отношения к действительности.

Школьники, которые данных курсов по выбору не изучали, также по многим позициям выразили традиционное для нашей культурной традиции отношение. Однако для них более важна внешняя и материальная сторона жизни: уважение, признание других, материальный достаток, возможность разнообразных развлечений. Также они демонстрируют значительную открытость на свободное сожительство людей (жизнь без брака), против чего активно выступают христианские Церкви.

В результате, можно говорить о том, что курсы по выбору духовно-нравственной направленности во многом способствуют формированию ценностного отношения к христианским духовным традициям белорусского народа, что, в свою очередь, помогает преодолению некоторых негативных тенденций развития современного общества.

1. Великорусова, И. А. Календарно-тематическое планирование по курсу «Духовно-нравственное воспитание школьников на православных традициях белорусского народа» / И. А. Великорусова // Духовно-нравственное воспитание младших школьников на православных традициях белорусского народа: методико-практические материалы. – Витебск: УО «ВОГ ИПК и ПРР и СО», 2006. – С. 54–55.

2. Основы православной культуры: Программа занятий по интересам для учреждений, обеспечивающих получение среднего образования: 1–4 классы / Л. В. Финькевич [и др.] / Министерство образования Республики Беларусь, НМУ «Национальный институт образования Министерства образования РБ». – Мн., 2006. – 58 с.

Лукина Л.В., Лукин О.А.

ТРАДИЦИИ И СТАНОВЛЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Высшее образование это существенная для страны инфраструктура, краеугольный элемент будущей национальной инновационной системы. Содержание образования, структура, формы, методы и средства обучения и подготовки студентов, управление учебным процессом обусловлены конкретными историческими условиями, характером задач отдельных этапов развития общества.

В динамичной жизни современной Витебщины способность осуществлять специализированные пакеты операций демонстрирует Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины, одно из старейших высших учебных заведений, ведущее подготовку высококвалифицированных зооветеринарных специалистов. Выпускники академии, оснащенные необходимыми знаниями и компетенциями, получают профессию, которая кроме непосредственного лечения животных включает и множество различных направлений. По большому счету от того, насколько эффективно функционируют ветеринарные службы, зависит здоровье граждан страны. Они ведут постоянную борьбу с болезнями, которые могут представлять опасность для людей, контролируют качество мяса, молока, яиц и других продуктов животного происхождения на ветеринарных пунктах и фермах, в отделах производственно-ветеринарного контроля на мясокомбинатах, мясомолочных и пищевых контрольных станциях, в ветеринарных лабораториях. Все сельскохозяйственные животные находятся под постоянным наблюдением, специалист несет ответственность за их здоровье, соблюдение требований зоогигиены на фермах, санитарное состояние инвентаря, устанавливает рацион питания скоту, делает прививки от инфекционных заболеваний, принимает роды. Поступающие в продажу продукты питания обязательно проходят ветеринарно-санитарную экспертизу, строгую проверку на наличие в них вредных химических веществ и ядов. Пограничный и таможенный ветеринарный контроль всех ввозимых в страну и вывозимых из нее животных, позволяет избежать и распространения эпидемий.

У ветеринарии древняя история, а профессия врача, исцеляющего животных, скорее всего одна из самых гуманных в мире. Именно лекари «безмолвных тварей» должны обладать особыми, почти абсолютными, добротой и состраданием. Проблема защиты наших меньших собратьев - это проблема нравственности. И не случайно Альберт Швейцер отметил, что симпатия, испытываемая человеком ко всем живым существам, делает его настоящим человеком. Собственно,

слово «ветеринар» означает «лечащий скот». Так, в Древнем Египте существовало учебное заведение, готовящее специалистов, пользовавших животных. Сохранились папирусы, которым более трех тысяч лет, с описаниями болезней скота и методов их врачевания. Древняя Греция и Древний Рим имели свои ветеринарные службы. Возникновение в России ветеринарии как науки связано с именем Петра Первого. В годы его царствования открыли первые ветеринарные школы, стали издавать книги по ветеринарии, выпустили указы о борьбе с недугами лошадей и крупного рогатого скота. 23 июля 1808 года при Санкт-Петербургской медико-хирургической академии открыли ветеринарное отделение и начали готовить специалистов с высшим ветеринарным образованием.

В Витебской губернии в 1884 году было всего три ветеринара с высшим образованием. Только через десять лет были определены должности штатных ветеринарных специалистов: 10 уездных ветеринарных врачей и 22 ветеринарных фельдшера. Они вводили в основном карантинные меры, что было неэффективно в борьбе с заразными заболеваниями животных, носивших массовый характер.

В период 1901-1913 гг. ущерб животноводству причиняли заразные заболевания: сап лошадей, чума и рожа свиней, ящур, последний поразил только в уездах Витебской губернии свыше 75 тысяч голов крупного рогатого скота. В это время в Витебской, Минской Могилевской губерниях работали 74 ветеринара (ветеринарные врачи) и 150 их помощников (ветеринарные фельдшеры), действовали три ветеринарные лаборатории, причем, только в Витебске лаборатория размещалась в специально оборудованном помещении.

Радикальные изменения в развитии ветеринарного дела с 1911 года в Витебской губернии связаны с распространением системы земского хозяйствования. Из земских врачей вышли ученые-экспериментаторы С.Н.Вышелесский, А.Н.Макаревский, В.Ю.Вольферц, А.К.Скороходько и другие, впоследствии основоположники ряда научных школ и направлений в ветеринарии, опубликовав научно-практические руководства по общему и частному животноводству, племенному делу, повышению продуктивности животноводства, зоогигиене.

Впервые в Беларуси (1912 г.) в Витебской губернии были открыты пятимесячные курсы по подготовке ветеринарных фельдшеров. Организатором и руководителем курсов был ветеринарный врач А.С.Лубкин. Издавался ежемесячный журнал «Ветеринарная хроника Витебской губернии» (до 1916 г.), в 1913 году опубликованы научно-исследовательское издание «Витебская губерния в ветеринарно-санитарном отношении», «Труды первого совещания ветврачей Витебской губернии», содержавшее 28 докладов земской ветеринарной службе по итогам Первого совещания ветеринарных врачей Витеб-

ской губернии. С 1918 по 1923 гг. при Витебской губернской ветеринарно-бактериологической лаборатории работало Пастеровское отделение для прививки людей, покусанных бешенными животными.

На Всебелорусском съезде ветеринарных врачей 27 июня 1924 года было внесено предложение об организации ветеринарного института. И 6 августа 1924 г. на заседании Совнаркома БССР слушали вопрос о реорганизации сельскохозяйственного образования и постановили открыть в городе Витебске Белорусский Государственный ветеринарный институт. 8 ноября состоялось торжественное открытие института, разместившегося в здании бывшего городского крестьянского банка. Одновременно с началом деятельности института в городе были открыты ветеринарно-биологический музей имени Н.С.Садовского, ветеринарно-анатомический, орнитологический и энтомологический музеи, ботанический сад. Анатомический музей был открыт на ресурсах общества натуралистов по инициативе заведующего кафедрой профессора Н.В.Прозорова при активном участии известного ветеринарного врача Витебской губернии Е.Ф. Алонова, первого ректора Витебского ветеринарного института. Специализированные коллекции музеев необходимы для выработки гибкости освоения знаний и умений, способствуют вхождению студентов в практику процесса обучения, приобщению к научно-исследовательской деятельности.

В истории академии выделяют три этапа, на каждом из которых подготовка специалистов нацеливалась на решение проблем состояния ветеринарии, включающая профилактическое направление, плановость проведения ветеринарных мероприятий, их связь с технологическими процессами в животноводстве и в перерабатывающей отрасли промышленности, постоянное взаимодействие с органами здравоохранения. Первый: 1924-1941гг. этап становления высшего учебного заведения заложил фундамент развития ветеринарной науки, условия для качественной подготовки квалифицированных специалистов. Открыты в рамках института ветеринарный техникум (1930 г.), зооинженерный факультет (1933 г.). С началом Великой Отечественной войны институт был эвакуирован. Второй этап 1945-1994 гг. нес отпечаток работы в условиях послевоенного восстановления страны. Принимая во внимание глубину разрыва между системой образования, унаследованной от военного лихолетья, и объемом решения предстоящих задач в учебных формах предусматривалась включенность студентов в производственные процессы во время учебы. Поиск новых приоритетов позволил открыть в 1959 году факультет заочного обучения, в 1960 году факультет общественных профессий, в 1966 году факультет повышения квалификации, в 1970 году подготовительное отделение. С 1994 года третий этап, определивший контуры оптимальной модели функционирования вуза. Качественно новые отно-

шения, современные взаимосвязанные модели подготовки зооветеринарных специалистов осуществляются в соответствии с требованиями европейского образовательного пространства, усилены темпы по связи с практикой хозяйств, программами построения инновационной экономики. Наиболее значимые события, имеющие стратегическое значение это создание в 1997 году кафедры мелких животных, включение с 2002 года в состав академии Лужеснянского аграрного колледжа, введение подготовки по дистанционной форме обучения, открытие филиалов академии в гг. Речица (2003 г.), Пинск (2006 г.).

Структуру сельскохозяйственного производства, ряд хозяйственных отраслей сложно представить без надежно работающих ветеринарной и зооинженерной служб, оснащенных современными оборудованием и приборами, инструментами, био-, химиопрепаратами, медикаментами и другими средствами защиты животного мира. Аккумулируя опыт прошлого, выпускники академии – ведущего вуза в отрасли, обеспечивают устойчивое эпизоотическое благополучие, неуклонно снижают потери от заразных и незаразных болезней крупного и мелкого скота, свиней, птицы, пушных зверей. О высоком профессиональном уровне выпускников академии говорит факт, что за последние десятилетия в республике не наблюдалось вспышек особо опасных инфекционных заболеваний, массовых отравлений людей. Их работа гарантирует стабильность, продовольственную и сырьевую безопасность страны и это на фоне вызывающих панику чуть ли не ежегодных вспышек коровьего бешенства в Европе и Америке, прокатившейся несколько лет назад по Англии эпидемии ящура, птичьего гриппа в Азии, и более семидесяти процентов зараженных различными болезнями животных в Монголии.

Наличие конструктивных практических форм подготовки, сохранение всего лучшего, что наработано в отечественной вузовской традиции при освоении всего необходимого для ее совершенствования, эффективно действующие научные школы, направления и достижения позволяют академии подготовить специалистов самой высокой квалификации, которые способны решать сложные проблемы ветеринарной медицины и животноводческой отрасли. Обращение к имеющемуся наследию позволяет избежать и минимизировать возможные негативные последствия и ошибки, а также сопоставить сегодняшние решения с историческим опытом и оценить риски принятия решений.

1. Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины. История и современность (к 85-летию со дня основания): справочное издание. – Витебск, 2009.

2. Ятусевич, А.И. История ветеринарной медицины / А.И. Ятусевич, Н.И. Безбородкин. – Витебск, 2004.

Русецкий Ю.А.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УЧЕБНО-ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ УО «ВГУ ИМ. П.М. МАШЕРОВА»

Подверженность человека труда, происходящим в мире экономическим, техническим, нравственным катаклизмам сегодня особенно очевидна. Значит, в образовательной системе должны быть выработаны такие элементы конкурентоспособности, которые позволяют ему оперативно перестроить свою трудовую деятельность в соответствии с меняющимися условиями. И одним из таких направлений является система дополнительного профессионального образования (переподготовки кадров, повышение их квалификации и т.д.), общественная значимость которой постоянно возрастает.

Общие цели дополнительного образования, его принципиальное содержание и требования предъявляемые к нему, проходящих обучение граждан, показывают, что это весьма специфическая область образования, в которой слиты воедино выход на новый уровень профессиональных знаний и умений (собственно образовательная функция), совершенствование деловых качеств (область психологии общения и управления) и функция подготовки к работе, то есть к практическому осуществлению нового вида деятельности (активное освоение практических методов, приемов и процедур). Сложившаяся образовательная практика в системе дополнительного образования находится в полной корреляции с требованиями Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 24 января 2008 № 103, определившего в качестве наиболее значимых целей в работе по переподготовке кадров и повышению их квалификации «обеспечение повышения уровня профессиональных знаний и умений, совершенствование деловых качеств граждан, их подготовка к выполнению новых трудовых функций» [1].

Именно поэтому дополнительное профессиональное образование сегодня выходит на новый качественный уровень. Этому сопутствуют, на наш взгляд, следующие обстоятельства:

во-первых, сильная мотивация людей, часто не удовлетворенных полученной профессией и стремящихся не только к обновлению, но и к получению новых знаний и профессиональных навыков, так как рост уровня профессионального образования работающих выступает сегодня необходимой предпосылкой их адаптации к динамично изменяющимся условиям и требованиям рынка труда;

во-вторых, то, что классическое вузовское образование не всегда удовлетворяет быстроменяющиеся потребностями производства, требующего постоянной подпитки «живым» знанием: задача вузов-

ского образования в этом плане – дать базовые профессиональные знания, поскольку оно не может быть в полном объеме привязано к конкретным условиям каждого отдельного предприятия, формы, учреждения;

в-третьих, в современных социальных и экономических условиях человек постоянно сталкивается с созданием новых организационных технологий, систем управления, условий организации труда, быта и отдыха, что, в свою очередь, требует компетентного к ним отношения. А ключевые компетенции, на уровне, обеспечивающем его конкурентоспособность и высокий уровень жизни, как свидетельствует практика, возможны лишь путем обучения индивида и обновления его знаний в течение всей жизни.

Созданный 10 лет тому назад (в феврале 2000 г.) университетский Институт повышения квалификации и переподготовки кадров (можно назвать и институт дополнительного профессионального образования) имеет одну отличительную особенность: он не имеет планируемых показателей с государственным финансовым обеспечением, а работает на условиях полного хозяйственного расчета и самофинансирования. В 2001 г. ИПК прошел Государственную аккредитацию и получил лицензию Министерства образования Республики Беларусь, которая была подтверждена при повторной аккредитации в феврале 2008 г.

Сегодня можно говорить о том, что прошедшие годы подтвердили правильность выбора в качестве главных следующие образовательные направления:

- переподготовка, повышение квалификации и углубление профессиональных знаний и деловых качеств слушателей;

- оперативное удовлетворение потребности учреждений и организаций различных форм собственности в квалифицированных специалистах, обладающих инновационными знаниями в экономике, психологии отношений, межкультурных коммуникациях и организации производства;

- обучение студентов старших курсов ВУЗов, повышение уровня их социальной устойчивости и защищенности в условиях кадровой конкуренции в начале трудового пути;

Также, как и прошли проверку временем 9 наиболее востребованных в Витебском регионе специальностей переподготовки – психология, логопедия, олигофренопедагогика, экономика и управление на предприятии промышленности, бухгалтерский учет и контроль в промышленности, бухгалтерский учет и контроль в банках, правоведение, (заочная форма обучения – 24 месяца), современный иностранный язык, программное обеспечение информационных систем (вечерняя форма обучения – 15 месяцев). Повышение квалификации организовано для лиц со средним специальным и высшим образованием.

Для всех специальностей переподготовки и повышения квалификации имеются базовые учебные планы, утвержденные Министерством образования Республики Беларусь, на основании которых для каждой, набираемой на обучение группы, разрабатывается рабочий учебный план. Содержание учебных планов и программ, их структура полностью соответствуют нормативным документам. По всем специальностям для закрепления теоретических знаний определены базовые организации, разработаны и утверждены учебные программы производственной и производственной психолого-педагогической практик, продолжительностью от 2-х до 4-х недель. Руководителями практических занятий, как правило, назначаются ведущие доценты и наиболее опытные преподаватели университетских кафедр. Необходимо отметить, что кроме преподавателей университета в учебном процессе ИПК и ПК активно участвуют преподаватели и научные сотрудники других вызов и высококвалифицированные специалисты учреждений и предприятий г. Витебска, имеющие богатый опыт практической педагогической и управленческой деятельности.

Инновационное развитие образовательного процесса предполагает активное использование новых (прежде всего активных) методов обучения на основе современных образовательных, информационных и аудиовизуальных технологий. Преподаватели кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин ИПК, к примеру при оценке знаний слушателей активно используют апробированную в отечественной и зарубежной практике методику тестирования: тесты множественного выбора, тесты-резюме, тесты на перефразирование и интерпретацию, исправление ошибок и т.п. (система тестов разработана применительно к условиям работы ИПК преподавателями кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Н.В. Кухтовой, Е.П. Милашевич, А.А. Ганкович, Л.Ф. Трацевской, Ю.Г. Мандрик, С.В. Лауткиной, Е.С. Бобровой). Активно используют компьютерные программы преподаватели – доцент А.А. Бочков («Общая теория права»), ст. преподаватель Д.Н. Николичев (« Гражданское право»), доцент Н.В. Кухтова («Математические методы в психологии») и др. Исследовательские, творческие и информационные проекты сопровождают занятия по специальностям «Психология» и «Логопедия» по дисциплинам «Основы психической саморегуляции», «Основы психологического консультирования», «Психология девиантного поведения» и др.

И в заключение – несколько обобщающих цифр. За период с февраля 2000 и по 2009 год дополнительную профессиональную подготовку (переподготовку) в ИПК прошли 1953 человека (в том числе 340-получили дипломы с отличием), 900 человек закончили общеобразовательные курсы, более 100 преподавателей и сотрудников уни-

верситета повысили свою квалификацию по теме «Компьютерные технологии в образовании».

Ежегодно на счет университета поступает 800-850 млн. руб. (в среднем) от оказания Институтом платных образовательных услуг населению.

Есть ли у нас проблемы? Безусловно, есть. И главная из них заключается в том, что нам не доводят плановые показатели по переподготовке и повышению квалификации. Работники организаций и учреждений Витебска и Витебской области, как правило, повышают квалификацию в головных министерских учебных заведениях. Мы же могли бы вести эту работу, как говорят, «без отрыва от производства». При успешном решении этой задачи мы смогли бы перейти на организацию долгосрочных отношений с потребителями.

Кадровые ресурсы, достоверность и своевременность информации, ее практическая направленность, организация работы по принципу «от классического образования к образованию через всю жизнь» в этом и заключается смысл и цель работы Института по подготовке высококвалифицированных специалистов в системе дополнительного профессионального образования.

1. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24.01.2008 № 103 (ред. От 13.10.2008) «Об утверждении положения об учреждении образования (подразделении учреждения образования), обеспечивающем повышение квалификации и переподготовку кадров, и о внесении дополнений и изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 мая 2007г. № 599» (НРПА Республика Беларусь, 07.02.2008,№30,5⁄26706).

Півавар М.В.

ПЕДАГОГ, КРАЯЗНАЎЦА, ГРАМАДЗЯНІН ВІТОЛЬД ЕРМАЛЁНАК

Краязнаўства з’яўляецца важным сродкам выхавання ў насельніцтва краіны патрыятызму, інтэрнацыяналізму, грамадскіх якасцяў. Асобы, якія бяруць актыўны ўдзел у вывучэнні роднага краю, мерапрыемствах па ахове помнікаў, стварэнні музеяў, асветніцкай дзейнасці ў друку – больш глыбока пазнаюць мінулае і сучаснае сваёй краіны. Школьнае краязнаўства з’яўляецца састаўной часткай вучэбна-выхаваўчай працы з дзецьмі і падлеткамі. Як і ў любой справе, важнае значэнне адыгрываюць людзі – ініцыятары, арганізатары і асноўныя праваднікі краязнаўства ў школе. Адным з найбольш актыўных педагогаў Віцебшчыны, які ўсё свядомае жыццё займаецца вывучэннем роднага краю, выкарыстоўвае атрыманыя матэрыялы ў навучальным працэсе, з’яўляецца Вітольд (Вітаўт) Антонавіч Ермалёнак.

Нарадзіўся Вітольд Антонавіч 28 ліпеня 1954 г. у в. Жэймяны Браслаўскага раёна Віцебскай вобласці. Вучыўся ў пачатковай школе в. Завер'е Браслаўскага раёна, скончыў Слабадскую СШ Браслаўскага раёна (1971), гістарычны факультэт ГрДУ імя Я. Купалы (1976) [1].

Цікавасць да гісторыі Беларусі, роднага краю, станаўленне нацыянальнай самасвядомасці і гістарычнай свядомасці стала фарміравацца пад уплывам распаведаў бацькі пра лёс роду і краю, праз знаёмства з міжваеннай беларускай нацыянальнай і польскай літаратурай (забароненай у савецкі час), у якой змяшчалася інфармацыя пра падзеі, якія не афішыраваліся афіцыйнай дзяржаўнай ідэалогіяй. У час вучобы ва універсітэце малады студэнт займаўся ў гісторыка-краязнаўчым гуртку пад кіраўніцтвам прафесара Я.Н. Мараша. У адпаведнасці з тэматыкай гуртка навуковыя доследы палягалі ў сферы краязнаўства. Другой зацікаўленасцю Вітольда Антонавіча стала педагогіка. Займаўся ёю, як і краязнаўствам, вельмі сур'ёзна. Дыпломная работа была падрыхтавана на актуальную у той час тэму і разглядала выкарыстанне педагагічнай савецкай спадчыны ў краінах сацыялістычнага лагера. Даследаванне "Ідэі А.С. Макаранкі ў ПНР і ГДР" была напісана на высокім навуковым узроўні, на падставе нямецкіх і польскіх крыніц і прапанавана да выдання [2]. Адзначым, што ў ФРГ і цяпер дзейнічае навукова даследчы інстытут, які вывучае навуковую спадчыну А.С. Макаранкі. На постсавецкай жа прасторы, больш папулярныя ідэі заходняй педагогікі мінулага стагоддзя.

Пасля заканчэння ВНУ Вітольд Антонавіч вярнуўся на радзіму, у Браслаўскі раён. Аднак вольнай вакансіі настаўніка гісторыі не было, таму прыйшлося паехаць у Міёры, куды па размеркаванні трапіла жонка. Пяць гадоў (1976–1981) працаваў настаўнікам гісторыі ў СШ № 1 г. Міёры. З адкрыццём у 1981 г. у горадзе СШ № 3 пачаў працаваць у ёй, дзе выкладае гісторыю і па цяперашні час.

Заробкі настаўніка невялікія пры любой уладзе і ў любой краіне. А сямейны бюджэт маладых настаўнікаў патрабаваў істотнага папаўнення. Прычыны для таго былі вельмі сур'ёзнымі – нарадзілася дачка Юля (1977), потым другая – Ліля (1978), а ў 1988 г. сын Антон. З 1976 г. у раённым Доме піянераў Вітольд Антонавіч пачаў весці гурток "Кароткі курс гісторыі Беларусі на прыкладзе мясцовага краю". Назва праз пэўны час была зменена на больш рамантычную – "Арганаўты мінулага". Профіль выбраў той, які вабіў з дзяцінства – краязнаўча-археалагічны. Праграма была разлічана на 144 гадзіны і прадугледжвала напачатку практычнае вывучэнне мінулага Міёрскага краю. Таму, ад самага пачатку гуртко́ўцы пачалі ўдзельнічаць у археалагічных раскопках на тэрыторыі Міёрскага раёну. Была аказана істотная дапамога такім беларускім археолагам як Л. Дучыц, Э. Зайкоўскі, П. Ціхановіч, В. Шадыра.

Даследаванні не абмяжоўваліся толькі вывучэннем старажытнай гісторыі краю. Яны і цяпер маюць комплексны характар. З усіх накірункаў, акрамя археалогіі, большая ўвага пачала надавацца, этнаграфіі, генеалогіі, нумізматыцы, архітэктуры роднага краю. Гурткоўцы пачалі збіраць успаміны пра мінулае краю. Праца набыла сістэмнасць і пераемнасць. Абавязковай стала тэарэтычная падрыхтоўка. Пачалі весці хроніку гуртка. У 1980 г. быў распрацаваны герб гуртка, на якім сімвалічная выява карабля, на ветразях якога змешчаны дэвіз: “Шукаць і знаходзіць”. Выява мачты спалучае ў сябе тры рэчы – рыдлёўкі, алоўка і мяча. На корпусе карабля назва гуртка – “Арганаўты мінулага”. На працягу шэрагу гадоў былі зроблены важныя археалагічныя адкрыцці. Так, разам з П.М. Ціхановічам быў выяўлены безкурганны могільнік X–XI ст. паміж в. Казлоўцы і Шніткі (Міёрскі раён) [3]. А ўвогуле, гурткоўцамі выяўлена і ўведзена ў навуковы зварот некалькі дзесяткаў гарадзішчаў, селішчаў, курганоў, курганных груп і іншых археалагічных аб’ектаў.

У пачатку 1990-х гадоў, на хвалі нацыянальнага адраджэння дзейнасць гурткоўцаў арганічна ўлілася ў шырокі школьны краязнаўчы рух нашай краіны арганізаваны Рэспубліканскім цэнтрам дзіцяча-юнацкага турызму і экскурсій Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь. Важную ролю развіцця краязнаўства на Віцебшчыне адыграў кіраўнік аддзела беларусазнаўства і краязнаўства Віцебскага абласнога цэнтра пазашкольнай працы з дзецьмі і падлеткамі А.В. Куржалаў. “Арганаўты мінулага” актыўна ўдзельнічаюць у конкурсах, аглядаў музеяў, канферэнцыях па тэматыцы школьнага краязнаўства. Гурток і музей штогод з’яўляецца пераможцам у абласных і рэспубліканскіх конкурсах.

Дзейнасць гуртка на працягу існавання атрымала некаторыя змены. Так, з 1990-х гг. археолагі Інстытута гісторыі НАН Беларусі і ВНУ краіны сталі праводзіць раскопак меней, прыцягваць да іх студэнтаў гістарычных факультэтаў, якія праходзілі археалагічную практыку. Не маючы дазволу на асабістыя раскопкі разам з гурткоўцамі прыйшлося перайсці ад археалагічных раскопак да краязнаўчых разведак. Аднак, гэтыя змены мелі свае станоўчыя бакі. Так, на працягу адной вандроўкі па раёну можна адшукаць месцы раней невядомых гарадзішчаў, паселішчаў, курганных груп.

Праз пэўны час працы гуртка ўзнікла духоўная патрэба ў падсумаванні знойдзеных знаходак. З’явілася ідэя стварыць музей. На 1970–1980-я гг. у Міёрскім раёне не было ніводнага музею. З прычыны адсутнасці памяшкання, першая экспазіцыя была створана ў калідоры школы, якая, праз некаторы час, на жаль, была разрабавана [4].

Другая спроба стварэння музея была здзейснена ў 1983 г., калі святкавалася 350-годдзе Міёраў. Часовая экспазіцыя была падрыхта-

вана ў 2-х пакоях былога будынку пошты, у якім месціўся аддзел культуры Міёрскага райвыканкама. Для яе арганізацыі настаўнік перадаў больш 400 экспанатаў, сярод якіх манеты, кнігі, этнаграфічныя матэрыялы. З гэтай ініцыятыва пачалося стварэнне раённага краязнаўчага музея. Аднак фінансаванне не было прадугледжана і матэрыялы пачалі раскрадацца.

Нарэшце, краязнаўчы музей быў створаны ў СШ № 3 у 1986 г., які складаўся толькі на аснове знойдзеных матэрыялаў. Цяпер, гэта адзін з найлепшых школьных музеяў у нашай краіне. На 2009 г. яго асноўны фонд складае 15 тыс. адзінак захоўвання. Многія экспанаты з'яўляюцца унікальнымі у нашай краіне і нават ва Усходняй Еўропе. Напрыклад, фальшывы арабскі дырхем X ст., якога няма нават у Эрмітажы. За час існавання музею яго наведалі больш 60 тыс. чалавек. Сабраныя матэрыялы на столькі багатыя, што на іх аснове ў 2008 г. у сваёй школе Вітольд Антонавіч пры падтрымцы кіраўніцтва стварыў музей "Кнігі і друку". У яго экспазіцыі і фондах 3 тысячы экспанатаў. У бліжэйшых планах стварэнне музея адукацыі і этнаграфічнага музея. Калі дзеля першага выдзелена памяшканне ў школе, то другі плануецца стварыць ў перавезенай сялянскай хаце і размясціць у двары вучэбнага корпуса.

Выдатны педагог, музейшчык, калекцыянер, Вітольд Антонавіч не абмяжоўваецца толькі збіральніцкай дзейнасцю. Гэта сур'ёзны, удумлівы даследчык Міёршчыны, а дакладней казаць тэрыторыі былых Дзісненскага і Браслаўскага паветаў, і вынікі працы маюць важкую навуковую вартасць. Грунтоўныя веды атрыманыя ў час навучання ГрДУ імя Я. Купалы, непасрэдны ўдзел у археалагічных раскопках пад кіраўніцтвам спецыялістаў, самаадукацыя далі практычны вопыт, узбагацілі тэарэтычна, далі магчымасць рабіць самастойны аналіз, вывады.

Ён не толькі бярэ актыўны ўдзел у міжнародных, рэспубліканскіх, рэгіянальных навуковых канферэнцыях, але і сам выступаў адным з арганізатараў канферэнцыі "Дзісненскія чытанні" якая прайшла ў Міёрах летам 1996 г. Удзельнічаў ва ўсіх Браслаўскіх чытаннях (1994, 1997, 2000, 2003), навукова-краязнаўчых чытаннях у г. Глыбокае (1991, 1999), канферэнцыі "Археалогія і гісторыя Полацкай зямлі" (1997), ва ўсіх рэспубліканскіх школьных краязнаўчых чытаннях.

Як вопытны кансультант В.А. Ермалёнак прыняў удзел у стварэнні экспазіцый Міёрскага, Глыбоцкага і Браслаўскага раённых краязнаўчых музеяў і значнай колькасці школьных музеяў. Перадаў туды шэраг знойдзеных матэрыялаў. У Браслаўскім музейным аб'яднанні і Міёрскім краязнаўчым музеі праводзілася дзве ягоныя персанальныя выставы.

З улікам вялізнай колькасці сабраных матэрыялаў, адной з важных частак краязнаўчай працы В. Ермалёнка з'яўляецца апрацоўка сабраных матэрыялаў, афармленне экспанатаў, пэўныя змены ў

экспазіцыі музея, апісанне лёсу экспанатаў, гісторыі знаходак, папулярызацыя гісторыі і культуры Беларусі, Віцебшчыны, Міёршчыны.

У 1998 г. дзякуючы грамадскай арганізацыі "Памяць і надзея" ездзіў у Вільню, дзе працаваў у аддзеле рукапісаў бібліятэцы Віленскага універсітэта. Знайшоў шмат новых матэрыялаў пра Дзісненскі павет і ўвёў іх навуковы зварот. Асаблівую значнасць уяўляюць здымкі Яна Булгака, на якіх адлюстраваны помнікі архітэктуры, якія не дайшлі да нашых дзён [6].

Асобнай ўвагі заслугоўвае навукова-літаратурная спадчына В.А. Ермалёнка. У "Энцыклапедыі Беларусі" і "Энцыклапедыі гісторыі Беларусі" змешчаны яго артыкулы, прысвечаныя Міёрам. Шэраг артыкулаў надрукаваны ў зборніках "Браслаўскія сшыткі", "Albaruteniса". Пры падрыхтоўцы гісторыка-дакументальнай хронікі "Памяць" Міёрскага раёна ён адыграў асабліва важную ролю – напісаў для яе шэраг артыкулаў, а значная колькасць матэрыялаў была выкарыстана іншымі даследчыкамі. Браў удзел ён таксама ў стварэнні гісторыка-дакументальных хронік "Памяць" Глыбоцкага і Браслаўскага раёнаў [8]. З іншых пісьмовых прац Вітольда Антонавіча перш за ўсё адзначым кнігу "Очарование Миорского края", у якой ён стаў аўтарам раздзела, прысвечанага турыстычным маршрутам: "Бронзавы, Сярэбраны і Залаты пярсцёнак Міёршчыны" [7]. На аснове матэрыялаў распрацаваны і выдадзены камплект паштовак "Турыстычныя маршруты Міёршчыны".

Важнае значэнне маюць публікацыі Вітольда Антонавіча ў рэспубліканскім і мясцовым перыядычным друку: газетах "Труд", "Настаўніцкая газета", "Краязнаўчыя газета", "Народнае слова", "Сцяг працы", "Міёрскія навіны", "Павет" і іншых. Пачалося ўсё ў 1977 г., калі напісаў першы артыкул у раённую газету "Сцяг працы" па выніках раскопак ў в. Махіроўцы. З гэтага часу стаў актыўна пісаць ў газету, з мэтай актывізаваць цікавасць да гісторыі краю. Цяпер, ён аўтар больш 150 артыкулаў, у якіх распавядае пра гісторыю і культуру роднага краю. Пры публікацыі педагог выкарыстоўвае псеўданімы *К. Ярмоленскі, В. Сакун, В. Зніч, В. Крывіч*. Артыкулы падрыхтаваны на высокім навуковым узроўні, напісаны высокамастацкім словам, маюць асветніцкі характар, такім чынам спрыяюць выхаванню у мясцовага насельніцтва пачуцця гонару за свой край, актывізацыі даследаванняў іншымі краязнаўцамі і асобамі, якія цікавяцца гісторыяй раёну. У асабістым архіве маюцца і яшчэ не выдадзеныя працы, напрыклад рукапіс "Наш край – Мёршчына" (120 лістоў).

Вітольда Антонавіча шмат вучняў, якія сталі яго паслядоўнікамі. Аднаму з былых вучняў атрыманыя на занятках гуртка веды нават выратавалі жыццё. Пахірка У. праходзіў службу ў Афганістане. Пры выкананні баявога задання ён звярнуў увагу на тое, што паверхня сцяжыны, па якой трэба было ісці выглядае ненатураль-

на, так, быццам бы на ёй нешта капалі. Ён настаяў на тым, каб былі выкліканы сапёры. Мінёры выкарысталі металашукальнікі, але нічога не знайшлі. Толькі пры дапамозе шчупаў у пазначаных месцах былі знойдзены італьянскія міны з пластыкавым корпусам, якія не фіксаваліся апаратурай. Так "набіць" вока на не значныя, але вельмі важныя дэталі на паверхні землянога покрыва ён навучыўся пры правядзенні археалагічных разведак разам з настаўнікам.

Вітольд Антонавіч мае займае актыўную грамадскую пазіцыю і высокі ўзровень сумлення. У час вучобы пяць гадоў жыў у адным пакоі інтэрната разам з вядомым у будучым краязнаўцам з Талачыншчыны К. Рамановічам. Разам з ім даследаваў наваколлі Гродна, праводзіў вывучэнне помнікаў Першай сусветнай вайны. Праяўляючы асабістую пазіцыю, яны ўдваёх сталі размаўляць на беларускай мове, за што мелі праблемы з адміністрацыяй універсітэта і КДБ.

За актыўную патрыятычную дзейнасць быў некалькі разоў абвінавачаны ў нацыяналізме і звольнены з працы. Актыўна ўдзельнічае ў дзейнасці па абароне помнікаў гісторыі і культуры праз чытанне лекцый, напісанне артыкулаў, выступленні на канферэнцыях, звароты ў дзяржаўныя органы. Браў удзел у выратаванні ад знішчэння некаторых археалагічных помнікаў: грунтовага могільніка ў в. Казлоўцы, курганных груп каля в. Кублішчына, Лясное, а таксама помнікаў архітэктуры: палаца ў в. Дзедзіна, капліцы ў в. Ідолта, касцёла і царквы ў Дзісне. Доўгі час з'яўляўся намеснікам старшыні Міёрскага раённага аддзялення таварыства аховы помнікаў, уваходзіў у склад яго Рэспубліканскай Рады, з'яўляўся сябрам Рэспубліканскага Савета Усебеларускай экспедыцыі "Наш край". У 1989 г. браў удзел у працы Устаноўчага з'езду ТБМ і выступіў стваральнікам міёрскага раённага аддзялення ТБМ імя Ф. Скарыны. У якасці дэлегата ўдзельнічаў у працы Усесаюзнага з'езда настаўнікаў у Маскве (1988), Усебеларускага кангрэса за незалежнасць (2000) .

Узнагароджаны прэміяй Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь "За духоўнае адраджэнне" (1999), медалём "60 лет Победы в Великой Отечественной войне", знакам Педагагічнага таварыства "За актыўную працу" [9]. Кандыдат у майстры спорту па класічнай (грэка-рымскай) барацьбе.

Мае высокія маральныя якасці. Лічыць, што на ўроках, у музейных экспазіцыях трэба паказваць не веліч мінулых бітваў і іх палкаводцаў, якія б яны не былі, а разбуральны, антымаральны характар войнаў. Ваенна-патрыятычнае выхаванне – гэта перш за ўсё патрыятычнае выхаванне беларуса для Беларусі, а не дзеля гатоўнасці ваяваць і забіваць дзеля чыіхсці інтарэсаў. Асновы беларускага патрыятызму – у веданні таго багацця культуры, традыцый і звычаяў, якія жывілі наш народ, не далі яму загінуць у змрочныя стагоддзі прыгнёту.

Маем спадзяванні, што краязнаўчую працу бацькі працягне сын – Антон Вітольдавіч Ермалёнак, які скончыў у 2009 г. гістарычны факультэт БДУ, быў размеркаваны на працу ў СШ № 3 г. Міёры, а на цяперашні момант праходзіць тэрміновую службу ва Узброеных сілах нашай краіны.

1. Ермалёнак В.А. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 6. Кн. 2. – Мн., 2003. – С. 382.
2. Анкета “Краязнаўцы Віцебшчыны”. Ермалёнак В.А. (25.11.2003) // Асабісты архіў аўтара.
3. Казлоўцы // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 4. – Мн.: БелЭн, 1997. – С. 12.
4. Таляронак, У. “Арганаўты” жывуць у Міёрах / У. Таляронак // Віцебскі рабочы. – 1985. – № 34. – С. 4.
5. Масло, Е. Аргонавты живут в Миорах / Е. Масло // Туризм и отдых. – 1996. – январь. – С. 5.
6. Сучасныя краязнаўцы Беларусі. Ермалёнак В.А. // Краязнаўчая газета. – 2005. – № 21. – С. 3.
7. Занкавец, А. “Экспонаты для исторического музея можно найти везде” / А. Занкавец // Знамя Юности. – 2005. – 29 ліпеня. – С. 3.
8. Очарование Миорского края / Ермоленок В.А., Боголей П.И. – Новополоцк: О.В. Молодечкин, 2007. – 50 с.
9. Ермоленок В.А. // Кто есть кто в Республике Беларусь. – Т. 1. Наука, образование / под ред. И.В. Чекалова. – Мн: Энциклопедикс, 2001. – С. 187.

Соловьянов А.П.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ВИТЕБЩИНЕ (1991–2005 гг.)

Состояние экономики любой страны зависит от наличия высокопрофессиональных кадров. Подготовкой последних занимаются и профессионально-технические учебные заведения (ПТУЗ).

Количество профессионально-технических учебных заведений Витебской области с 1991 по 2005 гг. сократилось на 4 учреждения – с 40 до 36 [1, с. 94]. Данное уменьшение конечно существенно. Однако если учесть постоянное сокращение рождаемости и соответственно численности школьников региона, то количество профессионально-технических учреждений (ПТУ) соответствовало своему времени.

Кроме того, резкий спад в производстве, рост невостребованности квалифицированных рабочих и социальной напряженности, резкое ослабление связей профтехучилищ с предприятиями и организациями и другие факторы создавали реальные предпосылки для сокращения сети учебных заведений профессионально-технического образования (ПТО). Однако государственным структурам, прежде всего местным властям удалось в целом сохранить сеть ПТО.

Сохранив прежнюю сеть профтехучилищ, был осуществлен ряд практических мер по совершенствованию структуры профессий, более рациональному использованию материально-технической базы, профильной подготовки специалистов. Например, в связи с резким сокращением объемов мелиоративных работ отпала необходимость подготовки механизаторов данного профиля, и многие училища данного профиля были преобразованы. Пришлось значительно сократить подготовку рабочих для предприятий радиотехнической промышленности, машиностроения и металлобработки, но возрос спрос на специалистов сферы услуг, социальной сферы.

Государственные органы старились исключить дублирование в работе профтехучилищ, распаложенных в области. Например, в Витебске три училища готовили специалистов по металлобработке при постоянно снижающемся спросе на них. Это явилось следствием того, что до 1991 г. каждый крупный богатый завод предпочитал готовить всех нужных ему работников в своем ПТУ. Поэтому принимались соответствующие меры, чтобы сделать систему профподготовки гибкой, мобильной, оперативно реагирующей на все изменения в производственной и социальной сфере. Вводились новые профессии. Во многих профтехучилищах перешли на подготовку высококвалифицированных рабочих по интегрированным профессиям. Например в 2000 г. в Витебской области количество таких специалистов составило более 80 % от всего выпуска, что значительно повысило как престиж училищ, так и социальную защищенность выпускников, обеспечивало их трудоустройство [2, с. 25].

Конечно, обучение разным профессиям и специальностям обеспечивала выпускникам дополнительную защиту от безработицы. Однако, подготовка таких специалистов «поваров-механизаторов» широкого профиля в одном лице приводила к тому, что высококласного рабочего по одной из специальностей обучить было весьма сложно.

В начале 1990-х гг. финансирование профессионально-технического образования было передано местным бюджетам. Учебные заведения ПТО перешли в подчинении облисполкомов и на 96,7 % обеспечивались их бюджетом [3, с. 16]. Местные власти не могли выделить достаточные средства для функционирования профтехобразования. Фактически с 1994 г. было приостановлено развитие материально-технической базы ПТУ. С этого момента перестали открываться новые учреждения профтехобразования. В модели финансирования профтехобразования произошла кардинальная смена источников и каналов поступления дополнительных финансовых ресурсов. Средства предприятий, выделяемых ранее на поддержку учебно-материальной базы, стипендии, организацию практики, обеспечение льгот, значительно сократились. Особенно заметен был этот процесс в профтехучилищах, где эти ресурсы составляли в предыдущий период 30–50 %

от всех расходов на содержание и развитие.

Некоторые учебные заведения сохранили деловые отношения с предприятиями и организациями, для которых готовили рабочие кадры. Такое сотрудничество положительно сказывалось прежде всего на укреплении учебно-материальной базы училищ. Например, ПО «Стекловолокно» оказывало всяческую помощь Полоцкому ПТУ № 233 [4, с. 7]. Однако общий удельный вес средств, передаваемых организациями-партнерами, оставался низким. В 2004 г. в целом по республике он составил лишь 4,6 % от внебюджетных средств [5, с. 30].

В условиях недостатка бюджетных средств важным направлением в работе учебных заведений стал поиск новых источников внебюджетных доходов. Внебюджетная деятельность профессионально-технических учебных заведений началась в 1997 г. ПТУЗ были освобождены от налогов [6, с. 2]. Многие заведения рассчитывали на дополнительные доходы. Однако со временем было принято довольно много нормативных актов усложнявших внебюджетную деятельность. Вводился дополнительный контроль и регламентация, а также налогообложение. Все это не позволяло эфективно использовать внебюджетные средства и не стимулировало развитие внебюджетной деятельности.

Надо отдать должное руководству училищ, которые изыскивали возможности получения дополнительных средств на развитие материальной базы, паралельно эффективно решая вопросы обучения и воспитания учащихся. Например, в Витебском ВПУ народных художественных ремесел были построены и оснащены оборудованием учебно-лабораторный корпус, учебно-производственные мастерские, два цеха деревообработки, стадион и бассейн. Создана необходимая учебно-материальная база по 8 новым профессиям и специальностям. Образован молодежный культурный центр, в котором занималось более 500 учащихся. При этом в значительнойстепени использовались собственные средства [2, с. 11].

К сожалению имелись нарушения в использовании бюджетных ассигнований, внебюджетных средств, что свидетельствовало об отсутствии надлежащего контроля со стороны руководителей отдельных учебных учреждений за финансовой и хозяйственной деятельностью. Так, в результате бесконтрольности за правильностью списания горюче-смазочных материалов в Дубровенском училище № 171 было незаконно списано с материально ответственных лиц более 800 литров бензина и около 3000 литров дизельных топлива.

Финансовые средства, выделяемые из областных бюджетов, а также внебюджетные средства самих профтехучилищ с трудом погашали расходы на заработную плату, стипендии, питание и коммунальные нужды. Некоторые учреждения оказались в достаточно сложном положении, не находя средства на элементарные расходы. На протяжении ряда лет в аварийном состоянии находилось и требо-

вало срочного капитального ремонта Витебское ПТУ № 57. В 1999 г. обвалившийся слой штукатурки нанес тяжелую травму женщине, ожидавшей троллейбуса на остановке рядом с училищем. Не в лучшем положении было и второе витебское строительное ПТУ [7, с. 3].

В то же время училищам требовалась современная техника и оборудование того же класса, что имелись на производстве, те машины, с которыми встретится выпускник училища после оформления на работу. Ранее ответственность по укреплению учебно-материальной базы профтехучилищ возлагалась на базовые предприятия, которые в соответствии с утвержденными нормативами обязаны были оснащать учебные мастерские, лаборатории, кабинеты подшефных ПТУ оборудованием, машинами, механизмами. Однако из-за финансовых трудностей предприятий, а также в силу развития рыночных отношений основные задачи по расширению учебной базы возлагались непосредственно на училища и средства госбюджета.

Обновление материально-технической базы профтехучилищ в целом отставало от требований научно-технического прогресса и темпов технического перевооружения отраслей экономики, для которых осуществлялась подготовка кадров. Более того, практическое обучение осуществлялась в основном на морально и физически устаревшем учебном оборудовании, которого в училищах к 2000 г. было более 80 %. Новое оборудование и техника, которые эксплуатировались менее 5 лет, составляли лишь 4,5 % от общего количества.

За 2000-2005 гг. материально-техническое обеспечение учебного процесса существенно не улучшилось. В большинстве учебных заведений из-за финансовых трудностей по-прежнему оставались низкими уровень и темпы технического переоснащения. Новейшее оборудование практически отсутствовало. Даже принятие программы «Техническое переоснащение профессионально-технического образования на 2002–2005 гг.» не внесло значительных изменений в состояние учебно-материальной базы. Число списываемых машин превышало число поступающих.

Значительный износ материально-технической базы ПТО в течении 1990-х гг., многолетний процесс снижения расходов на развитиеучебно-материальной базы за 3 года не удалось не только развернуть, но даже и приостановить. Доля средств бюджетов, направляемая на развитие учебно-материальной базы в целом по республике, за период с 2002 по 2004 г. даже уменьшилась (с 13 % до 12,4 %). Ухудшилась ситуация с финансированием развития учебно-материальной базы в Витебской области [8, с. 82].

В этих условиях возросла роль производственного обучения, особенно организуемого непосредственно на предприятиях. При общем росте количества мест производственного обучения за 2003–2005 гг. сократилось их число в мастерских ПТУЗ (-327 мест) и увеличилось на

производстве (+437). В 2004-2005 уч. г. 93,8 % учащихся выпускных групп проходили производственную практику в организациях. Увеличилось количество ученических мест на производстве [9, с. 22]. И все таки, результативность взаимодействия учреждений профтехобразования и закрепленных за ними предприятий оставалась низкой.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17.09.2004 г. № 1159 было принято Положение о порядке обеспечения учреждений образования, осуществляющих подготовку специалистов для агропромышленного комплекса, современной техникой отечественного производства [10, с. 25]. Данная мера позволила несколько улучшить обеспеченность материальной базы ПТУ в том числе и Витебской области.

Министерство обороны постоянно поставляло училищам автомобильую технику и ГСМ, необходимые для подготовки водителей для Вооруженных Сил [11, с. 16].

Таким образом, несмотря на материальные трудности, система профтехобразования в целом сумела адаптироваться к изменяющимся условиям, перестроилась в системе рыночных отношений и развивалась, ориентируясь в значительной мере на региональные условия и запросы, а также на интересы личности.

1. Образование в Республике. Статистический сборник / Министерство статистики и анализа Респ. Беларусь. – Минск, 2006. – 170 с.

2. Состояние и перспективы развития профессионально-технического образования в Республике Беларусь : Материалы Республиканского совещания директоров ПТУЗ 26 августа 2000 г., Минск / Под ред. Э.Н. Гончара. Мн. : РИПО, 2001. – 77 с.

3. Итоги работы системы образования в 1999 году и основные направления ее развития в 2000 г. / М-во образования Респ. Беларусь. – Мн., 2000. – 120 с.

4. Торопецкая, Г. Время оттачивает мастерство / Г. Торопецкая // Советская Белоруссия. – 2000. – 13 дек. – С. 7.

5. Социально-экономические проблемы развития профессионального образования / Респ. ин-т проф. образования; авт.-сост. Ю.И. Кричевский, науч. ред. А.Х. Шкляр. Минск, РИПО, 2006 г. – 343 с.

6. Клюйко, А. Стымулам да супрацоўніцтва з навучальнымі ўстановамі можа стаць прадастаўленне прадпрыемству падатковых ільгот / А. Клюйко // Настаўніцкая газета. – 2004. – 13 студз. – С. 2.

7. Закржевский, Г. Учиться, пока крыша не поедет / Г. Закржевский // Советская Белоруссия. – 2002. – 10 янв. – С. 3.

8. Итоги работы системы образования в 2003 году и основные направления ее развития на 2004 год / М-во образования Респ. Беларусь. – Мн., 2004. – 112 с.

9. Итоги работы системы образования в 2005 году и основные задачи по ее развитию в 2006 году / М-во образования Респ. Беларусь. – Мн., 2006. – 153 с.

10. Итоги работы системы образования в 2004 году и основные задачи по ее развитию в 2005 году / М-во образования Респ. Беларусь. – Мн., 2005. – 144 с.

11. Итоги работы системы образования в 2001 году и основные направления ее развития в 2002 году / М-во образования Беларуси. – Мн., 2002. – 108 с.

Подлипский А.М.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПЕДАГОГ К.И. ТИХОМИРОВ

В Витебске в 1919 году по проекту местного скульптора А. Бразера был открыт памятник великому швейцарскому педагогу Песталоцци. В этом был и какой-то символический смысл: жители города отдавали должное известным местным педагогам, которые внесли значительный вклад в развитие народное образования на Витебщине.

Одним из них был первый директор и фактический создатель Витебского учительского института Клавдий Иванович Тихомиров. Он родился 27 октября (8 ноября по н. ст.) 1864 года в с. Славихино Старорусского уезда Новгородской губернии в семье сельского священника. Закончил духовную семинарию и поступил в С-Петербургскую духовную академию. После окончания ее в 1890 году началась педагогическая деятельность Клавдия Ивановича, которой он отдал 35 лет своей жизни. Начинал простым учителем в С.-Петербургском Исидоровском женском училище. В июле 1895 года был назначен инспектором народных училищ Могилевской губернии. С тех пор вся жизнь и педагогическая деятельность К.И. Тихомирова была связана с Беларусью. В январе 1903 года Клавдий Иванович стал директором Свислочской учительской семинарии, а два года спустя переведен на ту же должность в Полоцк. «Новый директор принял семинарию, когда там воспитывали религиозных, покорных начальству учителей, – вспоминали бывшие ученики К. Тихомирова М.И. Шляхтенко и А.И. Шпаков.

Тихомиров сразу отменил многие обряды, унижавшие честь и достоинство учеников, в значительной мере усилил преподавательский состав. По его инициативе стали устраиваться литературные и музыкальные вечера, в гимнастическом зале была оборудована сцена для любительских спектаклей. С первого года пребывания на посту директора Полоцкой учительской семинарии К.И. Тихомиров начал посещать уроки учителей, что до него никогда не практиковалось. Преподавателю литературы Клавдий Иванович посоветовал по субботам проводить чтение небольших произведений классиков с последующим их разбором. В одном из таких разборов К.И. Тихомиров и сам принял участие. Преобразования коснулись и общежития, где количество мест было увеличено, и столовой, которая стала более светлой и просторной. Все это повысило значимость семинарии в городе».

Человек независимых и прогрессивных взглядов, К.И. Тихомиров на свой страх и риск изменял объемы преподавания тех или иных курсов, как правило, расширяя их за счет мелких и ненужных дисциплин. Открыто не поддерживая борьбу против царизма, Клавдий Ива-

нович, однако же, всячески стремился помочь тем своим ученикам, которые по политическим мотивам не могли продолжать учебу. Об одном их таких случаев рассказал ученик Клавдия Ивановича, член-корреспондент АПН СССР А.С. Пчелко. «Весной 1907 года я принимал активное участие в забастовке воспитанников семинарии и, как член забастовочного комитета, был из нее исключен, – вспоминал он. – Осенью мне, однако, разрешили снова поступать в семинарию по особому и, конечно, очень строгому экзамену. Экзамен этот я выдержал, но продолжать учение не мог по причине большой бедности. И какого же было мое удивление, когда вскоре узнал, что одна из трех стипендий, полагавшимся на класс, была отдана мне – члену забастовочного комитета. Этот загадочный факт я всецело приписываю Клавдию Ивановичу. Только он один мог это сделать такое...»

Необходимо отметить, что во время своей работы в Полоцке, К.И. Тихомиров по совместительству возглавлял еще и местную женскую гимназии [1]. Работа в двух крупнейших в городе учебных заведениях требовала от него большого напряжения душевных и физических сил. Внешне очень спокойный, даже медлительный человек, он, тем не менее, успевал добросовестно выполнять свои обязанности и в семинарии, и в гимназии. Авторитет в Полоцке К.И. Тихомиров имел огромный. Не случайно много лет спустя его с уважением будут встречать в этом городе.

В 1910 году было принято решение об открытии в Витебске Учительского института, одного из первых в Беларуси. На должность начальника (директора) был назначен именно Клавдий Иванович. Именно ему в самые сжатые сроки предстояло провести большой объем работ: отремонтировать здание, которое было избрано для размещения учебного заведения, приспособить имеющиеся комнаты под учебные классы, укомплектовать их мебелью, подобрать штат преподавателей. Последнее оказалось достаточно просто: Клавдий Иванович «перевез» с собой многих коллег из Полоцка. Так в Витебском учительском институте оказались Н.И. Зорин, Д.С. Леонардов, Д.И. Рохлин и др.

Торжественное открытие Учительского института состоялось 21 ноября (4 декабря) 1910 года. Учебное заведение расположилось в 20 больших комнатах здания бывших казарм Ленкоранско-Нашебургского полка на улице Гоголя (ныне это дом № 12 на улице Ленина). За семь лет существования Учительскому институту пришлось перенести много трудностей – время-то какое было! И годы первой мировой войны, и революции... Тем больших похвал достоин Клавдий Иванович, который, несмотря ни на что, стремился создать для своих учеников более или менее терпимые условия для учебы. Один из преподавателей института Н.И. Зорин, работавший с

К.И. Тихомировым еще в Полоцке, писал автору этих строк: «Клавдий Иванович был первоклассным педагогом. Он хорошо владел и древними языками – греческим и латинским, и новыми – немецким и французским. К.И. Тихомиров был автором и переводчиком ряда статей по вопросам психологии, педагогики и методики. Выделялся Клавдий Иванович и своими душевными качествами. Исключительно выдержанный и корректный человек, он никогда не разговаривал с кем-либо грубо, свысока. Вот таким – добрым и трудолюбивым – он запомнился студентам и коллегам по работе в Витебске».

Ко всему этому следует добавить, что К.И. Тихомиров принимал активное участие в общественной жизни города. Он являлся членом правления Общества воспомоществования народным учителям, членом Витебской ученой архивной комиссии (ВУАК), которую был избран возглавить в 1912 году. Кстати, именно Учительский институт с 1910 года «приютил» ВУАК в своем помещении, здесь проходили все ее заседания. А в 1916 году под редакцией К.И. Тихомирова вышел третий (и последний) выпуск сборника ВУАК – «Полоцко-Витебской старины».

Февральскую революцию К.И. Тихомиров встретил в Витебске. К тому времени Учительский институт был выселен из казарм и испытывал большие трудности с помещением для учебного процесса. 8 ноября 1917 года немногочисленные гости, собравшиеся в квартире Клавдия Ивановича по случаю его 53-летия, горячо обсуждали последние события, происходившие в столице России. А день спустя, в ночь с 9 на 10 ноября, витебские большевики захватили власть в городе в свои руки.

Нам неизвестно, как отнесся к этому событию К. И. Тихомиров. Однако известно точно: он готов был продолжать свою педагогическую деятельность, готов был сотрудничать с новой властью, что и делал до осени 1918 года. В это время Учительский институт был реорганизован в Витебский институт народного образования (ВИНО), из средне-специального учебного заведения он стал высшим. Почему такой высококвалифицированный педагог был отстранен от руководства, неизвестно. Поэтому Клавдий Иванович уехал в Гомель, где в течение года занимал должности заведующего губернским отделом образования, а затем заведующего школьным подотделом отдела народного образования Западных железных дорог. В конце 1919 года он возвратился в Витебск. Непродолжительное время работал преподавателем в институте народного образования, а когда в сентябре 1920 года в городе был открыт Высший сельскохозяйственный техникум, вспомнили об этом опытном педагоге. Клавдий Иванович в течение четырех лет возглавлял учебное заведение (его иногда называли и Практическим сельскохозяйственным институтом). Для этого средне-

специального учебного заведения выделили здание Крестьянского поземельного банка. Основные строительные работы на этом объекте были завершены в 1914 году, а после начала первой мировой войны году здесь разместили один из госпиталей. Находился он в Крестьянском поземельном банке до образования техникума. Однако губернский отдел здравоохранения не захотел отдавать чудесное помещение. Спор за него вышел за рамки Витебской губернии и дошел до Совета народных комиссаров. Трижды (!) он разбирался на его заседаниях. Каждая из сторон (комиссариаты просвещения и здравоохранения) пытались добиться решения в свою пользу. В итоге «победили» все же «просвещенцы»: страна задыхалась от отсутствия специалистов сельского хозяйства. И 8 ноября 1922 года К.И. Тихомиров послал из Витебска телеграмму следующего содержания: «Москва. Кремль. Тов. Ленину. Совет Вит(ебского) сельскохозяйственного практического института, собравшись <на> торжественное заседание 7 ноября по случаю пятилетней годовщины Октябрьской революции, совпавшей с первой годовщиной передачи ему Совнаркомом здания бывшего Крестьянского банка, вспоминает <с> благодарностью заседания СНК 4,10, 21, когда Вы первым подняли свой голос за эту передачу, давшую институту возможность стать твердою ногою <на> пути сельхозобразования Западной области, шлет Вам горячий привет <и....> свидетельствует о своей твердой решимости отдать все свои силы, всю энергию поднятию сельскохозяйственной культуры Западной области. Ректор Тихомиров» [2]

Одновременно с работой в техникуме Клавдий Иванович некоторое время преподавал и в институте народного образования. Правда, недолго. В Государственном архиве Витебской области хранится вот такой документ: «Преподавателю Тихомирову. Заслушав в заседании своем 3 сентября заявление Ваше о невозможности для Вас дальнейшего чтения лекций в ВИНО по недостатку у Вас для этого свободного времени и находя участие Ваше в академической работе института в высшей степени ценным и необходимым, Совет ВИНО постановил просить Вас взять свое заявление обратно, – встречаем в одном из документов того времени. – Доводя о таковом постановлении Совета до Вашего сведения, правление ВИНО просит Вас не отказать продолжить в институте по-прежнему Вашу педагогическую деятельность. 6 сентября 1921 года» [3]. По-видимому, Клавдий Иванович действительно пересмотрел свое решение, ибо, как следует из архивных документов, он преподавал в институте еще несколько лет, по-прежнему читая лекции по психологии и педагогике.

Осенью 1924 года Витебский сельскохозяйственный техникум был реорганизован в Ветеринарный институт. Клавдию Ивановичу в это время было уже 60 лет. Это и отсутствие специального образования

сыграло свою роль в его решении оставить руководящую должность и остаться в вузе только в качестве заведующего библиотекой [4].

Клавдий Иванович Тихомиров был автором методических пособий и статей по вопросам педагогики и психологии, в том числе «Обучение грамоте», «Слоговой метод обучения грамоте в новейшей обработке», «Главнейшие результаты изучения памяти», «Внимание и интерес», «Психологические основы обучения» и др. «К.И. Тихомиров разработал методические пособия, писал статьи по обучению грамоте, по вопросам психологии. Обращая внимание учителей на необходимость глубокого изучения детской психологии, он призывал пользоваться данными экспериментальной психологии и педагогики, – писал автор предисловия к подборке статей педагога, опубликованных в «Антологии педагогической мысли Белорусской ССР». Педагог подчеркивал, что непосредственное впечатление является действительным источником наших познаний, поэтому обучение должно быть наглядным, т.е. он давал психологическое обоснование принципа наглядности в обучении. Наглядное обучение, считал К.И. Тихомиров, воспитывает внимание, помогает хорошему запоминанию.

К.И. Тихомиров выступал за расширение содержания образования в школе и совершенствование преподавания, особенно естествознания. Он критиковал постановку изучения природы только по книгам, путем словесного обучения, решение проблем наглядности в преподавании географии с помощью одной географической карты. Природоведение, географию считал важным средством борьбы с суевериями и предрассудками.

К.И. Тихомиров внес определенный вклад в совершенствование методики обучения грамоте. Он рекомендовал обучать грамоте посредством аналитико-синтетического метода, путем упражнений приучать детей «сознательно различать в слове отдельные звуки». Чтению и письму обучать одновременно, долго не задерживать учеников на написании элементов букв.

Педагог отстаивал и популяризировал важные дидактические правила: всякое обучение начинать с изучения уже известных фактов; переходить к неизвестному только тогда, когда ученики уже хорошо разобрались в предшествующем учебном материале, поняли его и усвоили; на уроке всякое «неумеренное разнообразие и однообразие притупляют внимание, вызывают рассеянность», учителю нужно воспитывать в себе чувство меры» [5]

Известны три витебских адреса К.И. Тихомирова и его семьи. Первый из них – дом №42 по Суворовской улице , принадлежавший Митову [6]. Затем – здание самого Сельско-хозяйственного техникума на Алексеевской улице (ныне улица 1-я Доватора, 7/11) [7]. В последние годы жизни семья Тихомировых (его жена Софья Ивановна и дочь

Мария Рутковская, работавшая в довоенные годы учительницей) снимала квартиру в доме Дукальских на углу Покровской улицы и Сенной площади (ныне это дом № 6 по улице Шубина) [8]. «Вся жизнь Клавдия Ивановича прошла в непрерывном труде и непрерывных тревогах за дочь, за внуков. Описывая трудовой путь этого очень умного, рассудительного, трудолюбивого и весьма образованного педагога, простого в общении с людьми человека, заботливого и справедливого начальника, трудно удержаться от горьких слез обиды за его судьбу, – писал автору один из учеников К.И. Тихомирова М.И. Шляхтенко. – Перед этим дорогим мне учителем и светлой его памятью, я всегда преклоняюсь и чувствую себя в некотором долгу перед ним».

Годы напряженного и кропотливого труда, лишения и трудности первых послереволюционных лет подточили и без того слабое здоровье Клавдия Ивановича. Он много болел и 18 апреля 1929 года умер. Друзья и ученики похоронили К.И. Тихомирова на Воздвиженском кладбище.

1. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1907. – С. 514.

2. Национальный архив Республики Беларусь. Ф 130, оп. 6, д. 1170, л. 60.

3. Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 204, оп. 1, д. 176, л. 205.

4. ГАВО. Ф. 204. оп. 1, д.7, л. 1-2.

5. Антология педагогической мысли Белорусской ССР. – М., 1986. – С. 264 – 265.

6. ГАВО. Ф.. 204. оп. 1, д. 18, л. 1.

7. ГАВО. Ф. 44. оп. 1, д. 119, л. 86.

8. Сообщение ученика К.И. Тихомирова А.И. Шпакова.

Подлипский А.М.

К ВОПРОСУ ОБ ОТКРЫТИИ В ВИТЕБСКЕ УНИВЕРСИТЕТА

В начале XX века общественность белорусских губерний неоднократно ставила вопрос перед руководством Виленского учебного округа об открытии в крае высшего учебного заведения. Наконец в 1903 году он стал обсуждаться: на открытие университета претендовали Витебск и Могилев. Известный витебский общественный деятель и краевед Владимир Казимирович Стукалич в начале этого года выступил в газете «Витебские губернские ведомости» с большой статьей, в которой призвал местные органы власти и интеллигенцию сделать все для того, чтобы вуз появился именно в городе на Западной

Двине. «Мысль об открытии университета в Витебске долгое время была заветной мечтою всех лучших витеблян, - писал он. - Витебску надо встрепенуться, бросить на время другие заботы и употребить все старания к тому, чтобы университет был открыт именно в Витебске»

Чтобы найти единомышленников и помощников среди известных и влиятельных лиц, Владимир Казимирович за свой счет издал эту статью в виде небольшой брошюры [1]. На внутренней стороне обложки авторского экземпляра, многие годы хранившегося у его дочери, рукой Владимира Казимировича были написаны фамилии тех, кому (в надежде на помощь и содействие) он эти брошюры рассылал. Их было 39 человек, в том числе художник И. Репин, академик А. Пыпин, историки М. Довнар-Запольский, Е. Карский, Е. Орловский, профессор-натуралист, уроженец Полоцка, Д. Кайгородов и др.

Предложение В. Стукалича нашло поддержку в городской Думе, которая на заседаниях 27 августа и 19 декабря 1903 года приняла решение об открытии в Витебске университета. Однако в Виленском учебном округе это предложение не было поддержано. Почему – неизвестно.

Прошло еще три года. Царские власти готовились закрыть университет в Варшаве и открыть его в другом месте. И в Виленском учебном округе вновь заговорили об университете где-нибудь в Северо-Западном крае. Узнав об этом, В. Стукалич срочно информирует городскую Думу. 11 декабря 1906 года в ней вновь обсуждается вопрос об открытии в городе университета и вновь подтверждается предыдущее решение. На этот раз предложение было подкреплено одним важным аргументом: помещики Н. Кронберг и П. Косов готовы были безвозмездно передать для строительства здания университета 30 десятин земли в районе д. Билево-Сокольники (ныне на этом месте ведется массовая застройка жилья). Трое других витеблян – Гринберг, Реблинг и Синяков – изъявили желание пожертвовать для университета по 500 рублей каждый, обещая дополнительно привлечь к подобным пожертвованиям и других лиц. Сама Дума сочла возможным выделить 600 тысяч рублей. Общая сумма собиралась достаточно внушительная, особенно для начала...

Официальное ходатайство от имени витебской городской Думы было направлено в Министерство народного просвещения. И специально по этому вопросу в Витебск пожаловал из Варшавского университета профессор Демченко, который познакомился с местными условиями и даже выступил перед членами управы. Суть этого выступления заключалась в следующем. После закрытия университета в Варшаве его должны перевести в другой город. Есть два варианта: центральная Россия (Саратов, Воронеж или Ярославль) или Северо-Западный край (Вильно, Минск, Могилев, Витебск). Со слов гостя,

шансов у Вильно не было никаких, против Минска и Могилева высказались многие члены специальной комиссии. «Поэтому если бы решались открыть университет для Северо-Западного края, то шансы в этом отношении города Витебска значительны», – сказал профессор. – Однако надо рассчитывать в основном только на собственные силы, ибо от правительства помощи не будет».

Каким же виделся университет в Витебске в конце 1906 года? Сначала предполагалось открытие только четырех факультетов: медицинского, химико-физического, а также предположительно юридического и историко-филологического. Первые два-три года можно было бы снимать помещения. Но за это время надо было построить специальное здание, оценочная стоимость которого равнялась 950 тысячам – 1 миллиону рублей. Для учебного заведения потребовался участок земли площадью не менее пяти десятин. («Уже есть 30», - ответили, вероятно, гостю). На содержание вуза ежегодно потребовалось бы 100 тысяч рублей, часть из которых давал Варшавский университет, а остальные должны были найти местные власти. По подсчетам витеблян, для строительства здания не хватало 280 – 350 тысяч. При университете предполагалось создание естественно-исторического музея, анатомического театра и библиотеки. Если все проблемы были бы решены, то с сентября 1907 года Витебский университет мог начать свою работу.

В январе-апреле 1907 года собрание витебского губернского комитета по делам земского хозяйства шесть раз рассматривало «университетский» вопрос. И тоже одобрило его, пообещав принять участие в финансировании. Однако несмотря на всю готовность витеблян «принять» вуз, из этой затеи вновь ничего и не вышло. Вероятно, руководство учебного округа было все же скептически настроено относительно финансовых возможностей города на Западной Двине.

Надо отметить, что несмотря на очередную неудачную попытку открыть университет, польза от проделанной в этом отношении работы была. И когда спустя некоторое время возник вопрос об открытии в белорусских губерниях учительских институтов, Витебск один из первых (если не самый первый!) получил это право. Так осенью 1910 года в городе был открыт первый институт, год спустя – отделение Московского археологического института. Конечно, Учительский институт это не университет. К тому же институт являлся средне-специальным учебным заведением. Тем не менее, в 1911 году к Учительскому институту добавилось еще и реальное училище. Успешная деятельность всех этих учебных заведений в первые годы их существования еще в большей степени упрочило авторитет Витебска в глазах руководителей министерства и учебного округа. А в конце 1916 года, несмотря на войну, вопрос об откры-

тии университета в Витебске (теперь, вероятно, уже на базе Учительского института) вновь активно обсуждался в городе. В конце концов в январе 1917 года городская Дума приняла такое решение. В конце года университет в Витебске должен был появиться. Скорее всего, так он и было бы. Однако на пути этого проекта вновь оказались препятствия. На этот раз вообще не решаемые. Сначала февральская, а затем и Октябрьская революции окончательно перечеркнули «университетские планы» витеблян. С мечтой об университете им пришлось расстаться на несколько десятилетий.

В конце 1960-х годов руководство БССР приняло принципиальное решение об открытии в республике второго (после минского) университета. Утверждают, что первый секретарь ЦК КПБ П.М. Машеров, выпускник Витебского пединститута, предложил для него именно Витебск. Однако, местные партийные органы, не желая дополнительных хлопот, от этого предложения отказались. Впрочем, за точность не ручаюсь: эти слухи едва ли имеют документальное подтверждение. Так что руководству республики ничего не оставалось делать, как обратить свой взор на третий по населению город – Гомель. Так появился ГГУ. А Витебск своей очереди ждал еще несколько десятилетий. Только в 1995 году, когда к тому времени едва ли не все пединституты республики уже стали университетами, таковым стал и витебский пединститут.

1.Стукалич В. К. К вопросу об устройстве университета в Витебске. – [Вт., 1903] – 12 с.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Акулінскі Пётр Уладзіміравіч	старшы выкладчык кафедры гісторыі і права УА "Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны універсітэт"
Акуневіч Віктар Уладзіміравіч	кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі Беларусі УА "ВДУ імя П.М. Машэрава"
Акуневіч Вольга Іванаўна	загадчык Мастацкага музея, філіяла УК "Віцебскі абласны краязнаўчы музей", аспірант УА "ВДУ імя П.М. Машэрава"
Арлова Ганна Пятроўна	доктар педагагічных навук, прафесар, загадчык кафедры сацыяльна-педагагічнай работы УА "ВДУ імя П.М. Машэрава"
Баталка Тамара Іванаўна	кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі і права УА "Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны універсітэт"
Бахір Юлія Мікалаеўна	студэнтка гістарычнага факультэта УА "ВДУ імя П.М. Машэрава"
Бездзель Вераніка Яўгенаўна	аспірантка кафедры гісторыі Беларусі УА "ВДУ імя П.М. Машэрава"
Гаравая Алеся Аляксееўна	старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі УА "ВДУ імя П.М. Машэрава"
Гарыдавец Уладзімір Уладзіміравіч	кандыдат багаслоўя, старшы выкладчык кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры УА "ВДУ імя П.М. Машэрава"
Герасімчык Васіль Уладзіміравіч	малодшы навуковы супрацоўнік УК "Гродзенскі дзяржаўны гісторыка-археалагічны музей"
Давідоўская Вольга Мікалаеўна	старшы навуковы супрацоўнік УК "Віцебскі абласны краязнаўчы музей"
Дарафеева Ірына Анатольеўна	загадчык музея гісторыі УА "Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны універсітэт"
Дзіянава Таццяна Барысаўна	кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры эканамічнай тэорыі і гісторыі УА "Віцебскі ордэна "Знак Пашаны" дзяржаўная акадэмія ветэрынарнай медыцыны"
Дзядзінкін Аляксандр Леанідавіч	кандыдат гістарычных навук, дацэнт, начальнік навукова-даследчага сектара УА "ВДУ імя П.М. Машэрава"
Дулаў Анатоль Мікалаевіч	кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі УА "ВДУ імя П.М. Машэрава"

Загарулька Рэгіна Уладзіміраўна	кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры педагогікі УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”
Зінькова Надзея Канстанцінаўна	кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры педагогікі УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”
Зыбіна Аляксандра Сяргееўна	студэнтка УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”
Ігнатавец Людміла Міхайлаўна	аспірантка кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу БДУ
Каралёў Максім Генадзьевіч	выкладчык кафедры сацыяльна-гуманітарных навук УА “Віцебскі дзяржаўны медыцынскі універсітэт”
Карнялюк Канстанцін Сцяпанавіч	навуковы супрацоўнік УК “Віцебскі абласны краязнаўчы музей”
Карпекін Канстанцін Рыгоравіч	старшы навуковы супрацоўнік Установы “Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці”
Касатая Таццяна Уладзіміраўна	малодшы навуковы супрацоўнік Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея
Качан Галіна Аляксееўна	кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры сацыяльна-педагагічнай работы
Косарава Святлана Генадзьеўна	старшы выкладчык кафедры эканамічнай тэорыі і гісторыі УА “Віцебская “Знак Пашаны” акадэмія ветэрынарнай медыцыны”
Кунтыш Марына Фёдараўна	кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры дашкольнай і пачатковай адукацыі УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”
Лісаў Аляксандр Генадзьевіч	кандыдат мастацтвазнаўства, дацэнт кафедры усеагульнай гісторыі і сусветнай культуры
Лукін Алег Аляксандравіч	кандыдат ветэрынарных навук, старшы выкладчык УА “Віцебская “Знак Пашаны” акадэмія ветэрынарнай медыцыны”
Лукіна Ларыса Васільеўна	кандыдат гістарычных навук, загадчык кафедры філасофіі і паліталогіі УА “Віцебская “Знак Пашаны” акадэмія ветэрынарнай медыцыны”
Любчанка Вольга Анатольеўна	выкладчык кафедры гісторыі Беларусі УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”
Мандрык Іван Уладзіміравіч	доктар гістарычных навук, прафесар Віцебскага філіяла УА ФПБ “Міжнародны інстытут працоўных і сацыяльных адносін”
Марцынкевіч Іван Анатольевіч	выкладчык кафедры сацыяльна-гуманітарных навук УА “Віцебскі дзяржаўны медыцынскі універсітэт”

Марчык Тамара Пятроўна	метадыст вышэйшай катэгорыі ДУА “Віцебскі абласны інстытут развіцця адукацыі”
Маторава Людміла Аляксееўна	кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”
Міхайлава Вольга Пятроўна	выкладчык кафедры грамадзянскага права і грамадзянскага працэсу УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”
Новак Галіна Рыгораўна	кіраўнік гуртка “Краязнаўства” УА “Дзяржаўны цэнтр творчасці дзяцей і моладзі Першамайскага раёна г. Віцебска”
Падліпскі Аркадзь Міхайлавіч	гісторык-краязнаўца, журналіст
Памалейка Вольга Леанідаўна	старшы выкладчык кафедры філасофіі і ідэалагічнай работы УА “Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь”
Пархімовіч Мікалай Мікалаевіч	кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”
Півавар Мікалай Васільевіч	кандыдат гістарычных навук, настаўнік Лужаснянскай школы-інтэрнат-гімназіі для здольных і адораных вучняў
Плытнік Кацярына Генадзьеўна	студэнтка гістарычнага факультэта УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”
Русецкі Аркадзь Уладзіміравіч	доктар гістарычных навук, прафесар кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”
Русецкі Юрый Аркадзьевіч	кандыдат гістарычных навук, дырэктар ІПК і ПК УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”
Саладкоў Аляксандр Пятровіч	доктар медыцынскіх навук, прафесар, рэктар УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”
Салаўёва Настасся Валянцінаўна	старшы навуковы супрацоўнік Дзяржаўнага літаратурнага музея імя Якуба Коласа (Мінск)
Салаўянаў Андрэй Пятровіч	кандыдат гістарычных навук, навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі
Сатнічэнка Святлана Аляксееўна	студэнтка юрыдычнага факультэта УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”
Сендзер Святлана Анатольеўна	аспірантка кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу БДУ

Сімакова Іна Мікалаеўна	магістрантка гістарычнага факультэта БДУ
Сухоцкая Святлана Юр'еўна	настаўнік гімназіі № 1 г. Віцебска
Трановіч Крысціна Юр'еўна	студэнтка УА "БДПУ імя Максіма Танка"
Трубчык Алена Генадзьеўна	малодшы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі
Трусава Алена Рыгораўна	старшы выкладчык кафедры філасофіі УА "ВДУ імя П.М. Машэрава"
Цімафееў Расціслаў Уладзіміравіч	кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі УА "ВДУ імя П.М. Машэрава"
Шаўлінская Вольга Мікалаеўна	выкладчык кафедры гісторыі Беларусі УА "ВДУ імя П.М. Машэрава"
Шматкоў Ігар Іванавіч	кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры грамадзянскага права і грамадзянскага працэсу УА "ВДУ імя П.М. Машэрава"
Шухлеў Канстанцін Віктаравіч	выкладчык Полацкага педагагічнага каледжа УА "ВДУ імя П.М. Машэрава"
Шчурок Іван Антонавіч	начальнік упраўлення адукацыі Віцебскага абласнога выканаўчага камітэта
Шышанаў Валерый Аляксеевіч	намеснік дырэктара па навуковай рабоце УК "Віцебскі абласны краязнаўчы музей"
Юргевіч Наталля Казіміраўна	кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры эканамічнай тэорыі і гісторыі УА "Віцебская "Знак Пашаны" акадэмія ветэрынарнай медіцыны"
Юрчак Дзяніс Валер'евіч	намеснік дэкана гістарычнага факультэта УА "ВДУ імя П.М. Машэрава"
Якаўлева Галіна Мікалаеўна	кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры УА "ВДУ імя П.М. Машэрава"
Яршова Вольга Ігараўна	кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры сацыяльнай работы філіяла Расійскага дзяржаўнага сацыяльнага універстэта
Яршова Людміла Васільеўна	дырэктар Аршанскага каледжа УА "ВДУ імя П.М. Машэрава"
Яршоў Ігар Анатольевіч	выкладчык Аршанскага каледжа УА "ВДУ імя П.М. Машэрава"